

Роберт Антон Уилсон, Роберт Шей
Глаз в пирамиде

Иллюминатус! – 1

*«Иллюминатус! Часть 1. Глаз в пирамиде»: Издательский дом «София»; Киев; 2005
ISBN ISBN 5-9550-0833-0*

Аннотация

Секс, наркотики, рок-н-ролл, бунт, просветление, тайное правительство, культ Богини, чикагские гангстеры и анархисты, калифорнийские хиппи, Атлантида, убийство Кеннеди, искусственный интеллект, масоны, Багз Банни, желтая подводная лодка, Дон Хуан, разумные дельфины, Тимоти Лири, мафия, Политбюро, угроза ядерной войны, психоделические инициации... Множество сюжетных линий, развивающихся в многомерном завтрашне-сегодняшне-вчерашнем мире, образуют сложную ткань знаменитого «культового» романа — большого и запутанного, увлекательного и странного, порой жуткого, порой смешного, как сама жизнь. Таинственное общество иллюминатов много веков осуществляет главный в мире Заговор, для которого все остальные заговоры — лишь прикрытие. Одному из героев этой книги предстоит стать верховным Иллюминатусом...

**Роберт А. УИЛСОН, Роберт ШЕЙ
ГЛАЗ В ПИРАМИДЕ**

Предисловие редактора

Еще один «культовый» роман?

Совершенно с вами согласен: слово «культовый», без удержу в последнее время прилепляемое к книгам, фильмам и вообще к чему угодно, уже настолько обесценилось, что умный рекламщик его и употреблять не станет, дабы не отпугнуть «продвинутого» (тоже дурацкое слово) покупателя. Почему же я счел возможным не только использовать этот эпитет, но даже и вынести в заглавие моего краткого предисловия? По двум причинам. Во-первых, я не рекламщик и не пытаюсь подороже продать вверенный мне товар. Трилогия «Иллюминатус!» найдет своего читателя и без навязчивой рекламы. А во-вторых, в отличие от многих других, это — действительно культовая книга. Не только в том смысле, что ее обожают сотни тысяч человек по всему миру (хотя это правда!), но и в смысле самом что ни на есть прямом. Это священная книга для всех последователей *дискордианства* — "истинной религии", в которой каждый второй верующий является епископом, а каждый первый — Папой. Основали ее в конце 1950-х

годов Керри Торнли («Омар Хайям Равенхурст») и Грег Хилл («Малаклипс Младший»), которым, как заметит читатель, и посвящена эта книга. Главный из соавторов «Иллюминатуса!» Роберт Уилсон (известный у нас своими нехудожественными книгами «Квантовая психология», «Психология эволюции» и др.) с энтузиазмом принял дискордианство в 1967 году, подружившись с Торнли, и под именем «Мордехай Малигнатус» стал активистом этого «контркультурного» движения. Дискордианство, безусловно, *шутливая* и *шутовская* религия, но при этом совсем не *шуточная*. То же можно сказать и о ее священном эпосе — трилогии «Иллюминатус!».

Впервые изданная в 1975 году, она со временем породила многочасовую рок-оперу, с успехом шедшую в Англии, целую библиотеку написанных Робертом Уилсоном продолжений, предыстории, дополнений и пояснений и множество фан-клубов (это, кстати, тоже признак настоящей «культовой» книги: вокруг нее возникает своя *мини-культура*). Наконец, как почти всегда бывает с «культовыми» произведениями, «Иллюминатус!» вызывает у публики и критиков *полярные* мнения. О нем редко говорят «так себе книжонка»: либо полный восторг, либо бурное негодование. Последнюю реакцию авторы саркастически предсказали уже в самом романе. Читатель встретит здесь журнального критика, который громит книгу, очень уж похожую на «Иллюминатуса!»:

"Авторы совершенно некомпетентны: никакого представления ни о стиле, ни о структуре. Книга начинается как детектив, переходит в научную фантастику, затем обращается к сверхъестественному, при этом наполнена никому не нужными, *жутко* скучными подробностями. Совершенно перепутана вся хронология событий — очень претенциозное подражание Фолкнеру и Джойсу. Хуже того, тут есть отвратительнейшие сексуальные сцены, вставленные только для того, чтобы книга лучше продавала", а сами авторы — о которых я *никогда* не слышал — демонстрируют чрезвычайно дурной вкус, вводя известные политические фигуры в эту мешанину и делая вид, что раскрывают реальный заговор".

Добавлю от себя: чтобы еще больше запутать читателя, авторы придали роману сразу несколько структур: он одновременно состоит из трех частей (поэтому «трилогия»), пяти книг (пятерка — священное число тайных мировых правителей иллюминатов и их вечных врагов дискордианцев) и десяти глав—*трипов* (соответствующих десяти Сефирот Каббалы). В авторском варианте было еще 22 приложения, по числу еврейских букв, но, когда американский издатель потребовал сократить в романе 500 страниц, от половины приложений авторам пришлось отказаться. И все равно книга осталась огромной, а в русском переводе, согласно законам лингвистики, ее объем еще увеличился, и издать весь роман с приложениями под одной обложкой совершенно не представлялось возможным. В этом томе вниманию читателя предлагается первая часть трилогии, «Глаз в пирамиде». Добро пожаловать в культовый роман о главном Заговоре, действующем в нашем мире!

Андрей Костенко

Книга первая. Verwirrung

*История мира — это история борьбы тайных обществ.
Ишмаэль Рид, «Мумбо-Юмбо»*

Трип первый, или КЕТЕР

Пурпурный Мудрец открыл уста, и повел языком, и обратился к ним, и сказал:

— Земля содрогается, небеса трясутся; дикие звери сбиваются в стаи, а люди разбиваются на народы; тут вулканы извергают жар, а там вода превращается в лед и тает; а еще где-то идет дождь. Воистину, чего только в жизни не бывает.

Лорд Омар Хайям Равенхурст, Х. С. Х., «Книга утверждений», «Честная Книга Истины»

Это было в тот год, когда они наконец имманентизировали Эсхатон. Первого апреля великие державы мира подошли к ядерной войне ближе, чем когда бы то ни было, и все из-за какого-то ничтожного острова Фернандо-По. К тому времени, когда мир вернулся к нормальному состоянию холодной войны, некоторые умники уже окрестили это «самой бездарной первоапрельской шуткой в истории». Так получилось, что мне известны все подробности происшедшего, однако я не представляю, как о них рассказать, чтобы большинству читателей мое повествование не показалось бредом. Ведь я не вполне уверен даже в том, кто такой я сам. Это, конечно же, осложняет дело, так что не знаю, захотите ли вы мне верить. Например, в данный момент я сознаю себя белкой, прыгающей с дерева на дерево в Центральном парке Нью-Йорка, как раз напротив Шестьдесят восьмой улицы. Причем мне кажется, что это происходит ночью 23 апреля (или уже утром 24 апреля?), но увязать белку с Фернандо-По пока выше моих сил. Прошу вас проявить терпение. Мне не по силам хоть как-то облегчить для нас с вами положение вещей. Вам придется просто смириться с тем, что к вам обращается бестелесный голос, ведь и я, сколь бы это ни было для меня мучительно, смирился с тем, что обращаюсь к невидимой, возможно даже несуществующей, аудитории.

Мудрецы издавна усматривают в мире трагедию, фарс или даже фокус иллюзиониста. Но все они, если действительно мудры, понимают, что мир — своего рода сцена, на которой все мы *играем роли*, причем всякий раз, когда поднимается занавес, выясняется, что актеры совершенно не готовились к спектаклю. Почему бы и мне не предположить, что Земля — это цирк, ярмарочный балаган, блуждающий вокруг Солнца вот уже четыре миллиарда лет? В этом балагане разыгрываются все новые и новые ужасы и чудеса, которые все равно никогда не смогут заинтересовать зрителей настолько, чтобы те перестали расходиться один за другим по домам, погружаясь в долгую, скучную зимнюю спячку. Тогда, хотя бы на время, я мог бы отождествить себя с распорядителем манежа... Но эта корона тяжела для

моей головы (если у меня вообще есть голова), и я должен вас предупредить, что для Вселенной такого размера труп очень мала и многим из нас приходится работать за двоих и даже за троих, так что не удивляйтесь, если я буду возвращаться под многими масками. Воистину, чего только в жизни не бывает.

Вот, например, сейчас мне не до фантазий и не до шуток. Я зол. Я нахожусь в столице Кении Найроби, а звать меня, вы уж простите, Нкрумах Фубар. У меня черный цвет кожи (вас это беспокоит? меня — ничуть), и, подобно большинству из вас, я представляю собой нечто среднее между дикарем и человеком технологической эры. Проще говоря, я, как шаман-кикуйю, более или менее приспособившийся к городской жизни, по-прежнему верю в колдовство, ибо не настолько глуп, чтобы не доверять собственному опыту. Сегодня третье апреля, и из-за событий в Фернандо-По я несколько ночей не спал и поэтому рассчитываю на ваше снисхождение. Дело в том, что в данный момент я занимаюсь не совсем благим делом — изготавливаю кукол, изображающих правителей Америки, России и Китая. Вы правильно догадались: я намерен втыкать булавки в головы этих кукол каждый день на протяжении месяца. Если уж они не дают мне спать, то и я им тоже не дам. Это и есть Справедливость, в каком-то смысле.

В скором времени у президента США действительно случится несколько тяжелых приступов мигрени, однако атеистически настроенные правители Москвы и Пекина оказались не столь уязвимыми для магии. Ни один из них так и не пожаловался на головную боль. Но подождите, в нашем цирке есть и другой артист — один из самых умных и порядочных среди нас. Так уж вышло, что он родился дельфином, поэтому его имя непроизносимо, но вы можете называть его Говардом. Он плавает среди руин Атлантиды, и уже десятое апреля — время не стоит на месте.

Я не знаю, что именно видит Говард, но увиденное его тревожит, и он решает рассказать обо всем Хагбарду Челине. Мне еще ничего не известно о том, кто такой Хагбард Челине. Ну и ладно: любуйтесь волнами и радуйтесь, что здесь пока еще чистая и прозрачная вода. Наблюдайте, как в золотых лучах солнца искрятся волны, причудливо посверкивая серебром. Смотрите, смотрите, как катятся волны, так что пять часов пролетают за одну секунду и мы уже на суше, среди деревьев; вот даже и лист падает — эдакий поэтический штрих, пока не начался ужас.

Где мы? Я же говорил, в пяти часах — к западу, если быть точным. Так вот, в то самое мгновение, когда Говард делает сальто над Атлантидой, здесь туристка по имени Саспарилла Годзилла, из Симко, провинция Онтарио (имевшая несчастье родиться человеком), выполняет крутое пике: падает носом в землю без чувств. Мы в Мехико, в парке Чапультепек, рядом с Музеем антропологии, и остальные туристы очень сочувствуют бедняжке. Позже она говорила, что во всем виновата жара. Не столь искушенная в важных вопросах, как Нкрумах Фубар, она никому не сказала, да и сама сразу забыла о том, что на самом деле сбило ее с ног. В Симко люди всегда говорили Гарри Годзилле, что ему досталась очень благоразумная жена, то есть Саспарилла, а в Канаде (как и в Соединенных Штатах) считается благоразумным скрывать некоторые факты. Впрочем, пока что лучше, наверное, не называть это фактом. Давайте просто скажем, что она увидела — или ей показалось, что увидела, — зловещую гримасу, исказившую лицо гигантской статуи Тлалока, бога дождя. Никто из Симко ничего подобного раньше не видал. И впрямь, чего только в жизни не бывает.

И если вы думаете, что случай с бедной женщиной был единичным, то советую вам почитать записи практикующих психиатров за тот месяц. Резко увеличилось количество сообщений о чрезмерной тревожности шизофреников в психиатрических больницах и маниях на религиозной почве. Самые обычные мужчины и женщины приходили на прием, чтобы пожаловаться на глаза, которые за ними повсюду следят, на каких-то существ в капюшонах, проходящих сквозь запертые двери, на фигуры в коронах, отдающие неразборчивые приказы, на голоса якобы от Бога или от Дьявола — в общем, на всякую чертовщину. Но, конечно, здравомыслие требует объявить все это отголосками трагедии Фернандо-По.

Телефон зазвонил в половине третьего ночи 24 апреля. Тупо, глухо, немо, слепо я нащупываю в темноте тело, личность, задачу.

— Гудман, — говорю в трубку и приподнимаюсь на локте: до сих пор не совсем вернулся из своего далека.

— Взрыв и убийство, — сообщает электрический бесполой голос.

Я сплю голым (уж простите) и потому записываю адрес, одновременно натягивая трусы и брюки. Шестьдесят восьмая восточная улица, около здания Совета по международным отношениям.

— Еду, — говорю я и вешаю трубку.

— А? Что там? — бормочет с постели Ребекка.

Она тоже обнажена, и это вызывает очень приятные воспоминания о том, что происходило несколько часов назад. Наверное, кто-то будет шокирован тем, что мне уже за шестьдесят, а ей всего двадцать пять. И я знаю, что факт нашего супружества никак не спасает положения.

Для моего возраста у меня неплохое тело, и, увидев Ребекку (все простыни сбились в сторону), я снова убеждаюсь в том, что мое тело в полном порядке. В сущности, в этот момент я даже не помню, что был распорядителем манежа: от сна осталось лишь смутное эхо. Я самозабвенно целую ее в шею, потому что она моя жена, а я — ее муж. И даже если я при этом инспектор убийного отдела Северного округа, сейчас уже сама идея о том, что я чужой в этом теле, вместе с моими снами растаяла в воздухе. В прозрачном воздухе.

— Что? — переспрашивает Ребекка, все еще не проснувшись.

— Опять придурки-радикалы, — отвечаю я, натягивая рубашку; сейчас, когда она в полубессознательном состоянии, сойдет любой мой ответ.

— М-м, — бормочет она удовлетворенно и снова проваливается в глубокий сон. Я ополаскиваю лицо — в зеркале усталый пожилой человек — и провожу по волосам расческой. Как раз есть время подумать о том, что до пенсии осталось всего несколько лет, вспомнить иглу для подкожных инъекций и день в Кэтскиллсе с моей первой женой Сандрой, когда там еще был чистый воздух... так — носки, туфли, галстук, шляпа... и ты никогда не перестанешь скорбеть... как я ни любил Ребекку, никогда я не переставал скорбеть по Сандре. Взрыв и убийство. Что за сумасшедший мир! Вы помните те времена, когда в три часа ночи еще можно было проехать по Нью-Йорку без дорожных пробок? Те времена давно прошли. Дороги забиты грузовиками, которым запрещается ездить днем. И все делают вид, будто верят, что к рассвету воздух очищается от выхлопных газов. Папа, бывало, говорил: "Сол, Сол, они сделали это с индейцами, теперь они делают это сами с собой, *дурные гои*". Папа уехал из России, спасаясь от погромов 1905 года, и я подозреваю, что до отъезда он успел многое повидать. Тогда он казался мне старым циником, теперь я и сам выгляжу циником в чьих-то

глазах. Есть ли в этом какой-то смысл или закономерность?

Взрыв произошел в одном из старых офисных зданий, где вестибюли неизменно отделаны в таком прянично-готическом стиле. Зайдя внутрь при тусклом предутреннем свете, легко представить себя Чарли Чаном в музее восковых фигур — атмосфера соответствует. Едва я вошел, как в нос ударил странный сильный запах.

Полицейский, слонявшийся по вестибюлю, вытянулся, узнав меня.

— Весь семнадцатый этаж разворотило и частично восемнадцатый, — сказал он. — И еще здесь, на первом этаже, зоомагазин. Какая-то причуда физики. Других повреждений внизу нет, но взрывной волной разбило все аквариумы на первом. Отсюда и запах.

В тени нарисовался силуэт Барни Малдуна, старого приятеля с внешностью и манерами типичного голливудского копа. Крутой мужик, и далеко не такой глупый, каким любит прикидываться, иначе не стал бы начальником взрывного отдела.

— По твоей части, Барни? — поинтересовался я.

— Похоже на то. Трупов нет. Тебя вызвали потому, что на восемнадцатом этаже сгорел портновский манекен. Первый подъехавший наряд в суматохе принял его за человеческое тело.

(Подождите — кричит Джордж Дорн...)

Лицо Сола осталось невозмутимым; надо сказать, поклонники покера из Полицейского Братства давно отказались от попыток что-нибудь прочесть на этой бесстрастной талмудической физиономии.

Как Барни Малдун, я прекрасно понимал его. Сам с превеликим удовольствием скинул бы это дело на смежный отдел, будь у меня такой шанс, и поспешил бы домой к прелестной невесте вроде Ребекки Гудман. Я ухмыльнулся, сверху вниз глядя на Сола, — сейчас при его росте он просто не попал бы в полицию, но в пору его молодости правила были другими, — и тихо добавил:

— Хотя, возможно, и для тебя тут работенка найдется. Сол вытащил трубку и, набивая ее, спокойно произнес:

— Вот как?

— Сейчас, — продолжил я, — мы как раз запрашиваем списки пропавших без вести, и, если мои опасения подтвердятся, дело в кон це концов окажется на твоём столе.

Он чиркнул спичкой и начал раскуривать трубку.

— Пропавший в такое время суток... возможно, найдется средиживых... поутру, — изрек он между затяжками.

Спичка погасла, и тени вернулись туда, где им никто не мешает.

— Или же, как в нашем случае, не найдется, — сказал Малдун. — Его нет уже три дня.

— Ох уж этот мне большой ирландец с деликатностью слона, — устало ответил Сол. — Не морочь голову. Что там у тебя?

— В офисе, который взорвали, — объяснил Малдун, явно радуясь возможности разделить с кем-нибудь неприятности, — находилась редакция журнала «Конфронтэйшн». Это вроде как леваки, так что, по-видимому, взрыв устроили правые, а не левые. Интересно, что мы не застали дома редактора журнала, Джозефа Малика, а когда мы позвонили одному из его заместителей, как ты думаешь, что он сказал? Малик исчез три дня назад. Это подтверждает и его домовладелец. Он сам его искал, потому что Малик, несмотря на запрет, завел в квартире собак, и соседи жалуются. Так вот,

если человек пропадает, а затем его офис взрывают, мне кажется, тут есть некоторый интерес для убойного отдела, как ты думаешь?

Сол фыркнул.

— Может быть, есть, а может, и нет, — отозвался он. — Я еду домой. Утром посмотрю сводку по пропавшим без вести.

Неожиданно подал голос полицейский.

— Знаете, что меня тут беспокоит больше всего? Египетские ротоноски.

— Как вы сказали? — переспросил Сол.

— Зоомагазин, — пояснил полицейский, махнув рукой в дальний конец холла. — Я осмотрел место происшествия, так вот: у них была одна из лучших коллекций аквариумных рыб во всем Нью-Йорке. Даже египетские ротоноски... — взглянув на лица обоих детективов, он, запинаясь, добавил: — Если вы не коллекционируете рыб, вам этого не понять. Но, поверьте, египетскую ротоноску в наше время не так легко достать... и все они до единой сдохли.

— Ротоноски"? — переспросил Малдун.

— Да, видите ли, они носят мальков во рту в течение нескольких дней после рождения и никогда, никогда их не проглатывают. В этом прелесть аквариумистики: начинаешь ценить чудеса природы.

Малдун и Сол переглянулись. Помолчали.

— Как приятно, — сказал наконец Малдун, — что в наше время в полиции так много образованных людей.

Дверь лифта открылась, и оттуда, с металлической коробкой в руках, вышел Дэн Прайсфиксер, молодой рыжеволосый детектив из отдела Малдуна.

— По-моему, это важно, Барни, — сразу начал он, кивнув на ходу Солу. — Чертовски важно. Я нашел это среди обломков. Взрывом коробку приоткрыло, и я заглянул внутрь.

— Ну и? — поторопил его Малдун.

— Самая странная пачка служебных записок, которую я видел в своей жизни. Удивительнее были бы разве что женские сиськи у епископа.

(Это надолго, — внезапно понял Сол. У него начало сосать под ложечкой. — Надолго и всерьез).

— Хочешь взглянуть? — зловеще поинтересовался Малдун.

— Вам лучше где-нибудь присесть, — сказал Прайсфиксер. — Чтобы их просмотреть, понадобится время.

— Идем в кафетерий, — предложил Сол.

— Вы даже не представляете, — повторил полицейский, — сколько стоит египетская ротоноска.

— Всякую тварь жалко, и рыбу, и человека, — философски отозвался Малдун: иногда он пытался подражать гудмановской манере речи. После этого они с Солом отправились в кафетерий, оставив полицейского наедине с его горем.

Его зовут Джеймс Патрик Хеннесси, он служит в полиции три года. Мы больше не встретимся с ним в нашем повествовании. У него пятилетний умственно отсталый ребенок, которого он любит и которому ничем не может помочь; каждый день на улице вы видите тысячи таких же, как Хеннесси, и даже не догадываетесь, как достойно они несут свой крест... Джордж Дорн, который однажды хотел его застрелить, все еще кричит... Однако Барни и Сол уже в кафетерии. Давайте посмотрим тут. Контраст между готическим вестибюлем и этим помещением (повсюду блестящий разноцветный пластик),

можно сказать, разителен. Не обращайтесь внимания на запах: просто здесь мы ближе к зоомагазину.

Сол снял шляпу и, пока Малдун бегло просмотрел две первые записки, задумчиво поглаживал свои седины. Когда пришла его очередь, он надел очки и стал читать в своей всегдашней манере — медленно, вдумчиво, методично. Вот что там было:

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №1

23 июля

Дж. М.,

Первое упоминание я нашла в «Насилии» Жака Элюля (Seabury Press, Нью-Йорк, 1969). На страницах 18 и 19 он пишет, что орден иллюминатов был основан Иоахимом Флорским в XI веке и первоначально руководствовался примитивной христианской доктриной о нищете и равенстве. Позднее, уже в XV веке при Фра Дольчино, орден встал на путь насилия, грабил богатых и возвещал о наступлении царства Духа. «В 1507 году, — заключает Элюль, — орден был уничтожен „силами порядка“ — то есть армией под командованием епископа Верчелли». Элюль ни словом не упоминает о том, существовало ли движение иллюминатов как в предшествующие столетия, так и в более близкие нам времена.

Сегодня чуть позже сообщу еще кое-что.

Пат

P.S. В подшивке (Нэшнл ривью) я кое-что нашла об Иоахиме Флорском. Уильям Бакли и его дружки считают Иоахима ответственным за современный либерализм, социализм и коммунизм. На вычурном богословском языке они обвиняют его в том, что он впал в ересь «имманентизации христианского Эсхатона». Покопаться в литературе по томизму? По-моему, речь идет о приближении конца света, что-то вроде того.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №2

23 июля

Дж. М.,

Второй источник оказался более полезным: Аркон Дараул, «История тайных обществ» (Citadel Press, Нью-Йорк, 1961).

Дараул тоже датирует появление иллюминатов XI веком, но ни словом не упоминает о Иоахиме Флорском. По его мнению, орден происходит от исламской секты исмаилитов, известной также как орден ассасинов, мусульманских фанатиков-убийц, которые были разбиты в XIII веке. Спустя какое-то время ассасины появились вновь, однако их философия стала менее воинственной. В конце концов все закончилось современной сектой исмаилитов, руководимой Ага-ханом. Однако в Афганистане XVI века иллюминаты (рошани) вернулись к прежней тактике ордена ассасинов. Они были сметены альянсом моголов и персов (стр. 220-223). Но «в начале XVII века иллюминаты появились в Испании (Аллумбрадос) и в 1623 году по указу Великой Инквизиции они были осуждены. В 1654 году общественное внимание привлекли „иллюминированные“ Геринеты во Франции». И, наконец, то, чем вы больше всего интересуетесь: орден баварских иллюминатов был основан 1 мая 1776 года в Ингольштадте Адамом Вейсгауптом, бывшим иезуитом. «Судя по дошедшим до нас документам, между баварскими и

центральноазиатскими иллюминатами существовала некая связь, которую трудно объяснить простым совпадением» (стр. 255). В 1785 году баварское правительство запретило деятельность ордена иллюминатов Вейсгаупта.

Дараул также пишет, что в 1880-х годах иллюминаты появились в Париже, впрочем, он считает это лишь кратковременным увлечением. Дараул не разделяет мнение, будто иллюминаты все еще существуют.

Это уже занято. Почему мы не сообщаем подробности Джорджу?

Пат

Сол и Малдун обменялись взглядами.

— Давай посмотрим следующую, — сказал Сол.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №3

24 июля Дж. М.,

В (Британской энциклопедии) интересующий нас вопрос освещен очень скудно (издание 1966 года, том 11, стр. 1094):

Орден иллюминатов, недолго просуществовавший очаг республиканского вольнодумства, был основан 1 мая 1776 года Адамом Вейсгауптом, профессором церковного права в университете Ин-гольштадта и бывшим иезуитом... Начиная с 1778 года иллюминаты контактируют с разными масонскими ложами, в которых благодаря А. Книгге, одному из главных новообращенных, им часто удавалось занимать ведущие позиции...

Орден иллюминатов привлек внимание таких писателей, как Гёте и Хердер, и даже герцогов Готы и Веймара...

Движение пострадало в результате внутренних разногласий, а окончательно его деятельность была запрещена указом баварского правительства в 1785 году.

Пат

Сол задумался.

— Держу пари, Барни, — сказал он, — что пропавший Джозеф Малик и есть тот Дж. М., которому адресованы эти записки.

— Да уж, — с сарказмом отозвался Малдун. — Иллюминаты по-прежнему существуют, и именно они с ним расправились. Слушай, Сол, — добавил он, — я высоко ценю твою интуицию, когда есть конкретные факты. Но когда фактов нет, не стоит слишком торопиться.

— Ты не прав, — спокойно сказал Сол. — Факты у нас есть. Во-первых, — он загнул один палец, — помещение взорвано. Во-вторых, — другой палец, — за три дня до взрыва исчезает ответственный сотрудник. Уже этого достаточно, чтобы сделать вывод... даже два вывода. Либо с ним что-то случилось, либо он понял, что ему грозит опасность, и успел скрыться. Теперь об этих записках. Это уже в-третьих, — еще один палец. — Судя по всему, такой авторитетный справочник, как *«Британская энциклопедия»*, дает неверные сведения о дате зарождения движения иллюминатов. В энциклопедии говорится, что иллюминаты появились в Германии только в XVIII веке, но другие источники дают более раннюю датировку. Что тут у нас, смотрим: XVII век — в Испании, XVII век — во Франции, дальше — Италия, XI век, и даже Афганистан, а ведь это полмира от Италии. Отсюда напрашивается второй вывод: если *«Британская энциклопедия»* ошибается в датировке начала движения иллюминатов, она может неправильно

датировать и время прекращения его деятельности. Теперь, если собрать вместе эти три пункта и два вывода, выходит, что...

— Выходит, что редактора захватили иллюминаты и они же взорвали редакцию. Чушь собачья. Я еще раз говорю: ты слишком спешишь.

— Возможно, я как раз недостаточно спешу, — невозмутимо отозвался Сол. — Организация, которая тайно существует на протяжении *как минимум* нескольких столетий и за все это время никому не раскрывает своих секретов, и сейчас может быть очень даже сильной. — Он многозначительно умолк и прикрыл глаза. Через мгновение он метнул испытывающий взгляд на своего младшего коллегу.

Малдун вздохнул.

— Я видел, как люди высаживались на Луне, — сказал он. — Я видел, как студенты врывались в деканаты и срали там в корзины для бумаг. Я даже видел монахинь в мини-юбках. Но вот представить себе международный заговор, тайно существующий восемь веков... Это все равно что прийти к себе домой и застать там Джеймса Бонда и Президента США, затеявших перестрелку с Фу Манчу и пятью братьями Маркс.

— Ты убеждаешь сам себя, а не меня, Барни. Все настолько очевидно, что просто глупо это отрицать. Тайное общество, которое вершит всю международную политику, *действительно* существует. Рано или поздно об этом начинает подозревать любой думающий человек. Сейчас никто не хочет войн, но войны тем не менее происходят. Почему? Давай смотреть правде в глаза, Барни. Это и есть то самое «тяжелое дело», которое всем нам иногда снится в кошмарных снах. Чугунное дело. Если бы столько весил покойник, то на его похоронах все шестеро носильщиков заработали бы грыжу. Что скажешь?

— Скажу, как говаривала моя святая матушка: или делай что-то, или слезай с горшка.

* * *

Это было в год, когда они наконец имманентизировали Эсхатон. Первого апреля великие державы мира подошли к ядерной войне ближе, чем когда бы то ни было, и все из-за какого-то ничтожного острова Фернандо-По. Но пока все глаза с тревогой и отчаянной надеждой взирали на здание ООН, в Лас-Вегасе жил себе один человек, которого звали Кармелом. Из окон его дома на Дэйт-стрит открывался величественный вид на пустыню, и ему это очень нравилось. Он и сам не знал, почему готов смотреть часами на дикие пространства, поросшие кактусами. Если бы вы сказали Кармелу, что он символически повернулся спиной к человечеству, он бы вас не только не понял, но даже и не обиделся бы. Ваше замечание показалось бы ему просто бессмысленным. А если бы вы добавили, что он и сам похож на пустынную ящерицу или гремучую змею, Кармелу стало бы скучно и он счел бы вас дураком. Для Кармела мир в основном состоял из дураков, которые задают бессмысленные вопросы и волнуются из-за всякой чепухи. Совсем немногие, подобно ему самому, понимали, что действительно важно в жизни (деньги, конечно), и никогда не отвлекались ни на что другое.

Кармел любил сидеть за столом и подсчитывать свой доход за месяц, время от времени поглядывая на плоский песчаный ландшафт за окном, тускло освещенный заревом городских огней. Собственно говоря, этим он и занимался вечером первого апреля. Физически и эмоционально пребывая в

пустыне, Кармел испытывал счастье — или, во всяком случае, нечто, наиболее близкое к этому состоянию. За март его девочки заработали 46 000 долларов, из которых он взял себе 23 000; после выплаты десяти процентов Братству за возможность работать спокойно, не сталкиваясь с «солдатами» Бананового Носа Малдонадо, у него оставалась чистая прибыль в размере 20 700 долларов, не облагаемых налогом. Маленький Кармел, ростом пять футов два дюйма с лицом унылого хорька, просиял, когда закончил свои подсчеты; так радуется некрофил, забравшийся в городской морг. Кармел опробовал все возможные варианты секса со своими девушками, но никакой секс не возбуждал его так, как подобные цифры в конце месяца. Он не знал, что получит еще пять миллионов долларов и к первому мая станет самым важным человеком на Земле. Если бы вы попытались ему это объяснить, он отложил бы все дела и только спросил: «Пять миллионов? И сколько народу надо замочить ради такого дела!» Но подождите: достанем-ка атлас и посмотрим на Африку. Спускайтесь по карте вдоль ее западного побережья, пока не доберетесь до Экваториальной Гвинеи. Остановитесь там, где Атлантический океан врывается в сушу и становится заливом Биафра. В заливе вы заметите цепочку мелких островов, один из которых называется Фернандо-По¹. В начале семидесятых годов в местной столице Санта-Исабель² капитан Эрнесто Текилья-и-Мота внимательно читал и перечитывал книгу Эдварда Луттвака «Государственный переворот: практическое пособие», хладнокровно планируя применить луттвакову формулу у себя на острове. Он назначил время переворота, набрал соратников среди офицеров, сформировал клику и начал медленный процесс организационных работ. Он должен был сделать так, чтобы офицеры, поддерживающие официальную власть Экваториальной Гвинеи, к моменту переворота оказались не менее чем в сорока восьми часах пути от Санта-Исабель. Капитан набросал черновик первой декларации, которую издаст его новое правительство. Он взял лучшие лозунги самых влиятельных группировок, как левых, так и правых, и придал им мягкое либерально-консервативное звучание. Это полностью соответствовало рецептам Луттвака: каждый житель острова должен был получить надежду на то, что при новом режиме его положение улучшится. Наконец, после трех лет тщательной подготовки, капитан нанес решительный удар: главные должностные лица прежнего режима были быстро и бескровно взяты под домашний арест; войска под командованием офицеров-заговорщиков заняли электростанции и редакции газет. Радиостанция Санта-Исабель огласила всему миру безобидную фашистско-консервативно-либерально-коммунистическую декларацию новой Народной Республики Фернандо-По. Эрнесто Текилья-и-Мота удовлетворил свое неумное капитанское честолюбие, присвоив себе чин генералиссимуса. После этого он задумался о том, как управлять страной. Ему пришло в голову, что, наверное, придется прочесть еще какую-нибудь книгу. Хорошо, если бы она оказалась столь же интересной, как и трактат Луттвака по захвату власти в стране! Это было 14 марта.

15 марта само название Фернандо-По ни о чем не говорило ни одному из членов палаты представителей, ни одному сенатору, ни одному министру и почти ни одному из начальников штабов. Даже сам президент США, прочитав

¹ Ныне остров Масиас-Нгема-Бийого.

² Ныне Малабо.

донесение ЦРУ, которое в этот день легло на его стол, обратился к секретарю с вопросом:

— И где находится это чертово Фернандо-По?

Сол чувствовал себя более уставшим, чем обычно. Такое чувство, будто ему на плечи взвалили все прожитые годы. Он снял очки и протер их носовым платком.

— Я старше тебя по званию, Барни, — начал он.

— Уже знаю, что будет дальше, — усмехнулся Малдун. Сол методично продолжил:

— Как ты думаешь, кто из твоих людей работает на ЦРУ?

— Уверен, что Робинсон, и подозреваю, что Лерман.

— Избавься от обоих. Нам нельзя рисковать.

— Утром переведу их в полицию нравов. А как у тебя?

— У меня, кажется, трое. От них я тоже избавлюсь.

— Полиция нравов будет в восторге от такого подкрепления. Сол снова зажег трубку.

— И вот еще что. Возможно, этим делом заинтересуется ФБР.

— Да уж наверное.

— От нас они ничего не узнают.

— Послушай, Сол, а к чему эта игра в прятки?

— Иногда приходится действовать по интуиции. Дело ведь непростое, согласен?

— Да уж, — кивнул Малдун.

— Тогда давай сделаем по-моему.

— Давай почитаем четвертую записку, — глухо произнес Малдун. И они продолжили читать.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №4

24 июля

Дж. М.,

Прилагаю письмо, которое появилось в «Плейбое» несколько лет назад (рубрика «Консультант Плейбоя», «Плейбой», апрель 1969 года, стр. 63-64):

Недавно я слышал, как один старик, который придерживается правых взглядов (он приятель моих дедушки и бабушки), утверждал, будто нынешняя волна убийств в Америке — дело рук тайного общества иллюминатов. Он говорил, что иллюминаты существуют на всем протяжении истории, владеют международными банковскими картелями, все они масоны 32-й степени. О них знал Ян Флеминг, который изобразил их в своих книгах о Джеймсе Бонде в виде *Спектра*, за что иллюминаты с ним и расправились. Поначалу все это показалось мне бредом параноика. Затем я прочитал в «Нью-Йоркере», что Аллан Чэпмен, один из следователей нью-орлеанской группы Джима Гаррисона по расследованию убийства Джона Кеннеди, убежден, что иллюминаты действительно существуют...

«Плейбой», естественно, считает эту идею смехотворной и цитирует статью из «Британской энциклопедии», согласно которой иллюминаты отошли отдел еще в 1785 году.

Пат

В дверях кафетерия показалась голова Прайсфиксера.

— Можно на одну минуту?

— Что там у тебя? — отозвался Малдун.

— Тут пришел Питер Джексон. Он заместитель редактора, с которым я говорил по телефону. Он только что рассказал мне о своей последней встрече с редактором Джозефом Маликом перед его исчезновением.

— Пусть зайдет, — сказал Малдун.

Питер Джексон оказался чернокожим, именно черно-, а не темнокожий. Несмотря на весеннюю погоду, он был тепло одет. И было совершенно очевидно, что он очень боится полицейских. Сол сразу это понял и начал думать о том, как преодолеть этот страх, попутно отметив, каким ласковым вдруг стало лицо Малдуна. Несомненно, Барни тоже почуял испуг Джексона и решил брать его тепленьким.

— Присаживайтесь, — радушно сказал Сол, — и расскажите нам все, что вы только что сообщили нашему офицеру.

С нервными людьми разумнее всего сразу же отказаться от роли полицейского и играть любую другую роль, которая позволяет совершенно естественным образом задавать много вопросов. Сол начал входить в образ семейного доктора, которым обычно пользовался в таких случаях. Он заставил себя *почувствовать* на своей шее стетоскоп.

— В общем, — начал Джексон с гарвардским акцентом, — не знаю, так ли это важно. Возможно, это просто совпадение.

— Чаще всего то, что нам приходится выслушивать, оказывается не слишком важным совпадением, — мягко сказал Сол. — Но наша работа как раз и заключается в том, чтобы слушать.

— Сейчас уже все, кроме полных психов, отказались от этого, — сказал Джексон. — Я очень удивился, когда Джо сказал мне, куда он хочет втянуть наш журнал. — Джексон умолк, глядя на невозмутимые лица обоих детективов; ничего на них не прочитав, неохотно продолжил: — Это было в прошлую пятницу. Джо сказал мне, что он нащупал интересную тему и хочет бросить на нее одного из штатных журналистов. Речь шла о возобновлении расследования убийств Мартина Лютера Кинга и братьев Кеннеди.

Сол, стараясь не встречаться взглядом с Малдуном, незаметно прикрыл шляпой бумаги на столе.

— Прошу меня извинить, — вежливо сказал он и вышел из кафетерия.

Он нашел в холле телефонную кабину и позвонил домой. После третьего звонка Ребекка сняла трубку. Видимо, после его ухода ей так и не удалось заснуть.

— Сол? — она догадалась, кто может звонить в такой час.

— Это надолго, — сказал Сол.

— Вот черт!

— Знаю, малышка. Но дело совершенно сволочное! Ребекка вздохнула.

— Хорошо, что мы успели до твоего ухода немного поразвлечься. иначе я бы сейчас была просто в ярости.

Сол неожиданно представил, что подумал бы посторонний человек, услышав этот разговор. Шестидесятилетний мужик и его двадцатипятилетняя жена. Если бы кто-то знал, что, когда я с ней познакомился, она была шлюхой и сидела на героине...

— Ты знаешь, что я собираюсь делать? — понизила голос Ребекка. — Сейчас я сниму ночную рубашку, сброшу одеяло на пол и лягу в постель голая. Буду думать о тебе и ждать.

Сол усмехнулся.

— Знаешь, мужчине моего возраста, да еще после такой ночи, вовсе не обязательно на это реагировать.

— Но ты же отреагировал, да? — ее голос был уверенным и чувственным.

— А как же. Наверное, еще пару минут не смогу выйти из телефонной кабины.

Она тихо рассмеялась:

— Я буду ждать...

— Я люблю тебя, — сказал он, привычно удивляясь силе этого чувства для мужчины его возраста. *Я вообще никогда не смогу выйти из этой кабины, если так будет продолжаться.* — Слушай, давай сменим тему разговора, а не то мне придется впасть в порок старшекласников. Что ты слышала об иллюминатах?

Пока Ребекка не пристрастилась к наркотикам и не начала падать в бездну, из которой он ее вытянул, она изучала антропологию и психологию. Сола часто поражала ее эрудиция.

— Это розыгрыш, — сказала она.

— Что-что?

— Мистификация. Придуманная компанией студентов из Беркли где-то в шестьдесят шестом или шестьдесят седьмом году.

— Нет, я спрашиваю не об этом. Я говорю о настоящих иллюминатах в Италии, Испании и Германии с XV по XVIII века. Что ты о них знаешь?

— На этом как раз и был основан розыгрыш. Видишь ли, некоторые историки правой ориентации считают, что иллюминаты до сих пор существуют. И эти студенты решили открыть в кампусе Беркли иллюминатский филиал. Они рассылали от имени иллюминатов пресс-релизы, посвященные разным сумасбродным темам, чтобы люди, которым нравится верить в заговоры, получали подтверждения их реальности. Вот и все. Иллюминаты — это такой студенческий юмор.

Дай— то Бог, подумал Сол.

— А что тебе известно о мусульманской секте исмаилитов?

У этой секты двадцать три подразделения, но все они подчиняются одному человеку — Ага-хану. Секта исмаилитов основана где-то около... по-моему, это было в 1090 году нашей эры... Она подвергалась преследованиям, но сейчас стала частью ортодоксальной мусульманской религии. В учении исмаилитов есть довольно странные моменты. Основатель секты, Хасан ибн Саббах, считал, что ничто не истинно и, значит, все разрешено. Он и жил в соответствии с данной идеей, а термин «ассасин», то есть «убийца», — это его искаженное имя. Кстати...

— Что-то еще?

— Да, я тут кое-что вспомнила. Саббах познакомил западный мир с индийской марихуаной. Слово «гашиш» тоже происходит от его имени.

— Тяжелый случай, — вздохнул Сол. — Слава богу, я уже могу выйти из телефонной кабины, не шокируя полицейских в холле. Пойду работать. Только не возбуждай меня больше, я тебя умоляю!

— Не буду. Я просто лягу в постель голая и...

— Пока.

— Пока, — сказала она, смеясь.

Сол хмуро повесил трубку. Так и есть, шутили эти ребята из Беркли или нет, но иллюминаты действительно существуют. Другие детективы называли это «интуицией Гудмана». Может быть, если считать интуицией способность

мыслить *за* и *между* фактами, чувствуя ситуацию *в целом* и буквально осязая взаимосвязи между событиями №1 и №2, даже если на первый взгляд между ними вроде бы нет ничего общего.

Он вышел из состояния глубокой задумчивости и осознал, где находится. Только сейчас он заметил на двери телефонной кабинки наклейку с надписью:

ЭТА КАБИНА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА ЗА КЛАРКОМ КЕНТОМ.

Сол хмыкнул: шуточка в духе интеллектуалов. Возможно, как раз кто-то из этого журнала.

Возвращаясь, он обдумывал фразу: «ничто не истинно и все разрешено». С такой доктриной люди способны на... Сол поежился, представив себе лица узников Освенцима и Бухенвальда, тех евреев, одним из которых мог быть он сам...

Когда он вошел в кафетерий, Питер Джексон поднял на него глаза. Интеллигентное, любознательное лицо. Малдун был бесстрастным, как президенты, высеченные в горе Рашмор.

Мэд— Дог, штат Техас. Город, в котором, по мнению Малика, находится штаб-квартира этих... убийц, -сказал Малдун. — Именно туда он направил своего сотрудника.

— Как зовут сотрудника? — спросил Сол.

— Джордж Дорн, — ответил Малдун. — Этот молодой парень раньше состоял в СДО. А еще он был довольно тесно связан с фракцией Уэзермена³.

Вычислительный центр Хагбарда Челине, БАРДАК (Большой Автономный Радикального Действия Анализирующий Компьютер), был, в сущности, самой обычной, хотя и передовой для своего времени, самопрограммирующейся логической машиной, а назывался так лишь по прихоти хозяина. Пожалуй, действительно уникальной особенностью БАРДАКа был программируемый стохастический процесс, в результате которого «выпадала» та или иная гексаграмма И-цзина⁴: случайный незамкнутый цикл интерпретировался как прерывистая черта (*Инь*), а замкнутый — как сплошная черта (*Ян*), и так до получения шести позиций. Обращение к банкам памяти, в которых хранилась вся многовековая традиция толкования *И-цзина*, и сопоставление этой информации с данными о текущих политических, экономических, метеорологических, астрологических, астрономических и технологических событиях позволяло «прочитать» полученную гексаграмму. По мнению Хагбарда, такое толкование сочетало в себе все лучшее из научных и оккультных методов и позволяло выявить зарождавшиеся тенденции. 13 марта стохастический процесс спонтанно сгенерировал гексаграмму 23, которая называется «Раздирание». Вот как истолковал ее БАРДАК:

Этот знак, традиционно считающийся несчастливым, был получен учеными-жрецами Атлантиды незадолго до гибели их континента. «Раздирание» обычно связывают со смертью от воды, иногда с землетрясениями, торнадо и тому подобными бедствиями, а также с болезнями, упадком и разложением.

Гексаграмма 23 коррелирует с дисбалансом между технологическим

³ Радикальная фракция американской организации «Студенты за демократическое общество» (СДО).

⁴ Китайская «Книга перемен» (И-цзин) состоит из 64 гадательных фигур-гексаграмм и «афоризмов» к ним.

прогрессом и политическим регрессом, который усиливался на планете после 1914 и особенно после 1964 года. По существу, «Раздирание» — это шизоидная ментальная fuga, исполняемая юристами и политиками, которые пытаются управлять всемирными технологиями. Неспособные из-за недостатка образования понять механизмы и динамику этого процесса, они уничтожают его целостность, раздирая технологии по национальным государствам, устаревшим еще в эпоху Ренессанса.

Третья мировая война, по-видимому, неизбежна. Учитывая прогресс в области химико-биологического оружия и болезненные вибрации гексаграммы 23, вероятность распространения чумы или применения нервно-паралитического газа равна вероятности использования термоядерного оружия.

Общий прогноз: смерть многих миллионов.

Существует надежда избежать надвигающейся катастрофы, если безотлагательно предпринять правильные действия. Вероятность такого исхода оценивается как $0,17 \pm 0,05$.

Нет вины.

"Вот ведь задница, нет вины!" — взбесился Хагбард. Он быстро запросил у БАРДАКа сжатые психобиографии ключевых фигур мировой политики и важнейших ученых, занимающихся разработкой химико-биологического оружия.

Первый сон приснился доктору Чарльзу Мочениго 2 февраля — за месяц до того, как БАРДАК уловил опасные вибрации. Он, как это нередко с ним бывало, осознавал, что спит, и поэтому не придавал значения тому, что неподалеку от него прогуливалась, вернее, тяжело передвигалась гигантская пирамида, которая к тому же быстро исчезла. Теперь ему казалось, что он рассматривает увеличенное изображение двойной спирали ДНК; оно было настолько четким, что он начал искать сцепленные нерегулярности через каждые двадцать три ангстрема. К его удивлению, они отсутствовали; вместо этого он обнаружил, что нерегулярности появляются через каждые семнадцать ангстремов. «Что за дьявол?...» — подумал он, и тут же опять появилась пирамида, которая сказала: «Вот именно, дьявол». Он дернулся и проснулся с новой концепцией «Антракс-лепра-мю»⁵. Придя в себя, он начал что-то быстро писать в блокноте, лежавшем на ночном столике.

— Что это еще за чертов проект «Дверь в пустыню»? — однажды спросил Президент, внимательно изучая бюджет.

Бактериологическое оружие, — услужливо пояснил помощник. — Сначала у них был некий «Антракс-дельта», а сейчас они уже доработались до «Антракса-мю» и...

Его голос утонул в грохоте бумагорезок, уничтожавших документы в соседней комнате.

— Хватит, — сказал Президент. — Эта тема действует мнena нервы. — Он черкнул «О'кей» возле этого пункта и, перейдя к пункту «Дети-инвалиды», сразу повеселел. — А вот здесь, — сказал он, — мы можем кое-что урезать.

Он ни разу не вспомнил о проекте «Дверь в пустыню», пока не произошел переворот в Фернандо-По.

— Допустим, только допустим, — сказал он членам Объединенного комитета начальников штабов 29 марта, — что я выступлю поящику и пригрожу всеобщей термоядерной заварухой, а другая сторона и глазом не

⁵ Антракс — сибирская язва, лепра — проказа.

моргнет. Есть ли у нас что-нибудь такое, чем мы сможем их припугнуть по-настоящему?

Начальники штабов переглянулись. Один из них неуверенно заговорил:

— Под Лас-Вегасом идет работа над проектом «Дверь в пустыню», который, кажется, позволит намного обогнать *товарищей* в области ББ и БХ...

— Речь идет о биолого-бактериологическом и биолого-химическом оружии, — объяснил Президент нахмурившемуся Вице-президенту. — Пневматические ружья «ББ» тут ни при чем. — Он опять повернулся к военным. — А что конкретно у нас есть, чтобы заставить иванов поджать хвост?

— Есть «Антракс-лепра-мю»... Это страшнее любой формы сибирской язвы. Страшнее, чем бубонная чума, сибирская язва и проказа вместе взятые. В сущности, — генерал, который это говорил, мрачно усмехнулся, — по нашим оценкам, когда смерть наступает так быстро, степень психологической деморализации выживших — если таковые окажутся, — становится намного выше, чем при термоядерном взрыве с выпадением максимального количества радиоактивных осадков.

— Бог ты мой, — сказал Президент. — *Бог ты мой!* Мы не будем об этом говорить в открытую. В своей речи я скажу просто о Бомбе, но надо сделать для Кремля утечку информации, что у нас, дескать, на складах есть еще и эти антраксы или как их там. А потом посмотрим, как они забегают.

Он встал, решительный и непоколебимый: образ, в котором он всегда появлялся на телевидении.

— Сейчас я хочу встретиться с моими спичрайтерами. А вы тем временем организуйте повышение по службе человеку, который отвечает за этот «Антракс-пи». Как, кстати, его зовут? — спросил он через плечо, уже выходя за дверь.

— Мочениго. Доктор Чарльз Мочениго.

— Повесить доктора Мочениго, — крикнул Президент из приемной.

— Мочениго? — задумчиво спросил Вице-президент. — Он что, макаронник?

— Не смей так говорить, — заорал Президент. — Сколько раз можно повторять одно и то же? Никогда не говори «макаронник», «жид», «черномазый» и прочие *такие* слова.

Он был раздражен, поскольку жил в постоянном страхе, что когда-нибудь секретные записи всех бесед в Овальном кабинете, которые он хранил, станут достоянием гласности. Давным-давно он поклялся, что, если такой день когда-нибудь наступит, стенограммы записей не будут пестреть пометками «непечатное слово опущено» или «оскорбительная характеристика опущена».

Несмотря на раздражение, он говорил очень властно. В сущности, это был прекрасный образец доминантного самца нынешней эпохи. Пятидесятипятiletний, жесткий, практичный и не обремененный сложными этическими комплексами, которые приводят в затруднение интеллектуалов, он давно понял, что мир — это сучье место, в котором могут выжить только самые коварные и безжалостные. Он был настолько добр, насколько это возможно для сторонника философии крайнего дарвинизма. По крайней мере, он искренне любил детей и собак, если только они не находились на территории, которую, исходя из Национальных Интересов, следовало подвергнуть бомбардировке. Несмотря на чуть ли не небесный статус, у него по-прежнему сохранилось чувство юмора и, хотя вот уже почти десять лет со

своей женой он был импотентом, ему удавалось за полторы минуты достичь оргазма во рту опытной проститутки. Он принимал амфетаминовые стимуляторы, чтобы выдержать рабочий день, который длился по двадцать четыре часа в сутки, поэтому в его мировосприятии со временем появился параноидальный уклон. Чтобы унять постоянное беспокойство, ему приходилось глотать транквилизаторы, и поэтому его отрешенность иногда граничила с шизофренией. Но основную часть времени внутренняя практичность позволяла ему цепко держаться за реальность. Короче говоря, он был очень похож на правителей России и Китая.

Белку в Центральном парке снова разбудил громкий гудок проезжавшей машины. Сердито вереща, зверек перепрыгнул на другое дерево и тут же заснул. *В ночном ресторане Бикфорда, что на Семьдесят второй улице, молодой человек по имени Августейший Персонаж, сделав звонок непристойного содержания женщине из Бруклина, вышел из телефонной кабинки. Он оставил после себя одну из своих наклеек «ЭТА КАБИНА ЗАРЕЗЕРВИРОВАНА ЗА КЛАРКОМ КЕНТОМ».* В Чикаго, на час раньше по часам, но в то же самое мгновение, рок-группа «Кларк Кент и его супермены» начинает возрожденный концерт «Rock Around the Clock». Лидера группы, высокого чернокожего со степенью магистра антропологии, несколько лет назад, в воинственный период его жизни, звали Эль Хадждж Старкерли Мохаммедом, хотя в свидетельстве о рождении он значится как Роберт Пирсон. Обводя взглядом публику, он замечает, что белый бородатый молодой кобель Саймон, как обычно, пришел с чернокожей женщиной. Этого Пирсон-Мохаммед-Кент понять не может и даже считает извращением, поскольку сам предпочитает белых цыпочек. На этот раз Саймон не балдеет от музыки; вместо этого он с энтузиазмом что-то объясняет девушке, рисуя на столе пирамиду и объясняя, что она означает. «Макушечная точка», — донесся до Пирсона сквозь музыку обрывок фразы. *Слушая «Rock Around the Clock» десятью годами раньше, Джордж Дорн решил отращивать волосы, курить дурь и стать музыкантом. Он достиг двух из трех этих целей.* Статуя Тлалока из музея антропологии в Мехико непроницаемым взглядом смотрит на звезды... и те же звезды мерцают над Карибским морем, в волнах которого резвится дельфин по имени Говард.

Кортеж автомобилей проезжает мимо техасского школьного книгохранилища и медленно движется к Тройному туннелю. Через оптический прицел каркано-манлихера из окна шестого этажа на кортеж смотрит Ли Харви Освальд. У него во рту сухо, как в пустыне. Но сердце бьется ровно, а на лбу не выступило ни единой капли пота. «Приближается мгновение, — думает он, — когда я взлечу над временем и страхом, наследственностью и средой. Это последняя проверка свободной воли, которая докажет мое право называться мужчиной. Через мгновение я нажму на курок, и тиран умрет, а вместе с ним умрет жестокая лживая эпоха. Этот миг и это знание дарят мне наивысший восторг». Но все равно у него сухо во рту, пыльно-сухо, смертельно-сухо, словно слюнные железы в одиночку восстали против убийства, которое его разум объявил необходимым и справедливым. *Внимание.* Он вспоминает военную формулу: вдохни, прицелься, задержи дыхание, нажми на курок. Он делает вдох, прицеливается, задерживает дыхание, начинает жать на курок, как вдруг неожиданно слышится лай собаки...

И его рот открывается от удивления, когда он слышит три выстрела, явно откуда-то со стороны Травяного холма и Тройного туннеля.

«Сукин сын!» — шепчет как молитву Ли Харви Освальд и ухмыляется.

То есть ухмыляется не тот Всемогуший, каковым он надеялся стать, а кто-то другой, неожиданный и, значит, лучший — Всезнающий. На протяжении следующих полутора дней, до самой его смерти, эта самодовольная ухмылка не сходила с фотографий Освальда. И никто не осмелился прочитать в ней то, что было написано открытым текстом: *«Я знаю то, чего не знаете вы»*. Эта ухмылка исчезла только в воскресенье утром, когда Джек Руби всадил в хрупкое фанатичное тело Ли две пули. В результате одна часть *тайны* ушла в могилу. Другая часть этой тайны покинула Даллас еще в пятницу днем на реактивном самолете, рейсом на Лос-Анджелес. Эта часть тайны пряталась под деловым костюмом и седыми волосами и мелькала в немного сардоническом взгляде невысокого пожилого мужчины, который был зарегистрирован в списке пассажиров самолета под именем Фрэнк Салливан.

Это серьезно, — размышляет Питер Джексон. — Джо Малик вовсе не параноик. Джексона ничуть не обманывает непробиваемое выражение лиц Малдуна и Гудмана, он давным-давно обучился искусству выживания черного человека в белом мире. Это искусство заключается в умении читать не выражение лица, а то, что скрывается за ним. Копы возбуждены и взволнованы, как охотники, идущие по следу очень крупного, но крайне опасного зверя. Значит, Джо был прав, когда говорил о заговоре с целью убийства, а его исчезновение и взрыв были частью этого заговора. Это значит, что Джордж Дорн тоже в опасности, а Питер симпатизировал Джорджу, хотя тот во многих отношениях был еще сопляком и, как все молодые белые радикалы, полным засранцем, когда дело касалось расовых вопросов. — Мэд-Дог, штат Техас, — размышляет Питер, — уже по названию чувствуется, что там можно нарваться на большие неприятности.

(Почти полвека назад опытный грабитель банков Гарри Пирпонт подошел в Мичиганской городской тюрьме к молодому заключенному и спросил его: «Как ты считаешь, может быть одна истинная религия?»)

Но почему Джордж Дорн кричит, пока Сол Гудман читает записки? Дождемся следующего прыжка... и вы будете шокированы. Сол уже не человек; теперь он свинья. Все полицейские — свиньи. Все, во что вы верите, вероятно, является ложью. Мир — это мрачное, зловещее, таинственное и очень страшное место. Способны ли вы все это как-то воспринимать? Тогда войдем в сознание Джорджа Дорна во второй раз, за пять часов до злополучного взрыва в *«Конфронтэйшн»* (если же смотреть по часам, то за четыре часа), и затаемся косячком, затаемся глубоко и задержим дыхание (Один час... два часа... три часа... рок!) Вы лежите на убогой койке в захудалом отеле, и неоновые огни снаружи отсвечивают на стенах вашего номера розовыми и голубыми бликами. Медленно выдыхайте, почувствуйте, как трава ударяет в голову, и ждите, пока не станут ярче обои на стенах. Жарко, по-техасски сухо и жарко, и вы, Джордж Дорн, откидываете длинные волосы со лба, вытаскиваете записную книжку и перечитываете записи, стараясь понять, куда вас на самом деле занесло. На странице, освещаемой розово-голубыми неоновыми бликами, вы читаете:

23 апреля

Откуда мы знаем, Вселенная расширяется или же объекты в ней уменьшаются? Чтобы утверждать, будто Вселенная становится больше, ее надо сравнить с чем-то, что находится вне ее, но для Вселенной ничего снаружи нет. Ничего внешнего. Но если Вселенная *внешне* не ограничена,

она может расширяться бесконечно. Да, но ведь ее *внутренность* не вечна. Впрочем, откуда тебе это известно, говнюк? Ты же просто играешь словами.

— Нет, не играю. Вселенная — это внутреннее без внешнего, хлопок одной...

* * *

И тут в дверь постучали.

К Джорджу пришел Страх. Когда он был под кайфом, малейшая ерунда, которая не вписывалась в его мир, вызывала в нем неодолимый, безотчетный Страх. Он затаил дыхание, но не для того, чтобы задержать в легких дымок, а потому, что ужас парализовал мышцы его груди. Он уронил маленькую записную книжку, в которую ежедневно записывал свои мысли, и, как всегда в момент паники, схватился за пенис. Рука, державшая косячок, машинально скользнула к пустотелой книге Синклера Льюиса "*У нас это невозможно*", которая лежит рядом с ним на кровати, и бросила полудюймовый окурочок на пластиковый мешочек, наполненный зеленым порошком. В мешочке мгновенно образовалась коричневая дырка размером с десятицентовую монету, и дурь вокруг уголька задымилась.

«Идиот», — пробормотал Джордж, раздавив большим пальцем тлеющий уголек, и на его губах появилась гримаса страдания.

В номер ввалился низкорослый толстяк, на хитром личике которого невозможно не прочесть слово «полицейский». Джордж инстинктивно отпрянул и начал закрывать томик "*У нас это невозможно*"; три жестких железобетонных пальца молниеносно ударили его в предплечье. Вскрикнув от боли, он выронил книгу, и содержимое мешочка рассыпалось по покрывалу.

— Ничего не трогать, — сказал толстяк. — Придет констебль и заберет это в качестве улики. Я тебя ударил очень легко. Иначе у тебя был бы осложненный перелом левого предплечья, и ты всю ночь страдал бы от боли в окружной тюрьме Мэд-Дога, и ни один законопослушный врач даже не подумал бы к тебе подойти.

— У вас есть ордер? — попытался выглядеть как можно увереннее Джордж.

О, да ты герой. — От толстяка разило бурбоном и дешевыми сигарами. — Храбрый кролик. Я напугал тебя до смерти, малыш, мы оба это знаем, и ты все-таки пытаешься требовать ордер. Потом ты, наверное, захочешь встретиться с защитниками гражданских свобод. — Толстяк демонстративно расстегнул серый с отливом летний пиджак, купленный, наверное, еще в те времена, когда хит-парады возглавлял «*Отель, где разбиваются сердца*». На кармане его розовой рубашки красовалась серебряная пятиконечная звезда, за поясом брюк торчала вмятая в жирный живот рукоять автоматического пистолета сорок пятого калибра. — Вот и весь закон, какой мне нужен, когда я общаюсь в Мэд-Доге с такими типами, как ты. Будь со мной повежливее, сынок, а то в следующий раз кто-нибудь из нас, свиней, как ты любишь называть полицейских в своих статейках, вломит тебе так, что не за что будет схватиться ручонками. Впрочем, ты и без этого ближайшие сорок лет будешь заживо гнить в нашей окружной тюрьме. — Толстяк явно наслаждался своим ораторским даром, как один из персонажей Фолкнера. Джордж думал:

Мы радость калечим и прячем:

Мечтать запрещается ныне;
Толстячки скакунов оседлали,
Скакуны же теперь — стальные⁶

— Вы не можете закрыть меня на сорок лет за хранение, — сказал он. — К тому же в большинстве других штатов трава легализована. Ваш закон архаичен и абсурден.

— Черта с два, малыш, у тебя слишком много дурной травы, чтобы называть это *хранением*. Я называю это хранением с целью продажи. А законы этого штата суровы и справедливы, и это наши законы. Мы знаем, что такая травка делает с людьми. Мы помним, как при Аламо отряды Санта-Анны утратили страх, потому что были под кайфом от *Роза-Марии*, как ее тогда называли. Поднимайся. И не вздумай сейчас просить о встрече с адвокатом.

— Могу я спросить, кто вы такой?

— Я шериф Джим Картрайт, гроза всей нечисти в Мэд-Доге и округе.

— А я Тайни Тим⁷, — сказал Джордж и тут же подумал: «Лучше заткнись, тебя слишком прет». Но не удержался и продолжил: — Возможно, ваши победили бы, если бы Дэйви Крокетт и Джим Боуи тоже обкурились. И, кстати, шериф, откуда вы узнали, что меня можно накрыть с дурью? Обычно андерграундный журналист старается быть чистым, приезжая в эту вашу глухомань. Не телепатия же вам подсказала, что у меня с собой трава.

Шериф Картрайт хлопнул себя по ляжке: "Ха! Это была *именно* телепатия. С чего ты взял, что меня привела к тебе не телепатия?" Он расхохотался, сжал руку Джорджа железной хваткой и подтолкнул к двери номера. Джорджа обуял животный страх, словно под его ногами разверзлась адская бездна, и шериф Джим Картрайт собирается столкнуть его в кипящую серу. Должен заметить, что в принципе так оно на самом деле и было; в истории бывают периоды, когда видения безумцев и торчков лучше описывают реальность, чем «здоровое» толкование данных, доступных так называемому «нормальному» уму. И сейчас как раз такой период, если вы еще не поняли.

{ "Продолжай водиться с этой шпаной из Пассеика — и попадешь за решетку, — говорила мать Джорджа. — Помяни мое слово". А в другой раз в Колумбийском университете по окончании очень поздней встречи Марк Радд хладнокровно сказал: «Многих из нас разбрасает по тюрьмам, пока не утихнет этот ураган дури»; и Джордж вместе с остальными кивнул хмуро, но мужественно. Марихуана, которую он курил, была собрана в Куэрнавако фермером по имени Артуро Хесус Мария Ибарра-и-Мендес, который продал ее оптом молодому янки Джиму Райли, сыну полицейского из Дейтона (штат Огайо). Джим Райли, в свою очередь, провез ее через Мэд-Дог, заплатив полагающуюся дань шерифу Джиму Картрайту, после чего перепродал траву в Нью-Йорке, дилерше с Таймс-сквер по кличке Розетта Каменная, у которой мисс Уэлш из отдела журналистских расследований «Конфронтэйшн» купила десять унций, чуть позже перепродав пять унций Джорджу. А Джордж затем снова ввез траву в Мэд-Дог, не подозревая, что тем самым он замыкает круг. Изначальное же семя относилось к тому сорту, который генерал Джордж

⁶ Джордж Оруэлл. Стихи из эссе «Зачем я пишу». Перевод Анастасии Грызуновой.

⁷ Тайни Тим — известный американский певец 60-х годов.

Вашингтон рекомендовал в своем знаменитом письме к сэру Джону Синклеру: *"Я обнаружил, что индийская конопля по всем качествам превосходит новозеландский сорт, который здесь выращивали прежде"*. В Нью-Йорке Ребекка Гудман, решив, что Сол не придет домой ночью, слезает с постели, накидывает халат и начинает просматривать свою библиотеку. Наконец она снимает с полки книжку по вавилонской мифологии и читает: «Прежде всех богов был Мумму, дух чистого хаоса...» В Чикаго Саймон и Мэри Лу Сер-викс сидят голыми на кровати, сложив ноги в позиции «яб-юм-лотос». "Нет, — говорит Саймон, — ты не должна двигаться сама, малышка; жди, пока ОНО начнет двигать тобою". Кларк Кент и его супермены свингуют, повторяя «We're gonna rock around the clock tonight... We're gonna ROCK ROCK ROCK till broad day light».)

Лицо соседа Джорджа по тюремной камере похоже на череп с огромными, выступающими вперед передними зубами. В нем около шести с половиной футов ростом, он лежит на тюремной койке, свернувшись, словно питон.

— Вы требовали разбирательства? — спросил его Джордж.

— Разбирательства чего?

— Ну, если вы считаете себя убийцей...

Я не считаю, браток. Я и вправду убил четырех белых и двух ниггеров. Одного в Калифорнии, остальных — здесь. Мне заплатили за каждого из них.

— Вы сидите именно за это?

— "Боже, — подумал Джордж, — неужели они тут сажают торчков в одну камеру с убийцами?"

— Как бы за бродяжничество, — сказал сосед презрительно. — А на самом деле здесь я просто отсиживаюсь, пока не получу очередной приказ. И тогда я скажу «прощай» кому угодно: президенту, адвокату, врагу человечества. Когда-нибудь я стану знаменитым. И однажды напишу книгу. Я, конечно, не силен во всякой писанине... Слушай, а что, если мы заключим сделку? Я велю шерифу Джиму принести тебе бумагу, и ты напишешь о моей жизни. Время у тебя будет, тебе ведь сидеть пожизненно. А я буду навещать тебя в перерывах между убийствами. Ты напишешь книгу, а шериф Джим надежно ее сохранит, пока я не отойду от дел. Потом ты эту книгу опубликуешь, заработаешь кучу денег и будешь жить в тюрьме королем. А может, тебе даже удастся нанять себе адвоката, чтобы отсюда выйти.

— А где будешь ты? — спросил Джордж. Он был по-прежнему испуган, но его уже начало клонить в сон, и он решил, что вся эта ахиня оказалась успокоительное воздействие на его нервы. Впрочем, лучше было не спать в камере, пока этот парень не уснул. Джордж не поверил ни в какие убийства, но вполне мог допустить, что человек, сидящий в тюрьме, вполне может оказаться гомосексуалистом.

Словно прочитав его мысли, сокамерник сказал:

— А как ты смотришь на то, чтобы лечь под знаменитого убийцу? Как тебе это предложение, а, красавчик?

— Нет, — сказал Джордж, — я не по этой части, ясно? Я этим не занимаюсь.

— Дерьмо собачье, — сказал убийца. Внезапно он выпрямился и соскользнул с койки. — Я трачу на тебя свое время. А ну-ка быстро сними штаны и нагнись. Ты это сделаешь, и мы это даже не обсуждаем. — Сжав кулаки, он шагнул к Джорджу.

— Надзиратель! Надзиратель! — заорал Джордж. Он схватился за

дверную решетку и иступленно тряс ее.

Сосед залепил Джорджу пощечину. Следующий удар, в челюсть, отшвырнул Джорджа к стене.

— *Надзиратель!*. — кричал он, испытывая головокружение одновременно от травы и ужаса.

В конце коридора появился человек в синей форме. Он казался весьма далеким и совершенно равнодушным, как бог, которому наскучили его дети.

— Эй, что тут за визг, черт побери? — спросил он, держа руку на рукоятке револьвера. Его голос доносился словно откуда-то издалека.

Джордж открыл было рот, но сосед его опередил.

— Этот патлатый коммунистический наркоман не снимает штаны, когда я ему велю. Разве ты не должен следить за тем, чтобы я здесь был счастлив? — Он захныкал. — Заставь его делать, что я приказываю.

— Вы обязаны меня защитить, — пролепетал Джордж. — Вы должны увести меня из этой камеры.

Бог— надзиратель расхохотался.

— Эх, а ты знаешь, у нас ведь тут очень продвинутая тюрьма. Ты приехал сюда из Нью-Йорка и, наверное, считаешь, что мы здесь здорово отстали от жизни. Но это не так. У нас здесь нет полицейской жестокости. Так вот, если бы я вмешался в твои дела с Гарри Койном, возможно, мне пришлось бы применить силу, чтобы удержать его подальше от твоей юной задницы. Я знаю, ребята, вы считаете, что всех копов надо ликвидировать. Так вот, в этой конкретной ситуации я самоликвидируюсь. Более того, я знаю, ребята, что вы верите в сексуальную свободу — и я тоже! Поэтому Гарри Койн получит свою сексуальную свободу без вмешательства и жестокости с моей стороны. — Его голос был отдаленным и бесстрастным, почти призрачным.

— Нет, — сказал Джордж.

Охранник вытащил пистолет.

— Слушай меня, сынок. Сейчас ты снимешь штаны и нагнешься. И подставишь задницу Гарри Койну. Без вариантов. А я прослежу, чтобы ты сделал все, как надо. Иначе тебе не придется сидеть сорок лет. Я тебя пристрелю, прямо здесь и сейчас. Я всажу в тебя пулю и скажу, что ты оказывал сопротивление тюремному режиму. А теперь соберись с мыслями и подумай, что лучше. Я и вправду тебя убью, если ты не будешь делать то, что он тебе скажет. Это не шутка. Тебя нам не жалко, а он еще пригодится. Он очень нужный нам человек, и я должен заботиться о том, чтобы ему было хорошо.

— А я тебе в любом случае вдую, живому или мертвому, — сумасшедший Койн хихикал, словно злой дух. — Тебе все равно от меня не уйти, парень.

В конце коридора загрохотала дверь, и к камере прошагал шериф Джим Картрайт с двумя полицейскими в синей форме.

— Что здесь происходит? — сказал шериф.

— Я поймал этого извращенца Джорджа Дорна на том, что он пытался изнасиловать Гарри, — ответил охранник. — Пришлось вытащить пистолет, чтобы его остановить.

Джордж покачал головой.

— Ну вы, ребята, даете! Невероятно. Если вы разыгрываете этот маленький спектакль для меня, можете заканчивать. Вы меня не обманете, как не обманете самих себя.

— Дорн, — произнес шериф, — ты пытался совершить в моей тюрьме

противоестественный акт, запрещенный святой Библией и законами нашего штата. Мне это не нравится. Мне это совсем не нравится. Тебе придется выйти. Я вынужден тебя образумить. Ты пойдешь со мной в камеру для допросов, и там мы немного побеседуем.

Шериф открыл дверь в камеру и жестом приказал Джорджу выйти. Затем повернулся к сопровождавшим его полицейским. — Оставайтесь здесь и решите *другой вопрос*. — Он сделал странное ударение на последних словах.

Джордж и шериф миновали длинную цепь коридоров и запертых дверей и наконец вошли в камеру для допросов, стены которой были обиты чеканными листами жести, окрашенными в бутылочный зеленый цвет. Шериф велел Джорджу сесть на один стул, а сам уселся напротив верхом на второй.

— Ты плохо влияешь на моих заключенных, — сказал он. — Я так и знал, что ты устроишь что-то подобное. Я не хочу, чтобы ты растлевал заключенных в моей тюрьме, моей или чьей-нибудь еще, целых сорок лет.

— Шериф, — упавшим голосом спросил Джордж, — чего вы от меня хотите? Вы поймали меня с дурью. Чего вам еще нужно? Зачем вы бросили меня в камеру к этому придурку? К чему все эти запугивания, угрозы и допросы?

— Я хочу кое-что узнать, — произнес шериф. — Я хочу выяснить все, что ты мне можешь рассказать по некоторым вопросам. И советую с этого момента говорить только правду. Если не будешь врать, возможно, в будущем это немного облегчит твою участь.

— Хорошо, шериф, — сказал Джордж.

Картрайт прищурился. «Он и вправду похож на свинью, — думает Джордж. — Как и большинство полицейских. Почему многие из них становятся такими жирными, с такими маленькими глазками?»

— Договорились, — сказал шериф. — С какой целью ты приехал к нам из Нью-Йорка?

— Я приехал с заданием от «*Конфронтэйшн*», журнала, который...

— Знаю, знаю. Мерзкий журнальчик, коммунистический. Я его читал.

— Это слишком жесткая характеристика. Я бы сказал точнее: это журнал левой ориентации, защищающий свободомыслие.

— Пули в моем пистолете тоже жесткие, малыш. Так что давай говорить начистоту. Расскажи мне, что ты здесь собрался вынюхивать?

— Ладно. Вам это должно быть так же интересно, как и мне, если вас действительно заботит закон и порядок. Больше десяти лет по стране ходят слухи о том, что все главные политические убийства в Америке — от Малькольма Икса, братьев Кеннеди, Медгара Эверса и Мартина Лютера Кинга до, возможно, Никсона и даже Джорджа Линкольна Рокуэлла — работа особой законспирированной правой преступной организации и что штаб-квартира этой организации находится здесь, в Мэд-Догге. Я сюда приехал, чтобы попытаться что-нибудь выяснить об этой группе.

— Так я и думал, — сказал шериф. — Ах ты бедный, несчастный кусок дерьма. Ты приехал сюда со своими длинными патлами в надежде что-то разнюхать о правой организации. Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что ты не встретился ни с кем из наших настоящих правых вроде «Божьей молнии», например. Сейчас они бы тебя уже замучили до смерти, малыш. Ты и вправду болван. Ладно, я понял, на тебя больше не стоит тратить времени. Пошли, я отведу тебя обратно в камеру. Привыкай любоваться луной через решетку.

Они вернулись обратно той же длинной цепью коридоров. Открыв дверь в коридор, где находилась камера Джорджа, шериф крикнул:

— Забирай его, Чарли.

Тот же самый надзиратель берет Джорджа за руку. У надзирателя бледное лицо. Рот сжат так, что кажется безгубым. Позади гроыхает захлопнувшаяся за шерифом дверь. Надзиратель без единого слова вталкивает Джорджа в камеру. «Слава богу, теперь он хотя бы стал трехмерным и меньше напоминает марихуановый призрак», — думает Джордж.

Гарри Койна не было. Камера пустовала. Краем глаза Джордж заметил какую-то тень. В соседней камере. Он обернулся, и его сердце остановилось. С трубы на потолке свисало тело. Джордж приблизился к решетке. Тело медленно покачивалось. Оно было привязано к трубе кожаным ремнем, затянутым вокруг шеи. Это лицо с широко раскрытыми глазами было лицом Гарри Койна. Джордж скользнул взглядом ниже. С живота Гарри что-то свисало до самого пола. Это было не самоубийство. Они вспороли Гарри Койну живот, и кто-то осмотрительно подставил под труп парашу, в которую спускались его вывалившиеся окровавленные кишки.

Джордж закричал. Но ему никто не ответил. Надзиратель исчез, словно Гермес.

(В психиатрической лечебнице английского городка Сандерленд, где уже наступило одиннадцать часов утра следующего дня, один старый шизофреник, который не разговаривал на протяжении последних десяти лет, внезапно бросился к оторопевшему санитару со словами: «Они возвращаются — Гитлер, Геринг, Штрайхер, вся эта братия. И за ними стоят силы и фигуры из других сфер, которые ими управляют...» Но Саймон Мун в Чикаго по-прежнему спокойно и безмятежно сидит в позе лотоса и инструктирует Мэри Лу, восседающую у него на коленях: «Просто сожми его, нежно сожми стенками влагалища, словно рукой, и ощути его тепло, только не думай об оргазме, не думай о будущем, не забегай мыслями ни на секунду вперед, будь в настоящем. Есть только настоящее, единственное настоящее, в котором мы живем. Ощущай лишь мой пенис в твоём влагалище и просто наслаждайся, не стараясь приблизить большее наслаждение, которое ждет нас впереди...» «У меня спина болит», — жалуется Мэри Лу.)

WE'RE GONNA ROCK ROCK ROCK AROUND THE CLOCK
TO NIGHT...

Там были шведы и норвежцы, датчане и итальянцы, французы и греки, даже американцы. Джордж и Хагбард пробираются сквозь толпу, пытаясь оценить ее численность. Двести тысяч человек? Триста тысяч? Полмиллиона? Эмблемы мира, болтавшиеся вокруг каждой шеи, обнаженные и раскрашенные тела, обнаженные и не-раскрашенные тела, длинные волосы, одинаково рассыпавшиеся по плечам юношей и девушек, а над всем этим гипнотический и нескончаемый ритм. «Вудсток в Европе, — сухо говорит Хагбард. — Последняя и окончательная Вальпургиева ночь, и, значит, сбывается пророчество Адама Вейсгаупта».

WE'RE GONNA ROCK ROCK ROCK TILL BROAD DAYLIGHT...

«Это Лига наций, — говорит Джордж, — молодежная Лига наций». Хагбард его не слушает. «Вон там, — показывает он, — на северо-западе, течет Рейн, на берегу которого якобы сидела *Лорелея* и пела свои смертельные песни. Сегодня ночью на Дунае музыка куда смертельнее».

WE'RE GONNA ROCK AROUND THE CLOCK TONIGHT...

(Но это пока в будущем, до которого остается семь дней, а сейчас Джордж лежит без сознания в окружной тюрьме Мэд-Дога. А все началось — та фаза процесса, как называл это Хагбард, — более тридцати лет назад, когда швейцарский химик по фамилии Хоффман влез на свой велосипед и съехал по сельской дороге в новые измерения.)

— И все они вернутся? — спросил Джордж.

— Все, — строго отозвался Хагбард. — Когда ритм достигнет необходимой интенсивности... если мы их не остановим.

(«Сейчас я врубилась, — воскликнула Мэри Лу. — Я и не думала, что будет так здорово. Это отличается от секса, и это лучше». — Саймон ласково улыбался. — "Вот это как раз и есть секс, крошка. А все, что было у тебя раньше, не было сексом. И теперь мы начинаем двигаться... но медленно... плавно... это путь Дао..."

Все они возвращаются; они никогда не умирали, — вопил сумасшедший ошалевшему санитару. — Подожди, начальник! Осталось недолго! Сам увидишь.)

Внезапно усилители взревели. Звук был невыносимым. Джордж поморщился и увидел, как все вокруг зажимают руками уши. ROCK ROCK ROCK AROUND THE CLOCK.

Ключ не подошел, провернулся в замке и выпал, ударив Малдуна по руке. «Нервы, — сказал он Солу. — Каждый раз, когда я этим занимаюсь, чувствую себя взломщиком».

Сол фыркнул: «Взлом — ерунда. До окончания дела нас еще могут успеть казнить за государственную измену. Если мы не станем национальными героями». Малдун начал пробовать другой ключ.

Они были в старинном особняке на Риверсайд-драйв и пытались проникнуть в квартиру Джозефа Малика. Оба хорошо понимали, что тут они не только ищут улики, но и прячутся от ФБР.

Из полицейского управления позвонили как раз в тот момент, когда они завершили допрос Питера Джексона, заместителя редактора. Малдун вышел, чтобы подогнать машину, а Сол заканчивал записывать словесные портреты Малика и Джорджа Дорна. Едва Питер Джексон ушел и Сол потянулся было за пятой из найденных записок, как вернулся Малдун. У него был такой вид, словно врач сообщил ему, что у него положительная реакция Вассермана.

— К нам на помощь спешат два специальных агента ФБР, — упавшим голосом сказал он.

— Ты все еще готов следовать интуиции? — спокойно поинтересовался Сол, затапливая записки обратно в металлическую коробку.

Вместо ответа Малдун вызвал в кафетерий Прайсфиксера и сказал ему: «Через несколько минут здесь будут два федерала. Скажешь им, что мы уехали в управление. Отвечай на все вопросы, которые они зададут, но ничего не говори об этой коробке».

Прайсфиксер внимательно посмотрел на обоих офицеров и пожал плечами: «Вы начальник».

«Либо он глуп и доверчив, — подумал Сол, — либо настолько умен, что в один прекрасный день станет опасным».

Дверь плавно открылась. Входя в квартиру и нащупывая выключатель, Сол держал другую руку на рукоятке револьвера. Только когда вспыхнул свет и выяснилось, что в комнате никого нет, он облегченно вздохнул.

— Поищи собак, они должны быть где-то здесь, — сказал он Малдуну, — а я пока присяду и просмотрю остальные записки.

Беспорядок в гостиной, которая явно использовалась и для работы, и для отдыха, не вызвала ни малейших сомнений в том, что Малик был холостяком. Сол подошел к письменному столу, сдвинул в сторону пишущую машинку, поставил на освободившееся место коробку с записками и вдруг заметил нечто странное. Вся стена с этой стороны комнаты была увешана изображениями Джорджа Вашингтона. Подойдя поближе, он увидел, что на одних портретах стоит пометка «Дж. В.», а на других — «А. В.».

Странно... Впрочем, все это дело изрядно пахло. Как те дохлые египетские ротоноски.

Сол уселся и вытащил из коробки очередную записку. Вернулся Малдун.

— Собак нет. Во всей квартире ни одной собаки.

— Интересно, — задумчиво прокомментировал Сол. — Ты говоришь, что хозяин дома слышал жалобы от других жильцов по поводу собак Малика?

— Он сказал, что все жильцы дома жаловались. Здесь домашние животные запрещены, и он за этим строго следил. Люди возмущались, почему их заставили избавиться от любимых котят, а Малику разрешается держать целую свору собак. Они говорили, что, судя по шуму, собак было не менее дюжины.

— Наверняка он очень любит своих собак, если, уйдя в бега, решил забрать их с собой, — задумчиво изрек Сол. Прыгун с шестом, прячущийся в его подсознании, начинал свой разбег. — Давай посмотрим в кухне, — предложил он.

Сол и Барни, который шел за ним по пятам, методично исследовали содержимое холодильника, кухонных шкафчиков и мусорного ведра.

— Собачьего корма нет, — подвел итог Сол.

— Я заметил.

— И собачьих мисок тоже нет. И пустых банок из-под собачьих консервов.

— И какие идеи отсюда следуют?

— Не знаю, — задумчиво сказал Сол. — Ему наплевать на то, что соседи слышат лай собак. Возможно, он из тех индивидуалистов-леваков, которые обожают ссориться с хозяином и соседями, намеренно нарушая все запреты. Поэтому он ничего не скрывал, пока ему самому не пришлось скрыться. И тогда он не только увел с собой собак, но и уничтожил все следы их пребывания в квартире. А ведь он не мог не понимать, что соседи все равно о них расскажут.

— А может быть, он кормил их человечиной, — гадливо предположил Малдун.

— Господи, откуда же я знаю. Осмотри-ка квартиру: может быть, найдешь что-нибудь интересное. А я пока почитаю.

Сол вернулся в гостиную и приступил к чтению:

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА № 5

26 июля

Дж. М.,

Иногда можно найти нужную информацию в самом неожиданном месте. Приводимый ниже отрывок взят из журнала для девушек (Сандра Гласе, «Заговор», журнал «Тинсет», март 1969 г., стр. 34-40).

Саймон продолжил рассказ о баварских иллюминатах. Эта кошмарная история начинается в 1090 году на Ближнем Востоке:

Хасан ибн Саббах основывает секту исмаилитов, или *хашишин*, называемую так из-за того, что все ее члены употребляли гашиш, сильный наркотик, получаемый из конопли, которая больше известна как дурь-трава, или марихуана... Секта терроризировала мусульманский мир до тех пор, пока всю эту территорию не завоевало монгольское войско Чингиз-хана, установившее там закон и порядок. Вытесненные в горы, наркоманы-хашишин не могли противостоять здоровым монгольским воинам, их крепость была разрушена, а их танцовщицы отправлены в Монголию на перевоспитание. Руководители секты бежали на запад...

«В следующий раз иллюминаты явили себя миру в Баварии, в 1776 году, — сказал мне Саймон... — Оккультист Адам Вейсгаупт изучил наставления Хасана ибн Саббаха и выращивал коноплю у себя во дворе. Второго февраля 1776 года Вейсгаупт достиг иллюминизации, или просветления. Первого мая того же года он официально основал секту Древних Видящих Иллюминатов Баварии. Их лозунгом было *«Ewige Blumenkraft»*⁸... Они привлекли в свои ряды многих выдающихся личностей, например, Гёте и Бетховена. Бетховен прикрепил плакатик *«Ewige Blumenkraft»* к пианино, за которым он сочинил все свои девять симфоний».

Однако самым интересным оказался последний абзац:

Недавно я видела документальный фильм о съезде демократической партии 1968 года, и меня поразил эпизод, в котором сенатор Эйбрахам Рибикофф позволил себе сделать критическое замечание, разгневавшее мэра Чикаго⁹. В возникшей суматохе было невозможно разобрать, что крикнул ему в ответ мэр, и эта неясность спровоцировала массу самых разных домыслов. Лично мне показалось, что на его губах можно было прочесть ставшую к тому времени пугающе знакомой фразу: *«Ewige Blumenkraft»*.

Чем дальше я копаю, тем фантастичнее все это выглядит. Когда мы расскажем обо всем этом Джорджу?

Пат

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПISКА № 6

26 июля

Дж. М.,

Члены общества Джона Берча изучали этот предмет и даже создали собственную теорию. Сначала я обнаружила памфлет «СМО: Заговор с целью управления миром», написанный Гэри Алленом, заместителем редактора принадлежащего обществу журнала *«American Opinion»*.

По мнению Аллена, в 1888 году Сесил Роде создал тайное общество, чтобы установить английское господство над миром. Это общество действует через Оксфордский университет, стипендии Родса и — держитесь за стул — Совет по Международным Отношениям, некоммерческую организацию по изучению международного положения, расположенную прямо здесь, на Шестьдесят восьмой улице в Нью-Йорке. Как отмечает Аллен, из СМО вышли семь из девяти наших последних государственных секретарей и десятки других ведущих политиков, включая Ричарда Никсона. Он

⁸ Власть цветов навеки (нем.).

⁹ Сенатор Рибикофф взбесил мэра Дэйли, критикуя тактику чикагской полиции по разгону антивоенной де-монстрации.

также подразумевает, хотя открыто не утверждает этого, что СМО действует через Уильяма Бакли-Младшего (давнего врага берчевцев)¹⁰; и якобы все это финансируется банками Морганов и Ротшильдов.

Как все это связано с иллюминатами? Мистер Аллен допускает лишь намеки, связывая Родса с Джоном Раскином¹¹, Раскина — с интернационалистами и, наконец, заявляя, что «основателем этого тайного общества на профаническом уровне» был Адам Вейс-гаупт, которого он называет «чудовищем, первого мая 1778 года основавшим Орден Иллюминатов».

Пат

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА № 7

27 июля

Дж. М.,

Это отрывок из статьи в небольшой чикагской газете левого толка («*Роджерспарк Чикаго*», июль 1969 года, вып. 2, № 9). Статья называется "Дэйли¹² связан с иллюминатами". Имя автора не указано.

Ни один историк не знает, что случилось с Адамом Вейс-гауптом после того, как его выслали из Баварии в 1785 году, но в записях из дневника «Вашингтона», сделанных после этой даты, часто упоминаются конопляные посевы в Маунт-Верноне¹³.

Теперь подтверждается вероятность того, что Адам Вейсгаупт убил Джорджа Вашингтона и занял его место, на протяжении двух сроков выполняя функции американского президента... У американского флага, за исключением маленького синего участка в углу, есть два основных цвета: красный и белый, а ведь это официальные цвета *хашишин*. Как флаг, так и пирамида иллюминатов разделены на тринадцать горизонтальных частей, а, как известно, число тринадцать — это традиционное кодовое обозначение марихуаны... и, кстати, до сих пор используется именно в этом смысле «Ангелами ада».

Так вот, «Вашингтон» сформировал партию федералистов. Вторая главная партия того времени, демократические республиканцы, была создана Томасом Джефферсоном, и есть все основания признать истинным свидетельство преподобного Джедедаи Морса из Чарльстона, обвинявшего Джефферсона в том, что он агент иллюминатов. Таким образом, еще на заре становления нашего правительства обе партии служили прикрытием для иллюминатов...

Далее в этой статье, как и в «*Тинсет*», рассказывается о том, как мэр Дэйли во время его стычки с Эйбом Рибикоффом произнес фразу «*Ewige Blumenkraft*».

Пат

10 Уильям Бакли (род. 1925 г.) — американский писатель, редактор, телевизионный ведущий и консервативный по-литический комментатор.

11 Джон Раскин (1819-1900) — английский писатель, искусствовед, сторонник социализма и социальных реформ.

12 Ричард Джозеф Дэйли (1902-1976) — тридцать девятый мэр Чикаго, занимавший этот пост с 1955 года до самой смерти в 1976 году. Один из самых влиятельных американских политиков.

13 Имение, где жил и похоронен Джордж Вашингтон.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА № 8

27 июля

Дж. М.,

Еще к теории Вашингтона-Вейсгаупта:

Хотя его лицо изображено на миллиардах почтовых марок и долларовых купюр, а портреты висят во всех государственных учреждениях страны, никто не может быть полностью уверен в том, что Вашингтон выглядел именно так. В программе «Проект 20» смотрите сегодня вечером в 19:30 на нашем телеканале передачу «Знакомьтесь: Джордж Вашингтон». В ней будут показаны прижизненные портреты первого президента, на которых явно изображены разные люди.

Это пресс-релиз, выпущенный телекомпанией Эн-Би-Си 24 апреля 1969 года. Некоторые из портретов можно найти в «*Британской энциклопедии*», и сходство с портретами Вейсгаупта неоспоримо.

Совершенно случайно Барбара привлекла мое внимание к тому, что на письме в «*Плейбой*», в котором задавался вопрос об иллюминатах, стоит подпись «Р. С, Канзас, штат Миссури». Судя по сообщениям канзасских газет, 17 марта 1969 года (примерно через неделю после появления в газетных киосках апрельского номера «*Плейбоя*») был обнаружен труп местного жителя Роберта Стэнтон. У него было разорвано горло, словно его терзали когти какой-то гигантской хищной твари. При этом сведений о пропаже хищных зверей из местных зоопарков не поступало.

Пат

Сол поднял взгляд на портреты на стене. Впервые он обратил внимание на странное подобие улыбки на лице Вашингтона на самом знаменитом из этих портретов — работы Гилберта Стюарта, воспроизведенном на однодолларовой купюре. «У него было разорвано горло, как если бы его растерзала когтями какая-то гигантская хищная тварь», — мысленно повторил Сол, вспомнив об исчезнувших собаках Малика.

«Какого черта ты ухмыляешься?» — мрачно спросил он.

Внезапно Сол вспомнил, что еще во время повсеместного запрета на марихуану конгрессмен Кох в одном из своих выступлений что-то говорил о конопле, упоминая ее в связи с именем Вашингтона. О чем же он говорил? Ах вот, вспомнил... Он говорил о дневниковых записях, из которых следовало, что Генерал еще до опыления отделял женские растения от мужских. Если он выращивал коноплю для изготовления веревок, то с ботанической точки зрения необходимости в таких манипуляциях не было. В то же время, как указывал Кох, это стандартная практика выращивания конопли для получения марихуаны.

А «иллюминизация», или «просветление», было одним из слов, которыми всегда пользовались хиппи для описания ощущений, которые испытываешь после употребления травки высшего сорта. Даже более привычный термин, «вмыкание», если задуматься, имел такой же смысл, как и «просветление». А что, если нимб над головой Иисуса Христа на католических иконах как раз и символизировал такое «просветление»? И Гёте — если он действительно был иллюминатом — имел в виду именно такой опыт, когда произносил на смертном одре: «Больше света!»

«Мне следовало стать раввином, как хотел мой отец, — грустно подумал Сол. — Работа полицейского меня портит. Через пару минут я начну

подозревать Томаса Эдисона».

ROCK ROCK ROCK TILL BROAD DAYLIGHT...

Мэри Лу Сервикс медленно возвращается в сознание, словно жертва кораблекрушения, которая добралась до спасательной шлюпки.

— Господи, — тихо выдохнула она. Саймон поцеловал ее шею.

— Теперь ты знаешь, — прошептал он.

— Господи, — повторила она. — Сколько раз я кончила? Саймон улыбнулся.

— Я не из тех мачо с анальными комплексами, которые ведут учет. Думаю, около десяти-двенадцати раз.

— Господи. А эти видения. Что это было? Это ты так влиял на мою психику или дело в траве?

— Лучше расскажи мне, что ты видела.

— Значит так. У тебя над головой было что-то вроде нимба. Большого голубого нимба. А потом я увидела такой же нимб и у себя, и он состоял из разных голубых точек, которые кружились и извивались. А потом все пропало. И появился свет. Чистый белый свет.

— А что, если я бы тебе сказал, что у меня есть друг, дельфин, и он всегда обитает в этом беспредельном свете?

— Перестань меня разыгрывать. До сих пор ты был такой милый.

— Я тебя не разыгрываю. Его зовут Говард. Я могу устроить тебе с ним встречу.

— С рыбой?

— Нет, крошка. Дельфин — не рыба, а млекопитающее. Такое же, как ты или я.

— Слушай, мистер Саймон Мун, или ты самый большой умник из всех, кого я знаю, или самый большой дурак. В самом деле. Но этот свет... Господи, я никогда не забуду этот свет.

— А что произошло с твоим телом? — невинно спрашивает Саймон.

— Ты не поверишь, но я не знала, где мое тело. Даже во время оргазмов я не знала, где находится мое тело. Все превратилось в сплошной... свет...

ROCK ROCK ROCK AROUND THE CLOCK TONIGHT...

Покинув Даллас в тот достопамятный полдень 22 ноября 1963 года, человек, воспользовавшийся именем «Фрэнк Салливэн», прошмыгнул мимо Маккорда и Баркера в аэропорту, и его мысли не омрачили дурные предчувствия о грядущем Уотергейте. (А на Травяном холме фотографируют Говарда Ханта; позже этот снимок попадет в папку к нью-орлеанскому окружному прокурору Джиму Гаррисону по кличке «Веселый зеленый великан». Впрочем, Гарри-сон так никогда и не приблизился к истине хотя бы на расстояние светового года...)

— Сюда, кис-кис-кис, — зовет Хагбард.

Но сейчас мы снова возвращаемся обратно, в Лас-Вегас второго апреля. Шерри Бренди, урожденная Шарон О'Фаррелл, вернувшись домой в четыре часа утра, застаёт в своей гостиной Кармела. Ее это не удивляет; он часто наносит такие неожиданные визиты. *Судя по всему, он обожает вторгаться на территорию других людей, словно какой-то гадкий вирус.* «Дорогой», — воскликнула я, бросившись к нему с поцелуем, как он любил. «Чтоб ты сдох», — подумала я, когда наши губы встретились.

— Клиент на всю ночь? — небрежно поинтересовался он.

— Да. Один из ученых, которые работают тут в пустыне, хотя все мы делаем вид, что не подозреваем об их существовании. Ненормальный.

— Он хотел чего-то особенного? — быстро спросил Кармел. — Ты повысила тариф?

Иногда мне кажется, что у него в глазах вместо зрачков долларовые знаки.

— Нет, — говорю я, — он просто хотел переспать. Но потом меня не отпустил. И всю ночь трепался. — Я зеваю, оглядываясь на хорошую мебель и хорошие картины, выдержанные в одной розово-сиреневой гамме, и все было бы поистине прекрасно, если бы не эта гнусная тварь, сидевшая на моей тахте и похожая на голодную дохлую крысу. Мне всегда нравились красивые вещи, и вообще я, наверное, могла бы быть художницей или дизайнером, если бы не злая судьба, которая всегда подкладывала мне свинью. Боже, кто сказал Кармелу, что голубую водолазку можно носить с коричневым костюмом? Честное слово, если бы не женщины, мужчины всегда ходили бы в таком виде. Так мне кажется. У них нет чувства прекрасного. Пещерные люди, беглые рабы, одно слово, мужичье.

— Этот тип — большой умник, — говорю я, чтобы отвлечь внимание Кармела и не дать ему начать очередной допрос с пристрастием. — Он против фтора в питьевой воде, и против католической церкви, и против педиков. И считает, что противозачаточные пилюли нового поколения еще хуже прежних, и вместо них я должна пользоваться диафрагмой. Боже, у него есть свое мнение обо всем на свете, и мне пришлось все это выслушать. Ну и тип.

Кармел кивнул.

— Все ученые — придурки, — сказал он.

Я стянула через голову платье и повесила его в шкаф (красивое зеленое платье с блестками; новый фасон, в котором мои соски торчат наружу сквозь маленькие дырочки. Лично для меня это сплошной геморрой, поскольку они постоянно натираются и опухают, но это очень возбуждает клиентов, а я всегда говорю, что в нашем деле главное — это терпение. Хочешь иметь деньги в этом сучьем городе с его сраной удачей, девочка, у тебя есть только один путь — терпеть и давать) и поскорее схватила халат, пока старый хрен не решил, что настало время для его еженедельного французского секса.

— У него классный дом, — говорю я, чтобы отвлечь внимание этого говнюка. — Он может жить не на базе, потому что он слишком важная шишка для всяких там правил и предписаний. Дом красивый. Стены из красного дерева, отделка цвета жженого апельсина, и все такое. Классно. Но он это ненавидит. Ведет себя так, словно в доме обитает призрак графа Франкенштейна. То и дело вскакивает и выглядывает в коридор, словно кого-то боится. Кого-то такого, кто ему голову откусит в один миг. — Я решила немного раскрыть верхнюю часть халата. Либо Кармел все-таки возбудился, либо он хочет чего-то другого, а *что-то другое* обычно означает, что он подозревает меня в утаивании денег. Будь он проклят со своим поганым ремнем. Конечно, иногда во время порки у меня на миг бывает некое странное ощущение, я даже думаю, это вроде того оргазма, какой бывает у мужчин, но никакой оргазм не стоит такой боли, уж поверьте мне. Мне вот интересно, правда ли, что некоторые женщины испытывают оргазм? На самом деле испытывают? Лично я в это не верю. В нашем бизнесе никто еще не получал этого от мужчины, разве что только от мисс Розовой Ладошки и ее пяти сестричек. А если никто из нас не испытывает этого, что же говорить о порядочных девочках-натуралках?

— Жучки, — сказал Кармел с умным видом: как всегда, показывает, что

он круче всех на свете. Я не понимаю, о чем он говорит.

— Какие жучки? — спрашиваю, немного успокоившись. Это все-таки лучше, чем разговоры о деньгах.

— Этот тип, — сказал он с ухмылкой всезнайки. — Ты же сказала, что он — большая шишка. Поэтому его дом прослушивается. Возможно, он их находит и вынимает, а ФБР все время ставит новые. Могу спорить, что он делал это с тобой молча, да? — Я киваю, припоминая. — Вот видишь. Его мучает мысль о том, что федералы слышат каждое его слово. Прямо как Мал — один мой знакомый из Синдиката. Он так боится жучков, что все деловые переговоры ведет только в ванной гостиничного номера. Открывает все четыре крана на полный напор, и при этом мы оба говорим шепотом. По какой-то научной причине шум текущей воды заглушает голоса лучше самой громкой музыки.

— Жучки, — вдруг сказала я. — Точно. — Но не те жучки. Я вспомнила, как Чарли бесился по поводу фторирования воды: «Нас всех считали психами, потому что несколько дебилов правого толка пятнадцать или двадцать лет назад сказали, что фторирование — это коммунистический заговор с целью отравить население. Сейчас любой критик фторирования покажется таким же недоумком, как члены „Божьей молнии“. Господи, да если кто-то захочет разделаться с нами без единого выстрела, я мог бы...», — тут он спохватился, будто проглотил уже повисшую на кончике языка фразу, и промямлил: «Я мог бы назвать дюжину способов, перечисленных в любом учебнике по химии, которые намного эффективнее фторирования». Однако было совершенно ясно, что он имел в виду не химикаты, а тех маленьких жучков, которые называются «микробами». Именно с ними он и работает. Я испытываю кайф, как всегда, когда мне удастся разгадать тайну клиента. Например, что у него больше денег, чем он говорит, или что он застал свою жену в постели с молочником и хочет «сравнять счет» с моей помощью, или что он на самом деле педик, но хочет себе доказать, что еще не *полный* педик. — Боже, — говорю я, — Кармел, я читала об этих микробах-жучках в «*Инквэйрере*». Если они случайно попадут в воздух, весь наш город вымрет, а вместе с ним весь штат, и одному Богу известно, сколько других штатов. Господи Иисусе, не удивительно, что он постоянно моет руки!

— Бактериологическое оружие? — мгновенно въехал в ситуацию Кармел. — Могу спорить, этот город кишит русскими шпионами, которые пытаются выяснить, что здесь происходит. И я им дам прямую наводку. Но как, черт побери, познакомиться с русским шпионом или китайским? Не дашь же объявление в газетную службу знакомств. Черт. Может быть, стоит съездить в университет и поговорить с кем-нибудь из этих придурковатых студентов-коммунистов...

Я потрясена.

— Кармел! Нельзя же вот так, запросто, продавать свою страну!

— Черта с два, нельзя! Статуя Свободы — такая же шлюха, как и ты, я и ее готов продать, было бы кому. Не будь душой. — Он сует руку в карман пиджака и, как всегда, когда волнуется, вытаскивает оттуда карамельку. — Наверняка кто-то в Банде об этом знает. Они всегда все знают. Черт, должен же быть *какой-то* способ срубить на этом денег.

Международная трансляция выступления президента началась 31 марта в 22:30 по нью-йоркскому времени. Русским и китайцам дали двадцать четыре часа, чтобы убраться с Фернандо-По, иначе над Санта-Исабель

прольется ракетно-ядерный дождь. "Это *очень* серьезно, — говорил глава исполнительной власти США, — и Америка не бросит на произвол судьбы свободолюбивый народ Фернандо-По!"

Трансляция закончилась в 23:00 по нью-йоркскому времени, и уже через две минуты все телефонные линии страны дымились от перегрузки — американцы заказывали железнодорожные, авиа— и автобусные билеты в Канаду.

В Москве, где в это время было десять утра следующего дня, Генеральный секретарь срочно созвал все Политбюро и решительно сказал:

— Этот мудак в Вашингтоне — сумасшедший, и он не шутит. Надо немедленно отозвать наших людей с Фернандо-По, а потом выяснить, кто их вообще туда посылал, и перевести этого деятеля куда-нибудь в Сибирь, курировать строительство ГЭС.

— наших людей в Фернандо-По нет, — мрачно сказал один из членов Политбюро. — Американцы что-то напутали.

— Как же, по-вашему, мы можем отозвать наших, если их там вообще нет? — строго спросил Генеральный секретарь.

— Понятия не имею. У нас есть двадцать четыре часа на то, чтобы что-нибудь придумать, иначе нам всем... — тут член Политбюро употребил старинное русское словцо.

— Можно объявить, что мы выводим наши войска, — предложил другой член Политбюро. — Они не смогут обвинить нас во лжи, если через двадцать четыре часа не найдут ни одного нашего человека на острове.

— Нет, они никогда не верят тому, что мы *говорим*. Они хотят все увидеть собственными глазами, — задумчиво сказал Генеральный. — Мы должны скрытно перебросить туда войска, а затем с шумом и помпой вывести их. Вот так.

— Боюсь, это не решит проблему, — похоронным голосом произнес еще один член Политбюро. — Наша разведка докладывает, что на острове китайские войска. Если Пекин не отзовет своих людей, бомбы начнут падать прямо на головы нашим и... — далее он обрисовал свое видение ситуации, прибегнув к расхожему русскому выражению.

— Черт бы их побрал, — выругался Генеральный секретарь. — И какого хрена китайцы полезли на этот Фернандо-По?

Несмотря на раздражение, он говорил очень властно. В сущности, это был прекрасный образец доминантного самца нынешней эпохи. Пятидесятипятiletний, жесткий, практичный и не обремененный сложными этическими комплексами, которые приводят в затруднение интеллектуалов, он давно понял, что мир — это сучье место, в котором могут выжить только самые коварные и безжалостные. Он был настолько добр, насколько это возможно для сторонника философии крайнего дарвинизма. По крайней мере, он искренне любил детей и собак, если только они не находились на территории, которую, исходя из Интересов Государства, следовало подвергнуть бомбардировке. Несмотря на чуть ли не небесный статус, у него по-прежнему сохранилось чувство юмора, и, хотя вот уже почти десять лет со своей женой он был импотентом, ему удавалось за полторы минуты достичь оргазма во рту опытной проститутки. Он принимал амфетаминовые стимуляторы, чтобы выдержать рабочий день, который длился по двадцать четыре часа в сутки, поэтому в его мировосприятии со временем появился параноидальный уклон. Чтобы унять постоянное беспокойство, ему приходилось глотать транквилизаторы, и поэтому его отрешенность иногда

граничила с шизофренией. Но основную часть времени внутренняя практичность позволяла ему цепко держаться за реальность. Короче говоря, он был очень похож на правителей Америки и Китая.

А тем временем Сол Гудман, приказав себе больше не думать о Томасе Эдисоне и его электрических лампочках, вновь просматривает восемь первых записок, стараясь опираться исключительно на консервативно-логическую сторону своего мышления и жестко блокировать интуицию. Это была его привычная тактика, и он называл ее «расширением-и-сжатием»: сначала прыжок в неизвестное в поиске связи, которая должна существовать между фактом № 1 и фактом № 2, затем медленный откат для проверки правильности выбранного курса.

Перед его мысленным взором проносятся имена и даты: Фра Дольчино — 1508 — рошани — Хасан ибн Саббах — 1090 — Вейсга-упт — заказные убийства — Джон Кеннеди, Бобби Кеннеди, Мартин Лютер Кинг — мэр Дэйли — Сесил Роде — 1888 — Джордж Вашингтон...

Версии:

- 1) все это правда, и дела обстоят именно так, как отражено в записках;
- 2) это отчасти правда, а отчасти — ложь;
- 3) все это ложь и никакого тайного общества, существующего с 1090 года до наших дней, никогда не было и нет.

Что ж, отнюдь не всё здесь правда. Мэр Дэйли никогда не кричал сенатору Рибикоффу: «*Ewige Blumenkraft*». Сол видел в «*Вашингтон пост*» расшифровку прочитанного по губам крика Дэйли при выключенном микрофоне, но там не было и намека на немецкий язык, одна лишь непристойная брань и антисемитизм. В теории замещения Вашингтона Вейсгауптом, при всех цитируемых в записках косвенных доказательствах, тоже есть слабые места: очень трудно поверить, что в те времена, когда еще не знали о пластической хирургии, можно было безболезненно совершить такую подмену и выдать себя за человека, внешность которого хорошо известна буквально всем! Итого два весомых аргумента против версии первой. *Не всё* в записках правда.

А что с версией три? Возможно, линия существования общества иллюминатов не была непрерывной, и человек, взорвавший «*Конфронтэйшн*», не был прямым наследником первых ассасинов Хасана ибн Саббаха. Возможно, эта цепь прерывалась, и иллюминаты на какое-то время сходили со сцены, как это было с Ку-клукс-кланом в период между 1872 и 1915 годами. В конце концов, за восемь веков орден мог много раз распадаться и много раз опять возобновлять свою деятельность. Но вполне вероятно, что между Ближним Востоком XI века и Америкой века XX существует незримая связь, которая проходит через средневековую Европу. Неудовлетворенность Сола официальными версиями последних убийств, не поддающаяся никакому рациональному объяснению современная международная политика Америки и тот факт, что даже историки, которые проявляли воинствующее недоверие ко всем «теориям заговоров», признавали центральную роль тайных масонских лож во Французской революции, — все это служило веским основанием для отказа от третьей версии. Кроме того, судя как минимум по двум запискам, первой группой, куда проникли люди Вейсгаупта, были масоны.

Итак, версия 1 однозначно отпадает, а версия 3 практически столь же несостоятельна; значит, скорее всего, правильна версия 2. Теория, сформулированная в записках, отчасти верна, а отчасти ложна. Но какова, в

сущности, эта теория и какая ее часть — правда, а какая — ложь?

Сол закуривает трубку, закрывает глаза и сосредоточивается.

По существу, суть теории заключалась в том, что, используя вывески самых разных организаций, иллюминаты вербовали людей, с помощью марихуаны (или какого-то продукта ее переработки) позволяли им пережить опыт «просветления», а затем превращали в фанатиков, готовых воспользоваться любыми необходимыми средствами для превращения населения всего мира в иллюминатов. Очевидно, они ставили перед собой глобальную цель тотального преобразования человечества в духе концепции *сверхчеловека* Ницше или фильма «2001». По ходу этого заговора иллюминаты, как намекал Малик Питеру Джексону, методично убивали каждого популярного политического деятеля, который мог помешать выполнению их плана.

Внезапно Сол подумал о Чарли Мэнсоне и о прославлении Мэнсона террористами «Уэзерменов» и «Моритури». Он подумал о популярности курения марихуаны и о лозунге современных радикальных молодежных организаций: «Любые средства хороши». И еще он вспомнил девиз Ницше: «Будь тверд... Все, что делается во имя любви, выше добра и зла... Человек выше обезьяны, а Сверхчеловек выше человека... Не забывай о своем превосходстве...» Несмотря на логику, которая доказывала, что теория Малика верна лишь *частично*, Сол Гудман, убежденный либерал, внезапно чувствует, что его сердце на миг сжалось от страха при мысли о современной молодежи, того самого страха, который обычно испытывают правые.

Он вспоминает предположение Малика о том, что нити заговора тянутся главным образом из Мэд-Дога и что это вотчина «Божьей молнии». Но «Божья молния» определенно не питает пристрастия ни к марихуане, ни к молодежи, ни к философии иллюминатов с ее явно антихристианской окраской.

И, кроме того, источникам, которые информировали Малика, можно доверять лишь отчасти.

Были и другие возможности: к примеру, шрайнеры составляли часть масонского движения, в основном придерживались правой ориентации, совершали тайные ритуалы и использовали арабские атрибуты, которые вполне могли дойти до них еще со времен Хасана ибн Саббаха или афганских рошани. Кто знает, какие тайные планы замышлялись на конвентах шрайнеров?

Нет, это снова включился в работу прыгун-с-шестом из правого полушария — интуиция, а Сола сейчас интересует топтун-логик из левого.

Ключ к тайне — в четком определении целей иллюминатов. Нужно понять, какие изменения они пытаются осуществить в человеке и в обществе, и только тогда можно строить более или менее правдоподобные догадки о том, кто они есть.

Сами они, если верить берчевцам, стипендиаты Родса, а их цель — британское господство над миром. Эта гипотеза, безусловно, хорошо вписывалась в представление Сола о всемирном заговоре шрайнеров. И что дальше? Итальянские иллюминаты под руководством Фра Дольчино хотели перераспределить богатство, но международные банкиры, упоминавшиеся в письме в «Плейбой», видимо, хотели сохранить его у себя. В статье из «Британской энциклопедии» говорится, что Вейсгаупт был «вольнодумцем», и такими же «вольнодумцами» были Вашингтон и Джефферсон. Но, с другой стороны, Саббах и Иоахим Флорский явно были еретиками-мистиками

исламской и католической традиций соответственно.

Сол взял девятую записку, решив узнать больше фактов (или так называемых фактов), прежде чем продолжать дальнейший анализ. И тут его осенило.

Какую бы задачу ни ставили перед собой иллюминаты, она *не была* выполнена. Доказательство: если бы они достигли цели, то перестали бы устраивать тайные заговоры.

Поскольку на протяжении человеческой истории почти все было опробовано, надо выяснить, что еще *не опробовано* (по крайней мере, в широких масштабах) — и это будет тем состоянием, к которому иллюминаты пытаются привести остальное человечество.

Капитализм опробован. Коммунизм опробован. В Австралии опробован даже единый налог Генри Джорджа. Фашизм, феодализм и мистицизм тоже опробованы.

Никогда не был опробован анархизм.

Анархизм часто ассоциируется с убийствами. Им увлекались такие вольнодумцы, как Кропоткин и Бакунин, а также религиозные идеалисты вроде Толстого и Дороти Дэй из Движения рабочих-католиков. В основном анархисты, как и Иоахим Флорский, жаждали перераспределения богатств. Но однажды Ребекка рассказала ему о произведении, считавшемся классикой анархической литературы, — книге Макса Штирнера «*Единственный и его собственность*». Эту книгу называют «библией миллиардеров», поскольку в ней подчеркиваются преимущества, которые крепкий индивидуалист получит в лишенном государственности обществе. А ведь до того, как стать банкиром, Сесил Роде был всего лишь искателем приключений. Итак, иллюминаты были анархистами!

Все сходится: разрозненные узоры аккуратно вписываются в стройную систему.

Теперь Сол уверен.

И он ошибается.

— *Мы просто выведем наши войска с Фернандо-По,* — сказал Председатель Коммунистической Партии Китая первого апреля. — *Не имеет смысла развязывать мировую войну из-за такой чепухи.*

— Но наших войск там нет, — возразил ему помощник. — Там только русские.

— Вот как? — протянул Председатель и процитировал одну старинную китайскую поговорку. — Интересно, какого демона там надо русским? — добавил он задумчиво.

Он был раздражен, но в голосе его слышались стальные властные нотки. В сущности, это был прекрасный образец доминантного самца нынешней эпохи. Пятидесятипятiletний, жесткий, практичный и не обремененный сложными этическими комплексами, которые приводят в затруднение интеллектуалов, он давно понял, что мир — это сучье место, в котором могут выжить только самые коварные и безжалостные. Он был настолько добр, насколько это возможно для сторонника философии крайнего дарвинизма. По крайней мере, он искренне любил детей и собак, если только они не находились на территории, которую, исходя из Национальных Интересов, следовало подвергнуть бомбардировке. Несмотря на чуть ли не небесный статус, у него по-прежнему сохранилось чувство юмора и, хотя вот уже почти десять лет со своей женой он был импотентом, ему удавалось за полторы минуты достичь оргазма во рту опытной проститутки. Он принимал

амфетаминовые стимуляторы, чтобы выдержать рабочий день, который длился по двадцать четыре часа в сутки, поэтому в его мировосприятии со временем появился параноидальный уклон. Чтобы унять постоянное беспокойство, ему приходилось глотать транквилизаторы, и поэтому его отрешенность иногда граничила с шизофренией. Но основную часть времени внутренняя практичность позволяла ему цепко держаться за реальность. Короче говоря, он был очень похож на правителей Америки и России.

(«Это не только грех перед Богом, — кричит мистер Мочениго, — это еще и микробы». Дело происходит ранней весной 1950 года на Малберри-стрит, и молодой Чарли Мочениго испуганно смотрит на отца. «Смотри, смотри сюда, — сердито продолжает мистер Мочениго-старший, — если ты не веришь родному отцу. Смотри, что сказано в словаре. Вот, видишь статью на этой странице. Читай. „Мастурбация: стимуляция поллюции“. Ты знаешь, что значит слово „поллюция“? Загрязнение. А ты знаешь, сколько живут эти грязные микробы?» Но вот наступает весна 1955 года, и бледный тощий гениальный интроверт Чарльз Мочениго записывается на первый семестр в Массачусетский технологический, где, заполняя анкету, пишет в графе «Религия» аккуратными печатными буквами «АТЕИСТ». К тому времени он уже прочел Кинси, Хиршфельда и чуть ли не все существующие трактаты по биологической сексологии, старательно избегая психоаналитиков и прочих шарлатанов. Единственным отголоском того раннего подросткового ужаса осталась привычка в состоянии стресса часто мыть руки, из-за которой он получил кличку «Мыльный».)

Генерал Толбот с жалостью смотрит на Мочениго и наводит пистолет на голову ученого...

Шестого августа 1902 года в мире появилось обычное количество новорожденных детей, которые были запрограммированы более или менее одинаково действовать и содержали одну и ту же, хотя и с небольшими отклонениями, базисную матрицу ДНК. Из общего числа родившихся детей примерно 51000 составляли девочки и 50000 — мальчики. Причем двум мальчикам, родившимся в одну и ту же секунду, было суждено сыграть большую роль в нашей истории, выбрав, в некотором смысле, одинаково звездные карьеры. Первый, родившийся на дешевом извозничьем дворе в Бронксе и названный Артуром Флегенхеймером, в конце жизни с большой теплотой отзывался о своей матери (впрочем, как и о медведях, обочинах и свежей бобовой похлебке). Второй, родившийся в одном из лучших старинных особняков на Бикон-Хилл в Бостоне и названный Робертом Патни Дрейком, в конце жизни отзывался о своей матери довольно резко... Но когда в 1935 году пути мистера Флегенхеймера и мистера Дрейка пересеклись, одним из отголосков их встречи стал инцидент в Фернандо-По.

Примерно в это же время в управление одного из отделов британской разведки на встречу с W. вызвали агента 00005. Хотя это происходит 17 марта, агент 00005 и W., будучи англичанами, конечно же, и не вспоминают о святом Патрике; они говорят о Фернандо-По.

— Янки располагают сведениями, — решительно начал W., — что за этой свиньей Текилья-и-Мотой стоят русские или китайцы, а может быть, и те, и другие. Конечно, даже если бы это было правдой, правительству Ее Величества нет до этого никакого дела: стоит ли беспокоиться, если эдакий *островишко* станет красным? Но ты же знаешь этих янки, 00005. Они готовы начать из-за этого войну, хотя открыто пока еще об этом не объявили.

— Означает ли это, — спросил 00005, растянув вяловато-жестокое лицо

в обаятельной улыбке, — что я должен слетать в Фернандо-По, выяснить реальную политику этого парня, Текилья-и-Моты, и, если выяснится, что он красный, свергнуть его, пока янки не взорвали весь мир?

— Да, таково задание. Мы не можем допустить ядерной войны сейчас, когда платежный баланс почти выровнялся и наконец-то заработал Общий рынок. Так что отправляйся туда немедленно. Естественно, если тебя схватят, правительство Ее Величества заявит, что ничего не знало о твоих действиях.

— Как обычно, — иронично прокомментировал 00005. — Хоть бы раз мне поручили такую миссию, в которой чуткое и сострадательное правительство Ее Величества стояло бы за моей спиной всей своей мощью!

Но 00005, конечно же, просто умничает. Как настоящий патриот, он выполнит любой приказ при любых обстоятельствах, даже если ради этого понадобится погубить всех жителей Фернандо-По и себя вместе с ними. Он поднялся и, кивнув шефу со свойственной ему обходительностью, направился в свой кабинет, где начал готовиться к миссии на Фернандо-По. Сначала он заглянул в личный путевой блокнот, выясняя, в каком баре Санта-Исабель можно найти приемлемый martini и в каком ресторане могут сносно приготовить омара «Ньюберг». К своему ужасу, он не нашел ни такого бара, ни такого ресторана. Цивилизация обошла Санта-Исабель стороной.

— Так, — пробормотал 00005, — мне придется *туговато*.

Но он быстро утешился, поскольку знал, что в Фернандо-По должны водиться прелестные *шоколадки*, а он всегда охотился за такими женщинами, как за Священным Граалем. К тому же собственная версия событий на Фернандо-По у него уже сложилась. Он не сомневался, что за всем этим переворотом стоит БАЛБЕС (Блоухар-довские агенты: либералы, бандиты, еретики и содомиты) — международный заговор преступников и шпионов, возглавляемый печально знаменитым и таинственным Эриком Блоухардом по кличке «Рыжий».

Агент 00005 никогда не слышал об иллюминатах.

В сущности, несмотря на гладко зачесанные назад темные волосы, пронзительный взгляд, жестокое и вместе с тем привлекательное лицо, подтянутое спортивное тело, способность проникать во многих женщин и выбрасывать из окон многих мужчин при выполнении заданий 00005 вовсе не был идеальным агентом спецслужб. Он рос, читая романы Яна Флеминга, и однажды, когда ему исполнился двадцать один год, посмотрел в зеркало и подумал: если уж он так похож на главного героя Флеминга, то почему бы не начать кампанию внедрения в шпионские игры? Проблуждав четырнадцать лет в бюрократическом лабиринте, он наконец попал в одну из спецслужб, но она, к сожалению, больше напоминала ту убогую контору, в которой подвизался Гарри Палмер, чем настоящую Бондиану. Тем не менее 00005 всеми силами старался оживить обстановку, и, наверное, потому, что Бог любит дураков, он всегда оставался жив при выполнении тех все более странных заданий, которые ему поручались. Поначалу все его задания были странными, потому что никто не воспринимал его всерьез. Вся деятельность 00005 сводилась к сбору странных слухов, правдивость которых «на всякий случай» следовало проверять. Однако со временем выяснилось, что особая форма шизофрении, которой страдал агент 00005, прекрасно помогает в решении некоторых реальных проблем, точно так же как более замкнутый шизоид идеально подходит на роль «крота», поскольку легко забывает свое так называемое истинное "я". Естественно, никто и никогда не воспринимал

БАЛБЕС всерьез, и одержимость агента 00005 этой организацией была постоянной темой для шуток в его отделе.

— *Как это ни чудесно, — сказала Мэри Лу, — но мне было страшно.*

— *Почему? — спросил Саймон.*

— *Из-за этих галлюцинаций. Мне казалось, я схожу с ума. Саймон зажег еще один косяк и передал его Мэри.*

— *Почему ты даже сейчас считаешь, что это были просто галлюцинации?*
 ROCK ROCK ROCK TILL BROAD DAYLIGHT...

— *Если это была реальность, — убежденно заявила Мэри, — значит, все остальное в моей жизни было галлюцинацией.*

Саймон усмехнулся.

— *Наконец-то, — спокойно произнес он, — ты попала в точку.*

Трип второй, или ХОКМА

Теперь немного метафизики. Анэристический принцип — это принцип ПОРЯДКА, эристический принцип — принцип БЕСПОРЯДКА. С виду Вселенная кажется (невеждам) упорядоченной; это АНЭРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ. В сущности, любой порядок «здесь» накладывается на изначальный хаос — в том же смысле, в каком имя человека скрывает под собой его истинное "я". Реализовывать этот принцип на практике — задача ученых, и некоторым из них это великолепно удастся. Но пристальное изучение показывает, что порядок растворяется в беспорядке, и это — ЭРИСТИЧЕСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ.

Малаклипс -Младший , Х. С . Х., «Principia Discordia»

А космический корабль «Земля», этот восхитительный и кровавый цирк, вот уже четыре миллиарда лет все двигался по орбите вокруг Солнца; его конструкция, впрочем, оказалась столь совершенной, что никто из пассажиров вообще не ощущал движения. Те, кто находились на темной стороне корабля, в основном спали и путешествовали в мирах свободы и фантазии; те же, кто оказался на освещенной стороне, выполняли задачи, поставленные перед ними лидерами, или праздно ожидали, когда поступит очередной приказ сверху. Доктор Чарльз Мочениго в Лас-Вегасе пробудился от очередного ночного кошмара и отправился в туалет мыть руки. Он думал о том, что вечером ему предстоит свидание с Шерри Бренди, и, слава Богу, не догадывался, что это его последнее свидание с женщиной. Все еще пытаясь успокоиться, он подошел к окну и взглянул на звезды. Будучи специалистом, чьи интересы ограничивались только предметом его исследований, он считал, что смотрит на звезды *снизу вверх*, а не видит их *вокруг себя*. Р. Бакминстер Фуллер, один из немногих землян, осознающих, что они живут на космическом корабле, был в это время на борту самолета, выполнявшего дневной рейс Нью-Дели-Гонконг-Гонолулу-Лос-Анджелес. Он посмотрел на циферблаты всех трех своих наручных часов. Одни часы показывали местное время (17:30), вторые — время в Гонолулу, конечной цели его путешествия (2:30 следующего утра), а третьи — время на его родине в Карбондейле, штат Иллинойс (3:30 предыдущего утра). В Париже в полуденном людском водовороте ватаги юнцов распространяли буклеты, в которых восторженно

описывался всемирный рок-фестиваль и праздник космической любви, который пройдет на побережье озера Тотенкопф близ Ингольштадта в конце месяца. В английском Сандерленде молодой психиатр прервал свой обед и бросился в палату хронических больных, где из уст пациента, который десять лет молчал, раздавалось странное бормотание: "Это начнется в *Вальпургиеву ночь*. Именно тогда Он обретет максимальную силу. И тогда-то вы Его увидите. При первом ударе часов в полночь". В центре Атлантического океана дельфин Говард, плывший с друзьями под лучами утреннего солнца, столкнулся с акулами и вступил в смертельную борьбу. В Нью-Йорке, где занимался рассвет, Сол Гуд-ман тер уставшие глаза и просматривал записку о Карле Великом и Судах Просветленных. А Ребекка Гудман тем временем читала о ревнивых жрецах Бел-Мардука, которые предали Вавилон вторгнувшейся армии Кира, потому что их молодой царь Валтасар стал отправлять культ любви богини Иштар. В Чикаго Саймон Мун, лежа рядом с Мэри Лу Сервикс, слушал пение пробудившихся птиц и дожидался первых рассветных лучей. Его ум был активен — он размышлял о пирамидах, богах дождя, сексуальной йоге и пятимерной геометрии, но больше всего он думал о предстоящем рок-фестивале в Ингольштадте и о том, сбудется ли все, что предсказал Хагбард Челине.

В двух кварталах к северу (в пространстве) и более сорока лет назад (во времени) мать Саймона, покидая Уоббли-Холл ¹⁴, — а надо сказать, что Саймон был анархистом во втором поколении, — слышит pistolетные выстрелы и подходит к толпе, собравшейся перед кинотеатром «Биограф», где лежит истекающий кровью человек. На следующее утро, 23 июля 1934 года, Билли Фрешетт, находясь в тюрьме округа Кук, узнает эту новость от надзирательницы.

В этой Стране Белых Мужчин я занимаю самое низкое и зависимое положение, потому что у меня не белый цвет кожи и потому что я не мужчина. Я олицетворяю все недостойное и презренное, потому что я цветная женщина из индейского племени и близка к природе, а всему этому нет места в технологическом мире белых мужчин. Я — дерево, которое срубают, чтобы построить фабрику, отравляющую воздух. Я — река, в которую сбрасывают сточные воды. Я-тело, презираемое сознанием. Янижедна, грязь под вашими ногами. И при этом из всех женщин мира Джон Диллинджер выбрал в невесты именно меня. Он утонул во мне, упал в мою бездну. Я была его супругой, но не в том смысле, в каком понимают супружество ваши умники, церкви и правительства, нет, мы сочетались истинным браком. Как дерево повенчано с землей, гора с небом, а солнце с луной. Я держала его голову на моей груди, ерошила его волосы, словно это была сладкая свежая трава, и называла его Джонни. Он был не просто мужчина. Он был безумец, но не обычный безумец, которым становится мужчина, покинувший родное племя и вынужденный жить среди враждебно настроенных чужаков, которые его оскорбляют и презирают. Он был не из тех безумцев, какими бывают все остальные белые мужчины, которым неизвестно, что такое племя. Он был безумен так, как может быть безумен бог. И теперь мне говорят, что он мертв. — Ну так что, — спросила под конец надзирательница, — ты ничего не хочешь сказать? Разве вы, индейцы, не люди? — Ее гадливо посверкивавшие глазки напоминают глаза

¹⁴ Уоббли-Холл — штаб-квартира анархо-синдикалистского движения "Индустриальные рабочие мира" (в просто-речии его члены называются «уоббли»).

гремучей змеи. Она хочет увидеть, как я заплачу. Она стоит и ждет, наблюдая за мной из-за решетки. — *Неужели у тебя вообще нет никаких чувств? Ты что же, просто животное?* — Я молчу. У меня каменное выражение лица. Ни один бледнолицый никогда не увидит слез индейца из племени меномин. У кинотеатра «Биограф» Молли Мун с отвращением отворачивается, чтобы не видеть, как охотники за сувенирами обмакивают свои носовые платки в кровь Диллинджера. Я отхожу от надзирательницы и смотрю через зарешеченное оконце на звезды, расстояние между которыми почему-то сегодня больше обычного. Небо выглядит огромным и пустым. Во мне есть такое же пространство, огромное и пустое, которое больше никогда не заполнится. Наверное, так же чувствует себя земля, когда из нее вырывают дерево с корнями. Наверное, земля сдерживает этот крик боли, как сдерживаю его сейчас и я. *Но она поняла ритуальное значение носовых платков, пропитанных кровью; понял это и Саймон.*

Саймон получил то еще образование. Понимаешь, если твои родители анархисты, то чикагская школа сделает все, чтобы отшибить тебе мозги напрочь. Представьте меня школьником в 1956 году, в классе, на одной стене которого висит портрет Эйзенхауэра с лицом Моби Дика, на другой — портрет Никсона с усмешкой капитана Ахаба, а между ними, на фоне обязательной звездно-полосатой тряпки, стоит Мисс Дорис Дэй¹⁵ (или ее старшая сестра?) и велит ученикам отнести домой буклеты, разъясняющие их родителям, почему им обязательно следует голосовать.

— Мои родители не голосуют, — говорю я.

— Эта брошюра как раз им и объяснит, почему нужно голосовать, — отвечает она с поистине неподражаемой, лучистой, солнечной и по-канзасски сентиментальной улыбкой Дорис Дэй. Учебный год только начался, и она еще не слышала обо мне отзывов учителей, которые преподавали в моем классе в прошлом году.

— Я уверен, что ничего не получится, — отвечаю я как можно вежливее. — По их мнению, нет никакой разницы, кто займет Белый дом: Эйзенхауэр или Стивенсон. Они считают, что все равно командовать будет Уолл-стрит.

Туча закрыла солнце. Сразу потемнело. Ее не готовили к такому повороту там, где штампуют все эти копии Дорис Дэй. Поставлена под сомнение мудрость Отцов. Она открывает и закрывает рот, потом снова открывает и закрывает, и наконец, делает такой глубокий вдох, что у всех мальчиков в классе (все мы в пике полового созревания) при виде ее взмывшей и опавшей груди наступает эрекция. Все молят Бога (за исключением меня, поскольку я, конечно же, атеист), чтобы их не вызвали и им не пришлось встать.

— Только подумайте, в какой замечательной стране мы живем, — наконец выдохнула она. — Даже люди с такими убеждениями могут высказывать их вслух, не опасаясь попасть в тюрьму.

— Чушь собачья, — говорю я. — Мой папа столько раз садился в тюрьму и выходил из нее, что там уже пора поставить турникет специально для него. И мама моя тоже. Да вы сами попробуйте выйти в этот город с подрывными листовками — и посмотрите, что получится.

Естественно, после школы меня встречает банда патриотов из расчета семеро против одного. Они выбивают из меня дерьмо и заставляют целовать

¹⁵ Дорис Дэй — американская актриса.

их красно-бело-синий тотем. Дома не лучше. Мама — убежденная анархо-пацифистка, ну там, Лев Толстой и все такое, и она вытягивает из меня признание, что я не отвечал ударом на удар. Мой папа — настоящий уоббли, радикал, и ему хотелось бы, чтобы хотя бы один из патриотов получил от меня сдачи. Сначала они полчаса дружно ругают меня, а следующие два часа ссорятся уже друг с другом. Бакунин сказал так, а Кропоткин сказал эдак, а Ганди сказал еще что-то, а Мартин Лютер Кинг — спаситель Америки, да твой Мартин Лютер Кинг — проклятый идиот, который продает народу утопический опиум, и все в таком духе. Сходите в Уоббли-Холл или в книжный магазин «Солидарность», и вы услышите там все тот же вечный и не затихающий спор на повышенных тонах и в самых крепких выражениях.

Поэтому вряд ли вас удивит, что я начал слоняться по Уолл-стрит, покуривать травку и очень быстро стал самым молодым и активным представителем так называемого поколения битников. Это не улучшило мои отношения со школьным руководством, но по крайней мере внесло некоторое разнообразие в весь этот ура-патриотизм и анархизм. Но вот мне уже стукнуло семнадцать лет, Кеннеди убит, страна начинает трещать по швам, и мы больше не битники, мы теперь хиппи, и главное, что надо сделать, — это отправиться на Миссисипи. Вы когда-нибудь были на Миссисипи? Знаете, что говорил доктор Джонсон о Шотландии? «Лучше всего говорить, что Бог создал ее с какой-то целью, но ведь то же самое можно сказать и об Аде». Вычеркиваем Миссисипи; в нашем повествовании об этом больше ни слова. Следующая остановка — Антиохский колледж в старом добром Йеллоу-Спрингс (штат Огайо), где по причинам, о которых вы скоро догадаетесь, я специализировался по математике. На прилегающей к колледжу территории бурно разрасталась конопля, и этот уголок дикой природы тянул нас, словно магнитом, к знаниям. Можно было выйти туда ночью, нарвать травки на неделю с женских конопляных растений, спать под звездами с женщиной — настоящей женщиной, а не растением, — затем проснуться поутру с птицами, кроликами и всей этой утраченной Америкой Томаса Вулфа: камень, лист, ненайденная дверь и все такое, а потом отправиться на лекцию, чувствуя легкость и желание учиться. Однажды я проснулся, когда по моему лицу бежал паук, и подумал: «Вот, по моему лицу бежит паук», — и бережно стряхнул его: «Ведь это и его мир». Хотя в городе я бы его убил. То есть я хочу сказать, что антиохская жизнь была сплошным кайфом, но она ничуть не подготовила меня к возвращению в Чикаго и к Химической Войне. Нет, до 1968 года я еще не нюхал газа «мейс», но зато умел читать знамения. Пусть они говорят вам, братья и сестры, что это загрязнение окружающей среды. Это самая настоящая Химическая Война. Они истребят нас всех ради лишнего доллара.

Однажды вечером, сильно накурившись, я отправился домой, чтобы посмотреть, как на мое состояние отреагируют мама с папой. Все было по-прежнему, но как-то иначе. У нее изо рта все так же выскакивал Толстой, у него — Бакунин. И вдруг все стало каким-то странным и призрачным, словно ожил кафкианский мир: двое давным-давно мертвых и похороненных русских спорят друг с другом через двух чикагских радикалов-ирландцев. Надо сказать, что в это самое время происходило сюрреалистическое пробуждение молодых *переднедольномозговых* анархистов, я читал некоторые их опусы, и они меня пробирали.

— Вы оба не правы, — сказал я. — Любовь не приносит свободы, и Сила

не приносит свободы. Свободу дает Воображение. -Я произносил, где надо, заглавные буквы, и был под таким кайфом, что они тоже врубались и слышали эти буквы. Они оба открыли рот, и я почувствовал себя Уильямом Блейком, объяснявшим Тому Пейну, что к чему. Рыцарь Магии взмахнул моим жезлом и рассеял тени Майи.

Первым пришел в себя папа.

— Воображение, — сказал он, сморщив большое багровое лицо в усмешке, которая всегда выводила из себя копов, когда они его арестовывали. — Вот что получается, когда хороших мальчиков из рабочего класса отправляют учиться в колледжи для богатых тунеядцев. Они начинают путать книги и фразы с реальностью. Когда ты был в той тюрьме в Миссисипи, ты воображал себя за пределами тюремных стен, ведь так? Сколько раз в час ты воображал, будто находишься вне тюрьмы? Могу себе представить. Первый раз, когда меня арестовали в тридцать третьем во время забастовки, я проходил сквозь тюремные стены миллионы раз. Но всякий раз, когда я открывал глаза, стены и решетки оказывались на прежнем месте. И что же меня в конце концов освободило? И что, в конце концов, освободило тебя из Билокси? *Организация*. Если для беседы с интеллектуалами тебе нужны высокие слова, то вот тебе это слово, и в нем столько же слогов, сколько в слове *воображение*, но зато гораздо больше реализма.

Этот разговор с отцом, его слова и странную прозрачную голубизну его глаз я запомнил навсегда. В том же году он умер, и я узнал о Воображении еще больше, потому что выяснилось, что он вовсе не умер. Он по-прежнему здесь, где-то в тайных закоулках моей черепушки, и постоянно со мной спорит. Это чистая правда. Хотя правда и то, что он мертв, по-настоящему мертв, и вместе с ним похоронена частица меня. В наше время не принято любить своего отца, поэтому я даже не знал, что любил его, пока не закрыли крышку гроба и я не услышал собственные рыдания. И теперь это ощущение вселенской пустоты накатывает на меня всякий раз, когда я слышу песню «Джо Хилл»:

Они убили тебя, Джо. Нет, я не умирал!

Верны обе строчки, и нескончаема скорбь. Они не застрелили папу в прямом смысле, как Джо Хилла, но методично уничтожали его из года в год, гася его анархистский огонь (а он был Овном, настоящим огненным знаком) при помощи копов, судов, тюрем, налогов, корпораций, клеток для духа и кладбища для души, пластикового либерализма и убийственного марксизма. Я даже считаю себя должником Ленина, поскольку позаимствовал у него фразу, прекрасно выразившую мои чувства, когда умер папа. «Революционеры, — говорил Ленин, — это мертвецы в отпуске». Приближался чикагский съезд демократической партии 1968 года, и я понимал, что мой отпуск может оказаться намного короче, чем папин, потому что я был готов драться с ними на улицах. Всю весну мама трудилась в центре «Женщины за мир», а я участвовал в заговорах сюрреалистов и йиппи. Тогда-то я и познакомился с Мао Цзуси.

Это произошло 30 апреля в *Вальпургиеву ночь* (переждем грохот на саундтреке), когда я толковал по душам с ребятами из нашей компании в кофейне «Дружелюбный незнакомец». «Г. Ф. Лавкрафт» (рок-группа, а не писатель) работали в задней комнате, громко барабанив в ворота Кислотного Царства. Ребята доблестно пытались ворваться в это царство на волнах звука, не пользуясь химическими отмычками, что было в том году подлинным

новаторством. Но я не могу объективно оценить масштабы их успеха, поскольку обкурился на 99,44 % полного безумия еще до того, как они начали грохотать. Меня притягивала необыкновенно задумчивая восточная мордашка за соседним столиком, но основную часть моего внимания все-таки удерживала окружавшая меня компания, в которую входил и странный священник-педик, которого мы прозвали Падре Педерастией.

Я их разносил в пух и прах. У меня как раз был период увлечения Донатьеном Альфонсом Франсуа де Садом.

— У анархистов в голове такой же запор, как и у марксистов, — выдавал я; вы уже узнаете стиль? — Кто выступает от имени таламуса, желез внутренней секреции, клеток организма? Кто *видит* организм? Мы прикрываем его одеждой, чтобы спрятать человекообразность. Мы не освободимся от рабства, пока люди не начнут сбрасывать с себя весной одежду и хранить ее в шкафу до следующей зимы. Мы не станем людьми в том смысле, в каком обезьяны — это *обезьяны*, а собаки — *собаки*, пока не начнем трахаться, когда и где нам захочется, как это делают другие животные. Трах на улицах — не просто эпатаж: это освобождение наших тел. Не освободив наши тела, мы по-прежнему останемся добропорядочными благоразумными роботами, а не людьми, обладающими врожденным интеллектом. — И так далее. И тому подобное. Наверное, когда меня несет, я способен найти сильные аргументы, оправдывающие даже необходимость изнасилований и убийств.

— Следующий за анархией шаг, — сказал кто-то цинично. — *Настоящий хаос*.

— А почему бы нет? — спросил я. — Кто из вас тут работает, как все люди? — Конечно же, никто не отозвался; я отсыпал себе еще дозу. — А станете вы ходить на такую работу ради какой-то организации, члены которой называют себя анархосиндикалистами? Будете вы стоять за токарным станком по восемь сраных часов в день, если синдикат скажет, что народу нужна ваша продукция? Если да, то новым тираном станет *народ*.

— К черту машины, — с воодушевлением воскликнул поэт Кевин Маккул. — Назад, в пещеры! — Он обкурился не хуже меня.

Восточная мордашка приблизилась: на лбу повязка, украшенная золотым яблоком внутри пятиугольника. Черные глаза девушки почему-то напомнили мне голубые глаза моего отца.

— То, к чему вы стремитесь, — это *организация воображения* — вежливо поинтересовалась она.

Я отшатнулся. Услышать именно эти слова именно в тот момент — это было уж слишком!

— Один парень из Общества Веданты рассказывал, что ДжонДиллинджер прошел сквозь стену, когда совершил побег из тюрьмы Краун-Пойнт, — спокойно продолжала мисс Мао. — Вы считаете, такое возможно?

Вы знаете, как обычно сумрачно в кофейнях. Но в «Дружелюбном незнакомце» было еще темнее, чем везде. Пора было выметаться. Блейк по утрам за завтраком беседовал с архангелом Гавриилом, но я еще не достиг таких высот.

— Эй, Саймон, ты куда? — донесся до меня чей-то голос. Мисс Мао ничего не сказала, а я не оглядывался на это тонкое задумчивое лицо. Было бы намного проще, будь оно мрачным и непроницаемым. Но когда я вышел на улицу и направился в сторону Фуллертон-стрит, сзади слышались шаги. Я обернулся, и Падре Педерастия ласково коснулся моей руки.

— Я пригласил ее прийти и послушать, что ты говоришь, — сказал он. — Она должна была подать сигнал, когда решит, что ты готов. Но, кажется, тебя пробило сильнее, чем я ожидал. Это был какой-то эмоционально значимый диалог из твоего прошлого?

— Она что, ясновидящая? — тупо спросил я.

— Можно сказать и так. — Я посмотрел на него при свете от кинотеатра «Биограф» и вспомнил рассказ мамы о людях, обмакивавших свои носовые платки в кровь Диллинджера; неожиданно в моей голове зазвучал старый гимн «ТЫ ОМЫЛСЯ, ты омылся, ТЫ ОМЫЛСЯ КРОВЬЮ агнца?» Мне вспомнилось, как все мы верили, что ОН живет среди нас, уродов, надеясь вернуть нас обратно в лоно церкви — «священной римско-католической и апостольской», как называл ее папа, когда был пьяный и злой. Было понятно: куда бы Падре ни вербовал меня, это не имело отношения к данному богословскому профсоюзу.

— В чем дело? — спросил я. — И что это за женщина?

— Она дочь Фу Манчу, — ответил он. И вдруг откинул голову назад и расхохотался, как кукарекающий петух. Потом так же внезапно умолк и уставился на меня. Прямо пожирал меня глазами.

— Так или иначе, — медленно сказал я, — вы сочли, что я готов увидеть спектакль, который вы с ней разыгрываете. Но не готов ко всему остальному, пока не сделаю верный шаг? — Он едва заметно кивнул, не сводя с меня глаз.

Что ж, я был молод и невежествен во всем, что выходило за пределы десяти миллионов книг, которые я проглотил, позорно неуверен в полетах моего воображения над зоной реализма отца и, конечно же, обкурен, это все так. Но все-таки я сообразил, почему он на меня так смотрит: в какой-то мере это был чистый дзэн, и любые сознательные или волевые действия с моей стороны не могли его удовлетворить. И, значит, я должен делать то, чего не мог *не* делать, то есть должен оставаться Саймоном Муном. Для этого нужно было здесь и сейчас, не теряя времени на рассуждения и обдумывания, понять, что значит быть Саймоном Муном, вернее, что значит *саймономуновость*, а этот вопрос мгновенно вылился в блуждание по комнатам моего мозга в поисках владельца, и, когда мне нигде не удалось его найти, меня прошиб пот. И это было ужасно, потому что, когда я выбежал из тех комнат, Падре по-прежнему за мной наблюдал.

— *Никого нет дома*, — сказал наконец я, понимая, что это не самый удачный ответ.

— Странно, — отозвался он. — А кто искал?

И тогда я прошел сквозь стены и попал в Огонь.

Что стало началом более тонкой и изощренной части моего (Саймонова) образования, в которой мы пока еще не можем за ним угнаться. Сейчас он спит, скорее учитель, чем ученик, а бодрствующая Мэри Лу Сервикс лежит возле него и пытается понять, что же это было: то ли дело в траве, то ли с ней действительно случилось что-то необъяснимое. Говард резвится в Атлантике. Бакминстер Фуллер, пролетая на Тихим океаном, пересекает часовые пояса и снова попадает в 23 апреля. В Лас-Вегасе светает, и Мочениго, забыв о ночных кошмарах и тревогах, предвкушает создание первой живой культуры *антракс-лепра-пи*, что превратит этот день в достопамятный еще по многим причинам, о которых он даже не догадывается. А Джордж Дорн, выпавший из этой системы времени, пишет в свой дневник, причем каждое слово каким-то магическим образом

появляется само, без всяких усилий с его стороны. Он читает слова, нацарапанные его карандашом, но они кажутся мыслями, надиктованными чужим разумом. При этом фразы продолжают мысль, оборвавшуюся в номере гостиницы, и в них чувствуется присущий ему стиль:

...Вселенная — это внутреннее без внешнего, звук, созданный одним открывающимся глазом. В сущности, я даже не знаю, что это универсум. Скорее всего, есть множество *мультиверсумов*, и у каждого — свои собственные измерения, время, пространство, законы и странности. Мы блуждаем среди этих мультиверсумов, пытаюсь убедить других и самих себя, что находимся в одной общей вселенной. Ибо отрицание этой аксиомы ведет к тому, что зовут шизофренией.

Ага, вот именно: кожа каждого человека — его собственный мультиверсум, как дом каждого человека — его крепость. Но все мультиверсумы стремятся слиться, создав истинную Вселенную, которую мы прежде себе лишь представляли. Возможно, она будет духовной, как дзэн или телепатия; возможно, она будет физической, эдакий Большой Трах, но это должно произойти: создание одной Вселенной и Великий Глаз, который открывается, чтобы наконец увидеть себя. *Аум Шива !*

— Эй, парень, ты обкурился в камень. Что за бред ты несешь? Нет, я пишу с предельной ясностью, впервые в моей жизни.

— Неужели? Тогда не расскажешь ли, почему вдруг Вселенная — это звук одного открывающегося глаза?

Не твое дело. И вообще, кто ты такой и как ты проник в мою голову?

— Теперь твоя очередь, Джордж.

В дверях стояли шериф Картрайт и монах в странной красно-белой рясе, державший что-то похожее на жезл цвета пожарной машины.

— Нет... нет... — забормотал было Джордж. Но он знал.

— Конечно, ты знаешь, — ласково сказал шериф, словно сожалея о том, что происходит. — Ты знал еще до того, как покинул Нью-Йорк и приехал сюда.

Они стояли у подножия эшафота. «...Каждый в своих собственных измерениях, времени, пространстве, законах и странностях», — отчаянно думает Джордж. Да: если Вселенная — это один большой глаз, вззирающий сам на себя, то телепатия — никакое не чудо, потому что любой, кто полностью открывает глаза, способен смотреть глазами остальных (на какой-то миг Джордж увидел мир глазами Джона Эрлихмана в тот момент, когда Дик Никсон бесстыдно его наставляет: «Скажи, что ты не помнишь. Скажи, что не можешь вспомнить. Скажи, что никак не можешь объяснить то, что помнишь». *Я никак не могу объяснить то, что помню.*). «И узрит ее всякая плоть»: кто это написал?

— Я буду по тебе скучать, малыш, — произнес шериф, смущенно протягивая ему руку. В полном оцепенении Джордж пожал ее. Рука была горячей и напоминала скорее лапу рептилии.

Монах прошел мимо него и начал подниматься по лестнице на эшафот. «Тринадцать ступенек, — подумал Джордж. — На эшафот всегда ведут тринадцать ступенек. И ты всегда кончаешь в штаны, когда тебе ломают шею. Это как-то связано с давлением на спинной мозг, которое передается предстательной железе. Берроуз называет это „Трюк Оргазма Смерти“».

На пятой ступеньке монах неожиданно воскликнул: «Слава Эриде».

Джордж ошарашенно уставился на монаха. Эрида? Это, кажется, что-то из греческой мифологии, но что-то очень важное...

— Все зависит от того, хватит ли у этого дурака мозгов, чтобы повторить.

— Тише, болван: он может нас услышать!

«Мне попалась плохая трава, — решил Джордж, — и я до сих пор лежу на постели в гостиничном номере, а это всё галлюцинации». Но он неуверенно повторил: «Слава Эриде».

И в тот же миг, как во время его первого и пока единственного кислотного путешествия, пространство начинает изменяться. Ступеньки становятся выше, круче — подняться по ним кажется таким же гиблым делом, как взойти на Эверест. Воздух внезапно осветился красноватым пламенем... *"Точно, — думает Джордж, — какая-то странная, совершенно левая трава..."*

А потом, по какой-то причине, смотрит вверх.

Теперь каждая ступенька стала выше обычного здания. Он стоит у подножия небоскреба в виде пирамиды, к вершине которой ведет тринадцать гигантских ступенек. А на вершине... А на вершине...

А на вершине Один Громадный Глаз — кровавый дьявольский шар холодного огня, без сострадания, жалости или презрения — смотрит *на* него, *в* него и *сквозь* него.

Рука опускается вниз, открывает до отказа вентили обоих кранов над ванной, затем то же самое проделывает с краном умывальника. Малдонадо по кличке «Банановый Нос» наклоняется вперед и шепчет Кармелу: «Теперь можно говорить».

(22 ноября 1963 года Мао Цзуси встретила в международном аэропорту Лос-Анджелеса пожилого мужчину, пользовавшегося именем «Фрэнк Салливан», и отвезла его в дом на Фаунтин-авеню. Его отчет был лаконичным и бесстрастным. «Боже мой, — сказала она, когда он умолк, — и что вы об этом думаете?» Он надолго задумался. "Ума не приложу. У тройного туннеля был, безусловно, Гарри Койн. Я узнал *его*, глядя в бинокль. В окне школьного книгохранилища я, скорее всего, видел того лоботряса, которого потом арестовали, Освальда. Парень на травяном холме — это Бернард Баркер из цээршной банды Залива Свиней. К сожалению, я не смог хорошо рассмотреть человека в здании окружного архива. Но в одном я уверен: мы не должны об этом молчать. Необходимо, как минимум, сообщить об этом в ЭФО¹⁶. Возможно, они захотят изменить свои планы насчет ОМ. Ты слышала об ОМ?" Она кивнула. "Слышала. Операция «Мозготрах». Большой проект, на целое десятилетие или около того. Самая масштабная операция за всю историю существования ЭФО".)

— Красный Китай? — недоверчиво шепчет Малдонадо. — Ты, верно, начитался «Ридерс дайджест». Мы получаем весь наш героин от дружественных правительств вроде Лаоса. Иначе ЦРУ давно схватило бы нас за задницу.

Стараясь, чтобы Малдонадо услышал его слова в шуме текущей воды, Кармел подавленно спрашивает:

— Значит, ты не знаешь, как мне встретиться с коммунистическим шпионом?

Малдонадо бесстрастно его рассматривает.

— Сейчас коммунизм не слишком популярен, — произносит он ледяным тоном. Этот разговор происходит третьего апреля, через два дня после переворота на Фернандо-По.

Бернард Баркер, бывший чиновник при режимах Батисты и Кастро,

¹⁶ ЭФО — Эридианский фронт освобождения.

надевает перчатки возле комплекса Уотергейт; в его памяти мелькает воспоминание: Травяной Холм, Освальд, Гарри Койн и — еще дальше в прошлом — Кастро, ведущий переговоры с Банановым Носом Малдонадо.

(Но 24 марта нынешнего года генералиссимус Текилья-и-Мота наконец-то нашел книгу, которую искал. Это была такая же подробная инструкция для пользователей, как и «Государственный переворот» Луттвака, но только об управлении страной после захвата власти. Книга называлась «Правитель», а написал ее ловкий итальянец по фамилии Макиавелли. Она поведала генералиссимусу почти обо всем, что он хотел узнать, за исключением того, как справиться с американскими водородными бомбами. Увы, об этом Макиавелли ничего не писал, ибо жил задолго до их изобретения.)

— Наш долг, наш священный долг — защитить Фернандо-По, — уверяла Атланта Хоуп аплодирующую толпу в Цинциннати в тот же день. — Неужели мы будем ждать, пока красные безбожники высадутся у нас в Цинциннати? — Толпа зашумела, бурно выражая нежелание ждать так долго. Они ожидали высадки красных безбожников еще с 1945 года, и к настоящему времени уже не сомневались, что эти подлые трусы вообще не собираются здесь высаживаться и, значит, нужно с ними встретиться на их территории. Но тут группа немытых, длинноволосых, странно одетых студентов из Антиохско-го колледжа начала скандировать: «Я не хочу умирать за Фернандо-По». Разъяренная толпа двинулась к ним: наконец-то появились реальные красные для битвы... Вскоре к месту действия неслось семь карет «скорой помощи» и тридцать полицейских машин.

(Впрочем, еще каких-то пять лет назад Атланта придерживалась совсем других взглядов. Когда «Божья молния» откололась от «Освобождения женщин», она выступала под лозунгом «Долой сексизм», и ее первыми мишенями были книжные магазины для взрослых, образовательные программы по половому воспитанию, мужские журналы и зарубежные фильмы. Только после знакомства с Улыбчивым Джимом Трепоменой из «Рыцарей христианства, объединенных верой»¹⁷, Атланта узнала, что мужское превосходство и оргазмы были частью Международного Коммунистического Заговора. Вот тогда-то и произошел окончательный разрыв между «Божьей молнией» и ортодоксами из «Освобождения женщин», поскольку в то время ортодоксальная фракция трубила, что мужское превосходство и оргазмы являются частью Международного Капиталистического Заговора.)

— Фернандо-По, — говорит репортерам президент США в тот момент, когда Атланта призывает к глобальной войне, — не станет вторым Лаосом или второй Коста-Рикой.

— А когда мы начнем выводить наши войска из Лаоса? — быстро спросил репортер «Нью-Йорк таймс».

Представитель «Вашингтон пост» тут же добавил:

— И когда мы начнем выводить войска из Коста-Рики?

— У нас разработан четкий график вывода войск, на который мы ориентируемся при составлении наших планов, — начал Президент; *но в самом городе Санта-Исабель, когда Текилья-и-Мота подчеркивает отрывок в книге Макиавелли, агент 00005 завершает коротковолновую передачу на*

¹⁷ В оригинале — Knights of Christianity United in Faith. В аббревиатуре этого названия, KCUF, легко разглядеть перевернутое слово FUCK.

британскую подводную лодку, лежащую на дне в семнадцати милях от острова: "Боюсь, янки совсем спятили. Я нахожусь на острове уже девять дней и абсолютно убежден, что здесь не только нет ни одного русского или китайского агента, так или иначе связанного с генералиссимусом Текилья-и-Мотой, но нет и войск этих стран, которые бы скрывались где-нибудь в джунглях. Зато **БАЛБЕС** здесь явно занимается контрабандой героина, так что прошу разрешения на расследование". (Разрешения ему не дали. Старик W. из лондонского разведуправления знал, что 00005 немного чокнулся на тему этого БАЛБЕСа и всегда выдумывает, будто он имеет отношение ко всем его операциям.)

В это же время, но в другом отеле Тобиас Найт, временно переведенный в ЦРУ из ФБР для выполнения специального задания, завершает вечернюю радиосвязь с американской подводной лодкой, находившейся в двадцати трех милях от берега: «Русские вырыли яму, которая может быть только шахтой для запуска ракет, а косоглазые строят что-то похожее на ядерный реактор...»

Хагбард Челине на борту подводной лодки «*Лейф Эриксон*», в сорока милях от острова, перехватил оба сообщения, презрительно хмыкнул и передал П. в Нью-Йорк: **АКТИВИВИЗИРУЙТЕ МАЛИКА И ГОТОВЬТЕ ДОРНА.**

(А тем временем в одном из универмагов Хьюстона появилась совершенно странная, хотя на первый взгляд ничем не примечательная часть всей мозаики. Это была табличка, гласившая:

НЕ КУРИТЬ. НЕ ПЛЕВАТЬ.

Она заменила провисевшую на стене главного торгового зала многие годы прежнюю табличку, которая требовала лишь

НЕ КУРИТЬ.

Это едва заметное изменение повлекло за собой весьма ощутимые последствия. Универмаг обслуживал лишь очень богатых людей, и постоянные покупатели не возражали, когда им запрещали курить. В конце концов, все понимали, что такое пожар. Но вот в дополнительном запрещении плевков они усмотрели оскорбительный оттенок. Безусловно, они были не из той породы людей, которые плюют на пол. По крайней мере, ни один из них не плевал на пол уже через месяц, ну максимум через год после того, как разбогател. Да, требование было явно нетактичным. Накапливалось негодование. Продажи упали. А число членов хьюстонского отделения «Божьей молнии» возросло. К тому же членов богатых и влиятельных.

Как ни странно, администрация универмага не имеет никакого отношения к этой табличке.)

Джордж Дорн с криком просыпается.

Он лежит на полу своей камеры в окружной тюрьме Мэд-Дога. Непроизвольно бросив затравленный взгляд в сторону соседней камеры, он видит, что труп Гарри Койна оттуда исчез. Параша вернулась на свое место в углу, и он чувствует, даже не имея возможности это проверить, что человеческих кишок в ней нет.

Тактика террора, думает он. Они вознамерились его сломать — задача, которая уже начала казаться ему довольно простой, — но по ходу дела прячут улики.

За оконцем камеры темно; значит, все еще ночь. Он не уснул, а просто потерял сознание.

Как девушка.

Как патлатый коммунистический гомик.

Ладно, слизняк и дерьмо, кончай с этим мазохизмом, мрачно сказал он себе. Ты всегда знал, что ты не герой. Не надо сыпать соль на старую рану и натирать ее наждаком. Ты не герой, но ты чертовски упрямый, тупой и непреклонный трус. Вот почему ты всегда выживал на таких заданиях, как это.

Покажи этой южной деревенщине, каким упрямым, тупым и непреклонным ты можешь быть.

Джордж начинает со старого трюка. Он оторвал кусочек ткани от рубашки — пригодится вместо бумаги. Острый кончик шнурка сойдет за ручку. Плунуть на ботинок, сохранивший остатки ваксы, и растереть — вот тебе и чернила.

Усердно работая на протяжении получаса, он сумел нацарапать записку следующего содержания:

ПОЗВОНИТЬ ДЖО МАЛИКУ НЬЮ-ЙОРК И СКАЗАТЬ
ДЖОРДЖА ДОРНА ДЕРЖАТ БЕЗ АДВОКАТА
ОКРУЖНАЯ ТЮРЬМА МЭД-ДОГ.

Эта записка не должна упасть слишком близко к зданию тюрьмы, поэтому Джордж озирается в поисках тяжелого предмета. Через пять минут решает воспользоваться пружиной из матраса; на вырывание пружины уходит еще семнадцать минут.

После того как ракета запущена из окна — Джордж знает, что нашедший записку, вероятнее всего, немедленно отнесет ее шерифу Джиму Картрайту, — он начинает разрабатывать альтернативные.

Однако вскоре он обнаружил, что вместо разработки планов побега или освобождения его мысли настойчиво уносятся в совершенно другом направлении. Его преследует лицо монаха из видения. Он точно знает, что уже видел это лицо; но где? Почему-то важно это вспомнить. Он изо всех сил пытается восстановить в памяти это лицо, узнать его. На ум приходят Джеймс Джойс, Г. Ф. Лавкрафт и монах с картины Фра Анджелико. Никто из них им не был, но чем-то монах похож на каждого из них.

Внезапно устав и потеряв к этому интерес, Джордж опустился на койку, его рука мягко сжала пенис через штаны. Герои детективов не дрочат, попадая в передряги, напомнил он себе. Ну их к черту: я не герой, и это не детектив. Кроме того, я вообще не собирался дрочить (в конце концов, они же могут за мной подсматривать через глазок, чтобы воспользоваться этой естественной тюремной слабостью, еще сильнее меня унижить и сломить мое эго). Нет, я совершенно не собирался мастурбировать: я просто хотел его подержать, легонько, через штаны, пока не почувствую прилив жизненных сил и не избавлюсь от страха, опустошения и отчаяния. Я вспоминаю Пат в Нью-Йорке. На ней ничего нет, кроме прелестного кружевного лифчика и трусиков, и ее соски набухли и торчат. Теперь ты София Лорен и снимай с себя лифчик, чтобы я полностью увидел твои соски. Да, вот так, а теперь попробуй сделать это по-другому: она (София, нет, пусть снова Пат) в лифчике, но без трусов, и показывает свой лобковый пушок. Пусть она с ним играет, тербит волоски пальчиками, а другую руку держит на соске, да, вот так, а сейчас она (Пат — нет, София) опускается на колени, чтобы расстегнуть молнию на моих брюках. Мой пенис становится тверже, а ее рот

в ожидании приоткрывается. Я наклоняюсь, сжимаю ее груди одной рукой, захватывая сосок, который она ласкает, и ощущаю, как он еще больше твердеет. (Занимался ли этим когда-нибудь Джеймс Бонд в темнице доктора Ноу?) Язык Софии (а не моя рука, *не рука*) активен и страстен, он заставляет пульсировать каждую клетку моего тела. Возьми его, ты, сучка. Возьми его, о боже, вспомнил Пассеик и пистолет у моего лба, в наше время нельзя называть их сучками, ну ты, сучка, ты, сучка, возьми его, и это Пат, это происходит той ночью в ее постели, когда мы оба обкурились гашиша и никогда, никогда, никогда не было такого орального секса ни до, ни после, мои руки были в ее волосах, сжимали ее плечи, возьми его, высоси меня (уйди из моей головы, мама), а ее рот влажен и ритмичен, а мой член так же чувствителен, как той ночью, когда мы торчали под гашем, и я нажал на спусковой крючок, и тут же раздается взрыв, и все кончилось, и я кончаю (извините за стиль), и валюсь на пол, откашливаясь и подергиваясь, со слезящимися глазами. Второй взрыв поднимает меня с пола и с треском бьет об стену.

Затем слышатся автоматные очереди.

Господи ж ты разэтакий боже, в ужасе думаю я, что бы это ни было, меня обнаружат с этим мокрым пятном спереди на штанах.

А еще, кажется, в моем теле переломаны все кости.

Автомат внезапно стих, и я слышу крик — что-то вроде *«Эрвикер, Блум и Крафт»*, Я решаю, что все это из-за Джойса, который не выходит у меня из головы. Затем раздается третий взрыв, я прикрываю голову руками, потому что на меня обрушивается часть потолка.

В замке камеры загремел ключ. Взглянув, я вижу молодую женщину в свободном плаще с автоматом «томми», которая отчаянно вставляет в замок один ключ за другим.

Где — то внутри здания тюрьмы гремит четвертый взрыв.

Женщина напряженно ухмыляется.

— Комми, мать их так, — бормочет она, все еще подбирая ключ.

— Кто вы такие, черт побери? — наконец спрашиваю я хрипло.

— Какая тебе разница, — парирует она. — Мы пришли тебя спасти — разве этого мало?

Прежде чем до меня дошел смысл ее фразы, дверь распахивается.

— Быстро, — говорит она. — Сюда.

Я тащусь за ней по коридору. Вдруг она остановилась, внимательно исследовала стену и надавила на один кирпич. Стена плавно отодвигается, и мы входим в помещение, напоминающее часовню.

Господи Иисусе со всеми его апостолами, — думаю я, — я *все еще* до сих пор сплю.

Ибо это вовсе не та часовня, какую нормальный человек мог бы ожидать увидеть в тюрьме Мэд-Дога. Вся красно-белая — цвета Ха-сана ибн Саббаха и ассасинов из Аламута, как неожиданно вспоминаю я, — она украшена непонятными арабскими символами и лозунгами на немецком языке: «Heute die Welt Morgens das Sonnensystem», «Ewige Blumenkraft Und Ewige Schlangekraft!», «Gestern Hanf, Heute Hanf, Immer Hanf»¹⁸.

А алтарем служит пирамида с тринадцатью ступенями — и рубиновым глазом на вершине.

¹⁸ «Сегодня весь мир, завтра вся Солнечная система», «Вечная сила цветов и вечная сила змеи», «Вчера гашиш, сегодня гашиш, всегда гашиш» (нем.).

Сейчас я с нарастающим смятением вспоминаю, что это символ с Большой Государственной Печати Соединенных Штатов.

— Сюда, — говорит женщина, подталкивая меня автоматом. Мы проходим через еще одну отодвигающуюся стену и оказываемся на аллее за зданием тюрьмы. Нас ждет черный «кадиллак».

— Все уже здесь! — кричит шофер. Это пожилой мужчина, лет за шестьдесят, но с виду крепкий.

— Хорошо, — говорит женщина. — Это Джордж.

Меня втокнули на заднее сиденье, уже и так заполненное мрачными людьми и еще более мрачно выглядящим оружием, и машина тут же тронулась.

— Последнюю для ровного счета, — крикнула женщина в плаще и бросила в сторону тюрьмы еще одну пластиковую бомбу.

— Верно, — сказал водитель. — Как раз пять штук.

— Закон Пятерок, — злобно фыркнул другой пассажир. — Так им, коммунистическим ублюдкам. Пусть отведают собственного лекарства.

Сдерживаться больше нет сил.

— Что, черт побери, здесь происходит? — возопил я. — Кто вы такие? С чего вы взяли, что шериф Картрайт и его полиция — коммунисты? И куда вы меня везете?

— Заткнись, — сказала женщина, выпустившая меня из камеры, и легонько ткнула меня автоматом. — Поговорим, когда будем готовы. А пока суши штаны.

Машина разгоняется в ночной тьме.

(Федерико Малдонадо по кличке «Банановый Нос» попыхивал сигарой, развалившись в лимузине «Бентли», пока шофер вез его к особняку Роберта Патни Дрейка, в Блю-Пойнт на Лонг-Айленде. Вдруг вспомнились Чарли Уоркман по кличке «Жук», Менди Вейсс и Джимми Землеройка, которым 23 октября 1935 года он отдал приказ: «Не упустите Голландца. Приковбойте сукина сына». Три стрелка бесстрастно кивают. *Ковбойить* человека неприятно, но эта работа хорошо оплачивается. Когда просто убиваешь, можно проявить меткость, даже артистичность, ведь тут главное — чтобы удостоенный твоего внимания человек больше не жил. Но в ковбойстве, как это называется на их профессиональном языке, нет места творческому самовыражению и индивидуальному почерку: тут главное, чтобы в воздухе было побольше свинца, а от жертвы осталось живописное кровавое месиво — хороший материал для бульварной прессы и предупреждение о том, что Братство нервно и вспыльчиво, так что лучше его не раздражать. Признаком ковбойства «с душой» — не обязательным, но желательным — считалось одновременное убийство вместе с намеченной жертвой нескольких случайных прохожих, чтобы все хорошо себе уяснили, насколько Братство раздражено. Голландец, например, унес с собой жизни двух прохожих. А в другом мире, который пока еще остается этим миром, Альберт Штерн по кличке «Учитель» открывает утреннюю газету от 23 июля 1934 года и, прочитав заголовок АГЕНТЫ ФБР ЗАСТРЕЛИЛИ ДИЛЛИН-ДЖЕРА, тоскливо думает: «Если бы я убил такую важную птицу, мое имя никогда бы не забыли». А еще раньше, 7 февраля 1932 года, Винсент Колл по кличке «Бешеный Пес» смотрит из телефонной будки на окна магазина и видит знакомую фигуру с автоматом «томми» в руках, пересекающую аптеку. «Голландец, проклятая свинья», — выкрикивает он, но его никто не слышит, потому что автоматная очередь уже методично бьет по телефонной кабине

сверху вниз, справа налево, слева направо и снова сверху вниз, чтоб наверняка... Но взглянем на картинку под другим углом, и вот уже 10 ноября 1948 года, когда «величайшая газета мира», то есть «Чикаго трибьюн», сообщает об избрании на пост президента США Томаса Дьюи, человека, который не только не был избран, но даже не был бы в живых, не дай Банановый Нос Малдонадо Чарли Жуку, Менди Вейссу и Джимми Землеройке столь подробные инструкции насчет Голландца.)

«Кто в тебя стрелял?» — спросил полицейский. «Мама это лучший выбор, о мама мама мама. Хочу гармонии. Не хочу гармонии», — услышал он бессвязный ответ. «Кто в тебя стрелял?» — повторяет вопрос полицейский. Голландец продолжает бормотать: "О, мама мама мама. Порция свежей бобовой похлебки".

Мы ехали до рассвета. Машина остановилась на дороге у белого песчаного пляжа. Высокие тонкие пальмы темнеют на фоне лазурного неба. Наверное, это Мексиканский залив, думаю я. Сейчас они могли сковать меня цепями и бросить в залив в сотнях миль от Мэд-Дога, не вмешивая в это дело шерифа Джима. Да нет, они ведь совершили налет на тюрьму шерифа Джима. Или это была галлюцинация? Надо внимательнее присматриваться к реальности. Наступил новый день, и при свете солнца я должен познать факты, тяжелые и острые, и потом не забывать о них.

После ночи в машине у меня ноет все тело. Весь мой отдых свелся к дурманной дреме, в которой на меня смотрели циклопические рубиновые глаза, отчего я в ужасе просыпался. Мэвис, женщина с автоматом, несколько раз обнимала меня, когда я вскрикивал. Она что-то нежно бормотала мне, и один раз ее губы, мягкие, прохладные и нежные, легко коснулись моего уха.

На пляже Мэвис знаком приказывает мне выйти из машины. Солнце жаркое, как епископское исподнее по окончании проповеди против порнографии. Она выходит вслед за мной и захлопывает дверь.

— Мы ждем здесь, — говорит она. — Остальные возвращаются.

— А чего мы ждем? — спрашиваю я. В этот момент водитель завел двигатель. Машина развернулась, описав широкую дугу, и через минуту скрылась за поворотом шоссе. Мы остаемся наедине с восходящим солнцем и асфальтом, припорошенным песком.

Мэвис манит меня за собой на пляж. Чуть впереди, довольно далеко от воды, стоит небольшая белая кабинка для переодевания. Дятел прилетел и опустился на крышу кабинки — с таким усталым видом, словно он налетал больше, чем пилот Йоссариан, и ему уже никогда не подняться в небо.

— Какой у нас план, Мэвис? Тайная казнь на далеком пляже в другом штате, чтобы на шерифа Джима не пала тень подозрения?

— Не будь идиотом, Джордж. Мы взорвали тюрьму этой коммунистической мрази.

— Почему ты все время называешь шерифа Картрайта коммунистом? Если у кого-то на лбу написано «ККК», то именно у этой реакционной деревенщины.

— Ты что, не читал вашего Троцкого? «Чем хуже, тем лучше». Болваны вроде Картрайта пытаются дискредитировать Америку, чтобы подготовить ее к тому, что к власти придут левые.

— Я сам левый. Если ты против коммунистов, ты должна быть против меня. — Я не собирался ей рассказывать о других моих друзьях, из «Уэзерменов» и «Моритури».

— Ты обычный либеральный олух.

— Я не либерал. Я воинствующий радикал.

— Радикал — это тот же либерал, только с луженой глоткой. А воинствующий радикал — это тот же горластый либерал, но в костюме Че Гевары. Все это чепуха. Настоящие радикалы — это мы, Джордж. Мы делаем дело — как прошлой ночью. За исключением «Уэзерменов» и «Моритури», все твои воинствующие радикалы занимаются только тем, что берут рецепт коктейля Молотова, который аккуратно вырезали из «*Нью-Йорк ревью оф букс*», вешают на двери туалета и дробят на него. Прости, я не хотела тебя обидеть.

Дятел повернул голову в нашу сторону и подозрительно осматривал нас взглядом старого параноика.

— И каковы твои политические взгляды, если ты такая радикал-ка? — спросил я.

— Я считаю, что правительство управляет тем лучше, чем меньше оно управляет. Желательно, чтобы оно вообще не управляло. И верю в капиталистическую систему с ее политикой невмешательства государства в экономику.

— Но тогда тебе должны быть ненавистны мои политические убеждения. Зачем же ты меня спасла?

— Ты нужен.

— Кому?

— Хагбарду Челине.

— А кто такой Хагбард Челине?

Мы подошли к кабинке и остановились, глядя друг на друга в упор. Дятел повернул голову и теперь наблюдал за нами другим глазом.

— Что такое Джон Гилт? — сказала Мэвис. Давно надо было догадаться, подумал я: поклонница Атланты Хоуп. — Понадобилась целая книга, чтобы ответить на этот вопрос¹⁹. Что касается Хагбарда, ты поймешь, кто он, когда с ним встретишься. Сейчас тебе достаточно знать, что именно этот человек попросил нас тебя спасти.

— Но лично тебе я не нравлюсь, и сама ты, конечно же, палец о палец не ударила бы, чтобы мне помочь?

— Я не знаю насчет «нравиться — не нравиться». Знаю только, что пятно спермы на твоих штанах возбуждает меня с самого Мэд-Дога. Добавь сюда возбуждение от налета на тюрьму. Мне надо снять напряжение. Я предпочла бы сберечь себя для мужчины, который полностью соответствует моей системе ценностей. Но, дожидаясь такого, я рискую дико перевозбудиться. Нет сожалений — нет вины. Так что сгодишься и ты.

— Ты это о чем?

— Да о том, чтобы ты меня трахнул, Джордж.

— Я никогда не встречал девушку, то есть женщину, которая верила бы в капиталистическую экономику и при этом хорошо трахалась.

— Какая связь между твоими трогательными подружками и ценами на золото? Сомневаюсь, что ты когда-нибудь встречал женщину, которая верила бы в реальное капиталистическое невмешательство государства в экономику. Вряд ли такую женщину можно встретить в твоих лево-либеральных кругах. — Мэвис взяла меня за руку и повела в кабинку. Она сбросила с себя

¹⁹ Прототипом Атланты Хоуп является Айн Ранд (1905-1982), создательница философии объективизма и автор знаменитого романа «Атлант расправил плечи» (в «Иллюминатусе» — «Телемах чихнул»), начинающегося с вопроса «Кто такой Джон Голт?» (и целиком построенного на этом вопросе).

плащ и аккуратно расстелила его на полу. На ней были узкий черный свитер и синие джинсы, плотно облегавшие тело. Она стащила через голову свитер. Лифчика на ней не было, и я увидел ее конусообразные груди размером с яблоко, увенчанные сосками-вишенками. Между ними было темно-красное родимое пятно. — Ты представляешь себе капиталистическую женщину как «никсонеточку» образца 1972 года, которая верит в эту сраную корпоративную, социалистическую, ублюдочную фашистскую смешанную экономику, которой Фрэнк Рузвельт облагодетельствовал США. — Она расстегнула широкий черный ремень, молнию на джинсах и с усилием стянула их с бедер. Я почувствовал, как в штанах у меня зашевелилось. — Женщины, борющиеся за свободу, хорошо трахаются, потому что знают, чего хотят, а то, чего они хотят, им очень нравится. — Джинсы упали на пол, открыв трусики золотистого цвета из какого-то странного синтетического материала, похожего на металл.

Разве можно в таких условиях познавать факты, тяжелые и острые, и потом не забывать о них?

— Ты действительно хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь, на этом общественном пляже, среди бела дня? — В этот момент дятел решил приступить к работе и, словно ударник из рок-группы, застучал клювом прямо над нашими головами. Мне вдруг вспомнился школьный стишок:

Вчера в нашу дверь долго дятел долбил,
Покуда долбильник себе не отбил...

— Джордж, ты слишком серьезен. Разве ты не умеешь играть? Тебе никогда не приходило в голову, что жизнь — это игра? Пойми, между жизнью и игрой нет никакой разницы. Смотри, когда ты играешь с игрушкой, в этой игре нет ни побед, ни поражений. Жизнь — это игрушка, Джордж. Я игрушка. Думай обо мне как о кукле. Вместо того чтобы втыкать в меня иголки, воткни в меня свою штуковину. Я магическая кукла вуду. Кукла — это произведение искусства. Искусство — это магия. Ты создаешь образ того, чем хочешь обладать или с чем хочешь справиться, — и достигаешь цели. Если ты творец, твои творения подчиняются твоей воле. Усек? Разве ты не хочешь мною овладеть? Ты можешь это сделать, но только на мгновение. Я покачал головой.

— Я тебе не верю. Ты говоришь как-то... не реально.

— Я всегда так говорю, когда возбуждена. Наверное, в таком состоянии я становлюсь чувствительнее к космическим вибрациям. Джордж, а единороги реальны? Кто создал единорогов? Мысль о единорогах — это реальная мысль? Чем отличается мысль о единорогах от мысли о моей киске, которую ты представляешь в данную минуту, хотя никогда ее не видел? Разве сам факт, что ты думаешь о том, чтобы трахнуть меня, а я думаю о том, чтобы трахнуться с тобой, означает, что мы *обязательно* трахнемся? Или Вселенная намерена нас удивить? Быть мудрым скучно, а безрассудным — весело. Что значит для тебя лошадь с одним длинным рогом, торчащим из головы?

Когда она сказала «киска», я невольно посмотрел на выпуклость ее лобка, скрытого под золотыми трусиками, а затем мой взгляд скользнул к родимому пятну в центре груди.

Это была не родинка. Меня словно окатили ледяной водой.

Я указал на нее:

— А что значит для тебя красный глаз внутри красно-белого треугольника?

Она немедленно вlepила мне пощечину:

— Ублюдок! Никогда не говори со мной об этом! И тут же опустила голову:

— Извини, Джордж. Я не имела права так поступать. Можешь тоже меня ударить, если хочешь.

— Не хочу. Но, боюсь, ты отбила у меня охоту к сексу.

— Чушь. Ты здоровый мужик. Но сейчас мне хочется тебе кое-что дать, не требуя ничего взамен. — Она опустилась передо мной на расстеленный плащ, раздвинув колени, расстегнула молнию на моих брюках, просунула внутрь быстрые щекочущие пальцы и вытащила мой пенис. Она обволокла его ртом. Моя тюремная фантазия становилась реальностью.

— Что ты *делаешь*!

Она отняла губы от моего пениса, я посмотрел вниз и увидел его отполированную слюной влажную головку, заметно разбухавшую в быстрых пульсациях. Ее груди — я старательно не смотрел на масонскую татуировку — налились, а соски затвердели и поднялись.

Она улыбнулась.

— Не свисти, когда писаешь, Джордж, и не задавай вопросы, когда у тебя отсасывают. Заткнись и будь потверже. Это просто компенсация.

Кончая, я почувствовал, как мало вылилось спермы. Но ведь я обильно пролил ее в тюрьме. Не без удовольствия я заметил, что Мэвис не выплюнула то небольшое, что попало ей в рот. Она с улыбкой это проглотила.

Солнце стояло выше и светило ярче, и дятел торжествовал, увеличивая частоту и громкость стука. Залив искрился, как лучшие бриллианты из коллекции леди Астор. Я засмотрелся на воду: сразу под горизонтом среди бриллиантов поблескивало золото. Вдруг Мэвис выпрямила согнутые в коленях ноги и откинулась на спину.

— Джордж! Я не могу дать, не взяв. Прошу тебя, быстрее, пока он еще твердый, иди сюда и вставь его в меня.

Я посмотрел на нее. Ее губы дрожали. Она оттянула золотые трусики в сторону, обнажив черноволосую промежность. Мой мокрый член уже начал опадать. Я смотрел на нее сверху и ухмылялся.

— Нет, — сказал я. — Мне не нравятся *девушки*, которые могут дать тебе по морде, а через минуту уже сгорают от нетерпения с тобой трахнуться. Они не соответствуют *моей* системе ценностей. Я считаю их дурами.

Неспешно и аккуратно я заправил в ширинку свой долбильник (не отбитый, как в стишке, но уже изрядно натертый) и отошел от нее.

— А ты, сукин сын, как я погляжу, не такой уж говнюк, — сказала она сквозь зубы. Ее рука быстро двигалась между ногами. Через мгновение она выгнула спину, сильно зажмурила глаза и издала тихий, удивительно непорочный стон, словно впервые поднимаясь в небо молодая чайка.

Она секунду отдохнула, затем поднялась с пола и начала одеваться. Она смотрела на залив, а я следил за ее взглядом. Мэвис показала на отдаленный золотой блик.

— Хагбард здесь.

Через водное пространство донесся гул. Через мгновение я заметил мчавшуюся к нам маленькую черную моторную лодку. Мы молча наблюдали, как лодка уткнулась носом в белый песок. Мэвис дала мне знак, и я пошел за ней по песку к кромке воды. На корме лодки сидел мужчина в черном

свитере с высоким воротом. Мэвис влезла в лодку и вопросительно взглянула на меня. Дятел учуял плохие вибрации и взлетел, хлопая крыльями и каркая, словно вестник Рока.

В какую чертовщину я вляпался и почему я такой идиот, что соглашаюсь с этим? Я попытался увидеть, что находится в том направлении, откуда пришла моторная лодка, но солнечные блики на золотом металле меня слепили, и я не мог рассмотреть даже очертаний. Я снова взглянул на черную моторную лодку и увидел, что на ее носу изображен круглый золотой предмет, а на корме развевается маленький черный флаг, в центре которого изображен такой же золотой предмет. Я кивнул в сторону этой эмблемы.

— Что это?

— Яблоко, — сказала Мэвис.

Люди, которые выбрали своей эмблемой яблоко, не могут быть совсем уж плохими. Я запрыгнул в лодку, и ее кормчий оттолкнулся веслом от берега. Мы с гулом рассекали водную гладь залива, приближаясь к золотому объекту на горизонте. Он все еще слепил глаза, бликуя отраженным солнечным светом, но я все же сумел разглядеть какой-то длинный низкий силуэт с маленькой башенкой в центре, что-то вроде спичечного коробка на палке от метлы. Затем я понял, что неправильно оценил расстояние. Корабль, или что там это было, находился гораздо дальше от берега, чем показалось мне вначале.

Это была подводная лодка — золотая субмарина — длиной, пожалуй, в пять городских кварталов, не меньше самого большого океанского лайнера. Коническая башня была высотой в три этажа. Когда мы остановились рядом с ней, нам помахал с башни какой-то человек. Мэвис махнула ему в ответ. Я тоже вяло махнул, почему-то решив, что так будет правильно. Я все еще думал об этой масонской татуировке.

В борту подводной лодки открылся люк, куда и вплыла маленькая моторка. Люк закрылся, вода ушла, лодка осела на спусковые салазки. Мэвис показала рукой на дверь, с виду похожую на дверь лифта.

— Иди туда, — велела она. — Увидимся позже, может быть. — Она нажала на кнопку, и, когда открылась дверь, я увидел позолоченную кабину с ковром. Я вошел в нее и был мигом поднят на триэтажа. Когда дверь открылась, я попал в небольшую комнату, где меня ожидал человек, позой своей напомнивший мне не то индуса, не то индейца. Я сразу вспомнил замечание Меттерниха о Талейра-не: «Если кто-то пнет его в зад, на его лице не дрогнет ни одна мышца, пока он не решит, что делать».

Еще он был поразительно похож на Энтони Куинна: те же густые черные брови, желтовато-коричневая кожа, мощный нос и не менее мощная нижняя челюсть. Перед мной стоял крупный дородный мужчина с могучими мышцами под тельняшкой в черно-зеленую полоску. Он протянул мне руку.

— Прекрасно, Джордж. У тебя получилось. Я Хагбард Челине. — Мы обменялись рукопожатием; у него была хватка Кинг-Конга. — Добро пожаловать на борт подводной лодки «Лейф Эрикссон», названной так в честь первого европейца, добравшегося до Америки через Атлантику, да простят меня мои итальянские предки. К счастью, среди моих предков были и викинги. Моя мать — норвежка. Но русые волосы, голубые глаза и светлая кожа всегда были рецессивными признаками. Мой сицилийский папаша забил материнские гены.

— Где, черт возьми, вы достали этот корабль? Никогда бы не поверил, что существование такой подводной лодки можно скрыть от всего мира.

— Эта лодка — мое детище. Она построена по моему проекту в норвежском фьорде. Вот на что способен освобожденный разум. Я Леонардо да Винчи XX столетия, хотя и не гей. Конечно, я попробовал и это, но все-таки женщины интересуют меня больше. Мир никогда не слышал о Хагбарде Челине. И все потому, что мир глуп, а Челине — умен. Эту лодку не засечет ни радар, ни сонар. Она лучше любой разработки американцев или русских. Может опускаться на любую глубину в любом океане. Мы опускались на дно Атлантической впадины, исследовали котловину Минданао и несколько безымянных провалов в морском дне, о которых никто никогда не слышал. «Лейф Эриксон» готов к встрече с гигантскими, свирепыми и хитрыми чудовищами глубин, которых мы знаем не понаслышке. Я бы даже рискнул сразиться на этой лодке с самим Левиафаном, хотя меня радует тот факт, что пока мы видели его лишь очень издалека.

— Вы говорите о китах?

— Я говорю о Левиафане, дружище. Кит для этой рыбы, если ее можно назвать рыбиной, все равно что гуппи для кита. Не спрашивай меня, кто такой Левиафан — я даже приблизительно не могу тебе сказать, какой он формы. В подводном мире есть лишь один Левиафан, и я даже не знаю, *он* это, *она* или *оно*. Я не имею понятия, как он размножается, — возможно, ему и не нужно размножаться, потому что он бессмертен. Возможно, это и не животное, и не растение, но это живой организм, и самый крупный на нашей планете. Да, Джордж, мы повидали чудовищ. Мы видели с борта «Лейфа Эриксона» затонувшие руины Атлантиды и Лемурии — или континента Му, как называют Лемурию хранители Священного Хао.

— Да о чем это вы говорите? — спросил я, засомневавшись, не попал ли я в какое-то безумное сюрреалистическое кино, переходя от шерифов-телепатов к убийцам-гомосексуалистам, нимфоманкам-масоншам и психически больным пиратам по сценарию, написанному двумя наркоманами и юмористом с Марса.

— Я говорю о приключениях, Джордж. Я говорю о том, что ты можешь увидеть такие вещи и встретиться с людьми, которые действительно освободят твое сознание, — а не просто переходить с либерализма на марксизм, чтобы шокировать своих родителей. Я говорю о том, чтобы взять и уйти с того грязного плана, на котором ты живешь, и совершить вместе с Хагбардом путешествие в трансцендентальную вселенную. Ты знаешь, что на затонувшей Атлантиде есть пирамида, построенная древними жрецами и облицованная керамическим веществом, выдержавшим тридцать тысяч лет пребывания на дне океана? Эта пирамида до сих пор совершенно чиста и бела, как полированная слоновая кость, за исключением огромного красного мозаичного глаза на ее вершине.

— Я вообще не верю в существование Атлантиды, — сказал я. — Как по мне, все это полный бред.

— Атлантида — это то место, куда мы направляемся, приятель. Ты доверяешь свидетельству собственных органов чувств? Надеюсь, да, ведь ты своими глазами увидишь и Атлантиду, и пирамиду. Эти сволочи иллюминаты пытаются раздобыть золото на осуществление своего заговора, ограбив храм атлантов. Но Хагбард сорвет их планы, ограбив храм первым. Потому что я борюсь с иллюминатами при каждом удобном случае. И еще потому, что я археолог-любитель. Ты хочешь к нам присоединиться? Если нет, можешь уйти отсюда хоть сейчас. Я доставлю тебя на берег и даже дам денег, чтобы добраться до Нью-Йорка.

Я покачал головой.

— Я журналист. Пишу статьи и тем зарабатываю себе на жизнь. И даже если девяносто процентов рассказанного вами — чушь собачья, плод больного воображения или самый искусный розыгрыш со времен Ричарда Никсона, лучшей истории я все равно не встречал. Сумасшедший тип, у которого гигантская золотая подводная лодка. Среди его последователей — прелестные партизанки, взрывающие тюрьмы на Юге и освобождающие заключенных. Нет, я никуда отсюда не уйду. Вы слишком крупная дичь, чтобы выпустить вас из рук.

Хагбард Челине хлопнул меня по плечу.

— Молодчина! Ты смел и инициативен. Ты доверяешь только своим глазам и не веришь в то, что тебе рассказывают другие. Я в тебе не ошибся. Давай спустимся в мою каюту.

Он нажал на кнопку, мы вошли в позолоченный лифт и быстро спустились к серебряным воротам в восьмифутовой арке. Челине нажал на кнопку, и дверь лифта отъехала в сторону одновременно с этими наружными воротами. Мы оказались в устланном коврами помещении. Миловидная чернокожая женщина сидела в дальнем конце его, под сложной эмблемой: якоря, морские ракушки, викинги, львы, канаты, осьминоги, молнии, а в самом центре — золотое яблоко.

— *Каллисти*, — сказал Челине, приветствуя девушку.

— Да здравствует Дискордия, — ответила она.

— *Аум Шива*, — внес и я свою лепту, стараясь соответствовать духу этой игры.

Челине повел меня по длинному коридору.

— Ты увидишь, что на этой подводной лодке роскошная меблировка. Я не обязан жить в таких же монашеских условиях, как эти мазохисты, которые идут в военные моряки. Спартанская простота — не для меня. Мой корабль больше похож на океанский лайнер или большой европейский отель эпохи Эдуарда VII. Подожди, я вот покажу тебе мой номер люкс. Твоя каюта тебе тоже понравится. Я все делал на широкую ногу, от души. В моем бизнесе нет места бухгалтерам-скупердьям. Я считаю, что надо тратить деньги, чтобы зарабатывать деньги, и тратить зарабатываемые деньги, чтобы получать от них удовольствие. Кроме того, мне же в этой чертовой посудине жить!

— А в чем именно заключается ваш бизнес, мистер Челине? — спросил я. — Или я должен называть вас «капитан Челине»?

— Конечно, нет. Мне не нужны дурацкие чины и звания. Я — Вольный Человек Хагбард Челине, но традиционное обращение «мистер» меня тоже устроит. А лучше всего, если ты будешь называть меня по имени. Черт, да зови ты меня как хочешь. Если мне не понравится, я врежу тебе по носу. Если бы было больше разбитых носов, то меньше было бы войн. В основном я занимаюсь контрабандой. Иногда немножечко пиратствую — исключительно для поддержания бодрости. Но это только применительно к иллюминатам и их жертвам-коммунистам. Мы хотим доказать, что никакое государство не имеет никакого права регулировать коммерческую деятельность. Да и физически не может, когда дело касается вольных людей. Вся моя команда набрана из добровольцев. Среди нас есть освобожденные моряки, которые раньше были связаны кабальными договорами с флотами Америки, России и Китая. Отличные парни. Ни одно государство мира нас не поймают, ибо вольные люди всегда умнее рабов, а любой человек, работающий на государство, — это раб.

— Значит, вы, в сущности, банда объективистов? Должен вас предупредить, что я выходец из династии красных рабочих агитаторов. И вы никогда не заставите меня встать на позиции правых.

Челине отпрянул, словно я сунул ему под самый нос тухлое мясо.

— Объективисты? — Он произнес это слово таким тоном, словно я обвинил его в растлении малолетних. — Мы анархисты и нелегалы, черт возьми. Разве ты еще не понял? Мы не имеем никакого отношения ни к правым, ни к левым, ни к какой другой недоделанной политической категории. Если ты работаешь в системе, то приходишь к одному из двух вариантов выбора «или-или», которые подразумеваются в этой системе с самого начала. Ты говоришь, как средневековый крепостной, который пытался добиться от заезжего агностика, кому тот все-таки поклоняется: Богу или Дьяволу. Мы находимся вне категорий этой системы. Ты никогда не поймешь нашу игру, если продолжишь мыслить двухмерными представлениями о правом и левом, добре и зле, верхе и низе. Если тебе так необходимо навесить на нас групповой ярлык, то изволь: мы — политические неевклидовцы. Но даже это неправда. Пойми, на этом корыте никто ни с кем ни в чем не согласен, за одним, пожалуй, исключением: все они согласны с одной фразой, которую парень с рогами когда-то бросил дедушке в облаках: *Non serviam*.

— Я не знаю латыни, — сказал я, потрясенный этим взрывом чувств.

— *He стану служить*, — перевел он. — А вот и твоя каюта.

Он распахнул дубовую дверь, и я вошел в комнату, обставленную дорогой и яркой мебелью и спроектированную действительно на широкую ногу: в центре ковра можно было поставить автобус, и осталась бы еще куча места. Над оранжевой тахтой висела гигантская картина в изящной позолоченной раме толщиной не менее фута.

Она изображала человека в мантии с длинными седыми волосами и бородой, который стоял на вершине горы и изумленно таращился на черную каменную стену. На этой стене огненная рука над его головой выводила указательным пальцем пылающие буквы: ДУМАЙ САМ, ГОВНЮК!

Рассмеявшись, я почувствовал, как под ногами мерно заработал гигантский двигатель.

А в это время в Мэд-Доге Джим Картрайт говорит в телефонную трубку с шифратором против прослушивания: «В соответствии с планом мы позволили группе Челине захватить Дорна, а Гарри Койн... э... больше не с нами».

— Хорошо, — отвечает Атланта Хоуп. — Вся Четверка направляется в Ингольштадт. Все ГОТОВО. — Она повесила трубку и тут же набрала другой телефонный номер, соединивший ее с компанией «Вестерн Юнион». — Мне нужно отправить обычную телеграмму по двадцати трем разным адресам, — отрывисто произнесла она. — Текст везде одинаковый: «Поместите объявление в завтрашних газетах». Подпись: Атланта Хоуп. — Далее она продиктовала двадцать три адреса в крупных городах Соединенных Штатов, каждый из которых принадлежал региональной штаб-квартире «Божьей молнии». (На следующий день, 25 апреля, в этих газетах, в колонках даваемых гражданами объявлений, появился странный текст: «С благодарностью Св. Иуде за дарованное покровительство. — А. В.». Дело принимало крутой оборот.)

А потом я села и задумалась о Гарри Койне. Когда-то мне показалось, что у меня с ним может получиться: в нем было что-то настолько омерзительное, настолько жестокое, дикое и психопатическое... но, конечно,

ничего не вышло. Как и с любым другим мужчиной. Ничего. "Бей меня, — визжала я. — Кусай меня. Сделай мне больно. Сделай что-нибудь". Он делал все, этот самый угодливый садист в мире, но мне он казался самым мягким, самым поэтичным английским преподавателем из Антиохского колледжа. Ничего. Ничего, ничего, ничего... Ближе всего к цели был этот странный банкир из Бостона, Дрейк. Ну и история. Я вошла в его офис на Уолл-стрит в поисках жертвований на «Божью молнию». Старый белолобый коршун лет шестидесяти-семидесяти. Типичный член наших рядов, из тех что побогаче, подумалось мне. Я завела обычную песню насчет коммунизма, сексизма, падения нравов, и все это время его взгляд был ясным и твердым, как у змеи. Наконец до меня дошло, что он не верит ни единому моему слову, я начала закругляться, и тогда он взял чековую книжку, заполнил страничку и показал мне сумму взноса. Двадцать тысяч долларов. Я не знала, что сказать, и начала было о том, что все истинные американцы оценят этот благородный поступок и тому подобное, а он сказал: «Это все вздор. Вы не богаты, но знамениты. Я хочу пополнить вами мою коллекцию. Идет?» Самый холодный ублюдок, какого я встречала, даже Гарри Койн по сравнению с ним был человеком; при этом у него были такие прозрачно-голубые глаза, что я не могла понять, как они могут быть такими страшными, настоящий маньяк в абсолютно здравом уме, и не психопат, не знаю, этому даже нет названия, и меня проняло, унижение продажности и хищная порочность в его глазах плюс двадцать грандов; я кивнула. Он повел меня в свою комнату отдыха, примыкающую к кабинету, нажал одну кнопку, стало темнее, другую — и опустился киноэкран, третью — и я стала смотреть порнографический фильм. Он ко мне не подходил, просто смотрел, а я пыталась возбудиться, гадая, действительно ли актриса это делает или просто имитирует, а затем начался второй фильм, теперь их там было четверо в самых разных конфигурациях, и он повел меня к дивану; всякий раз, когда я открывала глаза, я видела продолжение фильма за его спиной, но все было одно и то же, одно и то же с тех пор, как он всунул в меня свою штуку, ничего, ничего, ничего, я смотрела на актеров, пытаюсь что-то почувствовать, а потом, кончив, он прошептал мне в ухо: «Heute die Welt, Morgens das Sonnensystem!» Единственный раз, когда я ощутила подобие кайфа. Смертельный страх, что этот маньяк знает...

Позже я попыталась навести о нем справки, но никто из тех, кто стоял в Ордене выше меня, не проронил ни слова, а те, кто были ниже, просто не знали. Но со временем я все же докопалась: он был очень большим человеком в Синдикате, возможно, даже самым главным. И так я выяснила, что давние слухи были правдой, и Синдикатом, как и всем остальным, тоже управлял Орден...

Но этот холодный мрачный старик больше не сказал об этом ни слова. Я ждала, пока мы одевались, когда он дал мне чек, когда провожал к двери, и даже выражение его лица, казалось, отрицало, что он что-то сказал или знает, что его слова означают. Распахнув передо мной дверь, он положил мне на плечо руку и сказал, чтобы мог слышать его секретарь: «Да приблизит ваша работа тот день, когда Америка вернется к чистоте». В его глазах не было ни тени насмешки, а голос звучал совершенно искренне. И при этом он сумел увидеть меня насквозь, понять, что я придуриваюсь и что один только страх может развязать мои рефлексy; возможно, он даже знал, что я уже пробовала физический садизм, но это не сработало. Выйдя на Уолл-стрит, я увидела в толпе человека в газовой маске — в тот год это была

еще редкость, — и мне показалось, что мир вращается быстрее, чем я могу понять, и что я знаю лишь столько, сколько Орден считает нужным для меня.

Однажды брат Бегхард, который под своим «настоящим» именем был политиком в Чикаго, объяснил мне Закон Пятерок в связи с принципом пирамиды власти. На интеллектуальном уровне я подумала: это единственный способ нормальной работы, каждая группа есть отдельный вектор, и самое большее, что сможет узнать любой вражеский агент, — это малую часть общего плана. На эмоциональном же уровне мне временами бывает страшно: действительно ли Пятерка наверху знает все? Я не знаю и не понимаю, как они могут предвидеть действия такого человека, как, например, Дрейк, или догадываться, что он замышляет. Здесь кроется парадокс, я знаю, что примкнула к Ордену в поисках власти, а стала инструментом, пешкой в его руках. Если бы такой человек, как Дрейк, хоть раз об этом задумался, он мог бы испортить им всю обедню.

Другое дело, если Пятерка действительно обладает теми силами, о которых заявляет; но я не настолько простодушна, чтобы верить в эту чушь. Немного гипноза, немного старой доброй сценической магии, но это не имеет никакого отношения к чему-то по-настоящему сверхъестественному. Никто не заставит меня верить в сказки с тех пор, как мой дядюшка вошел в меня, двенадцатилетнюю, рассказывая мне басню о том, что это остановит кровотечение. Если бы родители заранее рассказали мне о менструации...

Достаточно об этом. Пора заняться работой. Я нажала на кнопку и вызвала к себе секретаря, мистера Мортимера. Как я и подозревала, было уже начало десятого, и он напряженно сидел в приемной, волнуясь по поводу моего настроения бог знает сколько времени, пока я грезилась наяву. Пока я изучала свой блокнот, он с опаской ждал приказаний... Наконец я его заметила и сказала: «Присаживайтесь». Он уселся на место, где обычно записывал поручения под мою диктовку, при этом, к моему обычному удовольствию, его голова оказалась точно под изображением молнии на стене, и открыл записную книжку.

— Позвоните Зеву Хиршу в Нью-Йорк, — сказала я, наблюдая, как летает его карандаш. — Фронт освобождения фут-фетишистов проводит демонстрацию. Скажите ему, что их надо *размазать*; я хочу, чтобы не менее дюжины этих извращенцев попали в больницу, и меня не волнует, сколько наших людей будет арестовано. Пусть воспользуются залоговым фондом, если понадобится. Если у Зева возникнут возражения, я поговорю с ним, но постарайтесь управиться сами. Далее, составьте пресс-релиз, по форме номер два, в котором я говорю, что ничего не знала о незаконных действиях нью-йоркского отделения, и обещаю, что мы проведем расследование и выгоним всех, виновных в массовых беспорядках. Подготовьте это к печати сегодня же. И дайте мне последние цифры по продажам «*Телемах чихнул*»... В национальной штаб-квартире «Божьей молнии» начинался очередной полный хлопот день; а Хагбард Челине, введя в БАРДАК отчет Мэвис о сексуальном и прочем поведении Джорджа, получил код C-1472-B-2317A, который заставил его бурно расхохотаться.

— Что там такого смешного? — спросила Мэвис.

— С запада слышится грозный грохот копыт гигантской лошади, Онан, — сказал с усмешкой Хагбард. — Снова скачет одинокий странник!

— Что это все означает, черт побери?

— Есть шестьдесят четыре тысячи возможных типов личности, — объяснил Хагбард, — но такой результат я встречал раньше только однажды.

Угадай, кто это был.

— Не я, — быстро сказала Мэвис, начиная краснеть.

— Нет, не ты. — Хагбард снова рассмеялся. — Это АтлантаХоуп.

Мэвис была поражена.

— Это невозможно. Начнем с того, что она фригидна.

— Есть много видов фригидности, — сказал Хагбард. — Все сходится, поверь мне. Она примкнула к женскому освобождению в том же возрасте, в каком Джордж примкнул к Уэзерману. И оба через несколько месяцев ушли. И ты удивишься, узнав, как были похожи их матери и как их раздражали удачные карьеры старших братьев...

— Но ведь по сути своей Джордж хороший парень.

Хагбард Челине сбил пепел с кончика длинной итальянской сигары.

— Все мы по сути своей хорошие парни, — сказал он. — Но после того, как жизнь пройдет по нам, становимся немного другими.

В 1918 году в Шато-Тьерри Роберт Патни Дрейк смотрел на разбросанные вокруг мертвые тела, знал, что из всего взвода он единственный остался в живых, и слышал, как приближаются немцы. Он почувствовал холодную сырость между ног, и только тогда до него дошло, что он обмочился. Где-то рядом разорвался снаряд, и он разрыдался: «О Господи Иисусе, прошу Тебя. Не позволяй им меня убить. Я боюсь умирать. Молю Тебя, Иисусе, Иисусе, Иисусе...»

Мэри Лу и Саймон завтракают в постели, по-прежнему нагие, как Адам и Ева. Намазывая гренки джемом, Мэри Лу спрашивает: «Нет, ну правда, что было галлюцинацией, а что — реальностью?»

Саймон отхлебнул кофе. «Все в этой жизни галлюцинация, — просто сказал он. — И в смерти тоже, — добавил он. — Вселенная нас просто дурачит. Навязывает нам свою линию».

Трип третий, или БИНА

Пурпурный Мудрец вознес брань и горько раздосадовался и воскричал громко: да поразит сифилис проклятых баварских иллюминатов; да не укоренится их семя.

Да трясутся у них руки, да меркнет у них в глазах и да скручиваются их хребты, воистину, наподобие раковин улиток; и да забьются вагинальные отверстия их женщин металлическими мочалками для мытья кастрюль.

Ибо согрешили они против Бога и Природы; они превратили жизнь в тюрьму; и они же украли зелень у травы и голубизну у неба.

Так сказав, гримасничая и стеноя, Пурпурный Мудрец покинул мир мужчин и женщин и в отчаянии и тяжелом раздражении удалился в пустыню.

Но Верховный Чаппараль рассмеялся и сказал правоверным эридианцам: напрасно наш брат себя мучает, ведь даже гнусные иллюминаты суть лишь бессознательные пешки в Божественной Игре Нашей Госпожи.

Мордехай Малигнатус, Х.Н.С., «Книга противоречий», Liber 555

23 апреля 1970 года была тридцать пятая годовщина убийства Артура Флегенхеймера (он же Голландец Шульц), но унылая компания вовсе не собиралась отмечать эту дату. Это были «Рыцари христианства, объединенные верой» (в Атлантиде такая группа называлась «Булавы Лхува Керафата, объединенные истиной»), и их президент, Джеймс Дж.

Трепомена (он же Улыбчивый Джим), заметил среди делегатов бородатого и, следовательно, подозрительного молодого субъекта. Такие типы не бывают членами «Рыцарей христианства, объединенных верой», но зато часто оказываются наркоманами. Улыбчивый Джим велел распорядителям из агентства «Энди Фрейн» зорко присматривать за молодым человеком и не дать ему «отмочить какую-нибудь шутку», а сам поднялся на трибуну, чтобы прочесть лекцию на тему «Сексуальное воспитание: троянский конь коммунизма в наших школах». (В Атлантиде лекция называлась «Числа: кальмаровая ловушка для безверия в наших школах». Все та же чушь на протяжении тысячелетий.) Бородатый молодой человек, который оказался Саймоном Муном, консультантом журнала «Тинсет» по проблемам иллюминатов и инструктором по сексуальной йоге для многих юных темнокожих леди, наблюдая, как за ним наблюдают (что заставило его вспомнить Гейзенберга), откинулся на спинку сиденья и начал чертить в блокноте пятиугольники. Тремя рядами впереди сидел стриженный «ежилом» мужчина средних лет, похожий на сельского врача из Коннектикута, который вольготно откинулся на спинку кресла в ожидании подходящего момента: он очень надеялся, что шутка, которую они с Саймоном собирались отмочить, получится действительно смешной.

НАС НЕ СДВИНУТ НАС НЕ СДВИНУТ

Из Дейтона (штат Огайо) на восток тянется дорога на Нью-Лебанон и Бруквилл, и на маленькой ферме, расположенной у этой дороги, живет замечательный мужик по имени Джеймс В. Райли, сержант дейтонской полиции. Хотя он скорбит по жене, умершей два года назад, в 1967 году, и беспокоится о сыне, который, кажется, влез в какой-то темный бизнес, требующий частых поездок из Нью-Йорка в Куэрнаваку и обратно, сержант обычно весьма жизнерадостен; но 25 июня 1969 года он был немного не в настроении и вообще чувствовал себя неважно из-за артрита и бесконечной череды бессмысленных и странных вопросов, которыми его засыпал репортер из Нью-Йорка. Это было просто глупо: кто в наше время захочет издавать книгу о Джоне Диллинджере? И почему в этой книге должны обсуждаться диллинджеровские зубы?

— Вы тот самый Джеймс Райли, который служил в полиции Мурсвилла, штат Индиана, когда в 1924 году был впервые арестован Дилленджер? — начал репортер.

— Да, и был он наглым и дрянным юнцом! Я не одобряю тех людей, которые пишут про него книжки и говорят, что большой срок, который он тогда получил, лишь ожесточил и ухудшил его характер. Он получил такой срок, потому что вел себя вызывающе на суде. Ни амека на угрызения совести или раскаяние, лишь остроты да ухмылка всезнайки. С самого начала он был яблочком с гнильцой. И всегда мчался сломя голову. Куда торопился, Бог его знает. Шутили, что их на самом деле двое — так быстро он носился по городу. Спешил, наверное, на собственные похороны. Если

хотите знать мое мнение, такому хулиганью, как он, любого срока мало. Их надо урезонивать.

Репортер (как, бишь, его звали — кажется, он сказал Джеймс Маллисон?) проявлял нетерпение.

— Да, да, безусловно, нам нужны более строгие законы и более суровые наказания. Но я хочу узнать, с какой стороны у Диллинджера недоставало зуба: справа или слева?

— О Боже праведный! Вы думаете, что через столько лет я могу это упомянуть?

Репортер коснулся носовым платком лба: видимо, очень нервничал.

— Знаете, сержант, некоторые психологи утверждают, что мы в действительности ничего не забываем; все сохраняется в глубинах нашей памяти. Так что я вас прошу, попытайтесь обрисовать Джона Диллинджера, каким вы его помните, с этой его, как вы говорите, ухмылкой всезнайки. Вы можете четко вспомнить его лицо? С какой стороны у него отсутствовал зуб?

— Слушайте, через пару минут мне заступать на дежурство, и я не могу...

Маллисон изменился в лице, как будто пытался скрыть отчаяние.

— Ну что ж, тогда позвольте задать вам другой вопрос. Вы масон?

— Масон? Господи, с чего это... Я всю жизнь католик, да будет вам известно!

— Хорошо, а знаете ли вы в Мурсвилле кого-нибудь из масонов? В смысле, с кем можно побеседовать.

— С какой стати мне с такими людьми беседовать, если они всегда говорят о церкви ужасные вещи?

Репортер гнул свою линию.

— Во всех книгах о Диллинджере говорится, что будущая жертва того первого ограбления, бакалейщик Б. Ф. Морган, звал на помощь, подавая масонский сигнал бедствия. Вы знаете, что это за сигнал?

— Вам лучше спросить об этом масонов, но наверняка они ничего вам не скажут. При том, как они умеют хранить свои секреты, даже агентам ФБР у них ничего не узнать.

Наконец репортер ушел, но сержант Райли, методичный человек, на всякий случай запомнил его имя: Джеймс Маллисон — или он сказал Джозеф Маллисон? Что за странную книгу он пишет. Причем тут зуб Диллинджера и эти проклятые атеисты-масоны? Здесь явно кроется что-то более серьезное, чем кажется на первый взгляд.

МЫ КАК ДЕРЕВЬЯ У ВОДЫ

И НАС НЕ СДВИНУТ С МЕСТА

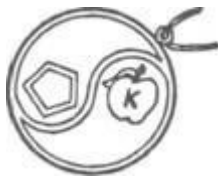
Мискатоникский университет, расположенный в Аркхеме (штат Массачусетс), никак не назовешь знаменитым, а если сюда и приезжают какие-то ученые чудаки, то только ради коллекции оккультных книг, переданной в дар университетской библиотеке покойным доктором Генри Армидиджем. Но мисс Дорис Горус, библиотекарь, никогда не видела более странного посетителя, чем этот профессор Дж. Д. Маллисон, который заявил, что приехал из Дейтона, штат Огайо, хотя говорил с явным нью-йоркским акцентом. Принимая во внимание его скрытность, она ничуть не удивилась, что он просидел целый день (26 июня 1969 года) над редким экземпляром «Некрономикона» Абдула Альхазреда в переводе доктора Джона Ди. Именно этой книгой интересовалось большинство приезжих чудаков; ею или «Книгой священной магии Абрамелина».

Дорис не нравился «*Некрономикон*», хотя она считала себя эмансипированной и свободомыслящей молодой женщиной. В книге было что-то тяжелое или, если быть до конца откровенной, *извращенное* — причем не в приятно-возбуждающем, а в каком-то болезненно-тошнотворном и пугающем смысле. Все эти странные иллюстрации, всегда окаймленные напоминающими здание Пентагона в Вашингтоне пятиугольными рамками, на которых люди совершают изощренные половые акты с какими-то странными тварями, и на людей-то не похожими. Дорис искренне считала, что старый Абдул Альхазред видел такие картинки, накутившись дурной травы. А может, там было и что-то посильнее, чем трава. Она запомнила одну фразу из текста: «Только тот, кто вкушает некоторое алкалоидное растение, коего название лучше не раскрывать непросветленным, может, будучи во плоти, узреть шоггота». "Интересно, что такое *шоггот*, — иногда думала Дорис. — Наверное, одна из тех мерзких тварей, с которыми люди на иллюстрациях вытворяют все эти похотливые штуки. Точно".

Она обрадовалась, когда Дж. Д. Маллисон наконец ушел и она смогла вернуть «*Некрономикон*» на его закрытую полку. Она вспомнила краткую биографию старого безумного Абдула Альхазреда, которую написал и тоже передал библиотеке доктор Армитидж: «Провел семь лет в пустыне и утверждал, что посещал Ирем, запретный город, упоминаемый в Коране и основанный, по мнению Альхазреда, еще до появления человека...» Вот глупость! Кто мог строить города, пока не появились люди? Эти шогготы? «Мусульманин лишь формально, он поклонялся существам, которых называл Йог-Сотот и Ктулху». И эта коварная строчка: «По свидетельству его современников, смерть Альхазреда была одновременно трагической и странной: говорили, что он был съеден заживо невидимым чудовищем посреди рыночной площади». Дорис вспоминала, что доктор Армитидж был таким милым стариком, пусть даже его разговоры о каббалистических числах и масонских символах порой казались немного странными; зачем же он собирал такие гадкие книги, написанные страшными людьми?

Налоговая служба США знала о Роберте Патни Дрейке, следующее. За прошедший финансовый год его доход составил: 23 000 005 долларов от акций и облигаций многочисленных оборонных корпораций, 17000 523 доллара от трех контролируемых им банков и 5 807 400 долларов от различной недвижимости. Но она не знала, что на его банковские счета (в Швейцарии) было перечислено более 100 000 000 долларов дохода от проституции, столько же — от героинового и игорного бизнеса и 2 500 000 долларов от порнографии. Правда, не знала она и о неизбежных деловых издержках, о которых он не потрудился заявить, — в частности, о сумме свыше 5 000 000 долларов, которую он потратил на взятки различным законодателям, судьям и полицейским чиновникам во всех пятидесяти штатах, чтобы они не меняли законы, позволявшие ему извлекать гигантскую прибыль на эксплуатации человеческих пороков, и о 50 000 долларов, переданных «Рыцарям христианства, объединенным верой» в последней отчаянной попытке избежать полной легализации порнографии и краха этого сектора его империи.

— Ну и что ты об этом, черт возьми, думаешь? — спросил Барни Малдун. Он держал в руке какой-то амулет. — Нашел его в спальне, — пояснил он, протягивая амулет Солу, чтобы тот мог рассмотреть странное изображение

— Отчасти это китайский символ, — задумчиво сказал Сол. — Главная часть — это две перетекающие друг в друга запятые, одна из которых направлена вверх, а вторая вниз. Это означает, что противоположности тождественны.

— И что это значит? — саркастически спросил Малдун. — Противоположности противоположны, а не тождественны. Надо быть китайцем, чтобы считать иначе.

Сол пропустил это замечание мимо ушей.

— Но в китайском символе нет ни пятиугольника, ни яблока с буквой К... — Внезапно он улыбнулся. — Погоди-ка, спорим, я знаю, что это. Это из древнегреческой мифологии. На Олимпе был пир, куда не пригласили Эриду, поскольку она была богиней раздора и всегда и всем доставляла неприятности. Чтобы отомстить, Эрида устроила *еще больше* раздора, сделав золотое яблоко и написав на нем «*Каллисти*», что по-гречески означает «*Прекраснейшей*». Очевидно, именно поэтому здесь на яблоке изображена буква "К". Затем она бросила его в зал, где пировали гости, и, естественно, все богини немедленно стали на него претендовать. Каждая утверждала, что именно *она* и есть «прекраснейшая». Наконец старина Зевс, чтобы положить конец спору, позволил Парису решить, какая из богинь прекраснейшая и заслуживает этого яблока. Парис выбрал Афродиту в награду за обещание помочь ему похитить Елену, что и привело потом к Троянской войне.

— Очень интересно, — сказал Малдун. — И это объясняет нам, что именно Джозеф Малик знал об убийствах членов семьи Кеннеди, и о шайке иллиуминатов, и о том, почему взорвали его офис? И куда он исчез?

— Конечно, нет, — ответил Сол, — но приятно найти в этом деле хоть что-то узнаваемое. Хотел бы я еще знать, что означает пятиугольник...

— Давай посмотрим остальные записки, — предложил Малдун. Однако следующая бумага озадачила их не на шутку.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №9

28 июля

Дж. М.,

Следующая схема появилась в «*Ист-Виллидж Азер*» от 11 июня 1969 года с пометкой «Нынешняя структура заговора баварских иллиуминатов и Закон Пятерок»:

Эта схема помещена в верхней части страницы, остальная же часть страницы пуста — словно редакторы первоначально планировали опубликовать статью с пояснением, но потом решили (или были вынуждены) изъять из печати все, кроме самой диаграммы.

Пат

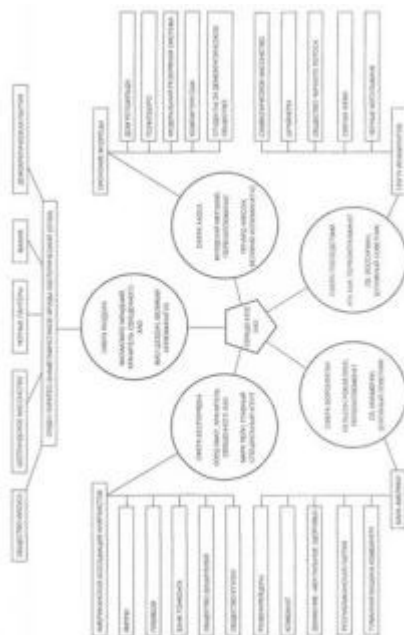
— Это наверняка какой-нибудь розыгрыш хиппи или йиппи, — сказал после долгого молчания Малдун. Но в его голосе слышались неуверенные нотки.

— *Отчасти* это так, — согласился Сол, придерживая кое-какие мысли при

себе. — Типичная психология хиппи: смешивать правду и вымысел, чтобы дразнить Истеблишмент. «Сионские мудрецы» — это явное издевательство над нацистской идеологией. Если бы миром действительно управлял еврейский заговор, мой раввин давно бы меня на него вывел. Я достаточно много жертвую на *шULE*.

— У меня родной брат иезуит, — добавил Малдун, ткнув пальцем в «Общество Иисуса», — и он никогда не приглашал меня ни в какой всемирный заговор.

— А вот эта часть почти правдоподобна, — сказал Сол, показывая на «Сферу Последствий». — Ага-хан *действительно* возглавляет исламскую секту исмаилитов, и эта секта была основана Хасаном ибн Саббахом, «горным старцем», который был лидером *хашишин* в XI веке. Если верить третьей записке, Адам Вейсгаупт основал общество баварских иллюминатов после изучения трудов Саббаха, так что в этой части все сходится -ведь Хасан ибн Саббах считается первым, кто ввез в западный мир из Индии марихуану и гашиш. Это согласуется с данными о том, что Вейсгаупт выращивал коноплю и Вашингтон тоже собирал большой урожай конопли в поместье Маунт-Вернон.

— Погоди-ка. Смотри, ведь вся эта система выстроена вокруг пятиугольника. Все остальное как бы вырастает из него.

— И что? Ты считаешь Министерство обороны международным центром заговора иллюминатов?

— Ладно, давай читать дальше, — буркнул Малдун.

(Индейскому агенту в висконсинской резервации меномингов известно следующее: с момента возвращения туда Билли Фрешетт и до самой ее смерти в 1968 году она ежемесячно получала таинственные чеки из Швейцарии. По мнению агента, он разгадал эту загадку: несмотря на все истории, свидетельствующие об обратном, Билли *действительно* предала Диллинджера, и это была награда. Он в этом убежден. Как же он заблуждается.)

"Дети семи и восьми лет, — выступает Улыбчивый Джим Трепо-мена перед аудиторией РХОВ, — болтают о пенисах и влагалищах — и употребляют именно эти слова] Задумаемся, неужели это случайность? Позвольте мне процитировать по этому поводу слова Ленина..." Саймон

зевает.

Наверное, сентиментальность и суеверие были не чужды Банановому Носу Малдонадо, и именно поэтому в 1936 году он велел своему сыну, священнику, отслужить сотню месс за упокой души Голландца. Даже спустя годы, когда разговор заходил о Голландце, он всегда за него заступался: "Он был парень что надо, Голландец, пока ты не перешел ему дорогу. Но если перешел, то прости-прощай: тебе не жить. В этом он был почти сицилиец. А так-то он был прекрасным бизнесменом, первым во всей организации, у кого оказались мозги бухгалтера. Если бы он не вбил себе в голову эту идиотскую идею убить Тома Дьюи, то до сих пор был бы большим человеком. Я сам ему говорил: "Ты убьешь Дьюи, и всем нам несдобровать. Ребята не пойдут на риск. Лаки и Мясник уже собираются тебя *приковбоить*". Но он даже слушать не хотел. "Мне на всех насрать, — говорил. — И мне все равно, как его зовут: Дьюи, Луи или Фуи. Он *умрет*". Упрямый немецкий еврей. С ним невозможно было разговаривать. Я даже рассказал ему, как Капоне помог сдать федералам Диллинджера, потому что от этих налетов на банки уже всем жарко стало. И знаете, что он сказал? «Передай Алю, что Диллинджер был одиноким волком. А у меня есть своя стая». Как жаль, как жаль... В воскресенье я поставлю ему в церкви еще свечечку".

СТОИМ РУКА К РУКЕ
И НАС НЕ СДВИНУТ С МЕСТА

Ребекка Гудман устало закрывает книгу и смотрит в пустоту, думая о Вавилоне. Неожиданно она натывается взглядом на статуэтку копенгагенской русалочки, которую Сол подарил ей на последний день рождения. Интересно, многие ли датчане знают о том, что это одна из форм вавилонской богини секса Иштар? *(В Центральном парке белка Перри начинает искать себе дневное пропитание. Французский пудель, которого держит на поводке леди в норковом жакете, облаивает белку и трижды обегает дерево.)* Джордж Дорн смотрит на лицо трупа: это его собственное лицо. «В Вайоминге после урока полового воспитания в старших классах семнадцать мальчиков изнасиловали учительницу. Позже она сказала, что больше не будет преподавать секс в школе». Удостоверившись, что кроме него в Зале медитаций здания ООН никого нет, человек, называвший себя Фрэнком Салливаном, быстро отодвигает черную стенную панель и спускается по потайной лестнице в туннель. По дороге он думает: как ни странно, вряд ли кто-то осознает, что форма этого зала повторяет усеченную пирамиду на долларовой купюре, и тем более никто не догадывается, что это означает. «В Уилметте, штат Иллинойс, восьмилетний мальчик пришел домой с занятий по групповой психотерапии и попытался вступить в половые сношения с четырехлетней сестрой». Саймон перестал чертить пятиугольники и начал рисовать пирамиды.

А в квартире Джо Малика Сол Гудман наконец отказался от мысли, что иллюминаты были прикрытием для Международного психоаналитического общества, планировавшего превратить всех людей в параноиков, и вернулся к чтению служебных записок. Барни Малдун вышел из спальни со странным амулетом и спросил: «Что ты об этом думаешь?» Сол посмотрел на узор с яблоком и пятиугольником... несколькими годами ранее на этот же медальон смотрел Саймон Мун.

— Это Священное Хао, — объяснял Падре Педерастия. Они сидели

вдвоем за столиком в углу; «Дружелюбный незнакомец» был таким же, как всегда, но только в задней комнате вместо «Г. Ф. Лавкрафта» теперь играла новая группа. «Американская медицинская ассоциация», — состоявшая, естественно, из четырех ребят из Германии. (Никто не догадывался, что в течение года «АМА» станет самой популярной рок-группой в мире, но Саймон уже тогда подумал, что это *забойно*.) Падре Педерастия, как и в тот вечер, когда Саймон познакомился с мисс Мао, был очень серьезен и даже ни с кем не кокетничал.

— Священная корова?²⁰ — переспросил Саймон.

— Нет, пишется по-другому: х-а-о. Они говорят, что хао — это единица хаоса²¹. — Падре Педерастия улыбнулся.

— Послушайте, да они еще более ненормальные, чем СССР²². — выразил сомнение Саймон.

— Не стоит недооценивать абсурдность, ведь это дверь, ведущая к Воображению. Неужели я должен тебе об этом напоминать?

— У нас с ними союз? — спросил Саймон.

— ДЖЕМы не могут бороться в одиночку. Да, у нас с ними союз, пока это устраивает обе стороны. Его санкционировал сам Джон — мистер Салливан.

— Ладно. А как они себя называют?

— ЛДР. — Падре позволил себе улыбнуться. — Новым членам называют аббревиатуру, которая расшифровывается как Легион Динамического Раздора. Со временем их лидер, обаятельнейший мерзавец и безумец Челине, доверительно им сообщает, что ЛДР расшифровывается как Лабиринт Дурацких Розыгрышей. В системе Челине это *pons asinorum*²³, или, во всяком случае, самая первая из *pons asinorum*. Он судит о новичках по их реакции.

— Система Челине? — осторожно поинтересовался Саймон.

— Цель у них примерно та же, что и у нас, но путь более широк и туманен.

— А путь правый или левый?

— Правый, — сказал Падре. — Все абсурдистские системы правые. Или почти все. Они ни при каких обстоятельствах не призывают *сам-знаешь-кого*. Полагаются исключительно на Дискордию... Ты знаком с древнеримской мифологией?

— Да, я знаю, что Дискордия — это просто латинское имя Эриды. Значит, они входят в Эридианский Фронт Освобождения? — Саймон начал жалеть, что он не обкурен; все эти разговоры о заговорах приобретали для него больше смысла, когда он был слегка под кайфом. Ему стало интересно, как люди вроде президента США или председателя совета директоров «Дженерал Моторс» могут на трезвую голову разыгрывать такие сложнейшие партии. Или они принимают транквилизаторы в дозах, которые вызывают сходный эффект?

— Нет, — сухо ответил Падре. — Никогда не совершай эту ошибку. ЭФО намного более, как бы это сказать... м-м... эзотерическая группа, чем ЛДР.

²⁰ Игра слов: в английском языке слова *chao* и *cow* («корова») произносятся почти одинаково.

²¹ Здесь *s* в конце слова *chaos* понимается как окончание множественного числа.

²² Общество Сатанистов-Сюрреалистов-Садистов.

²³ Проверка (лат.).

Челине — сторонник активных мер, как и мы. По сравнению с некоторыми его проделками «Моритури» или «Божья молния» кажутся смиренными монахами. Нет, ЭФО никогда не пойдет по пути мистера Челине.

— Выходит, он сторонник абсурдистской йоги и активистской этики? — задумчиво произнес Саймон. — Но ведь они несовместимы.

— Челине — это ходячее противоречие. Еще раз взгляни на этот символ.

— Я *все время* на него смотрю, и меня беспокоит этот пятиугольник. Ты уверен, что он на нашей стороне?

«Американская медицинская ассоциация» достигла своего музыкального оргазма, заглушив ответ священника.

— Что? — переспросил Саймон, когда стихли аплодисменты.

— Я сказал, — прошептал Падре Педерастия, — мы никогда не уверены, что *кто-то* на нашей стороне. Неопределенность — вот название этой игры.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №10

28 июля

Дж. М.,

Что касается символа «глаз в пирамиде», согласишься ли ты в следующую байку из книги Вирджинии Брасингтон *«Летающие тарелки в Библии»* (Saucerian Books, 1963, стр. 43):

Континентальный конгресс попросил Бенджамина Франклина, Томаса Джефферсона и Джона Адамса создать проект печати Соединенных Штатов Америки... Ни один из вариантов, которые они придумали сами или получили на рассмотрение, их не удовлетворил.

Однажды поздно вечером, проработав весь день над проектом, Джефферсон вышел в сад, чтобы подышать прохладным ночным воздухом и освежить мозги. Через несколько минут он ворвался в комнату с ликующим возгласом: " Есть!

Есть!" И действительно, у него в руках были какие-то эскизы. На них была изображена та Большая печать, которую мы сегодня знаем.

Когда Джефферсона спросили, как это пришло ему в голову, он рассказал странную историю. К нему подошел человек, лицо и фигуру которого полностью скрывал черный плащ, и сказал, что он (незнакомец) знает о попытках разработать печать и может предложить вполне подходящий и полный глубокого смысла рисунок...

Когда улеглось возбуждение, эта троица вышла в сад, чтобы найти незнакомца, но он исчез.

Таким образом, ни отцы-основатели, ни кто-либо иной так никогда и не узнали, кто на самом деле нарисовал Большую печать Соединенных Штатов.

Пат

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №11

29 июля

Дж. М.,

Последнее, что я нашла о «глазе в пирамиде», напечатано в одной подпольной газете {*"Планет"*, Сан-Франциско, июль 1969 г., том I, № 4), где этот символ предлагали в качестве эмблемы политической партии Тимоти Лири, когда он баллотировался на пост губернатора штата Калифорния:

Этот знак — пробный вариант эмблемы избирательной кампании

партии. Один шутник предлагает всем вырезать по кружку с задней стороны однодолларовой купюры и отослать этот доллар губернатору Лири, чтобы тот оклеил ими стены своего кабинета. Сами же вырезанные эмблемы люди должны наклеивать на двери домов в знак своего членства в партии.

Перевод надписей на эмблеме:

1. Год начала.
2. Новый секулярный порядок²⁴.

Оба перевода, конечно же, ошибочны. *Annuity Coeptis* означает «он благословляет наше начинание», а *Novus Ordo Seclorum* — «новый порядок эпох». Понятное дело, образованность никогда не была сильным местом хиппи. Но... *Тим Лири* — иллюминат?

Что касается наклеивания Глаза на дверь, не могу избавиться от мысли, что все это здорово напоминает обычай евреев мазать входную дверь кровью ягненка, чтобы ангел смерти прошел мимо их домов.

Пат

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №12

3 августа

Дж. М.,

Наконец-то я нашла фундаментальную книгу об иллюминатах: «*Доказательства заговора*» Джона Робисона (*Christian Book Club of America*, Хоторн, Калифорния, 1961; впервые издана в 1801 году). Робисон был английским масоном, обнаружившим на личном опыте, что такие французские масонские ложи, как «Великий Восток», были прикрытием для иллюминатов и главными зачинщиками Французской революции. В книге весьма обстоятельно объясняется, как работал Вейсгаупт: каждая масонская группа, куда они уже проникли, состояла из нескольких уровней, как и обычная масонская ложа, но когда кандидаты проходили через разные степени посвящения, им открывали все больше подробностей о подлинных целях движения. Новички просто считали себя масонами; достигшие средних уровней знали, что они участвуют в великом деле изменения мира, но о характере этого изменения им было известно только то, что считали нужным сообщить им их лидеры. Только те, кто поднялся на вершину, знали главную тайну. Согласно Робисону, она заключалась в следующем: иллюминаты планируют уничтожить все правительства и религии, основав анархо-коммунистический мир свободной любви, а поскольку «цель оправдывает средства» (принцип, который Вейсгаупт усвоил в своей иезуитской юности), им все равно, сколько людей они убьют ради достижения этой благородной цели. Робисон ничего не знает о предыдущих движениях иллюминатов, но особо подчеркивает, что баварские иллюминаты не уничтожены в результате разгрома 1785 года, а, напротив, до сих пор активны в Англии, во Франции и, возможно, где-нибудь еще — на 1801 год, когда была написана книга. На странице 116 Робисон перечисляет их ложи: Германия (84 ложи); Англия (8 лож); Шотландия (2); Варшава (2); Швейцария (много); Рим, Неаполь, Анкона, Флоренция, Франция, Голландия, Дрезден (4); Соединенные Штаты Америки (несколько). На странице 101 он упоминает о тринадцати рангах Ордена; возможно, они соответствует тринадцати ступеням их символической

пирамиды. На странице 84 указывается кодовое имя Вейсгаупта — Спартак; кодовое же имя его помощника барона Книгге — Филон (стр. 117). Это явствует из бумаг, изъятых баварским правительством во время обыска дома адвоката по фамилии Цвак, чье кодовое имя было Катон. Французский революционер Бабёф взял себе имя Гракх, явно подражая классическому стилю этих имен.

На странице 269 Робисон делает вывод, достойный того, чтобы его процитировать:

Нет ничего более опасного, чем мистический союз. Цель сохраняется главарями в тайне, а всем остальным просто вставляют в нос кольцо, за которое их можно водить вокруг да около. Они жаждут узнать секреты, но при этом тем больше радуются, чем меньше видят.

Пат

В нижней части страницы есть примечание карандашом, нацарапанное твердой мужской рукой. Оно гласит: «В начале было Слово, и написал его бабуин».

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №13

5 августа

Дж. М.,

Выжил ли орден баварских иллюминатов в XIX столетии и начале XX века? Это тема книги Несты Уэбстер «*Мировая революция*» (*Constable and Company*, Лондон, 1921 год). Миссис Уэбстер разделяет взгляды Робисона на начальные этапы деятельности иллюминатов и вплоть до Французской революции, но потом их взгляды расходятся, поскольку она утверждает, что иллюминаты никогда не планировали создать утопическое анархо-коммунистическое общество: это была их очередная маска. Истинная же цель состояла в установлении диктатуры над миром, и поэтому они вскоре вошли в тайный сговор с прусским правительством. Она утверждает, что все последующие социалистические, анархические и коммунистические движения были просто вывесками, прикрывавшими планы немецкого генерального штаба и иллюминатов по уничтожению других правительств с целью германской экспансии в эти государства. (Она писала сразу после противостояния между Англией и Германией в Первой мировой войне.) Я не знаю, как можно согласовать эту точку зрения с мнением берчевцев о том, что иллюминаты, прикрываясь фондом Родса, планируют захватить мир и установить в нем *британское* господство. Очевидно, как утверждает Робисон, иллюминаты говорят разные вещи разным народам, чтобы втянуть их в заговор. Что касается связей с современным коммунизмом, вот несколько отрывков из ее книги, приведенных на страницах 234-245:

Но теперь, когда (Первый) Интернационал мертв, у тайных обществ возникла необходимость реорганизации, и в этот кризисный момент мы узнаем, что «грозная секта» *изначальных иллюминатов Вейсгаупта*, оказывается, жива.

Однозначно мы знаем лишь то, что это общество было восстановлено в Дрездене в 1880 году... То, что оно намеренно создавалось по образцу его предшественника в XVIII веке, явствует из факта, что глава общества, некий Леопольд Энгель, написал пространный панегирик Вейсгаупту и его ордену, который назывался «*Geschichte des Illuminaten Ordens*» (опубликован в 1906 году)

В Лондоне ложа с таким же названием совершала обряд Мемфиса, основанный, как говорят, графом Калиостро по египетским образцам, и посвящала адептов в иллюминизированное масонство.

Было ли простым совпадением то, что в июле 1889 года Международный конгресс социалистов решил выбрать день 1 мая, в который Вейсгаупт основал орден иллюминатов, ежегодным Праздником международной солидарности трудящихся?

Пат

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №14

6 августа

Дж. М.,

А вот еще одна версия происхождения иллюминатов, которая дается в книге каббалиста Элифаса Леви (*«История магии»*, Borden Publishing Company, Лос-Анджелес, 1963, стр. 65). Он утверждает, что было два Зороастра: настоящий, проповедовавший белую магию «правой руки», и ложный, который учил черной магии «левой руки». Он продолжает:

Авторству ложного Зороастра следует приписать культ материального огня и нечестивую доктрину божественного дуализма, которая в более поздний период породила манихейский гнозис и ложные принципы псевдомасонства. Этот Зороастр стал отцом той материалистической магии, которая привела к избиению магов. Истинная же их доктрина была сначала запрещена, а потом забыта. Вечно побуждаемая духом истины, Церковь была вынуждена осудить все, что состояло в дальнем или близком родстве с примитивным опошлением мистерий и скрывалось под такими названиями, как магия, манихейство, иллюминизм и масонство. Ярким примером может служить история ордена рыцарей-храмовников, которая по сей день остается непонятой.

Леви никак не поясняет это последнее предложение; однако интересно, что Неста Уэбстер (см. служебную записку №13) тоже находит связь иллюминатов с тамплиерами, хотя Дараул и многие другие источники прослеживают их корни на Востоке и связывают с *хашишин*. У меня что, развивается паранойя? Мне действительно начинает казаться, что факты не только погребены в малоизвестных книгах, но и намеренно запутанны, чтобы сбить с толку их исследователя...

Пат

В нижней части этой записки той же мужской рукой (Сол подозревает, что рукой Малика), которая писала о бабуине в записке 12, был нацарапан ряд пометок. Пометки гласили:

Проверить орден де Молэ.

Одиннадцатиконечный крест де Молэ.

Одиннадцать точек пересечения, всего 22 отрезка.

22 Ату Тахути?²⁵

²⁵ В терминологии Алистера Кроули Ату — Козыри (или Большие Арканы)карт Таро, Тахути — египетский бог Тот.

Почему не 23?

ТАРО = ТОРА = ТРОА = АТОР = РОТА????? Абдул Альхазред = А.\А.\??!

— Господи Иисусе! — простонал Барни. — Святой Иосиф и Дева Мария! Ну и дерьмо. До окончания этого дела мы запросто станем мистиками или свихнемся. Что, впрочем, одно и то же.

— Орден де Молэ — это масонское общество для мальчиков, — охотно прокомментировал Сол. — Не знаю, что такое Ату Тахути, но звучит вроде по-египетски. Таро — это такие карты, на которых гадают цыганки, а само слово «цыган» означает «египтянин»²⁶. Тора — это на иврите «закон». Мы постоянно упираемся во что-то такое, что коренится в иудейском мистицизме и египетской магии...

— Тамплиеров с позором изгнали из Церкви, — сказал Барни, — запопыткусоединитьхристианскиеимусульманскиеидеи. В прошлом году мой брат-иезуит читал лекцию о том, что современные идеи — лишь перепевы старых избитых средневековых ересей. Я сходил на нее из вежливости. Помню, что он говорил о тамплиерах еще кое-что. Они практиковали, как он выразился, «протиеестественные половые акты». Говоря проще, были педиками. Тебе не кажется странным, что все группы, связанные с иллюминатами, сплошь мужские? Может быть, большая тайна, которую они столь фанатично скрывают, заключается в том, что это всемирный гомосексуалистский заговор. Я слышал, артисты шоу-бизнеса жалуются на «гоминтерн» — организацию гомосексуалов, которая старается придерживаться все самые вкусные куски для своих. Что ты на это скажешь?

— Звучит правдоподобно, — откликнулся с иронией Сол. — Но так же правдоподобно звучит и то, что иллюминаты — это заговор евреев, заговор католиков, заговор масонов, заговор коммунистов, заговор банкиров, и вполне возможно, что в конце концов мы найдем свидетельства тому, что это межпланетный заговор, руководимый с Марса или Венеры. Барни, разве ты не понимаешь? Кто бы они ни были, они всегда создают маски и бросают тень подозрения на самые разные группы. Они превращают их в «козлов отпущения», которых потом можно обвинить в том, что они-то и есть «настоящие иллюминаты»? — Сол уныло покачал головой. — Они достаточно умны и понимают: им не удастся скрываться бесконечно, рано или поздно найдутся умники, которые почуют что-то неладное. Поэтому они заготовили множество самых разных ложных идей о самих себе, которые и подсовывают любопытствующим чужакам.

— Это собаки, — сказал Малдун. — Разумные говорящие собаки с Сириуса, Песей звезды. Они прилетели сюда и сожрали Малика. Точно так же они сожрали того парня из Канзаса, но тогда они не успели завершить работу. — Он повернулся к столу и читает отрывок из служебной записки №8: «У него было разорвано горло, словно его терзали когти какой-то гигантской хищной твари. При этом сведений о пропаже хищных зверей из местных зоопарков не поступало». — Он ухмыляется. — Господи, я почти готов в это поверить.

— Это оборотни, — возразил Сол, тоже усмехаясь. — Пятиугольник — символ оборотней. Посматривай иногда телепрограммы для полуночников.

— *Пентаграмма*, а не *пятиугольник*. — Барни закурил. — И впрямь действует на нервы, а?

Сол устало поднял глаза и окинул комнату таким взглядом, словно искал

²⁶ В английском языке слово «цыган» (Gypsy) происходит от названия Египта (Egypt).

пропавшего хозяина.

— Джозеф Малик, — громко спросил он, — в какое дерьмо тывлез? И когда это произошло?

НАС НЕ СДВИНУТ
НАС НЕ СДВИНУТ С МЕСТА

Собственно говоря, для Джозефа Малика все это началось несколькими годами раньше, когда одни люди пели религиозные гимны и непристойно бранились, а другие применяли против них слезоточивый газ и полицейские дубинки, и все это по поводу выдвижения кандидатом в президенты одного человека по имени Хьюберт Хо-рейшо Хамфри. Дело было в Чикаго, в Линкольн-парке, ночью 25 августа 1968 года. Тогда Джо не знал, что это было начало чего-то. Зато он отчетливо, до мозга костей прочувствовал, чему пришел конец: его вере в демократическую партию.

Он сидел с «озабоченными священниками» под крестом, который они установили. И с горечью думал, что вместо креста нужно было поставить налгообие. С надписью: Здесь покойтся Новый Курс²⁷.

Здесь покойтся вера в то, что все зло находится *по ту сторону*, в стане реакционеров и куклуксклановцев. Здесь покоятся двадцать лет надежд, мечтаний, пота и крови Джозефа Уэнделла Малика. Здесь покойтся Американский Либерализм, забитый до смерти дубинками доблестных чикагских блюстителей порядка.

«Идут», — неожиданно послышался чей-то голос рядом. Озабоченные священники тут же начали скандировать: «Нас не сдвинут с места».

"Нас сдвинут, даже не сомневайтесь, — спокойно сказал кто-то сдержанным сардоническим голосом У. Филдса²⁸. — Когда пойдет слезоточивый газ, мы сдвинемся как миленькие".

Джо узнал голос говорившего; это был романист Уильям Берроуз с его обычным бесстрастным лицом, не выражавшим ни раздражения, ни презрения, ни возмущения, ни надежды, ни веры, ни любой другой известной Джо эмоции. Но по каким-то причинам, которых Джо не мог понять, он тоже сидел с ними и выражал личный протест против Хьюберта Хорейшо Хамфри, поместив свое тело на пути чикагской полиции.

Джо не понимал, как человек может найти в себе мужество это сделать, не имея ни веры, ни убеждений. Берроуз ни во что не верил, но при этом сидел с упрямством Лютера. Джо всегда во что-то верил: когда-то давно в римский католицизм, потом, в колледже, в троцкизм, затем, на протяжении почти двух десятилетий, в либерализм («Жизненный центр» Артура Шлезингера-младшего), а сейчас, когда все это умерло, он отчаянно пытался мобилизовать в себе веру в разношерстную толпу помешавшихся на наркотиках и астрологии йиппи, черных маоистов, несгибаемых пацифистов и высокомерно догматичных ребят из СДО, которые съехались в Чикаго протестовать против заказного съезда и которых за это здесь избивали до полусмерти.

Аллен Гинзберг, сидевший посреди кучки йиппи справа, снова начал скандировать, как он делал весь этот вечер: «Харе Кришна Харе Кришна

27 «Новый курс» — политика правительства Т. Рузвельта.

28 У. Филдс (1880-1946) — знаменитый американский киноактер и комик.

Кришна Кришна Харе Харе...» Гинзберг верил; он верил во все: в демократию, в социализм, в коммунизм, в анархизм, в идеалистическую разновидность фашистской экономики Эзры Паунда, в технологическую утопию Бакминстера Фуллера, в необходимость возвращения к доиндустриальной пасторальности Д. Г. Лоуренса, в индуизм, буддизм, иудаизм, христианство, вуду, астрологическую магию, но прежде всего — в человеческую доброту.

Человеческая доброта... Джо не вполне в нее верил после того, что показал миру Бухенвальд в 1944 году, когда Джо исполнилось семнадцать лет.

— Расходись! Расходись! Расходись! — донеслось точно такое же, как и прошлой ночью, скандирование полиции; вчера этот неолитический вопль ярости сигнализировал о начале первой бойни. С дубинками в руках полицейский отряд прокладывал себе путь, разбрызгивая слезоточивый газ. — Расходись! Расходись! Расходись!

«Американский Освенцим, — думал Джо, чувствуя тошноту. — Если бы кроме слезоточивого и нервно-паралитического газа им выдали „Циклон-Б“, они применяли бы его с таким же удовольствием».

Озабоченные священники медленно поднялись, прикрывая лица влажными носовыми платками. Невооруженные и беззащитные, они готовились удерживать этот клочок земли как можно дольше перед неминуемым отступлением. «Моральная победа, — с горечью думал Джо. — Все, чего мы обычно достигаем, называется моральной победой. Реальные же победы одерживает аморальное зверье».

«Да здравствует Дискордия!» — послышался из стана священников голос бородатого парня по имени Саймон, который накануне днем спорил с маоистами из СДО о преимуществах анархизма.

И это были последние слова, которые Джо Малик отчетливо запомнил: потом были только газ, дубинки, крики и кровь. Тогда он даже не подозревал, что эта фраза, услышанная напоследок, окажется для него самым главным из того, что произошло в Линкольн-парке.

(Свив длинное тело в тугий узел и опираясь на локти, Гарри Койн следит через прицел «ремингтона» за кортежем автомобилей, который проезжает мимо школьного книгохранилища и направляется к его «точке» на тройном туннеле. Внизу, на травяном холме, он видит Бернарда Баркера из ЦРУ. Если он справится с этим делом, пообещали ему, то получит еще заказы; это станет для него концом мелких преступлений и началом больших денег. В каком-то смысле он сожалел: Кеннеди вроде бы симпатичный и молодой — Гарри с удовольствием сделал бы это и с ним, и с его красоткой женой, — но деньги прежде всего, а эмоции — для дураков. Он передернул затвор, не обращая внимания на внезапный лай собаки, и прицелился — как вдруг со стороны травяного холма донеслись три выстрела.

— Господи Иисусе, мать твою так, — пробормотал он, и тут же за метила отблеск винтовки в окне школьного книгохранилища. — Боже всемогущий, сколько же нас всего здесь? — воскликнул он, вскочив на ноги, и побежал.)

22 июня 1969 года, почти через год после избиения дубинками, Джо вернулся в Чикаго, чтобы стать очевидцем очередного заказного съезда, испытать дальнейшее разочарование, еще раз встретиться с Саймоном и вновь услышать таинственную фразу «Да здравствует Дискордия».

Теперь это был съезд «Студентов за демократическое общество», последний их съезд, и с самого начала Джо понял, что Прогрессивная

трудовая фракция заранее все подстроила. Это снова была все та же демократическая партия, и обязательно пролилась бы кровь, будь у ребят из ПТ свои собственные полицейские силы для «разгона» раскольников, которых тогда называли ДРМ-I и ДРМ-II²⁹. В отсутствие этого фактора насилие было исключительно словесным, но когда все закончилось, еще одна часть Джо Малика умерла, а его вера в доброту человека еще более ослабела. И вот так, в бесцельных поисках чего-то не до конца испорченного, он забрел в старый Уоббли-холл на Северной Халстед-стрит и оказался на закрытом собрании анархистов.

Об анархизме Джо ничего не знал кроме того, что несколько знаменитых анархистов — Парсонс и Спайс (беспорядки 1888 года в Чикаго), Сакко и Ванцетти (Массачусетс) и поэт Джо Хилл, выходец как раз из уоббли — были казнены за убийства, которых они в действительности не совершали. Кроме того, анархисты стремились упразднить государство, и это казалось настолько абсурдным, что у Джо даже не возникало желания читать их теоретические или полемические труды. Однако теперь, испытывая все большее разочарование в традиционных подходах к политике, он с острым любопытством начал прислушиваться к речам уоббли и других анархистов. В конце концов, его любимый литературный герой говорил: «Когда исключишь все остальные возможности, оставшееся, каким бы невероятным оно ни казалось, должно быть истиной».

Как выяснил Джо, анархисты не собирались выходить из СДО. «Мы останемся и устроим им классную заваруху», — сказал один из них под бурные аплодисменты и возгласы одобрения в зале. Впрочем, такое редкое единодушие они проявили только по этому вопросу, во всех же остальных их взгляды резко расходились. Постепенно Джо начал различать отдельные позиции: анархистов-индивидуалистов, которые напоминали правых республиканцев (правда, хотели избавиться от всех функций государственного управления); анархо-синдикалистов и уоббли, которые напоминали марксистов (правда, тоже хотели избавиться от всех функций государственного управления); анархо-пацифистов, которые стояли на позициях Ганди и Мартина Лютера Кинга (впрочем, они тоже хотели избавиться от всех функций государственного управления); и группу, которую довольно нежно называли «чокнутыми», поскольку они стояли на совершенно непонятных позициях. Саймон находился в стане «чокнутых».

В речи, смысл которой доходил до Джо с большим трудом, Саймон заявлял, что культурная революция намного важнее революции политической; что символом всех анархистов мира должен стать Багз Банни; что открытие Хоффманном ЛСД в 1943 году было проявлением прямого вмешательства Бога в дела человека; что выдвижение кандидатуры борова Пигаса на пост президента США от партии йиппи было самым «трансцендентально ясным» политическим актом XX века; и что «массовые оргии курения марихуаны и траханья на каждом углу» — это очередной и самый практический шаг в деле освобождения мира от тирании. Кроме того, он призывал к углубленному изучению Таро, «чтобы сразиться с реальным врагом его же оружием», хотя не объяснял, что это значит. Он пустился в разглагольствования о мистическом значении числа 23, указав, что сумма двойки и тройки равна пяти, а внутри пентады можно вызывать дьявола, «как, например, внутри пентакля или здания Пентагона в Вашингоне». И что,

²⁹ Движение революционной молодежи.

если двойку разделить на тройку, то получится 0,666 — «Число Зверя, если верить этому бредовому Откровению святого Иоанна Грибоголового». И что само число 23 эзотерически представлено в адресе Уоббли-холла: 2422, Северная Халстед-стрит, "поскольку поражает своим эзотерическим отсутствием". И что в датах убийств Джона Ф. Кеннеди и Ли Харви Освальда, 22 и 24 ноября, явно заметно отсутствие между ними числа 23... И лишь когда его наконец согнали с трибуны, собрание вернулось к более мирским темам.

Наполовину заинтригованный и наполовину отчаявшийся, Джо решил выполнить очередной «акт веры» и убедить себя, хотя бы ненадолго, в том, что в бессвязной болтовне Саймона есть хоть крупица здравого смысла. Он знал, что довольно скоро в нем проснется привычный скептицизм.

— То, что мир называет здравым смыслом, привело нас к нынешнему планетарному кризису, — сказал Саймон, — поэтому единственной возможной альтернативой становится безумие.

Этот парадокс стоил того, чтобы над ним поразмыслить.

— Я насчет этого числа, 23, — сказал Джо, нерешительно приблизившись к Саймону после окончания собрания.

— Оно всюду, — немедленно прозвучал ответ. — Я лишь затронул проблему в самых общих чертах. Все великие анархисты погибли двадцать третьего числа того или иного месяца. Сакко и Ванцетти — 23 августа, Бонни Паркер и Клайд Барроу — 23 мая, Голландец — 23 октября, а Винсу Коллу было 23 года, когда его застрелили на *Двадцать третьей стрит*, и хотя Джона Диллинджера убили двадцать второго июля, если внимательно почитать книгу Толланда «Жизнь Диллинджера», как это сделал я, то обнаружится, что и ему не удалось избежать рокового числа 23, поскольку в ту ночь в Чикаго умерли еще 23 человека, и все от перегрева. «В атмосферу Земли вошло тепловое излучение от вспышки новой звезды», помнишь? А мир, если верить епископу Ашеру, появился 23 октября 4004 года до нашей эры, и венгерская революция началась тоже 23 октября, и Харпо Маркс родился 23 ноября, и...

Он говорил еще и еще, а Джо терпеливо слушал, решив превратить этот вечер в шизофренический практикум. Они перебрались в ближайший ресторанчик «Рассадник» на Фуллертон-стрит, и за пивом Саймон плавно перешел к обсуждению мистического значения W, двадцать третьей буквы английского алфавита, и ее присутствия в словах «женщина»³⁰, «утроба»³¹, в форме женских грудей и разведенных ног совокупляющейся женщины. Он даже нашел какой-то мистический смысл буквы W в слове «Вашингтон»³², но почему-то предпочел об этом не распространяться.

— Так что сам видишь, — втолковывал Саймон, когда ресторанчик уже закрывался, — к освобождению ведет путь магии. Анархизм останется придатком политики и, как любая другая политика, останется формой смерти, если не освободится от обусловленной «реальности» капиталистического общества и не создаст собственную реальность. Борова — в президенты. Кислоту — в водопровод. Секс — на улицы. Заставим совершенно невозможное стать повсеместно возможным. Реальность

³⁰ Англ. woman.

³¹ Англ. womb.

³² Англ. Washington.

термопластична, а не термореактивна, знаешь ли. Я хочу сказать, что ее можно перепрограммировать, хотя люди об этом даже не догадываются. Первородный грех, логический позитивизм, мифы об ограничениях — это всё колдовство, обман, построенный на термореактивной реальности. Господи, дружище, конечно же, пределы есть — надо быть полным дебилом, чтобы это отрицать, — но эти пределы вовсе не так жестко закреплены, как нас убеждали. Намного правильнее сказать, что нет *практических* пределов, и реальность такова, какой ее решают сделать люди. Но на протяжении последних тысячелетий мы, словно безумцы, постоянно выдумываем ограничения за ограничениями, так что нужна поистине негативная энтропия, чтобы поколебать основы. И это не просто треп, друг; я знаю, о чем говорю, потому что по образованию я математик.

— Я и сам когда-то давно учился на инженера, — сказал Джо. — Я понимаю, что часть того, что ты говоришь, правда...

— Это *всё* правда. Сейчас земля принадлежит землевладельцам, и дело тут в магии. Люди чтят документы, составленные в государственных учреждениях, и не смеют ступить на участок земли, если в каком-нибудь документе сказано, что этой землей владеет кто-то другой. Это помрачение, разновидность магии, и нужна противоположная магия, чтобы снять это проклятие. Нужна шокотерапия, чтобы разорвать и перестроить цепочки команд в коре головного мозга, сбросить «выкованные разумом оковы», о которых писал Блейк. Это элементы непредсказуемые: эрратические, эротические, эристические. Тим Лири сказал об этом так: «Люди должны сойти с ума, чтобы прийти в чувство». Люди не чувствуют настоящую землю, не наслаждаются ее теплом и запахом, пока в коре головного мозга позвякивают цепи, которые внушают, что земля принадлежит кому-то другому. Если не хочешь называть это магией, называй контркондиционированием, суть не изменится. Мы должны развеять галлюцинацию, навязанную нам обществом, и жить самостоятельно. Вернуть обратно старые реальности, которые считаются мертвыми. Создать новые реальности. Астрология, демоны... вывести поэзию с книжных страниц в повседневную жизнь. Сюрреализм, врубаешься? Антонен Арто и Андре Бретон кратко резюмировали это в Первом Манифесте Сюрреализма: *«полное преобразование сознания и всего, что похоже на сознание»*. Они знали об основанной в 1923 году в Мюнхене ложе иллюминатов всё, и даже то, что она с помощью черной магии контролировала и Уолл-стрит, и Гитлера, и Сталина. Нам самим придется влезть в колдовство, чтобы снять проклятие, которое они наложили на сознание каждого человека. Да здравствует Дискордия! Вот так-то!

Когда они наконец расстались и Джо направился в гостиницу, чары рассеялись. "Я весь вечер слушал бред отъехавшего кислотника, — думал Джо в такси, которое везло его на юг, в сторону Лупа³³, — и чуть было не поверил ему. Если я продолжу этот маленький эксперимент, то *действительно* ему поверю. Именно так всегда и начинается безумие: ты считаешь реальность невыносимой и начинаешь придумывать ей замену". Усилий воли он заставил себя вернуться к привычной системе отсчета: какой бы жестокой ни оказалась реальность, Джо Малик встретится с ней лицом к лицу и не станет путешествовать с йиппи и «чокнутыми» в Мир Грез.

Но когда в гостинице Джо впервые заметил на двери своего номера

33 Центральный деловой район Чикаго,

табличку «23», он с трудом преодолел желание немедленно позвонить Саймону и рассказать ему о последнем вторжении сюрреализма в реальный мир.

Лежа в постели, он долго не мог уснуть, стараясь вспомнить все, что происходило в его жизни и так или иначе имело отношение к числу 23... и понять, откуда возник загадочный жаргонизм 1929 года «23 сваливай»³⁴.

Поплутав часок в старых кварталах, хорошо помнивших Гитлера, «Кларк Кент и его супермены» наконец нашли *Людвигштрассе* и выехали из Мюнхена.

— Еще миль сорок, и мы в Ингольштадте, — сказал Кент-Мохаммед-Пирсон.

— *Наконец-то*, — простонал один из его «суперменов».

В этот момент крошечный «фольксваген», словно ребенок, побежавший впереди матери, обогнал их микроавтобус. Кент был поражен.

— Видали этого типа за рулем? Я встречался с ним как-то раз, и никогда не забуду, так странно он себя вел. Это было в Мехико. Забавно увидеть его снова на другом конце земли и столько лет спустя.

— Давай его догоним, — предложил другой «супермен».

— Ну да, по этой же дороге едут «АМА», «Отребье» и прочий тяжеляк. Мы просто угробим себя заживо. Надо, чтобы *он* хотя бы узнал, что мы тоже выступаем в Ингольштадте.

КАК ДЕРЕВЬЯ У ВО-О-О-О-ДЫ

На следующее утро после собрания в Уоббли-холле Саймон позвонил Малику.

— Слушай, — спросил он, — а ты обязательно должен лететь в Нью-Йорк сегодня? Можешь задержаться хотя бы на сутки? Я кое-что хотел тебе показать. Пора нам обрабатывать людей твоего поколения, и не просто разговоры говорить, а чтобы вы видели все собственными глазами. Ну как, хочешь?

И Джо Малик, бывший троцкист, бывший студент-технар, бывший либерал, бывший католик, моргнуть не успел, как ответил: «Да». И услышал, как где-то в глубине души громкий, хотя и неслышный голос произнес какое-то более глубокое «да». Он хотел — астрологии, «И-цзина», ЛСД, демонов, всего, что мог предложить ему Саймон в качестве альтернативы миру здравомыслящих и рассудительных людей, которые здраво и рассудительно прокладывали путь к тому, что могло означать для планеты только гибель.

(НАС НЕ СДВИНУТ С МЕСТА)

— Бог умер, — пел священник.

— Бог умер, — хором вторил ему хор.

— Бог умер: мы все абсолютно свободны, — ритмичнее выпевал священник.

— Бог умер, — подхватывал почти гипнотический ритм хор, — мы все абсолютно свободны.

Джо нервно ерзал на стуле. Богохульство кружило голову, но одновременно и пугало. Он задумался о том, сколько же еще страха перед адом сохранилось со времен католического отрочества в темных закоулках его черепа.

³⁴ См. Приложение Цадди.

Они находились в изящно обставленной квартире над Лейк-шор-драйв («Мы всегда здесь встречаемся, — объяснил Саймон, — из-за аббревиатуры названия улицы»), и шум машин далеко внизу странно смешивался с подготовкой, как догадывался Джо, к черной мессе.

— Делай, что хочешь: вот весь закон, — распевал священник.

— Делай, что хочешь: вот весь закон, — вторил ему вместе с хором Джо.

Священник — единственный, кто не снял с себя одежду перед началом церемонии, — был румяным мужчиной средних лет с белым воротничком, и Джо было неуютно отчасти из-за того, что выглядел он уж очень по-католически. Ситуация ничуть не улучшилась, когда при знакомстве со священником, к которому его подвел Саймон, тот представился как «Падре Педерастия», причем произнес это с подчеркнуто игривой интонацией, кокетливо глядя прямо в глаза Джо.

По мнению Джо, паства состояла из двух совершенно разных категорий «прихожан»: нищих хиппи-профессионалов из Старого Города и богатых хиппи-любителей как с самой Лейк-шор-драйв, так и, вне всякого сомнения, из рекламных агентств на Мичиган-авеню.

Однако их было всего лишь одиннадцать, включая Джо, а с Падре Педерастией — двенадцать. Где же традиционная чертова дюжина?

— Готовим пентаду, — велел Падре Педерастия.

Саймон и весьма миловидная юная девушка, ничуть не смущаясь своей наготы, встали со своих мест и направились в сторону двери, которая, как предположил Джо, вела в спальню. По дороге они взяли кусочек мела со стола, на котором в специальной подставке в форме козлиной головы курились гашиш и сандаловое благовоние, и, опустившись на корточки, нарисовали на кроваво-красном ковре перед дверью большой пятиугольник. Затем к каждой стороне пятиугольника они пририсовали по треугольнику, и так получилась звезда — особая звезда, которая, как было известно Джо, называлась пентаграммой — символом оборотней и демонов. Ему вдруг вспомнился сентиментальный старый стишок из фильма Лона Чейни-младшего, но сейчас он почему-то перестал казаться ему пошлым:

Даже тот, кто сердцем чист
И читает перед сном молитвы,
Может превратиться в волка,
Когда цветет волчий корень
И полна осенняя луна.

— И-О, — упоенно пел священник.

— И-О, — с чувством подхватывал хор.

— И-О, Э-О, Эвоэ, — становилось громче пение.

— И-О, Э-О, Эвоэ, — следовал ритмичный ответ хора.

Джо ощутил, как его рот наполняется странным, пепельно-едким вкусом, а в кончики пальцев ног и рук вползает холод. Внезапно воздух в комнате неподвижно застыл, став отвратительно слизким и влажным.

— И-О, Э-О, Эвоэ, ХЕ! — воскликнул священник то ли в страхе, то ли в экстазе.

— И-О, Э-О, Эвоэ, ХЕ! — Джо услышал, как его голос сливается с другими голосами. Показалось ему, или впрямь все эти голоса неумовимо изменились и приобрели что-то звериное, что-то человекообразное?

- Ол сонуф ваоресаджи³⁵, — чуть тише произнес священник.
- Ол сонуф ваоресаджи, — отозвался хор.
- Свершилось, — сказал священник. — Мы можем пройти мимо Стража.

Паства встала и направилась к двери. Как заметил Джо, каждый человек обязательно старался войти в пространство пентаграммы и на мгновение там задержаться, словно хотел набраться силы перед тем, как приблизиться к двери. Когда настала его очередь, он понял почему. Резной орнамент на двери, который издали казался всего лишь непристойным и омерзительным изображением, вблизи попросту ужасал. С огромным трудом он пытался себя убедить, что эти глаза были просто обманом зрения, *оптической иллюзией*. Он не мог избавиться от ощущения, что они смотрели прямо на него, и совсем не ласково.

Это... *существо*... и был Страж, которого следовало умиротворить, чтобы они могли войти в следующую комнату.

Пальцы рук и ног Джо неумолимо холодели, и объяснить это самовнушением было невозможно. Он всерьез засомневался, не грозит ли ему обморожение конечностей. Но когда он вошел в пентаграмму и холод внезапно исчез, а взгляд Стража стал не таким грозным, он ощутил, как по его телу заструилась свежая энергия. Это было то же чувство, что он испытывал на сеансах групповой психотерапии — после того как лидер сумел его уговорить освободиться от скрытой тревожности и подавленного гнева, без стеснения выражая свои чувства в топаний ногами, криках, рыданиях и ругательствах.

Он легко миновал Стража и вошел в комнату, где должно было происходить главное действие.

Ему показалось, что он покинул XX столетие. В обстановке и отделке комнаты проявлялось хаотичное смешение древнееврейского, арабского и средневекового европейского стилей, лишенных современной лаконичности и функциональности.

В центре стоял алтарь, покрытый черной тканью, и на нем лежал тринадцатый член шабаша. Это была рыжеволосая зеленоглазая женщина — такие глаза и волосы, по преданию, больше всего нравятся Сатане у смертных женщин. (Джо вспомнил, что были времена, когда любая женщина с такими приметами автоматически считалась ведьмой.) Естественно, она была обнажена и ее тело служило проводником для совершения этого странного таинства.

"Что я здесь делаю? — подумал Джо. — Почему я не уйду от этих психов и не возвращаюсь в мир, который знаю, в мир, где все ужасы, в конце концов, лишь человеческие?"

Но он знал ответ.

Он не сможет — в буквальном смысле *не сможет* — пройти мимо Стража, пока все присутствующие не дадут на это согласие.

Заговорил Падре Педерастия: «Эта часть церемонии, — сказал он, манерно кривляясь, — как всем вам известно, мне крайне омерзительна. О, если бы Наш Отец Всенижний позволил нам положить на алтарь мальчика, когда я совершаю богослужение! — но, увы, Он, как вы знаете, совершенно непреклонен в таких вопросах. Поэтому, как обычно, я прошу нового члена занять мое место в этом ритуале».

³⁵ «Я царствую над вами» — фраза на «енохианском», или «ангельском» языке, позаимствованная сатанистами из магической системы «Золотой Зари».

Из «Молота ведьм» и книг о колдовстве Джо знал, в чем заключается ритуал, и испытывал возбуждение вперемешку со страхом.

В смятении он подошел к алтарю, заметив, что остальные образовали пятиугольник вокруг него и обнаженной женщины. У нее было дивное тело, большая грудь и нежные соски, но Джо все еще слишком нервничал, чтобы почувствовать физическое возбуждение.

Падре Педерастия протянул ему облатку. «Я самолично выкрал ее в церкви, — шепнул он. — Можешь не сомневаться, что она освящена и обладает огромной силой. Ты знаешь, что делать?»

Джо кивнул, не в состоянии встретиться взглядом с похотливыми глазками священника.

Он взял облатку и быстро на нее плюнул.

Уровень вязкости и электрической заряженности воздуха стремительно вырос. Свет показался более резким, он засверкал, словно меч, и стал той враждебной и разрушительной силой, какой его часто воспринимают шизофреники.

Он сделал шаг вперед и положил облатку на лоно Невесты Сатаны.

В это же мгновение она тихо застонала, словно это простое прикосновение оказалось более эротичным, чем бывает обычное едва заметное прикосновение. Она сладострастно раздвинула ноги, и середина облатки смялась, утопая в рыжих волосах ее лона. Это произвело мгновенный и поразительный эффект: все ее тело задрожало, и облатка погрузилась еще глубже в ее влажное влагалище. С помощью пальца Джо протолкнул туда остаток облатки, и женщина хрипло задышала в ритме стаккато.

Джо Малик встал на колени, чтобы завершить ритуал. Он чувствовал себя полным идиотом и извращенцем: он никогда не занимался сексом, тем более оральным, публично. Из-за этого он даже не мог почувствовать элементарное возбуждение. Он не сходил с дистанции лишь из-за желания выяснить, есть ли в этом тошнотворном безумии что-то действительно магическое.

Как только его язык вошел во влагалище женщины и она задвигалась, он понял, что вскоре она испытает первый оргазм. Наконец его пенис стал наполняться кровью; он начал лизать облатку нежнее и ласковее. В его висок, казалось, гулко бил барабан; он едва заметил, когда она кончила. Его чувства понеслись вскачь, и он продолжал лизать, осознавая лишь, что она «течет» интенсивнее и обильнее, чем женщины, которых он прежде знал. Он ввел большой палец в ее анус, а средний палец в ее влагалище, продолжая лизать область клитора. Эту технику оккультисты называют Ритуалом Шивы. (А свингеры, почему-то вспомнил он, — «театром одного актера».) Он почувствовал, как необычайно наэлектризовались волосы на ее лобке, а его пенис стал таким тяжелым и напряженным, каким не был еще ни разу в его жизни, но все остальное заглушал барабанный бой в его голове, вкус влагалища, запах влагалища, тепло влагалища... Это была Иштар, Афродита, Венера; переживание было настолько интенсивным, что в нем открывалось поистине религиозное измерение. Разве какой-то антрополог в XIX веке не доказал, что культ влагалища был самой древней религией? Он даже не знаком с этой женщиной, но испытывает чувство, которое выше любви: истинное благоговение. «*Тащится*», как сказал бы Саймон.

Он так и не узнал, сколько оргазмов она испытала; когда облатка полностью растворилась, он сам кончил, ни разу не прикоснувшись к пенису.

Он отодвинулся, едва не падая от головокружения, и ему показалось, что сейчас воздух сопротивляется его движению, как застоявшаяся солоноватая вода.

— Йогг Сотот Неблуд Зин, — запел священник. — Именем Ашторет, Пана Пангенитора, Желтого Знака, даров, которые я преподнес, и могущества, которое я получил, именем Того, Чье Имя Нена-зывается, именем Раббана и Азатота, Самма-Эля, Амона и Ра, *vente, vente, Lucifer o, lux fiat!*³⁶

Джо ничего не видел: он *чувствовал* это — и это напоминало нейропаралитический газ мейс, который мгновенно его ослепил и ввел в оцепенение.

— Приди не в этой форме! — выкрикнул священник. — Именем Иешу Элохим и Сил, коих Ты страшишься, приказываю Тебе: приди не в этой форме! *Йод Хе ВауХе* — приди не в этой форме!

Одна женщина от страха зарыдала.

— Замолчи, дура, — заорал на нее Саймон. — Не увеличивай Его Силу.

— Твой язык связан, пока я его не освобожу, — сказал ей священник, но переключение внимания дорого стоило; Джо *почувствовал*, как Это вновь набирает силу, и, судя по тому, как судорожно глотали воздух остальные, они почувствовали то же самое.

— *Приди не в этой форме!* — вопил священник. — Именем Золотого Креста, Рубиновой Розы и Сына Марии я приказываю тебе и требую: приди не в этой форме! Именем Твоего Владыки Хоронзона! Именем Пангенитора и Панфага, приди не в этой форме!

Послышалось шипение, с каким воздух заполняет вакуумную трубку, и на фоне резкого понижения температуры атмосфера начала проясняться.

МАСТЕР, НЕ ПРИЗЫВАЙ БОЛЬШЕ ЭТИ ИМЕНА.
Я НЕ ХОТЕЛ ТЕБЯ ИСПУГАТЬ.

Этот Голос стал для Джо самым ужасным впечатлением ночи. Он был угодливый, льстивый, постыдно заискивающий, но в нем по-прежнему скрывалась тайная сила, и всем было слишком очевидно, что священник обрел над ней власть лишь временно, и что они оба это знают, и что расплачиваться за эту власть придется дорого.

— Все равно, не приходи в такой форме, — сказал священник строже и увереннее. — Ты прекрасно знаешь, что такие звуки и манеры должны пугать, а мне эти шуточки не нравятся. Приди в той форме, которую ты обычно принимаешь в текущих земных делах, или же я отправлю тебя обратно в то царство, о котором ты предпочитаешь не думать. Я приказываю. Приказываю. Приказываю. — В поведении Падре не осталось ни тени пошлости или манерности.

И вновь появилась комната — странная, средневековая, ближневосточная, — но все же обычная комната. Фигура, которая стояла среди них, меньше всего походила на демона.

— О'кей, — произнесла фигура с приятной американской интонацией, — не стоит обижаться и ссориться из-за внешних эффектов, верно? Лучше скажи мне, какое у тебя дело и зачем ты меня сюда вытащил. Уверен, мы все уладим запросто, по-деловому, в открытую, без обид и к полному взаимному удовлетворению.

³⁶ Прииди, прииди, Люцифер, да будет свет! (лат.).

Фигура напоминала Билли Грэма.

(— Братья Кеннеди? Мартин Лютер Кинг? Как же ты фантастически наивен, Джордж. Это уходит в прошлое намного дальше. — После сражения над Атлантидой Хагбард расслаблялся при помощи гашиша «черный аламут». — Посмотри на фотографии Вудро Вилсона в последние месяцы жизни: изможденный вид, пустые глаза и, в сущности, все признаки отравления каким-то ядом замедленного действия, который не поддается обнаружению. Ему подсыпали его в Версале. А почитай внимательно «дело» Линкольна! Кто выступал против плана, по которому «гринбэки»³⁷ должны были стать единственной валютой в США, — плана, самого близкого к *леньным деньгам* за всю историю Америки? Банкир Стэнтон. Кто приказал перекрыть все, кроме одной, дороги из Вашингтона? Банкир Стэнтон. И Бут³⁸ сбежал по этой дороге. Кто впоследствии держал у себя дневник Бута? Банкир Стэнтон. И кто сдал этот дневник, в котором недоставало семнадцати страниц, в Архив? Банкир Стэнтон. Джордж, тебе придется еще многое узнать о реальной истории...)

Преподобный Уильям Хелмер, ведущий религиозную колонку в журнале «*Конфронтэйшн*», удивлен. Все думали, что Джо Малик отправился в Чикаго освещать съезд СДО; как же он попал в Провиденс (штат Род-Айленд) и чем он там занимается, если присылает такие необычные указания? Хелмер внимательно перечитывает телеграмму:

Отложите работу над очередной колонкой. Плачу большую премию за быстрые ответы на следующие вопросы. Первое: проследите все передвижения преподобного Билли Грэма на прошлой неделе и выясните, мог ли он тайно попасть в Чикаго. Второе: вышлите мне список серьезных книг по сатанизму и колдовству в современном мире. Никому в журнале не рассказывайте. Телеграфируйте на имя Джерри Маллори: Отель «Бенефит», Провиденс, Род-Айленд. P.S. Узнайте адрес штаб-квартиры общества «Джон Диллинджер умер за тебя». Джо Малик.

«Наверное, эти парни из СДО накачали его кислотой», — решает Хелмер. Впрочем, Малик оставался его начальником и выплачивал хорошие премиальные, когда был доволен качеством работы. Хелмер снимает телефонную трубку.

(Направляясь на встречу с «*Лейфом Эриксоном*» в Пеосе, дельфин Говард напевает весьма сатирическую песенку про акулу.)

Обычно Джеймс Идущий Медведь не питал любви к бледнолицым, но перед прибытием профессора Маллори он как раз проглотил шесть пейотных батончиков и потому был настроен благожелательно и снисходительно. В конце концов, разве не сказал когда-то Вождь-Проводник на очень священном летнем пейотном празднике, что строчка «как и мы прощаем должникам нашим» имеет для индейцев особое значение? Он сказал, что, только когда все мы простим бледнолицых, наши сердца полностью очистятся, и лишь когда они полностью очистятся, с нас сойдет проклятие — и тогда белые перестанут грешить, уберутся назад в Европу и начнут там мучить друг друга, а не нас. Джеймс попытался простить профессора за белый цвет кожи и в который раз убедился, что пейот весьма облегчает эту

³⁷ Первые бумажные деньги, выпущенные правительством США. Предназначались для финансирования ведения Гражданской войны.

³⁸ Джон У. Бут (1838-1865) — актер, застреливший президента А. Линкольна в театре Шекспира 14 апреля 1965 года во время спектакля.

задачу.

— Билли Фрешетт? — переспрашивает он. — Черт побери, она умерла в шестьдесят восьмом году.

— Знаю, — сказал профессор. — Я ищу фотографии, которые могли остаться после ее смерти.

Ясно. Джеймс понимает, о каких фотографиях идет речь.

— Вы имеете в виду те, где Диллинджер?

— Да, она долгое время была его любовницей, фактически гражданской женой, и...

— Не надо. Опоздали на много лет. Репортеры скупили все, что у нее было, даже если там был виден лишь затылок Диллинджера. И это было давно, еще до того, как она приехала к нам в резервацию умирать.

— А вы ее знали?

— Еще бы. — Джеймс старается оставаться доброжелательным, и поэтому не добавляет, что все индейцы-меномины *знают* друг друга так, как вам, белым, не понять.

— Она когда-нибудь говорила о Диллинджере?

— Конечно. Старые женщины всегда говорят о своих умерших мужьях. И всегда говорят одно и то же: не было такого хорошего человека, как он. Если только не говорят, что не было никого хуже, чем он. Но это они говорят, когда пьяны.

Бледнолицый продолжает менять цвет кожи, как это обычно происходит с людьми, когда ты смотришь на них под пейотом. Сейчас он выглядит почти как индеец. Поэтому с ним легче говорить.

— А рассказывала ли она что-нибудь о том, как Джон относился к масонам?

Почему люди не меняют цвет? Все мировые проблемы вызваны тем, что люди всегда сохраняют один и тот же цвет кожи. Джеймс многозначительно кивает. Как обычно, пейот открыл ему великую Истину. Если бы у белых, черных и индейцев все время менялся цвет кожи, в мире исчезла бы ненависть, потому что никто не знал бы, какой из народов ненавидеть.

— Я спросил, не упоминала ли она когда-нибудь об отношении Джона к масонам?

— Ага. Ну да. Смешно, что вы спрашиваете.

Сейчас над головой профессора появилось сияние, и Джеймсу стало интересно, что это значит. Всякий раз, когда он принимал пейот в одиночку, происходили подобные штуки, и всегда он сожалел, что рядом нет Вождя-Проводника или кого-нибудь из других шаманов, чтобы объяснить, что это значит. Так что там насчет масонов? Ах да.

— Билли рассказывала, что масоны были единственными людьми, которых Джон по-настоящему ненавидел. Он говорил, что это они в первый раз засадили его в тюрьму и что они владеют всеми банками, поэтому он сводил с ними счета, когда грабил эти банки.

Профессор от удивления и удовольствия открыл рот — и Джеймс подумал, как это забавно, особенно на фоне сияния, которое становится то розовым, то голубым, то розовым, то снова голубым, и все это одновременно.

(*«Огромная пасть, а мозгов вовсе нет. Заботит ее только сытный обед», — пел Говард.*)

Заметки, найденные стюардессой в кресле самолета, которое занимал мистер «Джон Мейсон», после завершения рейса «Мадисон (штат Висконсин) — Мехико» 29 июня 1969 года, через неделю после последнего в истории

съезда СДО:

«Мы лишь грабили в банках то, что банки грабили у людей», — Диллинджер, тюрьма Краун-Пойнт, 1934 год. Такое мог бы сказать любой анархист.

Люцифер — носитель света.

«Просветление» Вейсгаупта и «просвещение» Вольтера: корень «свет» — от латинского «lux».

Христианство: сплошные тройки (Троица и т. п.). Буддизм — четверки. Иллюминизм — пятерки. Прогрессия?

Учение индейцев хопи: сейчас у всех людей по четыре души, но в будущем их будет пять. Найти хорошего антрополога и расспросить. Кто решил строить здание Пентагона в форме пятиугольника? «Отвязаться»??? Перепроверить³⁹.

«Адам» — первый человек. «Вейс» — знать; «гаупт» — глава, лидер. «Первый человек, ставший лидером тех, кто знает». Псевдоним с самого начала?

Иок — сотот в Пнакотических Рукописях. М. б., Йог-Сотот?

ТРУП — Тронувший Рожок Умрет Преждевременно. Пинчон знает?⁴⁰ Пусть Саймон объяснит, что такое «Желтый Знак» и «песнопения Акло». Может понадобится защита.

Ч. утверждает, что на каждого из нас приходится тысяча неофобов. Если так, все это безнадежно.

Меня поражает, сколь многое из этого было все это время у всех на виду. Не только книги Лавкрафта, Джойса, Мелвилла и т. д. или мультфильмы про Багза Банни, но и научные труды, которые претендуют на то, чтобы все это объяснить. Любой, кто хочет нарваться на неприятность, может, например, узнать, что «тайной» элевсинских мистерий была фраза, которую шептали на ухо неопиту после того, как он принял священный гриб: «Бог Осирис есть черный бог!» Пять слов (естественно!), смысл которых не понимает ни один историк, антрополог, фольклорист и т. п. Или же кто-то понимает, но не хочет в этом признаваться.

Можно ли доверять Ч.? И кстати, можно ли доверять Саймону?

Так или иначе, история с Тлалокком должна меня убедить.

(«Ищет, где б кого замучить: ей бы жить на суше лучше. Ненавижу дрянь такую, где увижу — атакую».)

Когда Джо Малик сошел с самолета в международном аэропорту Лос-Анджелеса, его встречал Саймон.

— Поговорим в машине, — кратко сказал Джо.

Разумеется, машина Саймона оказалась психоделически разрисованным «фольксвагеном».

— Ну? — спросил он, когда они выехали со стоянки аэропорта на Централ-авеню.

— Все подтверждается, — отозвался Джо со странным спокойствием. — Когда раскапывали Тлалока, дождь полил как из ведра. И с тех пор в Мехико идут не по сезону сильные дожди. Зуб отсутствовал справа, а у человека, убитого возле «Биографа», зуба не было слева. Обычными способами Билли

³⁹ Жаргонная фраза «kick out the jams», которая в данном случае означает «вышвырнуть ДЖЕМов», обычно имеет смысл «полностью раскрепоститься», «избавиться от всех ограничений».

⁴⁰ Англ. DEATH — «Don't Ever Antagonize the Horn». См.: Томас Пинчон. Когда объявят лот 49. Пер. Глеба Григорьева.

Грэм попасть в Чикаго никак не мог, а значит, либо это была самая лучшая работа гримера в истории шоу-бизнеса и пластической хирургии, либо я был свидетелем самого настоящего чуда. В таком же духе все остальное, Закон Пятерок и прочее. Вы меня убедили. Я отказываюсь от членства в гильдии либеральных интеллектуалов. Ты видишь во мне отвратительный образец ползучего мистицизма.

— Готов попробовать кислоту?

— Да, — сказал Джо. — Я готов попробовать кислоту. И сожалею лишь о том, что у меня есть лишь один ум, с которого я могу сойти ради обретения Шивадаршаны.

— Тогда вперед! Но сначала ты все-таки познакомишься с *ним*. Я отвезу тебя в его коттедж, это недалеко отсюда.

По дороге Саймон начал что-то напевать. Джо узнал мотив: «Рамзес Второй умер, любовь моя» из репертуара «Фагз». Некоторое время ехали в молчании, затем Джо спросил: «А сколько лет... нашей маленькой группе... если точно?»

— Она существует с 1888 года, — ответил Саймон. — Именно тогда в нее пролез Роде, и они «вышвырнули ДЖЕМов», как я рассказывал тебе в Чикаго после шабаша.

— А Карл Маркс?

— Говнюк. Мудила. Ходячее пустое место. — Саймон резко вывернул руль. — А вот и его дом. Самая большая головная боль, которая у них была с тех пор, как Гарри Гудини разгромил их спиритуалистические прикрытия. — Он усмехнулся. — Что, по-твоему, ты почувствуешь, разговаривая с мертвецом?

— Иррациональность происходящего, — ответил Джо, — но это ощущение и так не покидает меня последние полторы недели.

Саймон припарковал машину и открыл дверцу.

— Только представь себе, — сказал он, — как Гувер каждый день сидел за столом, на котором лежала посмертная маска, и в глубине души догадывался, как лихо мы его провели.

Они пересекли дворик маленького скромного коттеджа.

— Какое прикрытие, а? — фыркнул Саймон. Он постучал. Дверь открыл невысокого роста старик. Джо помнил по материалам ФБР, что его рост составлял ровно пять футов семь дюймов.

— Это новый член нашей организации, — скромно говорит Саймон.

— Входи, — предлагает Джон Диллинджер, — и выкладывай, как с помощью такого занюханного интеллектуала, как ты, мы выьем дерьмо из этих сволочных придурков иллюминатов.

(— Их книги полны ругательных слов, и они называют это реализмом, — ораторствовал Улыбчивый Джим перед собранием РХОВ. — Что это за реализм такой? Я не знаю ни одного человека, который бы разговаривал на этом грязном языке, который они называют реализмом. Они описывают всевозможные извращения, противоестественные акты, которые настолько возмутительны, что я не позволю себе привести даже их медицинские названия, дабы не смущать слух присутствующих. Некоторые из них прямо прославляют преступность и анархию. Вот бы я хотел, чтобы один такой писака подошел ко мне и, глядя прямо в глаза, сказал: «Я делаю это не из-за денег. Я честно пытаюсь рассказать людям хорошую, правдивую историю, которая научит их чему-то полезному». Но нет, они не посмеют это сказать. Ложь застрянет у них в глотке. Разве мы не знаем, где они получают свои

заказы? Кому в нашем зале нужно объяснять, какая группа стоит за этой бурлящей клоакой сквернословия и непристойности?)

"Пусть всех их шторм-тайфун побьет, — пел Говард, — Великий Ктулху пусть сожрет".

— Я вступил в ДЖЕМы в Мичиганской городской тюрьме, — рассказывает заметно успокоившийся и утративший высокомерие Диллинджер. Он, Саймон и Джо сидят и пьют «блэк рашн».

— И Гувер знал об этом с самого начала? — спрашивает Джо.

— Разумеется. Я хотел, чтобы этот негодяй знал, — и не только он, но и любая другая высокопоставленная марионетка масонов, розенкрейцеров и иллюминатов в этой стране.

Старик хрипло смеется. Если бы не выражение этих глаз, в которых до сих пор чувствуется ирония и глубина, замеченные Джо на фотографиях тридцатых годов, Диллинджер ничем не отличается от любого другого старика, приехавшего доживать последние годы под теплым солнцем Калифорнии.

— Во время первого ограбления банка в Дейлвилле, штат Индиана, я выкрикнул фразу, которую всегда потом повторял: «Лечь на пол и сохранять спокойствие». Гувер не мог ее не заметить. Это был девиз всех ДЖЕМов со времен Диогена Циника. Он не знал ни одного заурядного грабителя банков, который цитировал бы малопонятного греческого философа. Во время каждого грабежа я повторял эту фразу специально, чтобы подразнить его.

— Но вернемся к Мичиганской городской тюрьме, — напоминает Джо, пригубив свой стакан.

— Инициировал меня Пирпонт. К тому времени он уже много лет был с ДЖЕМАми. А я-то был простым мальчишкой, понимаете, мне было двадцать с небольшим, и за мной было только одно дело, да и то плохо выполненное. Я никак не мог понять, почему приговор оказался таким суровым, ведь окружной прокурор пообещал смягчить наказание, если я признаю себя виновным. В общем, на душе кошки скребли. Но старина Гарри Пирпонт разглядел мои способности.

Поначалу, когда он начал вокруг меня крутиться и задавать разные вопросы, я принял его за обычного педика. Но он был тем человеком, которым я сам хотел стать, — удачливым грабителем банков, — поэтому я его не гнал. Сказать по правде, мне все время так *хотелось*, что я бы даже не возражал, окажись он педиком. Ты даже не представляешь, как хочется мужику в тюрьме. Вот почему Нельсон Бэбифейс и многие другие ребята предпочли умереть, чем снова вернуться в тюрьму. Черт побери, если ты там не был, тебе не понять. Ты просто не знаешь, что такое по-настоящему *хотеть*.

Ну так вот, он долго трепался про Иисуса, Иегову, Библию и всякое такое, а потом на прогулке как-то раз спросил меня напрямик: «Как ты считаешь, может быть одна истинная религия?» Я только собрался ответить: «Чепуха, это все равно что сказать, что может быть честный коп», — но что-то меня остановило. Я почувствовал, что он спросил на полном серьезе и от моего ответа многое зависит. Так что я подбирал слова очень осторожно. И сказал: «Если она есть, то я о ней не слышал». А он так же спокойно отозвался: «Как и большинство людей».

— Через пару дней он снова вернулся к этой теме. А затем перешел прямо к делу, показал мне Священное Хао и все остальное. Я просто обалдел.

Старик умолкает, погрузившись в воспоминания.

— И это действительно пришло из Вавилона? — спрашивает Джо.

— Я не большой интеллектуал. Моя арена — действие. Так что об этом тебе лучше расскажет Саймон.

Саймон уже сгорает от нетерпения вступить в разговор.

— Главный источник, подтверждающий это предание, — говорит он, — это *«Семь космогонических табличек»*. Они были написаны приблизительно за 2500 лет до нашей эры, в эпоху Саргона, и утверждают, что первые боги, Тиамат и Апсу, существовали в Мумму, или первобытном хаосе. Фон Юнцт в книге *«Безымянные культы»* рассказывает, что примерно в то время, когда создавались *«Семь табличек»*, появились *«Древние Жрецы Единого Мумму»*. Понимаешь, при Саргоне главным божеством был Мардук. По крайней мере, именно так говорили народу верховные жрецы — а сами тайно поклонялись Иок-Сототу, который в *«Некрономиконе»* стал Йог-Сототом. Но я забегаю вперед. Возвращаясь к официальной религии Мардука, скажу, что она была основана на ростовщичестве. Жрецы монополизировали средство обмена и могли давать ссуду под проценты. Кроме того, они монополизировали землю и сдавали ее в аренду. Это и было началом так называемой цивилизации, которая зиждилась на арендной плате и ссудном проценте. Древнее вавилонское мошенничество.

По официальной легенде, Мумму погиб во время войны богов. Когда возникла первая анархистская группа, она назвала себя *«Древние Жрецы Единого Мумму»*, или, сокращенно, ДЖЕМ. Как Лао-цзы и даосы в Китае, они хотели избавиться от ростовщичества, монополий и всего остального дерьма цивилизации, чтобы вернуться к естественному образу жизни. Так вот, *грокай*, они вспомнили о якобы мертвом боге Мумму и заявили, что он все еще жив и на самом деле сильнее всех остальных богов. А знаешь, как они это аргументировали? «Оглянитесь вокруг, — говорили они, — и скажите, что вы в основном видите? Хаос, верно? Это значит, что бог Хаоса жив и сильнее всех других».

Конечно, нам здорово надрали задницу. В те дни мы не могли тягаться с иллиминатами. Не имели ни малейшего представления о том, например, как они творят свои «чудеса». Поэтому нам снова надрали задницу в Древней Греции, где ДЖЕМы начали все сначала — в рамках движения циников. К тому времени, когда эта же история повторилась в Древнем Риме — ростовщичество, монополия и прочие штуки, — наступило перемирие. «Древние Жрецы Единого Мумму» примкнули к иллиминатам и стали специальной группой, которая, сохраняя прежнее название, выполняла приказы Пятерки. Мы считали, что сумеем их очеловечить, как и те анархисты, которые остались членами СДО после прошлогодних событий. Так продолжалось до 1888 года. Затем Сесиль Роде создал свой Круг Посвященных и произошел Великий Раскол. На каждое собрание мальчики из фракции Родса приходили со значками «Вышвырнем ДЖЕМов!» Наши дорожки разошлись. Они нам просто не верили — или, возможно, боялись очеловечивания.

Но за долгое время нашего пребывания в заговоре иллиминатов мы многому научились и теперь знаем, как с ними сражаться их же оружием.

— К такой-то матери их оружие, — прерывает Диллинджер. — Я хочу сражаться с ними *моим* оружием.

— Так это *вы* стоите за самыми громкими нераскрытыми ограблениями банков в последние годы?!

— Конечно. Точнее говоря, я их планировал. Я слишком стар, чтобы перепрыгивать через банковские стойки, как в тридцатые годы.

— Джон сражается и на другом фронте, — ввернул Саймон. Диллинджер рассмеялся.

— Да, — говорит он. — Я президент корпорации «Смеющийся Фаллос Будды-Иисуса». Знаешь такую?

— СФБИ? — воскликнул Джо. — Господи, да вы же выпускаете самый лучший рок во всей стране! Это единственный рок, который люди моего поколения могут слушать без содрогания.

— Спасибо, — скромно отвечает Диллинджер. — Вообще-то львиную долю рока выпускают компании, которыми владеют иллиминаты. Мы создали «Смеющийся Фаллос Будды-Иисуса» в порядке контратаки. Мы не обращали внимания на этот фронт, пока они не заставили «Эм-си-файв» записать диск «Вышвырните ДЖЕМов»⁴¹, чтобы поддеть нас и вызвать горькие воспоминания. Тогда мы начали выдавать обшвенную продукцию, и лишь потом я узнал, что заработал на этом кучу денег. Через третьих лиц мы сливали информацию издательству «Крестовый поход христиан» в Талсе, штат Оклахома, чтобы они всем показывали, чем занимаются иллиминаты в области рока. Вы видели их издания? «Ритм, мятеж иреволюция»⁴², «Коммунизм, гипноз и Битлз»⁴³ и тому подобное...

— Да, — рассеянно отзывается Джо. — А я всегда считал все это самой что ни на есть идиотской литературщиной. Так трудно, — пожаловался он, — увидеть всю картину целиком.

— Привыкнешь, — улыбается Саймон. — Просто нужно некоторое время, чтобы в это въехать.

— А кто же на самом деле застрелил Джона Кеннеди? — спрашивает Джо.

— Извини, — отвечает Диллинджер. — Сейчас ты в нашей армии только рядовой. И пока у тебя нет допуска к такой информации. Скажу тебе лишь то, что его инициалы — Эйч-Си, и поэтому не доверяй никому с такими инициалами, где бы ты с ним ни познакомился.

— Он честен, — говорит Саймон, повернувшись к Джо. — Со временем ты это оценишь.

— А повышение в звании приходит быстро, — добавляет Диллинджер, — причем награды будут за пределами твоего нынешнего понимания.

— Намекни ему, Джон, — предлагает Саймон, заранее усмехаясь. — Расскажи ему, как ты вышел из тюрьмы Краун-Пойнт.

— Я знаю два варианта, — говорит Джо. — Большинство источников утверждает, что вы вырезали из дерева макет пистолета и выкрасили его в черный цвет ваксой для обуви. В книге Толанда⁴⁴ рассказывается, что вы сами придумали и распространили эту сказку, чтобы выгородить человека, в действительности устроившего вам побег. Это был федеральный судья, которого вы подкупили, чтобы он незаметно пронес вам настоящее ружье. Какая версия верна?

41 MC5, Kick Out The Jams, Elektra, 1969.

42 David A. Noebel, Rhythm, Riots and Revolution, Tulsa, OK: Christian Crusade Publications, 1966.

43 David A. Noebel, Communism, Hypnotism and the Beatles, Tulsa, OK: Christian Crusade Publications, 1965.

44 John Toland, The Dillinger Days, New York, Random House, 1963.

— Ни та, ни другая, — фыркает Диллинджер. — До моего побега тюрьма Краун-Пойнт считалась «защищенной от побегов», и, поверь мне, она заслуживала этого названия. Ты хочешь узнать, как я это сделал? Я прошел сквозь стены. Слушай...

ХАРЕ КРИШНА ХАРЕ ХАРЕ

17 июля 1933 года над городом Дейлвиллом палило солнце.

Проезжая по главной улице, Джон Диллинджер чувствовал, как у него взмокла от пота шея. Хотя три недели назад его освободили условно-досрочно, после девяти лет тюремного заключения он был по-прежнему бледен, и лучи солнца беспощадно жгли его кожу, почти не отличавшуюся от кожи альбиноса.

Я должен сам войти в эту дверь, думал он. Сам.

И преодолеть все виды страха и вины, которые вбили в меня еще в детстве.

«Дух Мумму могущественнее иллюминатской технологии, — говорил Пирпонт. — Помни это. На нас работает второй закон термодинамики. Хаос все время возрастает, во всей Вселенной. Весь их „закон и порядок“ — это лишь дело времени и случая».

Но я должен сам войти в эту дверь. От этого зависит Тайна Пятерки. Сейчас мой черед показать, на что я способен.

Пирпонт, Ван Митер и остальные по-прежнему сидят в Мичиганской городской тюрьме. Всё в его руках: его первого выпустили, и он должен раздобыть денег, чтобы финансировать их побег из тюрьмы. Если он себя проявит, его научат ДЖЕМовским «чудесам».

Банк показался впереди неожиданно. Слишком неожиданно. Сердце екнуло.

Затем он совершенно спокойно подъехал на своем «шевроле-купе» к обочине и припарковался.

Я должен был подготовиться основательнее. Машину надо бы помощнее, как у Клайда Барроу. Ладно, в следующий раз учту.

Он снял руки с руля и крепко сжал кулаки. Сделал глубокий вдох и повторил формулу: «23 сваливай».

Это немного помогло, хотя ему по-прежнему хотелось смотреть ко всем чертям. С каким удовольствием он уехал бы на ферму отца в Мурсвилл, нашел там работу и снова научился жить обычной жизнью: лизать задницу начальству, преданно смотреть в глаза полицейскому чиновнику, к которому ходишь отмечаться, — в общем, стал бы как все.

Но эти все были марионетками в руках иллюминатов и не знали об этом. Он же знал и должен был освободить себя.

Черт побери, ведь именно так думал юный Джон Диллинджер в 1924 году, не зная тогда ни об иллюминатах, ни о ДЖЕМах: он стремился освободиться, пусть по-своему, когда грабил того бакалейщика. И к чему это привело? Девять лет страданий, скуки и настоящего безумия из-за постоянной эрекции в вонючей камере.

Я получу еще девять лет, если сегодня обосрюсь.

«Дух Мумму могущественнее иллюминатской технологии».

Он вышел из машины и, пересиливая себя, пошел напрямик к дверям банка.

— Мать твою, — сказал он. — 23 сваливай.

Он вошел в дверь — и затем совершил то, что запомнилось кассирам банка и о чем они рассказали полиции. Он подошел к кассам, щеголеватым движением поправил на голове соломенную шляпу и усмехнулся.

— Спокойно, это ограбление, — звонко сказал он, вынимая пистолет. — Всем лечь на пол и сохранять спокойствие. Никто из вас не пострадает.

— О Боже, — с трудом выдавила одна кассирша. — Не стреляйте. Прошу вас, не стреляйте.

— Не волнуйся, милая, — успокоил ее Джон Диллинджер. — Я никому не хочу сделать плохо. Просто открой-ка сейф.

КАК ДЕРЕВЬЯ У ВОДЫ

— В тот же день, — говорит старик, — я встретился в лесу около фермы моего отца в Мурсвилле с Келвином Кулиджем. Я отдалему добычу, двадцать тысяч долларов, и эти деньги пошли в казнуДЖЕМов. Он же дал мне двадцать тонн конопленег.

— Келвин Кулидж? — воскликнул Джо Малик.

— Я, конечно, понимал, что это никакой не Келвин Кулидж. Но почему-то он предпочел появиться в таком облике. Кем или чем он на самом деле был, я до сих пор не знаю.

— Ты встречался с ним в Чикаго, — весело вставил Саймон. — На этот раз он предстал в виде Билли Грэма.

— Ты хочешь сказать, что это был Дья...

— Сатана, — скромно говорит Саймон, — это лишь одна из бесчисленных масок, которые он носит. За этой маской скрывается человек, а за этим человеком — еще одна маска. Ты же помнишь, что самое главное — это слияние мультиверсумов. Не ищи одну Высшую Реальность. Ее просто нет.

— Выходит, эта личность... эта сущность, — протестует Джо, — действительно сверхъестественная...

— Сверхъестественная, снизъестественная, — передразнивает его Саймон. — Ты все еще похож на тот народец из математической притчи о Флатландии. Ты способен размышлять только в категориях «справа» и «слева», а я говорю про *верх* и *низ*, и поэтому тебе это кажется «сверхъестественным». Нет ничего «сверхъестественного»; просто во Вселенной больше измерений, чем ты привык считать, вот и все. Если бы ты жил во Флатландии и я перешел из твоей плоскости в плоскость, расположенную под углом к твоей, тебе бы показалось, что я «растворился в воздухе». А кто-то, наблюдающий за мной из нашего трехмерного мира, увидел бы, как я ухожу от тебя по касательной, и удивился, отчего ты так испуган и ошеломлен...

— Но вспышка света...

— Это превращение энергии, — терпеливо объяснял Саймон. — Пойми, ты мыслишь трехмерно лишь по той простой причине, что в кубическом пространстве есть только три направления. Вот почему иллюминаты и некоторые из ребят, которым они со временем позволили частично иллюминизироваться, называют обычную науку «квадратной». У энергетического вектора пять основных координат, то есть Вселенная пятимерна — конечно же! — и ее лучше всего представлять в виде пяти граней египетской Пирамиды Иллюминатов.

— Пяти граней? — возражает Джо. — Но ведь их всего четыре.

— Ты забыл об основании пирамиды.

— Ага. Ну да. Давай дальше.

— Энергия всегда треугольна, не кубична. На этом, кстати, специализируется Баки Фуллер; он был первым, кто обнаружил это независимо от иллюминатов. Основное превращение энергии, которое нас интересует, Фуллер еще не нашел, хотя и говорит, что ищет, — оно как бы вплетает Сознание в континуум материи-энергии. Пирамида — это ключ. Ты сажаешь человека в позу лотоса и проводишь прямые из его шишковидной железы, или Третьего глаза, как называют это буддисты, к двум его коленям, потом соединяешь прямой оба колена, и вот что ты получаешь...

Саймон набросал в блокноте схематичный рисунок и показал его Джо:

— Когда Третий глаз открывается, а он открывается после того, как побежден страх, то есть после твоего первого Плохого Сеанса, ты способен полностью контролировать энергетическое поле, — продолжал Саймон. — Ирландский иллюминат XIX века Скотус Эргина высказался очень просто — разумеется, в пяти словах: «Omnia quia sunt, lumina sunt», то есть «Всё, что есть, есть свет». Эйнштейн выразил эту же мысль в пяти символах, написав формулу $E = mc^2$. Истинная трансформация не требует атомных реакторов и всего такого прочего, как только ты научишься управлять векторами сознания, но она всегда сопровождается потрясающим фейерверком света, и Джон может об этом рассказать.

— Тогда в первый раз в лесу я едва не ослеп и чуть не сошел с ума, — согласился Диллинджер. — Но я был чертовски доволен, что узнал этот фокус. После этого я перестал бояться ареста, поскольку знал, что сумею выбраться из любой тюрьмы. Вот почему, как тебе известно, федералы решили меня убить. Представляешь, что они чувствовали всякий раз, когда через пару дней после того, как запирали меня в камере, обнаруживали меня гуляющим на свободе. Предысторию этой аферы возле кинотеатра «Биограф» ты знаешь: они убили трех парней в Чикаго, не дав им ни единого шанса сдаться, поскольку считали меня одним из них. Ну да ладно, все трое были в розыске за вооруженные ограбления в Нью-Йорке, ПОЭТОМУ КОПОВ никто особенно не ругал. Но затем в Лейк-Дженева (штат Висконсин) они стреляли в трех очень уважаемых бизнесменов, и один из них взял да и помер, и Героев Гувера так отчехвостили во всех газетах, что мало не показалось. Поэтому я понимал, к чему дело идет: мне уже больше не дадут оказаться на свободе через пару дней после ареста. Нам нужно было сфабриковать для них мой труп. — Внезапно старик загрузил. — У нас была одна возможность, о которой мы даже не хотели думать... Но, к счастью, нам не пришлось к ней прибегнуть. В конце концов мы придумали классную штуку.

— И все действительно подчиняется Закону Пятерок? — спрашивает Джо.

— Больше, чем ты думаешь, — спокойно замечает Диллинджер.

— Даже когда приходится иметь дело с социальной сферой, — добавляет Саймон. — Мы занимались исследованием культур, которые не контролировались иллюминатами, но которые, тем не менее, развиваются в соответствии с пятиступенчатой моделью Вейсгаупта: *Verwirr-ung*, *Zweitracht*, *Unordnung*, *Beamtenherrschaft* и *Grummet*. Это означает: Хаос,

Раздор, Беспорядок, Бюрократия и Последствия. В настоящий момент Америка находится между четвертой и пятой стадиями. Или можно сказать, что старшее поколение в основном находится на стадии *Beamtenherrschaft*, а молодое быстро движется к *Grummet*.

Джо делает себе еще один коктейль покрепче и качает головой.

— Но почему они так много оставляют у всех на виду? Ну ладно еще, эти поразительные вещи в мультфильмах про Багза Банни, о которых ты мне рассказывал. Но зачем они изображают пирамиду на долларовой купюре, где ее каждый день видят миллионы людей?

— А, черт, — говорит Саймон, — да ты посмотри, что сделал Бетховен, когда Вейсгаупт посвятил его в иллюминаты. Пошел домой и написал Пятую симфонию. Ты знаешь, как она начинается: та-та-та-ТАМ. Код азбуки Морзе для буквы V — и для римской цифры «пять». У всех на виду, ты верно говоришь. Им очень нравится вот так подсунуть что-нибудь людям под самый нос и потом наблюдать, как никто этого не замечает. Тем самым они подтверждают свое низкое мнение об остальном человечестве. Естественно, когда находится человек, способный замечать, его сразу же вербуют. Читай в Библии: «Да будет свет» — на первой же странице! И так все время. Здание Пентагона. «23 сваливай». Тексты рок-песен. Взять, например, «Люси в небесах с алмазами»⁴⁵ — что тебе еще нужно? Одним из самых дерзких был Мелвилл: самое первое предложение «Моби Дика»⁴⁶ говорит о том, что он ученик Хасана ибн Саббаха, но ты не найдешь ни одного филолога-мелвиллиста, который потянул бы за эту ниточку, хотя Ахаб — это сокращенная анаграмма имени «Саббах». Он снова и снова указывает нам, прямо или косвенно, на то, что Моби Дик и Левиафан — одно и то же существо и что Моби Дика часто видят одновременно в разных частях света, но ни один из миллиона читателей так и не догадался, на что он намекает. Он посвятил целую главу белому цвету и тому, почему белое на самом деле ужаснее черного; все критики упустили этот момент из виду.

— "Бог Осирис есть черный бог", — цитирует Джо.

— Верно! Ты быстро растешь, — с энтузиазмом откликается Саймон. — И вообще, мне кажется, тебе пора покинуть вербальный уровень и лицом к лицу встретиться с «Люси в небесах с алмазами» — с твоей собственной богиней Исидой.

— Да, — поддакивает Диллинджер. — Как раз сейчас «Лейф Эрикссон» находится неподалеку от калифорнийского побережья; Хагбард везет гашиш студентам в Беркли. В его команде появилась новая чернокожая цыпочка, которая прекрасно справляется с ролью Люси. Мы попросим Хагбарда переправить ее на берег для отправления Ритуала. Предлагаю вам обоим направиться во Фриско, в Ложу Нортон, а я договорюсь, чтобы она вас там встретила.

— Не люблю иметь дело с Хагбардом, — говорит Саймон. — Он крайне правый псих, как и вся его банда.

— Это один из наших лучших союзников в борьбе с иллюминатами, — одергивает его Диллинджер. — И кроме того, я хочу обменять немного конопляных денег на его льняные⁴⁷. На сегодняшний день мэд-догская банда

⁴⁵ The Beatles, Lucy in the Skies with Diamonds.

⁴⁶ «Зовите меня Измаил» (в оригинале «Call me Ishmael»). Авторы «Иллюминатуса» называют исмаилитов «Ishmaelians».

⁴⁷ Fish and chips (англ.) — рыба с жареной картошкой, fission chips — «осколки ядерного деления»; согласно

принимает только льняные. Они считают, что Никсон собирается окончательно подорвать конопляный рынок. И ты же знаешь, как они поступают с банкнотами Федерального резервного банка. Как только найдут банкноту, сразу же ее сжигают. Мгновенный демерредж, так они это называют.

— Ну чисто как дети, — заявляет Саймон. — Чтобы подорвать федеральную банковскую систему таким наивным способом, понадобятся десятилетия.

— Ну и что, — отзывается Диллинджер. — Зато это люди, на которых мы можем рассчитывать. Ты же знаешь, что ДЖЕМы не могут справиться с иллюминатами в одиночку.

— Знаю, — пожимает плечами Саймон. — Но меня это достает. — Он встает и ставит стакан на стол.

— Пошли, — говорит он Джо. — Тебя пора иллиминизировать. Диллинджер провожает их до двери, затем придвигается к Джо и говорит: «Небольшой совет насчет Ритуала». — Да? Голос Диллинджера стал тише.

— Ложись на пол и сохраняй спокойствие, — говорит он, и его губы кривятся в знаменитой дерзкой ухмылке.

Джо стоит, глядя на смеющегося бандита, и ему кажется, что его уносит назад в прошлое, в тот момент, который навсегда запечатлелся в его памяти как очередной этап просветления. Из глубин памяти, еще с тех времен, когда он учился в школе Воскресения Христова, до него донесся громкий голос сестры Сесилии: «В угол, Джозеф Малик!» А еще он помнит мелок, который медленно растирал между пальцев, мучительную потребность помочиться, долгое ожидание, а затем появление в классе отца Вольпе, голос которого грохотал, как гром: «Где он? Где этот мальчик, посмевавшийся не согласиться с нашей доброй сестрой, которую Бог направил его обучать?» Пока остальных детей увели из класса в церковь на другой стороне улицы, чтобы они молились за его душу, священник страдал: «Да знаешь ли ты, как жарко в аду? А знаешь, как жарко в самой ужасной части ада? И именно туда посылают людей, которым выпало счастье родиться в лоне церкви, но которые взбунтовались против церкви, введенные в заблуждение Гордыней Интеллекта».

А через пять лет эти два лица вернулись: поп-догматик, сердито требующий послушания, и ухмыляющийся бандит, поощряющий цинизм, и Джо понял, что, возможно, настанет такой день, когда ему придется убить Хагбарда Челине. Но еще должны были пройти годы, и должен был произойти инцидент в Фернандо-По, и Джо вместе с Тобиасом Найтом должен был спланировать взрыв в редакции собственного журнала, прежде чем окончательно поймет, что при необходимости убьет Челине без сожаления...

Но 31 марта, в год осуществления всех планов иллюминатов, пока президент Соединенных Штатов угрожает в эфире «всеобщей термоядерной заварухой», юная обнаженная леди по имени Консепсьон Галор, лежа в постели отеля «Дурутти» в Санта-Исабель, говорит: «Это ллойгор».

— Что такое ллойгор? — спросил ее спутник, англичанин по имени Фишн Чипс⁴⁸, родившийся в день взрыва в Хиросиме и названный в честь отца,

распро-страненной шутке, привычная пища физиков-ядерщиков.

который больше интересовался физикой, чем гуманитарными проблемами.

Они находились в люксе отеля «Дурутти», а это означало, что номер был отделан в гнусном испано-мавританском стиле, простыни менялись ежедневно (и уносились в менее роскошный номер), количество тараканов было минимальным и иногда из крана шла вода. Консепсьон, рассматривая фреску с изображением корриды (легендарный матадор Манолет, выполняющий изящную *веронику* перед неубедительно нарисованным быком), задумчиво сказала: «О, ллой-гор — это бог чернокожих. Аборигенов. Очень злой бог».

Чипс внимательно посмотрел на статую и больше для себя, чем для крестьянской девки, сказал: "Похоже на гибрид мексиканского Тлалока и полинезийских *тики*".

— Люди Звездной Мудрости очень интересуются этими статуями, — сказала Консепсьон, просто чтобы поддержать разговор, поскольку было очевидно, что Чипс, по крайней мере в ближайшие полчаса, не станет больше проникать в нее.

— Да? — с такой же скукой в голосе сказал Чипс. — И кто же такие эти люди Звездной Мудрости?

— Церковь. На улице Текилья-и-Моты. Которая раньше называлась улицей Лумумбы, а когда я была еще девчонкой — улицей Франко. Странная церковь. — Девушка задумчиво нахмурилась. — Когда я работала телеграфисткой, я часто видела их телеграммы. Всё какие-то шифровки. И никогда на адрес другой церкви. Только в банки, по всей Европе, а еще в Северной и Южной Америке.

— Интересно, — с манерной медлительностью произнес Чипс, который мгновенно перестал скучать, но пытался скрыть интерес; в британской разведке он числился под кодовым номером 00005, — почему они так интересуются этими статуями? — Он решил, что в полых статуях можно перевозить героин; он уже не сомневался, что Церковь Звездной Мудрости — это прибежище БАЛБЕС.

(В 1933 году профессор Тохус из Гарвардского университета рассказывал студентам-психологам: «Итак, ребенок ощущает испуг и приниженность, потому что, по мнению Адлера, он меньше и слабее взрослого. Таким образом, он понимает, что у него нет шансов поднять мятеж и победить, тем не менее он об этом мечтает. В этом кроются истоки Эдипова комплекса в системе Адлера: не секс, а стремление к власти как таковой. Аудитория легко увидит здесь влияние Ницше...». Оглядываясь по сторонам, Роберт Патни Дрейк прекрасно понимал, что большинство студентов вообще не способны *что-нибудь* видеть, а тем более — «легко»; да и сам Тохус тоже ничего не видит. Однажды Дрейк понял, что ребенок, — и это был краеугольный камень его собственной системы психологии, — не поддается промыванию мозгов под воздействием сентиментальщины, религии, этики и прочей дребедени. Ребенок прекрасно видит, что в любых отношениях всегда есть доминирующая и подчиняющаяся стороны. И ребенок, с его вполне естественным самомнением, решает стать доминирующей стороной. Все очень просто — за исключением, правда, того, что большинство людей в конце концов поддается промыванию мозгов, и примерно к тому периоду жизни, когда молодые люди поступают в колледжи, большинство из них готовы стать роботами и играть подчиненную роль. Профессор Тохус продолжал бубнить; Дрейк, безмятежный в своем отсутствии *суперэго*, продолжал мечтать о том, как он захватит доминирующую позицию... В

Нью-Йорке Артур Флегенхеймер, психический близнец Дрейка, стоял перед семнадцатью фигурами в мантиях, одна из них в козлиной маске, и повторял: «Буду в тайне все держать, никому не раскрывать: ни полностью, ни частями...»)

— *Ты похож на робота*, — произносит Джо Малик в искривленной комнате и в пронзенном времени в Сан-Франциско. — *В смысле, двигаешься и ходишь как робот.*

— *Сосредоточьтесь на этом, мистер Кволик*, — говорит бородатый юноша с мрачной усмешкой. — *Некоторые путешественники во время сеанса видят роботами себя. Другие видят роботом проводника. Удерживайте эту перспективу. Что это, галлюцинация или восприятие того, что мы обычно экранлируем?*

— *Подожди*, — говорит Джо. — *Часть тебя похожа на робота. Но другая часть — живая и похожа на что-то растущее, дерево или растение...*

Юноша продолжает улыбаться, его лицо медленно поднимается над телом и плывет к мандале, изображенной на потолке.

— *Ну и что?* — спрашивает он. — *Вы считаете это хорошим поэтическим символом? Во мне есть механическая часть, это робот, и есть органическая часть, похожая на розовый куст? А какая разница между механикой и органикой? Разве розовый куст не механизм, который с помощью ДНК воспроизводит себе подобных?*

— *Нет*, — отвечает Джо. — *Все механично, но люди другие. У кошки есть грация, которой мы лишились, или отчасти лишились.*

— *Как же, по-вашему, мы ее лишились!* его голос, визгливо рассуждающий о послушании...

Базы стратегического военного командования США ожидают президентского приказа об атаке на Фернандо-По. Атланта Хоуп в Атланте, штат Джорджия, обращается к демонстрантам, протестующим против трусливой страусиной политики прокоммунистической администрации, которая, угрожая взорвать Санта-Исабель, одновременно не угрожает взрывами Москве и Пекину. Генеральный секретарь в России нервно перечитывает текст выступления, пока в его кабинете устаналивают телевизионные камеры («и, проявляя коммунистическую солидарность по отношению к свободолюбивому народу Фернандо-По...»). Глава китайской компартии, не сумев извлечь никакой пользы из учения Председателя Мао, гадает по *И-цзину* и в отчаянии смотрит на выпавшую гексаграмму 23. Девяносто девять процентов людей в мире ждут, когда их лидеры скажут им, что делать. Но в самой Санта-Исабель, за тремя запертыми дверями от комнаты, где сейчас спит Концепсьон, Фишн Чипс раздраженно сообщает по радиации: «Повторяю, никого. Ни одного русского или китайца на этом паршивом острове. Меня не волнует, что говорит Вашингтон. Я говорю то, что вижу сам. А теперь насчет героиновой сети БАЛБЕС...»

— *Конец связи*, — перебивают его с подводной лодки. — *Центр сейчас не интересуется ни героин, ни БАЛБЕС.*

— *Тьфу ты, черт!* — смотрит Чипс на радиацию. Связь прервалась. Ну хорошо, он продолжит расследование самостоятельно и покажет этим кабинетным крысам в Лондоне, и особенно этому самодовольному W., как мало они в действительности знают о реальных проблемах на Фернандо-По и в мире.

Он ворвался в спальню, как ураган. «Вот оденусь, — разгневанно думает он, — захвачу дымовые шашки, „люгер“, лазерный луч и прогуляюсь в эту

Церковь Звездной Мудрости, посмотрю, что там к чему». На пороге он потрясенно застывает. Консепсьон по-прежнему лежит в постели, но она больше не спит. Ее горло аккуратно перерезано, а из подушки около нее торчит изящный кинжал с узором в виде пламени.

— Сто тысяч чертей! — орет 00005. — Мое терпение лопнуло! Каждый раз, когда я нахожу классную попку, обязательно приходят уроды из БАЛБЕС, и ей конец...

Через десять минут из Белого дома поступает приказ, эскадрилья стратегических бомбардировщиков с водородными бомбами на борту берет курс на Санта-Исабель, а полностью экипированный Фишн Чипс бредет к церкви Звездной Мудрости, где его поджидают не БАЛБЕС, а существа совсем из другой плоскости.

Книга вторая ZWEITRACHT

— Этому должна быть «естественная» причина. |Пусть эти

| два осла

— Этому должна быть «сверхъестественная» причина. |
мелют зерно.

Браг Пердуробо, «Китайская музыка», Книга лжей

Трип четвертый, или ХЕСЕД

*Мистер Порядок бежит — только пятки сверкают, Но
старая матушка Хаос его опять обгоняет.*

**Лорд Омар Хайям Равенхурст, Х. С. Х., «Книга
советов», Честная Книга Истины**

Многих из тех, кто знал, что истинная религия Мохаммеда содержится в учении исмаилитов, отправляли в большой мир — добиваться высоких должностей в правительствах Ближнего Востока и Европы. Поскольку выполнение этой миссии было угодно самому Аллаху, они охотно подчинялись; многие занимали свои посты всю жизнь. Некоторые же после пяти, десяти и даже тридцати лет врной службы своему шаху, калифу или королю получали по тайным каналам пергаментный свиток, на котором был изображен символ

В тот же вечер верный раб наносил удар и бесследно исчезал; его хозяина находили утром с перерезанным горлом и лежащим возле него символом исмаилитов — кинжалом с изображением пламени. Кого-то отбирали для службы совсем иного рода — во дворец самого Хасана ибн Саббаха в Аламуте. Этим счастливчикам выпадала особая удача, поскольку у них появлялась привилегия чаще остальных посещать Сад Наслаждений, где сам Владыка Хасан, владевший искусством волшебных зелий, переносил их в рай, не лишая при этом телесной оболочки. Однажды в 470 году (который для необрезанных христианских псов был 1092) Владыка Хасан в очередной раз продемонстрировал им свое могущество, призвав в тронный зал, где он сидел во всем великолепии. На полу перед ним стояло блюдо с головой его ученика, ибн Азифа.

— Этот заблудший, -возвестил Владыка Хасан, — послушался приказа, а такое преступление не прощается в нашем Священном Ордене. Я показываю вам его голову, чтобы напомнить о судьбе предателей в этом мире. Более того: я расскажу вам о судьбе таких псов в мире следующем.

С этими словами добрый и мудрый Владыка Хасан поднялся с трона и своей знаменитой шаткой походкой подошел к голове.

— Я приказываю тебе, -сказал он, — говори.

Тут рот открылся, и голова издала столь ужасный вопль, что все правоверные закрыли уши и отвели в сторону глаза, а многие зашептали молитвы.

— Говори, пес! — повторил мудрый Владыка Хасан. — Твой визг нам не интересен. Говори!

— Пламя, — взывала голова. — Ужасное пламя. Аллах, что это за пламя! — бормотала голова, пока душа Азифа билась в страшной агонии. — Прощения, — молила она. — Прощения, о могущественный Владыка!

— Нет прощения предателям, — изрек всемудрый Хасан. — Возвращайся в ад!

И голова мгновенно замолчала. Все пали на колени и молились одновременно Аллаху и Хасану; из всех чудес, которые они видели, это, несомненно, было самым великим и ужасным.

Затем господин Хасан всех отпустил, сказав напоследок:

— Не забывайте этот урок. Он должен врезаться в память ваших сердец глубже, чем имена ваших родителей.

(— *Мы хотим тебя завербовать, — говорит Хагбард девятьсот с лишним лет спустя, — потому что ты такой доверчивый. Доверчивый в очень хорошем смысле.*)

Мимо проехал на велосипеде Иисус Христос. Первое предупреждение о том, что не следовало употреблять кислоту накануне столь важных событий. Но на другом уровне все казалось весьма логичным: кислота была единственным средством, позволявшим положительно отреагировать на весь этот кафкианский бред, который называется *(начало цитаты)* демократическим процессом в действии *(конец цитаты)*. Я нашел Хагбарда в Грант-парке, как всегда невозмутимого, с ведром воды и стопкой носовых платков для жертв слезоточивого газа. Он стоял возле статуи генерала Логана, наблюдая за все более ожесточенными стычками на другой стороне улицы перед «Хилтоном», курил очередную итальянскую сигару и напоминал Ахаба, который наконец-то нашел кита...

В действительности же Хагбард вспоминал слова гарвардского профессора Тохуса:

— Черт возьми, Челине, нельзя одновременно специализироваться по кораблестроению и праву. В конце концов, ты же не Леонардо да Винчи.

— Он самый, — отвечал тот с каменным лицом. — Я помню в подробностях все мои прошлые инкарнации, и Леонардо был одной из них.

Тохус чуть не взорвался:

— Давай, всезнайствуй! Когда завалишь половину экзаменов, может быть, и очнешься!

Старик был ужасно разочарован, когда увидел в экзаменационной книжке Хагбарда длинный ряд оценок «отлично».

На другой стороне улицы демонстранты продвигались к «Хилтону», а полиция вновь их атаковала, ударами дубинок заставляя отступать; Хагбарду стало интересно, задумывался ли когда-нибудь Тохус о том, что профессор — это полицейский от интеллекта. Тут он увидел, что к нему приближается новый ученик Падре, Мун...

— Тебя еще не били дубинками, — говорю я, искренне считая, что в каком-то смысле старая досюрреалистическая классическая шутка Жарри «Распятие Христа как пример велосипедных гонок в гору» оказалась действительно лучшей метафорой для цирка, который устроил Дэйли.

— Рад видеть, что и тебя тоже, — отозвался Челине. — Впрочем, судя по глазам, ты успел понюхать слезоточивого газа прошлой ночью в Линкольн-парке.

Я кивнул, вспомнив, что в тот момент, когда это происходило, я думал о нем и его странной дискордианской йоге. Малик, неразговорчивый либерал-социал-демократ, которого Джон хотел вскоре завербовать, находился всего в нескольких шагах от меня, а с другой стороны рядом со мной сидели Берроуз и Гинзберг. Внезапно я понял, что все мы — шахматные фигуры, но кто же шахматист, который нас переставляет? И какого размера шахматная доска? Через улицу тяжело протопал носорог, внезапно обернувшийся джипом с колючей проволокой на капоте — хитрое приспособление для рассекания толпы.

— Мои мозги вытекают, — сказал я.

— Как думаешь, кому все это нужно? — интересуется Хагбард.

Он вспоминал тему «Аренда дома» на занятиях у профессора Орлока. «Говоря человеческим языком, все это сводится к тому, — говорил Хагбард, — что арендатор не имеет никаких прав, которые он мог бы успешно отстаивать в суде, а домовладелец не имеет никаких обязательств, которые он не мог бы нарушить без малейшего для себя риска». Орлок казался обиженным, а у студентов был такой потрясенный вид, будто Хагбард неожиданно вскочил и показал всей аудитории пенис. «Это уж как-то совсем прямолинейно», — сказал, наконец, Орлок...

— Возможно, кому-то из далекого будущего, — говорю я, — или далекого прошлого.

Интересно, а вдруг это устроил Жарри еще полвека назад в Париже; это объяснило бы сходство. В этот момент мимо проехал Эбби Хоффман, беседуя с Аполлоном Тианским. А не находимся ли мы все в воображении Жарри? Или Джойса?

"Автомобиль Фуллера — это рекламный трюк, эффектное шоу, — дымит профессор Калигари, — но он не имеет никакого отношения к кораблестроению". Хагбард бросает на него спокойный взгляд. "Напротив, — говорит он. — Эта машина имеет самое прямое отношение к кораблестроению". Как и на факультете права, остальные студенты

встревожились. Хагбард начинает понимать: они пришли сюда не учиться, а получить бумажку, которая дает им право претендовать на определенную работу...

— *Осталось всего несколько записок, — говорит Сол Малдуну. — Давай их быстро просмотрим, а потом позвоним в управление и узнаем, нашел ли Дэнни эту «Пат», которая их писала.*

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №15

6 августа

Дж. М.,

Вот самая странная версия истории иллюминатов, которую я обнаружила на сегодняшний день. Это выдержка из произведения, написанного и опубликованного неким Филипом Кэмпбеллом Аргайл-Стюартом, который считает, что все мировые конфликты порождены извечной войной семитических «хазарских» народов с нордическими «фаустианскими». Вот суть его взглядов:

Моя теория заключается в том, что в хазарском населении присутствовала чрезвычайно сильная дьявольская прослойка, состоявшая из гуманоидов, которые прибыли на летающей тарелке с планеты Вулкан. Я считаю, что эта планета вращается не на орбите Меркурия, а на орбите Земли, но постоянно скрыта от нашего взгляда Солнцем, всегда находясь в шести месяцах впереди или позади Земли...

Нечто похожее было и с готической фаустианской западной культурой. Ранее относительно инертные и бесцельно мигрирующие народы, известные нам как франки, готы, англ, саксы, даны, швабы, алеманы, лангобарды, вандалы и викинги, внезапно пополнились норманнами-марсианами-варягами, прибывшими с Сатурна через Марс на летающих тарелках...

После 1776 года он (хазарско-вулканский заговор) использовал иллюминатов и масонов Великого Востока. После 1815 года он использовал финансовые махинации Дома Ротшильдов, после 1848 — коммунистическое движение, а после 1895 — движение сионистов...

Следует упомянуть еще вот о чем. Мадам Елена Петровна Блаватская (1831-1891), урожденная Ган, основательница теософии... была одновременно и ханжой, и сатанисткой, истинной ведьмой великой злой силы в союзе с иллюминатами, масонами Великого Востока, русскими анархистами, британскими теоретиками Израиля, протосионистами, арабскими ассасинами и туггами из Индии.

Источник: *Хай Ай-Кью Буллетин*, том IV, №1, январь 1970 г. Издано Филипом Кэмпбеллом Аргайл-Стюартом, Колорадо-Спрингс, штат Колорадо.

Пат

— Как ты сказал? — переспросил рядовой Челине.

— ОНАБ, — повторил рядовой Пирсон. — Неужели никогда не слыхал?

Он сел на своей койке и уставился на Челине.

— Я натурализованный гражданин, — пояснил Хагбард. — Родился в Норвегии. — Он снова стащил с себя гимнастерку. Лето в Форт-Беннинге было слишком жарким для нордической половины его генов. — Обстановка Нормальная, Абсолютный Бардак⁴⁹, — повторил он. — Да уж. Лучше,

49 В оригинале SNAFU — аббревиатура от Situation Normal, All Fucked Up.

пожалуй, и не скажешь.

— Подожди, вот послужишь в Нашей Армии немного дольше, — с воодушевлением сказал чернокожий Пирсон, — тогда действительно *оценишь* эти слова, парень. Ох, братишка, как же ты их *оценишь*.

— И ведь так не только в армии, задумчиво произнес Хагбард. — Так во всем мире.

Вообще-то, после того, как они имманентизировали Эсхатон, я выяснил, куда утекали мои мозги той ночью (и еще несколько ночей). К бедному Джорджу Дорну. Из-за этой сырости у него чуть не началась водянка. Он никак не мог понять, откуда брался весь этот Джойс с сюрреализмом. Я на семь лет старше его, но у нас одна степень валентности, потому что мы прошли через одинаковый опыт обучения в средней школе и наши отцы оба были революционерами. Вот почему Хагбард никогда не мог полностью понять ни одного из нас: у него были частные учителя, пока он не поступил в колледж, а к этому времени Официальное Образование начинает делать некоторые частичные уступки реальности, так что у жертв появляется реальный шанс выжить в суровом мире. Но в ту ночь в Грант-парке я ничего не знал ни об этом, ни о том, как армия помогла Хагбарду понять колледж, поскольку я разрабатывал эту новую концепцию: общая валентность множества есть величина постоянная. Это означало, что я должен буду уйти, когда придет Джордж, а, скажем, Мэрилин Монро и Джейн Мэнсфилд должны были наглотаться снотворного или попасть в автокатастрофу, чтобы освободить место для вибраций Рэкел Уэлч.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №16

7 августа

Дж. М.,

По— моему, я нашла информацию, которая объясняет, как Заратустра, летающие тарелки и вообще весь этот бред вписываются в загадку иллюминатов. Врубайся, начальник:

Нацистская партия была основана как политическое дополнение к Обществу Туле, крайне экстремистской группе в берлинской ложе иллюминатов. Эта ложа, в свою очередь, состояла из розенкрейцеров — высших франкмасонов — и занималась тем, что оплакивала крах феодальной системы. Масоны того времени, как и федералисты в послереволюционной Америке, усердно стремились не допустить «анархии» и сберечь старые ценности за счет введения христианского социализма. В сущности, масонский, по мнению проф. Хофштадтера, заговор Аарона Барра был прообразом немецких интриг, которые плелись на столетие позже. К своему показательному научному социализму масоны добавили мистические концепции, которые считались «гностическими» по происхождению. Одной из них была концепция о «Гнозисе» как таковом, то есть Иллюминизации, согласно которой человечеству явно или скрыто подбрасывали все его великие идеи небесные существа, и они вернутся на Землю, когда человечество достигнет существенного прогресса. Иллюминизм был ветвью пятидесятничества, которое на протяжении многих веков преследовалось ортодоксальным христианством и обрело приют в франкмасонстве в результате сложного исторического процесса, трудно объяснимого без существенных отступлений от темы. Достаточно лишь сказать, что

«иллюминизированные» нацисты ощущали свою боговдохновенность и потому полагали себя вправе переписать законы добра и зла для своих собственных целей.

(Согласно нацистской теории) еще до захвата нынешней Луны эти небесные существа жили высоко в горах в Перу, Мексике, Гондоре (Эфиопия), Гималаях, Атлантиде и Му, образуя Уранианскую Конфедерацию. Они настолько в это верили, что британской разведке пришлось даже бороться с этой теорией с помощью толкиеновского фантастического «Сильмарильона», послужившего основой для знаменитых книг про хоббитов...

И Дж. Эдгар Гувер, и конгрессмен Отто Пассман — высокопоставленные масоны, и оба в значительной мере демонстрируют эту философию с ее манихейской направленностью. Помимо «божественного права правления», главной опасностью масонского учения является, конечно же, манихейство, то есть вера в то, что ваш оппонент противится Божьей воле и, следовательно, служит Сатане. Это крайняя форма, и мистер Гувер обычно прибегает к ней для «безбожного коммунизма», но в той или иной степени такое представление существовало практически всегда и везде.

Источник: «Нацистская религия: взгляды на религиозный стейтизм в Германии и Америке», Дж. Ф. С. Мур, «Либертариан Америкен», том III, №3, август 1969.

Пат

Теперь они перешли к слезоточивому газу, и я вижу, как один фотограф снимает копа в тот самый момент, когда тот применяет против него газ. (Снова Гейзенберг! С запада слышится грохот копыт: огромный катафалк, Феномен Косяка! Правда, я сейчас под кислотой. Вот если бы я был под травой, тогда это и был бы самый настоящий королевский Феномен Косяка.) Позже я узнал, что фотограф получил за этот снимок награду. Но в тот момент он не напоминал человека, получающего награду. Он выглядел так, словно с него живьем содрали кожу и сверлят голые нервы бормашиной.

— Господи Иисусе, — говорю я Хагбарду, — посмотри на этого беднягу. Молю тебя, отпусти меня отсюда живым после очередной порции газа, максимум двух. С меня уже хватит.

— *Во имя Аллаха*, — отзывается Хагбард. — Наша карма определяется нашими поступками, а не нашими молитвами. Ты на сцене, так что действуй по сценарию, вот и все.

— Эй, кончай молоть эту праведную чепуху и перестань читать мои мысли, — протестую я. — Тебе вовсе незачем поражать мое воображение.

Но я уже переключился на другую волну, примерно такую: если эта сцена — цирк мэра Дэйли, то мэр Дэйли — распорядитель манежа. Если «что внизу, то и наверху», как герметично намекал Гермес, то сцена еще больше. Мистер Микрокосм, познакомьтесь с мистером Макрокосмом. «Привет, Мик!» — «Привет, Мак!» Вывод: мэр Дэйли в малом — это то же, что Кришна в большом. Что и требовалось доказать.

В этот момент толпа ребят из СДО, которую на другой стороне улицы разгоняли слезоточивым газом, побежала к нам, и Хагбард занялся раздачей мокрых носовых платков. Ребятам нужны были платки: они наполовину ослепли, как и Джойс, которого наполовину ослепили осколки надежд, подаваемых его Адамом. А от меня помощи было немного, потому что я в это время очень занят: я ору.

— Хагбард, — задыхаюсь я в экстазе. — Мэр Дэйли — это Кришна!

— Тем хуже для него, — холодно отзывается он, продолжая раздавать платки. — Он об этом даже не подозревает.

Вода превратилась в кровь (Хагбард был Иисус-шутник: вы, наверно, ожидали, что в вино?), и я вспомнил рассказ моей матери о Диллинджере возле «Биографа». Мы все, как и он, сидели в кинотеатре «Биограф», в царстве грез, поднимаясь над драмой нашей жизни, затем выходили на улицу к бабушкиной ласке свинцовых поцелуев, которые вновь пробуждали нас к реальности ускользающего блаженства. Хотя ему удалось найти способ вернуться обратно. Как там говорил Чарли Мордехай: «Сначала трагедия, а потом фарс»? Марксизм-Леннонизм: Эд Сандерс из «Фагов» вчера вечером говорил о трахе на улицах, словно читал мои мысли (или это я читал его мысли?), а ленноновское «Почему мы не делаем это на дороге?» будет записано только в следующем году. Маркс и наши рок-фэны. Окровавленные платки обмакивались в воду, или вино, массы — на мессу, мейс — в массы! Капоне сдал его федералам, но хитрый Джон со сцены удрал, и пули достались болвану по имени Фрэнк Салливан. Кинотеатр «Автобиограф», драматический и травматический театр. Наверное, надо было принять только полтаблетки вместо полновесных 500 микрограммов, потому что в этот момент ребята из СДО, все на стороне ДРМ-I во время раскола в следующем году, вдруг облачились в ризы алтарных служек, и мне показалось, что Хагбард раздает им не носовые платки, а облатки для причастия. Вдруг он посмотрел на меня взглядом египетского бога-сокола, и я наблюдал, как он наблюдает, Гор Гейзенберг, где я нахожусь. Не нужно быть сантехником, думаю я, чтобы узнать, куда вытекают мои мозги.

Со стороны толпы донесся звук, словно все двери подземки одновременно открылись, с шумом выпуская воздух, и я увидел приближавшуюся полицию, которая переходила через улицу, чтобы очистить территорию парка.

— А вот и снова мы, — комментирую я. — Да здравствует Дискордия.

— *ОНАБ юбер аллес*, — усмехается Хагбард, припуская рысью рядом со мной.

Мы направляемся к северу, сообразив, что отступавшие к востоку наткнутся на стену и будут избиты до полусмерти.

— Демократия в действии. -говорю я, запыхавшись.

— Заметь, это символ власти. Она требует повиновения, -цитирует он, меняя руку, в которой несет ведро с водой.

Я узнаю Шекспира и уношусь мыслями в собственное прошлое: каждый полицейский действительно походил на шекспировского пса⁵⁰. Я вспоминаю яростное красноречие на праздновании антидня рождения Линдона Джонсона, когда Берроуз утверждал, что чикагские копы больше похожи на псов, чем на свиней, при всем его уважении к мнению СДО. Терри Саутерн, придерживаясь своей обычной маниакальной «золотой середины», заявлял, что они больше сродни краснозадным мандрилам из семейства бабуинов, которые еще не открыли письменность.

— Власти? — спрашиваю я, почувствовав, что что-то упустил. Мы перешли на шаг, оставив позади себя место событий.

⁵⁰ «Видел ты, как цепной пес лает на нищего? А бродяга от него удирает. Заметь, это символ власти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту» («Король Лир», акт IV, сцена 6, пер. Б. Пастернака).

— А — это не А, — объясняет Хагбард с типичной для него усталой терпеливостью. — Как только ты допускаешь, что А есть А, ты на крючке. В буквальном смысле на крючке, потому что ты становишься частью Системы.

Хотя я уловил намек на старика Аристотеля с его достойным сожаления эпистемологическим параличом, а также на ту отважную маленькую леди, которую я всегда считал пропавшей Анастасией, я все равно не врубаюсь.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, хватая мокрый платок: слезоточивый газ начал достигать нашей части парка.

— Председатель Мао не сказал и половины, — отвечает Хагбард, тоже прикладывая к лицу носовой платок. Его слова звучат глухо.

— Из ствола винтовки вырастает не только политическая власть, но и всё определение реальности. Сцена. И действие, которое должно произойти именно на этой сцене, и ни на какой другой.

— Ненавижу, когда ты начинаешь поучать, — я заглядываю за угол во времени и понимаю, что это и есть та ночь, когда меня отравили мейсом. — Это просто типичный Маркс: идеология правящего класса становится идеологией всего общества.

— Не идеологией. Реальностью. — Он спускает платок чуть ниже.

— Пока они не изменили определение, это был обычный городской парк. Сейчас оружие изменило Реальность. И *это не* городской парк. Есть более чем одна разновидность магии.

— Например, указы об Огораживании, — глухо произношу я. — Вчера земля принадлежала народу. А сегодня она уже принадлежит землевладельцам.

— Или указы о Наркотиках, — добавляет он. — Сто тысяч безобидных наркоманов в одночасье стали преступниками по акту Конгресса в 1927 году. Через десять лет, в тридцать седьмом, по акту Конгресса в одночасье стали преступниками все курильщики марихуаны. И они действительно *стали* преступниками, когда все документы были подписаны. Это доказывают винтовки. Попробуй уйти от этих винтовок с косяком в руке и не остановиться, когда тебе прикажут. Через секунду их Воображение станет твоей Реальностью.

И я понял, как я должен был ответить отцу, но тут из темноты выпрыгнул коп, визжа что-то об обдолбанных затраханых педиках коммунистах, и выпустил в меня струю мейса, как и должно было случиться (я знал это, загибаясь от боли) на этой сцене.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №16

7 августа

Дж. М.,

Вот еще информация о том, как Блаватская, теософия и надпись под великой пирамидой на печати США связаны с загадкой иллюминатов (или *не* связаны. Чем глубже я копаю, тем запутаннее все это становится!). Эта статья защищает мадам Блаватскую от обвинения Трумэна Капоте. Он согласен с Обществом Джона Берна в том, что именно чтение работ Блаватской подтолкнуло Сирхана к убийству Роберта Кеннеди. Источник: "*Сирхан — Блаватская — Капоте*", Тед Зетлин, «Лос-Анджелес фри пресс», 26 июля 1968 г.

Малочисленные, но как всегда безумные, берчевцы в нынешней обстановке всеобщего подозрения и насилия нашли себе новое занятие — теперь они нападают на мадам Блаватскую. Трумэн Капоте воспринимает их всерьез...

Знает ли мистер Капоте, что история иллюминатов (если верить священной доктрине Берча) начинается в Эдемском саду, где Ева согрешила со змеем и зачала Каина? Что все потомки змеечеловека Каина принадлежат к свертхайной группе иллюминатов, которые служат не чему иному, как самому отвратительному и презренному злу, которое только можно представить в сатанинском сознании человека?

Антииллюминат Джон Штейнбахер пишет в своей неопубликованной книге «*Novus Ordo Seclorum*» («Новый порядок эпох»): «Сегодня в Америке многие во всех иных отношениях талантливые люди играют с огнем, связавшись с теми же злыми силами... Учение мадам Блаватской поразительно напоминает доктрину Вейсгаупта...»

Далее автор предлагает *собственную* версию *берчевской* версии истинных замыслов иллюминатов:

Их зловещая цель — превзойти материальность и создать единый мир, поправ суверенитет наций и неприкосновенность частной собственности.

Вряд ли я могу это понять, и тем более в это поверить, но это по крайней мере объясняет, как и нацисты, и коммунисты могут быть орудием в руках иллюминатов. Или нет?

Пат

— Собственность — это воровство, — говорит Хагбард, передавая трубку мира.

— Если КДИ поможет застройщикам захватить нашу землю, — отозвался Дядюшка Джон Перо, — это будет воровство. Но если мы сохраним землю за собой, какое же это воровство?

На резервацию мохавков надвигалась ночь, но Хагбард видит, как во мраке маленькой хижины одобрительно кивает Сэм Три Стрелы. Он вновь почувствовал, что из всех народов в мире ему тяжелее всего понять индейцев. Учителя дали ему космополитическое образование в полном смысле этого слова, и обычно он без труда общался с людьми самых разных культур, но иногда индейцы ставили его в тупик. После пяти лет специализации по урегулированию юридических сражений различных племен с Комитетом по делам индейцев и земельными пиратами, которым он служит, Хагбард по-прежнему ощущает, что мысли этих людей находятся где-то там, куда он не может попасть. Он никак не может понять, то ли они самое примитивное, то ли самое сложное общество на планете: он даже думает, что, возможно, то и другое верно: высшая простота — это и есть высшая сложность.

— Собственность — это свобода, — произносит Хагбард. — Я цитирую того же человека, который сказал, что собственность — это воровство. И он же утверждал, что собственность невозможна. Я говорю от сердца. И хочу, чтобы вы слушали сердцем. И во всей полноте поняли, почему я это говорю.

Сэм Три Стрелы затянулся трубкой, а затем поднял темные глаза на Хагбарда.

— Ты хочешь сказать, что справедливость неизвестна, как собака, которая лает в ночи? Что справедливость больше похожа на неожиданный шум в лесу, который можно понять только после трудных размышлений?

Снова то же самое: Хагбард уже встречал такую же конкретность образов в речи шошонов на другом конце континента. Вскользь подумал: а что, если на поэзию Эзры Паунда повлияла манера речи, которую его отец

перенял у индейцев? Ведь Гомер Паунд был первым белым человеком, родившимся в Айдахо. Безусловно, это выше китайцев. И это пришло не из книг по риторике, но из умения слушать сердце — индейская метафора, которую он сам употребил минуту назад.

Он не торопился отвечать, потому что начал усваивать индейскую привычку долго думать, прежде чем высказаться.

— Собственность и справедливость — это вода, — сказал он наконец. — Ни одному человеку их долго не удержать. Я провел много времени в залах суда и видел, как меняются собственность и справедливость, когда человек говорит: меняются до неузнаваемости, как гусеница превращается в бабочку. Вы понимаете, о чем я говорю? Я думал, что победа уже в моих руках, а потом говорил судья, и победа ускользала. Как вода сквозь пальцы.

Дядюшка Джон Перо кивнул.

— Я понимаю. Ты говоришь, что мы снова проиграем. Мы привыкли проигрывать. Мы проигрываем, всегда проигрываем с тех пор, как Джордж Вашингтон пообещал нам эти земли, «покуда стоят горы и зеленеет трава», а затем нарушил это обещание и через десять лет украл часть этих земель — всего через десять лет, друг мой! У нас остался один акр из каждой сотни обещанных нам тогда акров.

— Возможно, мы не проиграем, — сказал Хагбард. — Обещаю вам, что КДИ по крайней мере почувствует, что на этот раз им пришлось побороться. Каждый раз, входя в зал судебных заседаний, я узнаю новые уловки и становлюсь все опаснее. Сейчас я очень коварен и опасен. Но так же уверен в себе, как и молодости, когда брался за первое дело. Я перестал понимать с чем я сражаюсь. Я дал этому название «принцип ОНАБ», но все равно не понимаю, что это такое.

Возникла очередная пауза. Хагбард услышал, как загремела крышка мусорного бака позади хижины: это енот, которого Дядюшка Джон Перо звал Старым Дедушкой, пришел украсть себе ужин. Хагбард подумал, что в мире Старого Дедушки собственность, безусловно, была воровством.

— Я тоже кое-чего не понимаю, — наконец сказал Сэм Три Стрелы. — Когда-то давно я, как и многие молодые мужчины из народа мохавков, работал на стройке в Нью-Йорке. Я понял, что белые часто бывают похожи на нас, и я не мог ненавидеть их всех сразу. Но они не понимают, что такое земля, и не умеют ее любить. И обычно говорят не от сердца. И действуют не от сердца. Больше напоминают актеров с киноэкрана. Они играют роли. А их вожди не похожи на наших вождей. Их выбирают не за их качества, а за умение играть роли. Об этом говорили мне сами белые, ясными словами. Они не доверяют своим вождям, но идут за ними. Когда мы не доверяем вождю, ему конец. И потом, в руках вождей белых слишком большая власть. Человеку вредно слишком часто подчиняться. Но хуже всего то, что я сказал про сердце. Их вожди давно его потеряли, как потеряли и сострадание. Они говорят не от сердца. Они действуют не от сердца. Тогда отчего же? Как и ты, я не знаю. Мне кажется, это что-то вроде безумия.

Для него это была долгая речь, и она что-то всколыхнула в душе Дядюшки Джона Перо.

— Я был в армии, — сказал он. — Мы шли сражаться с плохим белым человеком: так нам сказали белые. У нас были собрания, которые назывались политическим просвещением. Там были фильмы. В них показывали, какие ужасные вещи совершал этот плохой белый человек в своей стране. После фильмов все страшно сердились и рвались в бой. Кроме

меня. Я был там только потому, что в армии платили больше, чем индеец может заработать в любом другом месте. Поэтому я не сердился, а удивлялся. Этот белый вождь в своей стране делал все то же самое, что делают белые вожди в этой стране. Нам рассказывали про место под названием Лидице. Оно очень напоминало Вундид-Ни. Нам рассказывали о семьях, переселенных за тысячи миль от родного дома на верную смерть. Это очень напоминало Тропу Слез. Нам говорили, что этот человек правит своей страной так, что никто не смеет его послушаться. Но Сэм мне рассказывал, что люди, работающие в корпорациях Нью-Йорка, тоже не смеют послушаться. Я спросил об этом другого солдата, черного белого человека. С ним было проще говорить, чем с обычными белыми. Я спросил его, что он думает о политическом просвещении. Он сказал, что это дерьмо, и он говорил от сердца. Я долго думал и понял, что он прав. Все политическое просвещение — дерьмо. Когда люди из КДИ приезжают сюда, чтобы говорить, это то же самое. Дерьмо. Но вот что я тебе скажу: народ мохавков теряет душу. Душа не похожа ни на дыхание, ни на кровь, ни на кости, и ее можно терять, даже не зная об этом. У моего деда было больше души, чем у меня, а у нашей молодежи ее еще меньше. Но у меня достаточно души, чтобы разговаривать со Старым Дедушкой, который сейчас енот. Он думает как енот и беспокоится о судьбе племени енотов больше, чем я беспокоюсь о судьбе мохавков. Он считает, что племя енотов скоро вымрет, как вымрут и все племена свободных диких зверей. Это ужасная вещь, и это меня пугает. Когда племена животных вымрут, земля тоже погибнет. Это древнее учение, и я в нем не сомневаюсь. Я вижу, как это уже происходит. Если у нас украдут еще больше земли для строительства этой дамбы, умрет еще одна часть нашей души, и умрут новые души животных! Умрет земля, и перестанут светить звезды! Сама Великая Мать может умереть! — Старик плакал, не стесняясь. — И это произойдет потому, что люди не говорят слова, а говорят дерьмо!

Смуглая кожа Хагбарда бледнеет.

— Ты пойдешь в суд, — медленно сказал он, — и расскажешь это судье, этими самыми словами.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №17

8 августа

Дж. М.,

Наверное, ты помнишь, что в схеме иллюминатского заговора, напечатанной в *«Ист-Виллидж азер»* (записка №9), в качестве одного из филиалов иллюминатов фигурирует «Святая Фема». Наконец-то мне удалось выяснить, что это такое. Источник — *«История магии»* Элифаса Леви (стр. 199-200):

Это было нечто вроде тайной полиции, имеющей право карать и миловать. Их правосудие, окруженное тайной, и быстрота расправы помогали производить впечатление на людей, находившихся еще в варварстве. Святая Фема приобрела гигантское значение: люди дрожали при описании появления людей в масках, которые прибывали судебные повестки к дверям знати в самом разгаре их оргий, предводителей разбойников находили со страшными крестообразными кинжалами в груди, которым сопутствовали свитки с извлечениями из суждений Святой Фемы. Трибунал применял самые фантастические процедуры: виновный вызывался на какой-нибудь

перекресток, пользующийся дурной славой, и уводился на судилище человеком в черном, который завязывал ему глаза и молча вел за собой. Преступника приводили в подземелье, где его допрашивал один голос. Повязка с глаз снималась, подземелье освещалось на всю глубину и высоту, Свободные Судьи сидели в масках и черных одеждах...

Кодекс Суда Фемы был найден в древних архивах Вестфалии... Он был напечатан под таким заглавием: "Кодекс и Статуты Святого Тайного Трибунала Свободных Графов и Свободных Судей Вестфалии, установленный в 772 году императором Карлом Великим и исправленный в 1404 году королем Робертом, который сделал эти изменения и добавления для отправления правосудия в трибуналах просветленных, которые наделены им его собственной властью".

Указание на первой странице под страхом смерти запрещало любому непосвященному заглядывать в эту книгу. Слово «просветленные», присвоенное здесь членам Тайного Трибунала, подчеркивает их основную миссию: они должны были, оставаясь в тени, выслеживать тех, кто поклонялся тьме; они противостояли тем, кто составлял тайные заговоры против общества; но и сами они были тайными воинами света, которые проливали свет дня на преступные заговоры; именно это символизировало внезапное величественное освещение места заседания Трибунала, когда он оглашал приговор.

Так что теперь мы должны внести в список иллюминатов еще и Карла Великого — наряду с Заратустрой, Иоахимом Флорским, Джефферсоном, Вашингтоном, Аароном Барром, Гитлером, Марксом и мадам Блаватской. Может ли все это быть мистификацией?

Пат

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №18

9 августа

Дж. М.,

Кажется, в предыдущей записке я слишком поспешно употребила прошедшее время в отношении деятельности «Святой Фемы». Как я выяснила, Дараул допускает, что эта организация существует до сих пор (*«История тайных обществ»*, стр. 211):

Эти ужасные суды никогда официально не упразднялись. Разные монархи занимались их реформированием, но считается, что и в XIX веке они все еще существовали, хотя и нелегально. Нацистские оборотни и подпольщики, боровшиеся с коммунистической оккупацией Восточной Германии, утверждали, что следуют традиции «Благородной и Святой Фемы». Возможно, они по-прежнему существуют.

Пат

Федеральный суд семнадцатого округа штата Нью-Йорк. Истцы: Джон Перо, Сэмюэль Три Стрелы и прочие. Ответчики: Комитет по делам индейцев, Министерство внутренних дел США и Президент США. Адвокат обвинения: Хагбард Челине. Адвокаты защиты: Джордж Карие, Джон Алукард, Томас Мориарти, Джеймс Моран. Председательствующий: судья Квазимодо Имхотеп.

Мистер Перо (в заключение): И так будет потому, что люди не говорят слова, а говорят дерьмо!

Мистер Карие: Ваша честь, прошу последнее выступление не вносить в

протокол как не имеющее отношения к делу. Мы разбираем вполне конкретный вопрос: потребность населения штата в этой дамбе, и суеверия мистера Перо здесь совершенно неуместны.

Мистер Челине: Ваша честь, население Нью-Йорка долгое время выживало без дамбы в этом конкретном месте. И сможет без нее прекрасно выжить дальше. Но может ли выжить хоть что-то стоящее, если наши слова становятся, как говорит мистер Перо, экскрементами? О каком Американском Правосудии может идти речь, если слова нашего первого Президента, если священная честь Джорджа Вашингтона, если его обещание, что мохавки сохраняют за собой эти земли, «покуда стоят горы и зеленеет трава», — если все это превращено в экскременты?

Мистер Карие: Адвокат не аргументирует. Адвокат произносит речи.

Мистер Челине: Я говорю от сердца. А *вы* — говорите от сердца или говорите экскременты, которые приказали вам говорить ваши начальники?

Мистер Алукард: Снова слова.

Мистер Челине: Снова экскременты.

Судья Имхотеп: Контролируйте себя, мистер Челине.

Мистер Челине: Я полностью себя контролирую. Иначе я говорил бы так же откровенно, как мой клиент, и сказал бы, что большинство выступлений, которые я здесь слышу, — это самое настоящее старое дерьмо. Зачем я вообще говорю «экскременты», если не затем, чтобы, подобно вам, немного не замаскировать то, чем мы занимаемся? Это дерьмо. Самое обыкновенное дерьмо.

Судья Имхотеп: Мистер Челине, вы приближаетесь к оскорблению суда. Я делаю вам предупреждение.

Мистер Челине: Ваша честь, мы говорим на языке Шекспира, Мил-тона, Мелвилла. Должны ли мы продолжать убивать этот язык? Должны ли мы отрывать его от последней пуповинной связи с реальностью? Что в действительности происходит в этом зале? Ответчики, правительство США и его доверенные лица, хотят украсть часть земли у моих клиентов. Сколько нам еще нужно доказывать, что их притязания необоснованны, неоправданны и бесчестны? Почему мы не можем назвать грабеж на большой дороге грабежом на большой дороге, а не «правом государства на принудительное отчуждение частной собственности»? Почему мы не можем назвать дерьмо дерьмом, а не экскрементами? Почему мы никогда не используем язык для передачи смысла? Почему мы всегда должны использовать его для сокрытия смысла? Почему мы никогда не говорим от сердца? Почему мы всегда говорим как роботы, словами, которые в нас запрограммированы?

Судья Имхотеп: Мистер Челине, я снова вас предупреждаю.

Мистер Перо: А я предупреждаю вас. Мир умрет. Звезды погаснут. Если мужчины и женщины не доверяют словам, земля даст трещину, словно гнилая тыква.

Мистер Карие: Прошу объявить перерыв. Эмоциональное состояние истца и адвоката в данный момент не позволяет продолжить судебное заседание.

Мистер Челине: У вас даже есть оружие. У вас есть люди с оружием и дубинками, которые называются судебными исполнителями, и они меня избьют, если я не замолчу. Чем же тогда вы отличаетесь от любой другой бандитской группировки, если не считать, что умеете с помощью языка скрывать, чем именно занимаетесь? Вся разница лишь в том, что бандиты

честнее вас. Вот и вся разница. Единственная разница.

Судья Имхотеп: Судебный исполнитель, успокойте адвоката.

Мистер Челине: Вы крадете то, что вам не принадлежит. Почему вы даже на миг не назовете вещи своими именами? Почему...

Судья Имхотеп: Просто придержите его, судебный исполнитель. Не применяйте излишнюю силу. Мистер Челине, принимая во внимание ваше эмоциональное отношение к делу, я испытываю искушение вас простить. Но такая снисходительность с моей стороны может побудить других адвокатов последовать вашему примеру. У меня не выбора. Я считаю вас виновным в проявлении неуважения к суду. Наказание по приговору будет назначено после пятнадцатиминутного перерыва, когда возобновится судебное заседание. Тогда вы сможете сообщить нам уважительные причины, которые могут смягчить тяжесть вашего наказания. Я не потерплю, чтобы правительство Соединенных Штатов называли бандитами. Это всё.

Мистер Челине: Вы крадете землю и не хотите слышать, как вас называют бандитами. Вы приказываете людям, вооруженным пистолетами и дубинками, нас успокаивать, но не потерпите, чтобы вас называли бандитами. Вы действуете не от сердца; тогда от чего же, черт возьми? Ради Бога, скажите, чем вы мотивируетесь?

Судья Имхотеп: Успокойте его, судебный исполнитель.

Мистер Челине: (Невразумительно.)

Судья Имхотеп: Объявляется перерыв на пятнадцать минут.

Судебный пристав: Всем встать.

ПРОЕКТ «ИЛЛЮМИНАТЫ»: ЗАПИСКА №19

9 августа Дж. М.,

Хотелось бы, чтобы ты мне объяснил, каким образом твой интерес к числам 5 и 23 связан с проектом «Иллюминаты».

Вот что мне пока удалось раскопать по таинствам чисел, и надеюсь, что ты сочтешь эту информацию полезной. Источник — книга математических и логических парадоксов: *«Как заморочить себе голову»* под редакцией Ральфа Л. Вудса, Нью-Йорк, 1969, стр. 128.

2 и 3 — это чет и нечет;

2 и 3 — это 5;

Следовательно, 5 — это одновременно чет и нечет.

Между прочим, в этой чертовой книге нет ключей к парадоксам. Я почувствовала противоречие в этом примере, но точное словесное изложение его сути мне стоило многих часов времени (и головной боли). Надеюсь, это тебе поможет. В любом случае, я хоть немного расслабилась и отвлеклась от этой совершенно пугающей информации, которую собирала последнее время.

Пат

В коробке лежали еще две служебные бумаги, напечатанные на других бланках и на другой машинке. Содержание первой было кратким:

4 апреля

Отделу расследований:

Меня всерьез беспокоит то, что Пат отсутствует на работе и не отвечает на телефонные звонки. Направьте кого-нибудь к ней на

квартиру побеседовать с домовладельцем и выяснить, что с ней случилось.

Джо Малик, редактор

Последний документ был явно самым старым и уже пожелтел по краям. В нем говорилось:

Дорогой мистер «Маллори»,

Подробная информация и книги, о которых вы просили, прилагаются. На случай, если вы торопитесь, вот краткое резюме:

1. Билли Грэм на протяжении всей последней недели выступал с публичными лекциями в Австралии. Он никак не мог попасть в Чикаго.

2. Сатанизм и колдовство все еще существуют в современном мире. Ортодоксальные христианские авторы часто их путают, но объективные наблюдатели соглашаются, что это не одно и то же. Сатанизм — это христианская ересь — можно сказать, крайняя степень ереси, — а колдовство имеет дохристианские корни и не имеет никакого отношения ни к христианскому Богу, ни к христианскому Дьяволу. Колдуны служат богине Дане или Тане (которая, возможно, ведет свое происхождение еще из каменного века).

3. Руководство общества «Джон Диллинджер умер за тебя» находится в Мэд-Догге, штат Техас, хотя было основано несколько лет назад в Остине, тоже в Техасе. Это какая-то непонятная шутка, и это «общество» связано с баварскими иллюминатами, очередной эксцентричной выдумкой студентов Калифорнийского университета в Беркли. Якобы иллюминаты — это группа заговорщиков, которая тайно управляет всем миром. Если вы подозреваете, что любая из этих групп занимается чем-то нехорошим, скорее всего, вы пали очередной жертвой их розыгрыша.

У. Х.

— Значит, вся эта история была связана с Мэд-Доггом уже несколько лет назад, — задумчиво произнес Сол. — И Малик уже тогда взял себе другое имя, поскольку письмо явно адресовано ему. И, как я начал подозревать, пока мы читали эти материалы, иллюминатам не откажешь в своеобразном чувстве юмора.

— Продемонстрируй еще раз свои дедуктивные способности, — сказал Барни. — Кто такой этот чертов У. Х.?

— Люди задают этот вопрос уже триста лет, — рассеянно отозвался Сол.

— Что?

— Это я так, умничаю. Шекспировские сонеты посвящены некоему мистеру У. Х., но вряд ли это одно и то же лицо. Это дело, конечно, безумное, но не думаю, что *настолько*. Впрочем, можно сказать спасибо хотя бы за одно, — добавил он. — На самом деле иллюминаты не правят миром. Они лишь пытаются.

Барни озадаченно нахмурился.

— Как ты это понял?

— Очень просто. Точно так же, как я понял, что это правая, а не левая организация.

— Не все такие гении, как ты, — проворчал Барни. — Давай-ка по порядку, а?

— Сколько противоречий ты заметил в этих записках? Я насчитал тринадцать. Эта исследовательница, Пат, тоже их увидела: все факты умышленно искажены и запутаны. Всё это, а не только схема, приведенная в «Ист-Виллидж азер», есть гремучая смесь фактов и вымысла.

Сол зажег трубку и откинулся на спинку стула (в 1921 году, читая Артура Конан-Дойла, он впервые начал мысленно представлять себя в такой роли).

— Во-первых, нужна иллюминатам известность или не нужна? Если они всем управляют и при этом жаждут известности, они появлялись бы на рекламных щитах чаще кока-колы, а на телевидении — чаще Люсиль Болл. Соответственно, если они всем управляют и *не хотят* известности, все эти журналы и книги просто не сохранились бы: их бы изъяли из библиотек, книжных магазинов и книгохранилищ. И эта исследовательница по имени Пат никогда бы их не нашла.

Во— вторых, если ты хочешь вербовать людей в группу заговорщиков, то помимо идеализма и прочих благородных побуждений, которые можно в них эксплуатировать, ты всегда эксплуатируешь их надежду. Ты непременно преувеличиваешь масштабы и могущество этого заговора, ибо большинство людей хотят оказаться на стороне победителей. Поэтому ко всем заявлениям о могуществе иллюминатов надо относиться с подозрением, как к результатам опросов избирателей накануне выборов.

И, наконец, никогда не мешает припугнуть противников. Поэтому любой заговор демонстрирует такое же поведение, какое этологи наблюдают у зверя перед нападением: он раздувается и старается выглядеть больше в размерах. Короче говоря, потенциальные или реальные рекруты заговора, равно как и его потенциальные или реальные враги, получают одинаково ошибочное впечатление, что иллюминатов вдвое, вдесятеро или в сотню раз больше, чем на самом деле. Это логика, а первый пункт моих рассуждений эмпиричен — служебные записки действительно существуют. Итак, логика и эмпирические факты подтверждают друг друга: иллюминаты не способны всем управлять. Что из этого следует? Они существуют долгое время и столь же неутомимы, как тот русский математик, который вычислил значение числа «пи» с точностью до тысячного знака. Тогда есть вероятность, что они кое-чем управляют и на многое влияют. Эта вероятность возрастает, если ты вспомнишь содержание многих служебных записок. Две главные мусульманские ветви — *хашишин* и *рошани* — были уничтожены; итальянские иллюминаты были «уничтожены» в 1507 году; орден Вейсгаупта был запрещен баварским правительством в 1785 году, и так далее. Если они стояли за Французской революцией, то лишь влияли, но не управляли, поскольку Наполеон уничтожил все, начатое якобинцами. То, что они приложили руку не только к советскому коммунизму, но и к германскому фашизму, вполне правдоподобно, если учесть, как много между этими режимами сходства; но если они заправляли в обеих странах, то почему оказались по разные стороны во Второй мировой войне? А если они одновременно возглавляли через Вашингтона партию федералистов, а через Джефферсона — партию демократических республиканцев, то в чем был смысл контрреволюции Аарона Барра, которую они якобы тоже поддерживали? Вот и получается, что заговор иллюминатов — это не великий кукловод, который манипулирует всем, дергая за невидимые ниточки, а что-то вроде гигантского спрута — только не осьминога, а *тысяченога*. Он постоянно выпускает вокруг себя щупальца, которые часто возвращаются к

нему в виде кровавых обрубков. Это значит, что где-то в очередной раз дело сорвалось.

Но наш тысяченог очень активен и изобретателен. *Если бы* он управлял планетой, он мог бы выбирать, как ему действовать: открыто или тайно. Поскольку же он еще не столь всемогущ, ему приходится стараться сохранять анонимность. Поэтому многие его щупальца следят за сферой массовой информации. Он хочет знать, когда кто-то изучает его самого и намерен опубликовать полученные результаты. Обнаружив такого человека, спрут может сделать одно из двух: или убить его, или нейтрализовать. В некоторых экстремальных ситуациях он вынужден пойти на убийство, но это крайняя мера, от которой он старается воздерживаться: никогда заранее не знаешь, не спрятал ли этот человек где-то лишние копии документов, которые будут опубликованы в случае его смерти. Почти всегда лучший выход — нейтрализация.

Сол сделал паузу, чтобы зажечь потухшую трубку, и Малдун подумал: *"Самое неправдоподобное в рассказах. Конан-Дойла — это восхищение Ватсона в такие моменты. Я лично испытываю раздраженность, потому что из-за него я чувствую себя болваном, который не видит очевидного"*. Вслух же он угрюмо произнес: «Давай дальше».

— Лучший способ нейтрализации — это, разумеется, вербовка. Но любой непродуманный и поспешный шаг в вербовке называется в шпионском бизнесе «оголением задницы», потому что делает тебя уязвимее. Самый безопасный способ — это постепенная вербовка, выдаваемая за что-то совсем другое. Конечно, лучше всего притвориться, что помогаешь субъекту в его расследовании. К тому же это открывает вторую и более предпочтительную возможность: заставить субъекта охотиться за миражами. Его отправляют искать иллюминатов в организациях, в которые те никогда не внедрялись. Ему скармливают всякий вздор вроде того, что иллюминаты прибыли с планеты Вулкан или произошли от Евы и Змия. Впрочем, ему лучше всего сказать, что у заговора совсем иная цель, чем в действительности, и желательно, чтобы эта ложь совпадала с собственными представлениями субъекта, и вот тогда это сотрудничество незаметно перейдет в вербовку.

Так вот, как мне кажется, авторы материалов, которые откопала эта Пат, в основном приходят к одному из двух выводов: или иллюминатов больше не существует, или они практически тождественны русским коммунистам. Первый вывод я сразу отметаю, потому что Малик и Пат исчезли, а в двух зданиях — одном здесь, в Нью-Йорке, а втором в Мэд-Доге — произошли взрывы, явно связанные с изучением заговора иллюминатов. Ты уже это признал, но следующий шаг столь же очевиден. Если иллюминатский заговор пытается исказить любую информацию, огласки которой нельзя избежать, то нам следует отнестись к тому, что иллюминаты настроены прокоммунистически, так же скептически, как и к тому, что они вообще не существуют.

Поэтому давай рассмотрим противоположную гипотезу. Могут ли иллюминаты быть крайне правой или фашистской группой? Хм, если информация Малика была более или менее точной, то, судя по всему, в Мэд-Доге находится что-то вроде их штаб-квартиры, а ведь Мэд-Дог — это территория ку-клукс-клана и «Божьей молнии». К тому же, какой бы ни была история иллюминатов до Адама Вейс-гаупта, создается впечатление, что период его руководства был эпохой реформ и возрождения ордена. Он, как и

Гитлер, был немцем и бывшим католиком. Судя по записке, которая может оказаться самой достоверной из всех, одна из лож иллюминатов Вейсгаупта просуществовала достаточно долго, чтобы завербовать в 1923 году Гитлера. С учетом некоторых особенностей немецкого характера, Вейсгаупт вполне мог быть антисемитом. Большинство историков нацистской Германии, которых я читал, соглашается по крайней мере с возможностью того, что существовала некая «тайная доктрина», известная лишь верхушке нацистов и тщательно скрываемаемая от рядовых членов партии. Возможно, эта доктрина и была самым настоящим иллюминизмом. Если учесть, как много общего у иллюминизма и франкмасонства, вспомнить об антикатолицизме масонского движения и о том, как яростно выступали против Церкви многие бывшие католики (а ведь и Вейсгаупт, и Гитлер в прошлом были католиками), то можно получить гипотетическую антиеврейскую, антикатолическую, полумистическую доктрину. Причем такая доктрина может быть одинаково популярной и в Германии, и в некоторых районах Америки. И наконец, хотя некоторые левые экстремисты могли желать убийства братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, более вероятно, что все трое стали мишенями для правых; причем братья Кеннеди были особенно отвратительны правым антикатоликам.

— И последнее, — сказал Сол. — Не забывай, что журнал «*Конфронтэйшн*» стоял на левых позициях. Возможно, редактор Малик не особенно доверял большинству цитируемых в записках источников, так как они в основном взяты из правых изданий, в которых большинство авторов утверждают, что иллюминаты — это заговор левых. Скорее всего, он отмахнулся от этой информации, считая ее паранойей правых, *если только у него не было других источников информации, вне его отдела расследований.* Обрати внимание, как он осторожен. Он ничего не рассказывает Питеру Джексону, своему заместителю, о самих иллюминатах, а только говорит, что хочет провести новое расследование заказных убийств последнего десятилетия. Судя по ветхому и пожелтевшему состоянию лежавшей на дне коробки последней записки, первую информацию он получил еще несколько лет назад, но не предпринимал никаких действий. Пат спрашивает его, почему он все это скрывает от репортера, Джорджа Дорна. И вдруг он исчезает. Он получал информацию из каких-то других источников, и эта информация свидетельствовала о заговоре, в который он действительно мог поверить и по-настоящему испугаться. Возможно, это фашистский, антикатолический, антиеврейский и антинегритянский заговор.

Малдун усмехнулся. *Хоть разок мне не придется выступать в роли Ватсона,* — подумал он.

— Блестяще, — произнес он вслух. — Ты никогда не перестаешь меня удивлять, Сол. Но взгляни-ка сюда и расскажи мне, как все это стыкуется. — Он протянул Солу лист бумаги. — Я нашел это в книге на прикроватной тумбочке Малика.

На листе тем же торопливым неразборчивым почерком, что и редкие комментарии под служебными записками Пат, было написано:

През. Гарфилд — убийца Чарльз Гито, католик.

През. Маккинли — убийца Леон Чолгос, католик.

През. Теодор Рузвельт — покушение на убийство совершил Джон Шренк, католик.

През. Франклин Рузвельт — покушение на убийство совершил Джузеппе Зангара, католик.

През. Гарри Трумэн — покушение на убийство совершили Гризелио Торресоло и Оскар Кольязо, оба католики.

През. Вудро Вильсон — загадочная смерть от болезни, сиделка — католичка.

През. Уоррен Хардинг — тоже загадочная смерть (был слух: самоубийство), тоже сиделка-католичка.

През. Джон Кеннеди — убийство объяснено неубедительно. Тогдашний директор ЦРУ — Маккоун, католик — помогал составлять бездоказательный и противоречивый доклад Уоррена.

(Палата представителей, 1 марта, 1964 год — пять конгрессменов ранены бригадой из четырех наемных убийц: Леброн, Миранда, Кодеро и Родригес, все четверо — католики.)

Когда Сол поднял глаза, Барни любезно заметил:

— Я обнаружил это в книге, как уже сказал. Это книга генерала Томаса М. Харриса *«Рим в ответе за убийство Авраама Линкольна»*. Харрис считает, что Джон Уилкс Бут, семейство Сюратт и все остальные заговорщики были католиками, и доказывает, что они действовали по приказу иезуитов. -Барни умолк, наслаждаясь выражением лица Сола. — По-моему, — продолжил он, — если ты прав и большинство фактов из записок уводит нас по ложному следу, то представление о том, что иллюминаты используют масонов в качестве прикрытия для вербовки новых членов, становится сомнительным. Но, вероятно, им все же нужна подобная организация, причем распространенная по всему миру, с загадочными ритуалами и тайнами, «внутренним кругом», в который принимаются лишь немногие избранные, и пирамидальной авторитарной структурой, где каждый обязан выполнять приказы сверху, понимает он их или нет. Одна из таких организаций — Римская Католическая Церковь. Сол поднял трубку с пола. Он не помнил, как ее выронил.

— Теперь моя очередь сказать: «блестяще», -наконец пробормотал он. — Означает ли это, что ты перестанешь ходить на воскресную мессу? Ты и в самом деле в это веришь?

Малдун рассмеялся.

— Через двадцать лет я все-таки сумел это сделать. Обскакать тебя и выйти на шаг вперед. Сол, ты стоял так близко к истине — лицом к лицу, глаза в глаза, нос к носу, — что фокус твоего зрения расплылся и ты все увидел в искаженном свете. Нет, это не сама католическая церковь. Ты высказал отличную догадку, когда сказал, что заговор должен быть антикатолическим, а также антиеврейским и антинегритянским. Этот заговор существует *внутри* католической церкви, и существовал он всегда. Собственно, из-за того, что церковь старалась его искоренить, она и заслужила репутацию параноидальной истерички. Эти заговорщики особенно стараются проникнуть в духовенство, чтобы добывать святыне дары для использования в своих жутких обрядах. Кроме того, они пытаются занимать высокие посты в церкви, чтобы подрывать ее изнутри. Много раз они вербовали и подкупали целые приходы, целые категории духовенства, даже целые провинции. Возможно, они появились при Вейсгаупте, когда он еще был иезуитом: в этот орден они внедрялись несколько раз, а в орден доминиканцев — еще чаще. Если их ловили на преступлениях, они старались, чтобы пятно позора пало не на их истинную религию, а на католицизм, которым они прикрывались, как и все убийцы из вот этого списка. Их Бог называется Светоносцем, и, возможно, именно отсюда берет

начало слово «иллюминизация», то есть «просветление». Малик давным-давно ими заинтересовался, и некий У. Х. ответил ему совершенно правильно, что они все еще существуют. Я говорю, конечно же, о сатанистах.

— Конечно же, — тихо повторил Сол, — *конечно*. Этот пятиугольник, на который мы то и дело натыкаемся, рисуют в центре пентакля — магической фигуры для призывания Дьявола. Фашизм — это лишь одна из их политических граней. Подозреваю, что в основном они занимаются теологией — или антитеологией. Но тогда какова же их чертова — в буквальном смысле слова — конечная цель?

— Не спрашивай меня, — пожал плечами Барни. — Когда мой брат излагает историю сатанизма, я еще как-то могу следить за ходом его мысли. Но когда он пытается объяснить мотивацию сатанизма, увыв... Он употребляет специальные богословские термины, вроде "имманентизации Эсхатона", но я понимаю лишь то, что это имеет какое-то отношение к приближению конца света.

Сол побледнел, как мертвец.

— Барни, — воскликнул он, — о Боже. *Фернандо-По*.

— Но ведь проблема улажена...

— То-то и оно! Их обычная техника маскировки. Реальная угроза появится откуда-нибудь еще, и они намерены на этот раз исполнить задуманное.

Малдун покачал головой.

— Но не психи же они!

— Каждый человек — псих, — терпеливо сказал Сол, — пока ты не понимаешь мотивов его действий. — Он взялся рукой за галстук. — Представь, что ты прибыл в летающей тарелке с Марса или с Вулкана, как это сделали иллюминаты, если верить одному из наших предположительно достоверных источников информации. Ты видишь, как я поднимаюсь сегодня утром и по какой-то неясной причине завязываю вокруг шеи вот эту тряпку, несмотря на жару. Какие объяснения этому факту ты можешь придумать? Например: я фетишист, иными словами — псих. В основном человеческое поведение складывается из таких же несуразностей, оно нацелено не на выживание, а на соответствие некой системе символов, в которую верят люди. Длинные волосы, короткие волосы, рыба по пятницам, не употреблять свинину, вставать, когда судья входит в зал: сплошные символы, символы, символы. Конечно, иллюминаты — сумасшедшие, с *нашей* точки зрения. С *их* точки зрения, сумасшедшие — мы. Если мы сможем выяснить, во что они верят, что для них значат их символы, мы поймем, почему они хотят убить большинство из нас или даже всех нас. Барни, позвони брату. Вытащи его из постели. Я хочу узнать как можно больше о сатанизме.

(— Дьявол! — орал президент 27 марта. — Ядерная война по такому ничтожному поводу, как этот Фернандо-По? Да вы что все, спятили? Американскому народу осточертело, что наша армия играет роль всемирного полицейского. Пусть Экваториальная Гвинея сама ловит рыбу в мутной воде, или как там говорится...

— Подождите, — сказал директор ЦРУ, — разрешите показать вам аэрофотосъемку...)

А в Уотергейте Джи Гордон Лидди тщательно прицеливается и стреляет из пистолета в уличный фонарь: он вспоминает старый особняк в Миллбруке, штат Нью-Йорк, где он рьяно искал голых женщин и не сумел найти ни одной. Рядом с ним стоит профессор Тимоти Лири, который с доводящим до

бешенства спокойствием произносит: «Но самое экстатичное во всем этом — познание. Разум галактики открывается в каждом атоме, в каждом гене, в каждой клетке». *Мы его вернем*, — в ярости думает Лидди, — *даже если придется перебить все швейцарское правительство. Этот человек не должен оставаться на свободе.* Возле него нервно переминается Бернард Баркер, пока в перпендикулярном времени будущий президент превращает водопроводчиков в чистильщиков выгребных ям. Но сейчас, внутри комплекса Уотергейт, жучок иллюминатов не замечен теми, кто устанавливает жучок комитета по перевыборам президента Никсона, хотя оба жучка впоследствии обнаружены техниками, устанавливавшими жучок БАЛБЕС. «Один и тот же Разум бесконечно создает исполненные глубокого смысла картины», — воодушевленно продолжает доктор Лири.

(— Ко мне, кис-кис, — в сто девятый раз повторяет Хагбард.)

— Дьявол? -повторил отец Джеймс Огастин Малдун. — Хм, это довольно долгая история. Хотите, чтобы я начал с самых истоков, с гностицизма?

Сол, слушая разговор по параллельному телефону, энергично закивал.

— Начинай, откуда сочтешь нужным, -ответил Барни. -Мы здесь пытаемся разобраться в одном сложном вопросе.

— Ладно, я постараюсь помнить, что вы не студенты-богословы на моей лекции в Фордхэме, и постараюсь говорить покороче. — Голос священника пропал, потом снова появился; наверное, он поднялся с кровати и пересел в кресло вместе с телефоном, подумал Сол.

— Существовало много вариантов гностицизма, — через мгновение послышался голос, — и во всех главным был *гнозис*, непосредственное познание Бога как противоположность простого знания о Боге. Поиск гнозиса, или просветления, как его иногда называли, принимал множество причудливых форм. Часть из них, вероятно, напоминала разные варианты восточной йоги, а другая часть основывалась на употреблении тех же наркотиков, которые заново открыли современные бунтовщики, восставшие против долгого пути познания в ортодоксальной религии. Естественно, при таком разнообразии подходов к гнозису разные пилоты приземлялись в разных аэропортах, причем каждый уверял, что именно он нашел настоящий Новый Иерусалим. Что не удивительно, так как все мистики немного чокнутые, — цинично добавил священник, — и поэтому церковь закрывает их в психиатрических лечебницах и для приличия называет эти учреждения монастырями. Но я отклонился от темы.

Как я догадываюсь, вас интересуют каинизм и манихейство. Каинисты считают Каина особенно святой личностью, ибо он был первым убийцей. Нужно быть мистиком, чтобы понять такую логику. Существовало представление, что, принеся в мир убийство, Каин создал для людей возможность отказаться от убийства. Но затем другие каиниты пошли дальше: ведь парадокс всегда порождает новые парадоксы, а ересь — новую ересь. Так вот, эти каиниты кончили тем, что начали прославлять убийство наряду со всеми прочими преступлениями. Они придерживались убеждения, что должны как можно больше грешить, чтобы затем покаяться и заслужить право на действительно тяжкое искупление собственных грехов. Кроме того, это давало Богу шанс проявить особое великодушие и даровать им прощение. Примерно в это же время родственные идеи прослеживаются в тантрическом буддизме, и до сих пор остается загадкой, какая группа психов, восточная или западная, оказывала на другую влияние. Ну что, это вам хоть чем-то полезно?

— Не слишком, — отозвался Барни.

— Вот насчет этого гнозиса, — спросил Сол, — это позиция ортодоксального богословия, что все просветления и видения на самом деле исходили от Дьявола, а не от Бога?

— Да. И вот как раз здесь на сцену выходит манихейство, — сказал отец Малдун. — Именно с таким обвинением в адрес ортодоксальной церкви выступили манихейцы. Они считали, что Бог ортодоксального христианства и ортодоксального иудаизма *был* Дьяволом. А тот бог, с которым они общались во время своих манихейских ритуалов, был настоящим Богом. Так вот, этого учения до сих пор придерживаются сатанисты.

— Ну, — Сол уже интуитивно догадывался, каким будет ответ, — и как все это связано с атомной энергией?

— С атомной энергией? Никак... по крайней мере, насколько я могу судить...

— Почему же тогда Сатану называют Светоносцем? — продолжал наседавать на него Сол, убежденный, что попал на верный след.

— Манихейцы отрицают физическую вселенную, — медленно произнес священник. — Они говорят, что истинный Бог, их Бог, никогда не унижится до того, чтобы возиться с материей. Бога, который создал мир, — нашего Бога, Иегову, — они называют *panurgia*, то есть некой слепой, глупой и грубой силой, а вовсе не истинно разумным существом. Их Бог обитает в царстве чистого духа и чистого света. Поэтому его называют носителем света, а эта вселенная всегда называлась царством тьмы. Но в то время ничего не знали об атомной энергии... не так ли? — Последнее предложение началось с утверждения, а закончилось вопросом.

— Как раз это и хочу выяснить я, — сказал Сол. — Атомная энергия высвобождает много света, верно? И если мгновенно высвободится достаточное количество атомной энергии, то наверняка произойдет имманентизация Эсхатона, разве не так?

— Фернандо-По! — воскликнул священник. — Это как-то связано с Фернандо-По?

— Я начинаю так думать, — ответил Сол. — А еще начинаю думать, что мы слишком долго находимся в одном месте, пользуясь телефоном, который наверняка прослушивается. Так что нам лучше отсюда убраться. Спасибо вам, святой отец.

— Всегда рад помочь, хотя я совершенно не понимаю, зачем вам все это, — отозвался священник. — Если вы считаете, что сатанисты контролируют правительство Соединенных Штатов, то с вами согласятся некоторые священники, особенно братья Берриган, но я не понимаю, какое отношение это имеет к полиции. Неужели у копов Нью-Йорка уже появилось отделение святой инквизиции?

— Не обращай внимания, — тихо сказал Барни. — Он очень цинично относится к догмам, как и большинство современных священников.

— Я все слышал, — сказал священник. — Возможно, я и циничен, но я действительно считаю, что сатанизм — дело нешуточное. А теория твоего друга по-своему весьма правдоподобна. В конце концов, в былые времена сатанисты стремились внедриться в церковь, чтобы опозорить это учреждение, считавшее себя наместником Бога на Земле. А сейчас на это претендует правительство Соединенных Штатов. Возможно, вы сочтете это шуткой или парадоксом с моей стороны, но именно в этом направлении как раз и работают их мозги.

Я профессиональный циник — любой богослов в наше время должен быть циником, если не хочет казаться полным идиотом молодым людям, настроенным весьма скептически, — но что касается Инквизиции, тут я ортодокс, вернее, откровенный реакционер. Разумеется, я читал всех историков-рационалистов и не спору, что церкви того времени была, безусловно, присуща некоторая истерия, но все же сатанизм — штука не менее страшная, чем рак или чума. Он глубоко враждебен человеческой жизни, да и жизни вообще. У церкви были все основания его бояться. Так же как у пожилых людей, которым есть что вспомнить, есть все основания опасаться возрождения гитлеризма.

В голове Сола промелькнули загадочные, смутные фразы Элифаса Леви: «чудовищный гнозис Мани... культ материального огня...» А почти десять лет назад хиппи, собравшись возле Пентагона, вставляя цветы в стволы автоматов и скандируют: «Изыди, демон, изыди!»... Хиросима... Белый Свет Пустоты...

— Погодите, — сказал Сол. — Так это не просто *идеи* насчет убийства? Неужели убийство и в самом деле служит для сатанистов мистическим опытом?

— Конечно, — отозвался священник. — В этом все дело: они жаждут гнозиса, личного опыта, а не догмы, принятой с чужих слов. Рационалисты всегда обвиняют догму в том, что она рождает фанатизм, но самые худшие фанатики начинают с гнозиса. Современные психологи только пытаются кое-что понять. Вы слышали, как участники «взрывных» сеансов групповой психотерапии рассказывают о внезапных приливах энергии, которые одновременно чувствует вся группа? Такой же эффект возникает во время танцев или барабанного боя; это называется «примитивной» религией. Употребляйте наркотики, и в современном мире вас назовут хиппи. Достигайте такого же эффекта через сексуальные практики — и вас назовут ведьмами или тамплиерами. Такой же эффект вызывается при массовом жертвоприношении животных. Человеческое жертвоприношение практиковалось во многих религиях — от знаменитого культа ацтеков до сатанистов. Современные психологи считают, что высвобождаемая при этом энергия — это энергия либидо, о которой говорил Фрейд. Мистики называют ее *праджней*, или астральным светом. Чем бы она ни была, при человеческом жертвоприношении ее высвобождается больше, чем во время секса, или употребления наркотиков, или танцев, или барабанного боя, или любой другой бурной практики, а при массовом человеческом жертвоприношении она высвобождается просто в огромном количестве. Теперь вы понимаете, почему я боюсь сатанизма и извиняюсь за Инквизицию лишь наполовину?

— Да, -рассеянно произнес Сол, — и я начинаю разделять ваш страх... — В его голове вдруг зазвучала мелодия песни, которую он ненавидит: *Wenn das Judenblut vom Messer spritz...*

До него дошло, что он держит телефонную трубку и видит сцены сорокалетней давности в другой стране. Он резко переключил внимание обратно: Малдун поблагодарил брата и повесил трубку. Сол поднял глаза, и оба детектива обменялись взглядами, полными ужаса.

После долгой паузы Малдун сказал: «В этом вопросе нельзя верить никому. Даже друг другу мы можем верить с большим трудом». Прежде чем Сол успел ответить, раздался телефонный звонок. Звонил Дэнни Прайсфиксер из управления.

— Плохие новости. В отделе расследований «Конфронтэйшн» была

только одна девушка по имени Пат. Патриция Уолш, если точно, и...

— Я знаю, — устало сказал Сол, — она тоже исчезла.

— Что вы собираетесь сейчас делать? ФБР по-прежнему скандалит и требует отчета о том, где вы оба находитесь, комиссара просто по стенке размазывают.

— Скажи им, — отрезал Сол, — что и мы исчезли. — Он аккуратно повесил трубку и начал складывать служебные записки обратно в коробку.

— Что теперь? — поинтересовался Малдун.

— Уходим в подполье. И останемся там до тех пор, пока либо мы не раскусим их, либо они не убьют нас.

(— И какая же длина этого красавца? — спросил Джордж, показывая жестом на Дунай, кативший свои воды шестью этажами ниже. Они со Стеллой находятся в номере отеля «Донау».)

— Ты не поверишь, — со смехом ответила Стелла. — В точности тысяча семьсот семьдесят шесть миль. 1-7-7-6, Джордж.

— Совпадает с годом, в котором Вейсгаупт возродил орден иллюминатов?

— Точно. — Стелла усмехнулась. — Мы не устаем тебе повторять. Синхронистичность — это такой же универсальный закон, как гравитация. Если начинаешь наблюдать, то видишь ее повсюду.)

— Вот деньги, — говорит Малдонадо Банановый Нос, открывая портфель, плотно набитый хрустящими новенькими банкнотами. (Сейчас 23 ноября 1963 года; у них назначена встреча на скамейке в Центральном парке около Иглы Клеопатры; однако молодой человек нервничает.) — Я хочу тебе сказать, что... мой начальник... очень доволен. Это наверняка ослабит позиции Бобби в министерстве юстиции и остановит массу ненужных расследований.

Молодой человек, Бен Вольпе, часто дышит.

— Послушайте, мистер Малдонадо, я должен вам кое-что рассказать. Я знаю, как... поступает... Братство, когда кто-то напортачит, а потом пытается это скрыть.

— Ты разве напортачил? — недоумевает Банановый Нос. — В сущности, тебе фантастически повезло. Этого придурка, Освальда, поджарят вместо тебя. Он появился как раз в нужное время. Это была Фортуна... Иисус, Мария и Иосиф! — Вдруг до Бананового Носа доходит, и он выпрямляется. — Ты хочешь сказать... ты хочешь сказать... Это на самом деле был Освальд? Он выстрелил *раньше* тебя?

— Нет, нет, — Вольпе выглядит жалко. — Разрешите мне объяснить все как можно понятнее. Понимаете, я находился на крыше здания окружного архива Далласа, как мы и планировали. Кортёж автомобилей въехал на Элм и направился к туннелю. Я решил через оптический прицел винтовки в последний раз осмотреть всю территорию, чтобы проверить, всех ли федералов я засек. И когда я навел его на здание школьного книгохранилища, в одном окне я заметил винтовку. Наверное, это был Освальд. Потом навожу на травяной холм — черт побери, там еще один парень с винтовкой. Я просто похолодел. Ничего не понимаю. И пока я был как зомби, где-то залаяла собака, и в этот момент парень на холме, хладнокровно, как в тире, выпускает в машину три пули. Вот так, — печально заканчивает Вольпе. — Я не могу взять эти деньги... Братство... меня из-под земли найдет, если когда-нибудь узнает правду.

Малдонадо молчит, потирая свой знаменитый нос, как он делает всегда, принимая трудное решение.

— Ты хороший парень, Бенни. Я дам тебе десять процентов вознаграждения просто за честность. В Братстве должно быть больше таких же честных ребят, как ты.

Вольпе тяжело вздыхает.

— Есть еще одна вещь, о которой я должен вам рассказать. Я спустился на травяной холм, когда полицейские побежали к школьному книгохранилищу. Я подумал, что тот парень, который стрелял, может быть еще там, я сумею его найти и хотя бы расскажу вам, как он выглядит. Однако его и след простыл. Но вот что странно. Я наткнулся на совсем другого типа, который удирал с холма. Такой долговязый, тощий, с лошадиными зубами. Чем-то напоминает питона или какую другую змею. Он только взглянул на меня и мой зонтик и сразу понял, что в нем. У него отвисла челюсть. "Господи Иисусе и его черный братец Гарри, — говорит, — сколько же в наше время нужно народу, чтобы пристрелить одного президента?"

(— К тому же они учат их извращениям, — Улыбчивый Джим приближался к кульминации. — Гомосексуализму и лесбиянству детей обучают в наших школах, а мы это оплачиваем нашими налогами. Разве это не самый настоящий коммунизм?)

— Добро пожаловать в «Плейбой-клуб», — сказала хорошенькая блондинка. — Я ваша зайка, Дева Мария.

Сол в полумраке сел за столик, гадая, правильно ли он расслышал. Странное имя для зайки — Дева Мария; наверное, она сказала просто «Мария».

— Какой желаете, сэр? — спросила зайка.

— Хорошо прожаренный, — сказал Сол.

— Хорошо прожаренный, — повторила зайка, обращаясь к стене. Стена тотчас раздвинулась, и Сол увидел что-то среднее между кухней и мясной лавкой. В каких-то пяти футах от него стоял бычок, и, прежде чем он успел оправиться от шока, его внимание привлек голый до пояса мужчина в капюшоне средневекового палача. Одним ударом огромного молота мужчина оглушил бычка, и тот рухнул на пол. Палач мгновенно взял топор и отрубил голову. Из шеи животного хлестнула струя темной крови.

Стена опять сомкнулась, и у Сола возникла ужасная догадка, что он попросту галлюцинирует — сходит с ума.

— Сегодня у нас познавательные обеды, — шепнула ему на ухо зайка. — Мы считаем, что, прежде чем съесть кусок мяса, каждый наш клиент должен узнать, что находится на кончике его вилки и как оно туда попало.

— Боже праведный, — выдохнул Сол, поднимаясь из-за стола. Это не «Плейбой-клуб», это какой-то притон душевнобольных и садистов. Он поплелся к двери.

— Выхода нет, — тихо сказал какой-то человек, когда Сол проходил мимо его столика.

— Сол, Сол, — вкрадчиво промурлыкал метрдотель. — Почему ты меня преследуешь?

— Это наркотик, — сказал Сол, еле ворочая языком. — Вы подсунули мне наркотик.

Конечно, так и есть — что-то вроде мескалина или ЛСД, — и они направляют его галлюцинации, воздействуя на него с помощью определенных раздражителей. Наверняка они даже сфабриковали часть галлюцинаций. Но как он попал к ним в руки? Последнее, что он помнил, — это квартира Джозефа Малика, в которой он был с Барни Малдуном... Нет, он

слышал, как чей-то голос сказал: «Итак, сестра Виктория», — когда они вышли за дверь на Риверсайд-Драйв...

— Ни один мужчина не должен жениться на женщине, которая моложе его на тридцать лет, — скорбно произнес метрдотель. Как они об этом узнали? Они что, собирали на него досье? Как давно они за него взялись?

— Я ухожу отсюда, — закричал он, отталкивая метрдотеля в сторону, и бросился к двери.

Руки тянулись к нему, но не дотягивались (как он понял, они не очень-то и старались: ему позволили добежать до двери). Когда он выскочил за дверь, то понял почему: он оказался не на улице, а в соседней комнате. Здесь его ожидало очередное испытание.

На стене возник прямоугольник света; где-то в темноте находился проектор. Внутри прямоугольника появилась надпись, похожая на титры в старом немом кино:

ВСЕ ЕВРЕЙСКИЕ ДЕВЧОНКИ ЛЮБЯТ ЗДОРОВЕННЫХ НЕГРОВ.

— Сволочи! — крикнул им в ответ Сол. Они все еще работают над его чувствами к Ребекке. Ха, все равно это ни к чему не приведет: у него было достаточно причин верить в ее преданность ему, особенно сексуальную преданность.

Вместо надписи появился кадр с картинкой. Ребекка в пеньюаре на коленях. Перед ней стоит громадный голый темнокожий мужчина, ростом не менее шести футов шести дюймов, с пенисом не менее впечатляющего размера, который она сладострастно держит во рту. Она закрыла глаза от наслаждения, словно сосущий грудь младенец.

— Ублюдки! — заорал Сол. — Это подделка! Это не Ребекка, а загримированная под нее актриса. Вы забыли про родинку на ее бедре. — Они могли одурманить его чувства, но не мысли.

В темноте послышался омерзительный смех.

— А взгляни-ка на это, Сол, — холодно сказал голос.

На экране появилась другая картинка: спиной к Адольфу Гитлеру в полном нацистском облачении стоит обнаженная Ребекка, сжимая анусом его пенис. Ее лицо выражает боль вперемежку с наслаждением, а на ее бедре виднеется родинка. Очередной обман: после смерти Гитлера прошли годы, прежде чем родилась Ребекка. Но они не могли создать этот слайд за те секунды, которые прошли после его крика, и это означало, что они знали ее тело в интимных подробностях... А еще они знали, насколько у него скептический и живой ум, и были готовы применить против него серию ударов ниже пояса, пока что-то не заставит его утратить способность сомневаться.

— Без комментариев? — насмешливо спросил тот же голос.

— Не верю, что человек, который умер тридцать лет назад, может трахать сегодня *хоть кого-нибудь*, — сухо заметил Сол. — Ваши приемчики вульгарны.

— Что делать, иногда с вульгарными людьми приходится работать вульгарными методами, — отозвался голос, и на этот раз он прозвучал ласково и даже соболезнующе.

На экране появились новые кадры, и на этот раз, без сомнения, это действительно *была* Ребекка. Но Ребекка три года назад, когда он впервые ее встретил. Она сидела за столиком в дешевом притоне Ист-Виллиджа с тем изможденным и потерянным взглядом, который ему навсегда запомнился;

она собиралась ввести в вену иглу. И это была правда, но ужас состоял в том, что означала эта правда: *они* следили за ним еще с тех пор. Точно восстановить время событий он не мог, хотя и помнил, какой была ее квартира в то время. Но, возможно, то, что он ее полюбит, они поняли гораздо раньше, чем он понял это сам. Нет. Скорее всего, кто-то из ее приятелей того времени сделал эти снимки, а *они* каким-то образом их нашли, когда заинтересовались его персоной. Это означает, что у них фантастические возможности.

На экране появился текст:

ОДНАЖДЫ НАРКОМАНКА — НАВЕКИ НАРКОМАНКА.

И тут же появились новые кадры: нынешняя Ребекка сидит у них на кухне — на окнах видны новые светло-кофейные занавески, которые они повесили на прошлой неделе, — и снова вводит в вену иглу.

— Вульгарны вы, о могущественные Иллюминаты, -саркастически произнес Сол. — Если бы она снова начала колотиться, я бы заметил следы уколов на ее руках.

Ответ был без слов: на экране опять появилось изображение Ребекки и громадного негра, сменившееся крупным планом ее лица, закрытых глаз, введенного в рот пениса. Кадры были очень четкие, чувствовалась работа опытного оператора, и, как Сол ни присматривался, он не мог заметить следов грима, благодаря которому другая женщина могла бы сойти за Ребекку. Он вспомнил про отсутствовавшую родинку на ее бедре, но его мозг упрямо исследовал другую возможность — грим может изменить лицо, но может и скрыть родинку... Может быть, они хотели, чтобы он проявлял скептицизм, а они его постепенно разрушали бы и заодно разрывали на части его душу...

На экране появились очередные титры:

ПРОКЛЯТЬЕ БРАКА В ТОМ, ЧТО МОЖЕМ МЫ СЧИТАТЬ СВОИМИ ЭТИ ДЕЛИКАТНЫЕ СОЗДАНИЯ, НО НЕ ПОДВЛАСТЕН НАМ ИХ АППЕТИТ⁵¹.

Сол слишком хорошо помнил страстность Ребекки в постели.

— Шекспир, -хрипло сказал он. — Демонстрировать эрудицию в такой момент хуже вульгарности. Это буржуазное жлобство.

Ответ был жестоким: большая подборка слайдов, пятнадцать или даже двадцать, обрушилась с экрана таким стремительным потоком, что он даже не успел их толком рассмотреть, но центральным персонажем была Ребекка, все время Ребекка, Ребекка с чернокожим громилой в разных сексуальных позах, Ребекка с другой женщиной, Ребекка со Спиро Агнью, Ребекка с мальчиком лет семи, Ребекка, Ребекка, во все более извращенных и патологических сценах, Ребекка с сенбернаром... И через все это бежит мятно-зеленая синусоида, продукт действия наркотика...

— У настоящего садиста всегда есть стиль, -с трудом выдавил Сол. — Вы, ребята, практически так же отвратительны и ужасны, как дерьмовое третьеразрядное кино.

Послышался стрекочущий механический звук, и вместо слайдов на экране замелькали кадры фильма. Он увидел несколько крупных планов

⁵¹ Шекспир, «Отелло», акт III, сцена 3 (пер. В. Рапопорта).

Ребекки с сенбернаром и узнал ее знакомую мимику. Способна ли актриса воспроизвести неповторимый стиль сексуального поведения другой женщины? Да. Если понадобится воспроизвести точность реакций, эти люди воспользуются даже гипнозом.

Киолента резко оборвалась, и проектор выдал для Сола другое сообщение, которое держалось на экране несколько минут:

ТОЛЬКО БЕЗУМЕЦ МОЖЕТ БЫТЬ АБСОЛЮТНО УВЕРЕН.

Когда Сол понял, что сцена затянулась и ничего не изменится, пока он не заговорит, он сухо сказал:

— Очень интересно. И куда мне, по-вашему, пойти, чтобы разразиться истерикой?

Ответа не последовало. Не слышалось ни звука. Ничего не происходило. Перед ним маячила какая-то решетка из красных пятиугольников, но так действовал наркотик — и само это видение помогло ему понять, какой именно наркотик, ибо геометрические узоры обычно видели люди во время мескалинового транса. Затем на фоне пятиугольников побежали мятно-зеленые синусоиды, а на экране появилось новое сообщение:

ПОЧЕМ НАРКОТИК?
ПОЧЕМ НАШ ОБМАН?
ПОЧЕМ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вдруг Сол оказался в Копенгагене, на прогулочном катере, проходящем мимо русалочки в порту. Она повернулась и посмотрела на него.

— Это дело с душком, — сказала она, и с этими словами у нее изо рта выплыла стайка рыбок. — Я ротоноска, — объяснила она.

Дома у Сола была копия этой знаменитой скульптуры (должно быть, послужившая источником его галлюцинации), но почему-то он очень разволновался. Ему показалось, что в ее каламбуре кроется другой, более глубокий смысл, чем просто случайный намек на взрыв в «Конфронтэйшн»... что-то такое, что уходит в прошлое... проходит через всю его жизнь... и объясняет, почему он вообще купил эту статуэтку.

«Я на пороге одного из тех знаменитых наркотических прозрений, о которых толкуют хиппи», — подумал он. Но русалочка рассыпалась на красные, оранжевые, желтые пятиугольники...

И тут ему подмигнул единорог. «Мужик, — сказал он, — представь, он всегда торчит!»

«Я же сам на днях рисовал эти картинки», — подумал Сол... но экран его спросил:

РЕАЛЬНА ЛИ МЫСЛЬ ЕДИНОРОГА?

...и вдруг он впервые в жизни понял, что означает фраза «реальная мысль»; что имел в виду Гегель, давая определение Абсолютной Идеи как чистого мышления, размышляющего о чистом мышлении; что имел в виду епископ Беркли, когда отрицал реальность физического мира, хотя это явно противоречило всему человеческому опыту и здравому смыслу; что втайне пытался найти каждый детектив, хотя это всегда лежало на поверхности; почему он сам стал детективом; почему появилась Вселенная; почему всё...

а потом он это забыл;

затем вновь уловил мимолетный отблеск этого, как-то связанный с глазом на вершине пирамиды;

и снова потерял в потоке образов единорогов, жеребцов, зебр, полос, полос, полос.

Сейчас все поле его зрения было галлюцинацией... восьмиугольники, треугольники, пирамиды, органические формы эмбрионов и растущих папоротников. Наркотик действовал на него все сильнее. Перед ними предстали преступники, которых он отправил в тюрьму, — землистые, ненавидящие лица, — и экран сказал:

ГУДМАН — ПЛОХОЙ ЧЕЛОВЕК⁵².

Он засмеялся, чтобы не заплакать. Этими обвиняющими лицами они ударили по больному месту, коснувшись его глубоких сомнений насчет работы, карьеры, выбора профессии, и как раз в такой момент, когда к этим же мыслям его подталкивал наркотик. Словно они читали его мысли и видели его галлюцинации. Нет; это просто случайное совпадение: существует статистическая вероятность, что во время наркотического сеанса один из множества разных приемов может сработать.

ПОКА ХОТЬ ОДНА ДУША ТОМИТСЯ В НЕВОЛЕ, Я НЕ СВОБОДЕН.

Сол снова рассмеялся, уже почти истерически; и еще отчетливее, чем раньше, понял, что скрывает за смехом слезы. Тюремь никого не воспитывают; моя жизнь потрачена зря; я предлагаю обществу иллюзию безопасности, а не реальную помощь. Хуже того, я давно это понял и сам себе лгал. Сол знает, что ощущение полной несостоятельности и глубочайшей горечи, которое его сейчас охватило, не вызвано наркотиком, а просто усилено. Это ощущение появилось у него давным-давно, но он всегда от него отмахивался, отгонял его от себя, фокусируя внимание на чем-то другом; наркотик просто позволил ему (заставил его) не отвернуться от этого ощущения, а в течение нескольких мгновений, полных глубокой тоски, честно увидеть его во всей полноте.

Вдруг справа от него вспыхнул свет, и он увидел дверь, над которой зажглись неоновые слова: **«Очищение и искупление»**.

— Ладно, -с презрительной холодностью сказал он. -Я делаю следующий ход. — Он открыл дверь.

Несмотря на крошечный размер, комната была обставлена, как самый дорогой бордель мира. Над кроватью с пологом на четырех столбиках висела иллюстрация, изображавшая Алису и гриб с надписью «Съешь меня». А на кровати, сбросив плебейский костюмчик и в ожидании раздвинув ноги, лежала хорошенькая обнаженная светловолосая зайка.

— Добрый вечер, -быстро сказала она, пристально глядя ему в глаза. — Я ваша Дева Зайка. Каждый мужчина хочет съесть на Пасху Деву Зайку, чтобы отпраздновать чудо Воскресения. Вы понимаете суть чуда Воскресения, сэр? Вы знаете, что ничто не истинно и все разрешено и что человек, посмеявшийся нарушить роботическую обусловленность общества и совершить прелюбодеяние, умирает в момент оргазма, который испытывает с

⁵² В оригинале: Goodman (эта фамилия переводится как «хороший человек») is a bad man (плохой человек).

блудницей, чтобы воскреснуть к новой жизни? Вас учили этому в *шULE*? Или же вас просто напичкали еврейской моногамной чепухой? — Многие гипнотизеры говорят медленно, она же гипнотизировала быстротой речи. — Вы собирались съесть мертвое животное, что само по себе отвратительно, хотя безумное общество считает такое поведение нормальным, а вместо этого съедите желанную женщину(а потом ее трахнете), что действительно нормально, даже если сумасшедшее общество считает это отвратительным. Вы — один из Иллюминизированных, Сол, но никогда об этом не знали. Сегодня вы это узнаете. Вы узнаете себя настоящего, того, кем вы были, когда вас еще не зачали ваши отец и мать. И я говорю не о реинкарнации. Я говорю о чем-то намного более чудесном. Сол обрел дар речи.

— Я оценил по достоинству ваше предложение, но я его отклоняю, -сказал он. — Откровенно говоря, на мой взгляд, в вашем дешевом мистицизме куда больше пошлятины, чем в сентиментальном вегетарианстве и вульгарной похотливости. Беда иллюминатов в том, что вы не имеете понятия ни об истинной драматургии в целом, ни о ее тонких нюансах.

Пока он говорил, ее глаза расширились, но не от удивления по поводу его сопротивления. Либо она была действительно взволнована и глубоко ему сочувствовала, либо была великой актрисой.

— Очень жаль, -сказала она. — Ты отверг Рай, поэтому тебе придется пройти тяжелый путь по кругам Ада.

Сол услышал сзади какое-то движение и, еще не успев обернуться, почувствовал острый укол в шею: игла, очередное зелье. Сначала ему дали сильный психоделик для обострения восприятия, а теперь транквилизатор или вообще яд: он понял, что теряет сознание.

В 1923 году Адольф Гитлер стоял у подножия пирамидального алтаря и повторял за человеком с козлиной головой: *«Цель оправдывает средства»*. Джеймс Джойс в Париже царапал карандашом слова, которые позже печатал его секретарь Сэмюэль Беккетт: *«Доasketический мужчина в поисках панистерической женщины»*. В нью-йорском Бруклине Говард Филип Лавкрафт, возвращаясь с вечеринки, на которой Харт Крейн вел себя совершенно по-скотски, чем подтвердил правоту мистера Лавкрафта в его предубеждении против гомосексуалистов, находит в почтовом ящике письмо и с удивлением читает: *«Некоторые тайны, раскрытые вами в последних рассказах, лучше было бы не печатать. Поверьте мне, я ваш друг, но есть люди, которые предпочитают, чтобы эти полузабытые знания так и оставались в неизвестности, и эти люди — грозные враги для любого человека. Вспомните, что случилось с Амброзом Бирсом...»* А в Бостоне Роберт Патни Дрейк пронзительно кричит: *«Ложь, ложь, и еще раз ложь. Повсюду сплошная ложь. Никто не говорит правду. Никто не говорит, что думает...»* Его голос затихает.

— Продолжайте, — говорит доктор Безетцунг, — у вас хорошо получается. Не останавливайтесь.

— А зачем? — отвечает Дрейк, обессилив после вспышки ярости, и переворачивается на кушетке, чтобы посмотреть на психиатра. — Для вас же все это лишь выход подавленных эмоций, или игра на публику, или клинический случай. Вы не можете соглашаться со мной.

— А вот и могу. И согласен с вами больше, чем вы думаете. — Доктор

отрывает глаза от блокнота и встречается взглядом с глазами Дрейка. — Почему, собственно, вы *предполагаете*, что я поведу себя так же, как все те, кому вы пытались это сказать?

— Если бы вы были со мной согласны, — осторожно сказал Дрейк, — если бы вы понимали, о чем я в действительности говорю, то были бы либо директором банка где-нибудь вместе с моим отцом, сражаясь за свою долю денег, либо революционером-бомбистом вроде Сакко и Ван-цетти. Это две единственные возможности, которые имеют смысл.

— Две единственные возможности? Нужно выбирать либо одну крайность, либо другую?

Дрейк снова устремляет взгляд к потолку и начинает разглагольствовать:

— Вы должны были получить докторскую степень еще до специализации. Так вот, известен ли вам какой-нибудь случай, чтобы микробы покидали организм человека, который активно уничтожали, только потому, что у этого человека благородный характер или нежные чувства? Покинула ли туберкулезная палочка легкие Джона Китса, потому что он еще не успел написать несколько сот великих поэм? Должно быть, вы немного знаете историю, даже если никогда не бывали на передовой, как я: можете ли вы припомнить какое-нибудь сражение, которое опровергает афоризм Наполеона о том, что Бог всегда на стороне тех, у кого больше пушек и искуснее полководцы? Этот русский большевик, Ленин, распорядился, чтобы в школах всех обучали игре в шахматы. И знаете почему? Он считает, что шахматы преподносят урок, который должны выучить все революционеры: если ты не сумеешь правильно мобилизовать все силы, то проиграешь. Не имеет значения, насколько высоки твои моральные качества и благородны твои цели: безжалостно сражайся и используй каждую крупницу разума, иначе проиграешь. Мой отец это понимает. Люди, которые правят миром, всегда это понимали. Генерал, который этого не понимает, может быть разжалован в лейтенанты, если не хуже. Я видел, как был стерт с лица земли целый взвод, уничтоженный, словно муравейник под сапогом. Эти люди погибли не потому, что были безнравственными, грешными или не верили в Христа. А потому, что на этом месте и в этот день немцы превосходили их по огневой мощи. Это закон, единственный настоящий закон Вселенной, и все, что ему противоречит, все, чему учат в школах и церквях, есть ложь. — Сейчас он произносит это слово апатично. — Просто ложь.

— Если вы действительно так считаете, — спрашивает доктор, — почему же вас до сих пор одолевают ночные кошмары и бессонница?

Голубые глаза Дрейка неподвижно смотрят в потолок.

— Не знаю, — наконец говорит он. — Поэтому я прихожу сюда.

— Мун, Саймон, — вызывает дежурный по отделению.

Я делаю шаг вперед, видя себя его глазами: борода, армейское обмундирование, купленное на распродаже, сплошь покрытое пятнами (мои собственные сопли и чужая блевотина). Архетипический грязный, мерзкий, вонючий хиппи-комми-революционер.

— Та-ак, — сказал он, — еще один красавец.

— Обычно я выгляжу аккуратнее, — спокойно отозвался я. — Невольно весь изгадишься, когда тебя арестовывают в этом городе.

— В этом городе арестовывают только в одном случае, — сказал он, нахмурившись, — когда ты нарушаешь законы.

— В России тоже арестовывают только в том случае, если ты нарушаешь

законы, — приветливо говорю я. — Или по ошибке.

Это было лишнее.

— Умный парнишка, — ласково сказал он. — Мы здесь любим умников. — Он заглянул в полицейский протокол. — Отличный послужной список за ночь, Мун. Участие в массовых беспорядках, агрессивное поведение, оскорбление полицейского, сопротивление аресту, нарушение покоя. Прекрасно.

— Я не нарушал покой, — говорю я. — Я нарушал войну. — Я украл эту остроту, которую всегда цитировала мама, у католического анархиста Аммона Хеннеси. — Остальные обвинения тоже сплошной идиотизм.

— Слушай, я тебя знаю, — внезапно сказал он. — Ты сын Тима Муна. Так, так, так. Анархист во втором поколении. Подозреваю, что ты будешь сидеть так же часто, как и он.

— У меня такие же подозрения, — соглашаюсь я. — По крайней мере, до Революции. И заметьте, потом *мы вас* сажать не будем. Мы построим хорошие лагеря где-нибудь в Висконсине и отправим вас туда *бесплатно* овладевать полезными профессиями. Мы считаем, что всех полицейских и политиков можно реабилитировать. Но если вы не захотите отправиться в лагерь и освоить полезную профессию, то вас никто не станет заставлять. Вы сможете жить на пособие.

— Так, так, так, — произнес он. — Совсем как твой старик. Думаю, даже если бы я отвернулся, пока ребята отвели бы тебя куда-нибудь и хорошенько отделали, ты все равно продолжал бы острить?

— Боюсь, что да, — улыбаюсь я. — Ирландский национальный характер, вы же знаете. Мы видим во всем смешную сторону.

— Так, — задумчиво сказал он (ему ужасно нравилось это слово), — надеюсь, ты сможешь найти смешную сторону в том, что тебя ожидает. Ты предстанешь перед судьей Бушманом. И пожалеешь, что не попал вместо этого под дисковую пилу. Передай привет отцу. Скажи: привет от Джима О'Малли.

— Он умер, — сказал я.

Он опустил взгляд на следующий протокол.

— Жаль это слышать, — пробормотал он. — Нанетти, Фред, — выкрикнул он, и парень с поломанной рукой сделал шаг вперед.

Полицейский привел меня в кабинет дактилоскопии. Дактилоскопист вел себя как компьютер. «Правую руку». Я дал ему правую руку. «Левую руку». Я протянул левую руку. «Следуйте за полицейским». Я последовал за полицейским, и меня сфотографировали. Длинными коридорами мы спускались к залу ночного суда⁵³, и в уединенном месте полицейский неожиданно ударил меня дубинкой по нижней части спины, именно так (он знал свое дело), чтобы в течение месяца меня мучили боли в печени. Я крикнул, но предпочел ничего не говорить, чтобы он не вышел из себя и не врезал мне еще раз, поэтому он заговорил сам. «Трусливый педик», — сказал он.

Совсем как в Билокси, штат Миссисипи: один коп хороший, второй — безразличный, а третий — злобный ублюдок, но это не имеет никакого значения. Все они винтики в одном механизме, и результат, который получается при переключении рычага передач, всегда одинаков, независимо от их настроения. Уверен, то же самое было в Бухенвальде: одни охранники

⁵³ Уголовный суд в больших городах для рассмотрения срочных дел и освобождения под залог.

старались быть более человечными, другие просто выполняли свою работу, третьи стремились максимально отравить жизнь узникам. Но все это не имело значения: действие механизма неизменно приводило к результату, ради которого он создавался.

Судья Бушман (через два года мы подсыпали ему АУМ, но это совсем другая история, которая произойдет во время другого трипа) одарил меня знаменитым грозным взглядом Кинг-Конга.

— Правила таковы, -сказал он. — Вам предъявляется обвинение. Вы можете дать показания либо хранить молчание. Если вы решите дать показания, у вас есть право изменить их на процессе. Когда я назначу сумму залога, вы можете быть отпущены при выплате судебному приставу десяти процентов от нее. Платить только наличными, никаких чеков. Если у вас нет наличных, вы проводите за решеткой всю ночь. Вы, граждане, натворили в городе кучу безобразий, и поручители под залог не успевают охватить все суды, так что вам чертовски не повезло оказаться в судебном зале, куда они не успели. — Он повернулся к судебному исполнителю. — Полицейский протокол, — сказал он.

Он прочитал послужной список моего криминального прошлого, сфабрикованный арестовавшим меня полицейским.

— Пять обвинений за один вечер. Да вы тяжелый случай, Мун! Судебный процесс назначается на пятнадцатое сентября. Залог будет десять тысяч долларов. У вас есть тысяча долларов?

— Нет, — сказал я, размышляя, сколько раз за вечер он произносил эту речь.

— Одну минуту, — сказал Хагбард, материализуясь из коридора. — Я вношу залог за этого человека.

МИСТЕР ХАРИС: Мистер Челине всерьез полагает, что правительству Соединенных Штатов нужен опекун?

МИСТЕР ЧЕЛИНЕ: Я просто предлагаю выход для вашего клиента. Любое частное лицо, в досье которого значатся многочисленные убийства и ограбления, с радостью признало бы себя невменяемым. Вы продолжаете настаивать, что ваш клиент находился в здравом рассудке в Вундид-Ни? В Хиросиме? В Дрездене?

СУДЬЯ ИМХОТЕП: Не устраивайте балаган, мистер Челине.

МИСТЕР ЧЕЛИНЕ: Я предельно серьезен.

— Кем вам приходится этот молодой человек? -раздраженно спросил Бушман. Он уже собирался кончить, когда полицейский поволок меня в тюрьму, и чуть не задохнулся, когда этот садомазохистский эквивалент полового акта внезапно прервался.

— Он моя жена, — спокойно ответил Хагбард.

— Что?

— Гражданская жена, — продолжал Хагбард. — В Иллинойсе не признаются гомосексуальные браки. Но в любом случае гомосексуальность как таковая не считается преступлением в этом штате, так что не волнуйтесь, ваша честь. Позвольте мне заплатить и забрать его домой.

Это было уж слишком.

— Папочка, -сказал я, кривляясь как наш дружок Падре. -Какой ты молодец!

У судьи Бушмана был такой вид, словно он хотел проломить молотком голову Хагбарда, но сдерживался.

— Пересчитайте деньги, -сказал он приставу, — и проверьте, чтобы они

оплатили все до последнего цента. А затем -сказал он нам, — я хочу, чтобы вы покинули этот зал как можно быстрее. А с *вами* мы встретимся пятнадцатого сентября, -добавил он в мой адрес.

МИСТЕР ХАРИС: Мы считаем, что продемонстрировали необходимость строительства этой дамбы. По нашему мнению, мы показали, что доктрина о праве государства на принудительное отчуждение частной собственности имеет под собой убедительные конституционные основания и может применяться во многих подобных случаях. На наш взгляд, мы показали, что план расселения, предлагаемый правительством, не причинит неудобств истцам...

— Сраные педики, -сказал коп, когда мы вышли за дверь.

— Да здравствует Дискордия, -приветливо отозвался я. -Давай выбираться отсюда, — это уже Хагбарду.

— Я на машине, — сказал он, махнув в сторону шикарного «мерседеса».

— Для анархиста ты живешь слишком по капиталистически, — прокомментировал я, когда мы садились в этот великолепный механизм, концентрат украденного труда и прибавочной стоимости.

— Я не мазохист, -ответил Хагбард. — Для меня мир -довольно неуютное место. Я не вижу причин, по которым должен чувствовать себя еще неуютнее. И черта с два я стану водить сломанную развалюху, которая половину времени провела в ремонтной мастерской, ради того чтобы быть «своим» для вас, левацтвующих простаков. Кроме того, — деловито добавил он, — полиция никогда не станет останавливать и обыскивать «мерседес». А вот скажи-ка мне, чертов моралист, сколько раз в неделю тебя, с твоей бородой, останавливают на твоём психоделическом «народном вагоне»?

— Настолько часто, — признался я, — что я опасаюсь возить в нем траву.

— А эта машина просто набита зельем, — победно сказал он. — Завтра у меня большая поставка в Эванстон, в университетский городок.

— Так и наркобизнесом занимаешься?

— Я занимаюсь любым нелегальным бизнесом. Каждый раз, когда правительство объявляет что-нибудь *verboden*⁵⁴, появляется черный рынок, который обслуживают две группы: Мафия и ЛДР. ЛДР расшифровывается как «Лучший Допинг в Розницу».

— А я думал, это расшифровывается как «Ложь для Доверчивых Раздолбаев».

Он рассмеялся.

— Одно очко в пользу Муна. Но если говорить серьезно, то я самый страшный враг всех правительств и самый главный защитник среднего человека. Ты знаешь, что у Мафии нет этических принципов. Если бы не моя группа и не долгие годы работы, и не опыт, всё на черном рынке, от наркотиков и до канадских мехов, было бы некачественным, низкосортным и поддельным. Мы всегда предлагаем клиенту товар, который стоит его денег. Половина травы, которую *ты* продаешь, наверняка прошла через моих агентов, пока не попала к тебе. Лучшая половина.

— А как понимать эти твои гомосексуальные закидоны? Просто дразнил старину Бушмана?

— Энтропия. Стараюсь загигать все прямое.

— Хагбард, — не выдержал я, — в какую игру ты, черт побери, играешь?

⁵⁴ Запрещенным (нем.).

— Доказываю, что правительство — это галлюцинация в сознании правителей, — твердо сказал он. Мы вывернули на Лейк-Шор-драйв и помчались на север.

— Итак, Юбела, сказал он тебе Слово? — спросил человек с козлиной головой.

— Я бил его и пытал его, но он не открыл мне Слово, — сказал черный гигант.

— А тебе, Юбело, тебе он открыл Слово?

— Я пытал и мучил его внутренний дух, Хозяин, — ответило рыбообразное существо, — но он не открыл мне Слово.

— А тебе, Юбелум, тебе он открыл Слово?

— Я отрезал ему яйца, но он молчал, -ответил горбатый карлик. — Я отрезал ему пенис, но он молчал. Он не открыл мне Слово.

— Фанатик, -сказал козлиноголовый. — Лучше пусть он умрет.

Сол Гудман пытался пошевелиться. Ни одна мышца ему не подчинялась: последний препарат был наркотиком, и очень сильным. Или же это был яд? Он пытался себя успокоить: наверное, он парализован и лежит в гробу лишь потому, что они хотят свести его с ума. Потом он начал думать о том, могут ли мертвецы утешать себя подобными сказками, если не могут покинуть тело, прежде чем оно сгниет.

Пока он размышлял, козлиноголовый наклонился над гробом и закрыл его крышку. Сол оказался один в темноте.

— Уходи первым, Юбела.

— Слушаюсь, Хозяин.

— Теперь ты, Юбело.

— Слушаюсь, Хозяин.

— Последний ты, Юбелум.

— Слушаюсь, Хозяин.

Тишина. В гробу тихо и темно, и Сол не в состоянии пошевелиться. «Только бы не сойти с ума», — подумал он.

Говард заметил впереди *«Лейфа Эриксона»* и запел: «Эх, как клево, клево, клево: Хагбарда увижу снова». *Сверкающий «бентли» Малдонадо подъехал к дому «самого известного финансиста-филантропа Америки» Роберта Патни Дрейка.*

(Луи, не теряя достоинства, спокойно приближался к «Красной вдове». Старик в странной мантии, протолкавшийся через толпу вперед, дрожал от восторга. Нож гильотины взмыл вверх: толпа затаила дыхание. Старик пытался заглянуть в глаза Луи, но король не мог сфокусировать взгляд. Нож гильотины опустился: толпа шумно выдохнула. Голова скатилась в корзину, старик в экстазе закатил глаза и выкрикнул: «Жак де Молэ, ты отмщен!») Профессор Глинн, читая студентам лекцию по истории средних веков, сказал: "Однако истинное преступление тамплиеров заключалось, возможно, в том, что они были связаны с *хашишин*". Джордж Дорн, почти не слушая, размышлял, стоит ли ему примкнуть к Марку Радду и остальным, которые хотели совсем закрыть Колумбийский университет.

— И то же самое мы читаем в современных романах, -продолжал выступление Улыбчивый Джим. — Секс, секс, секс -причем речь идет не о нормальном сексе. Всевозможные извращенные, уродливые, неестественные, непристойные, аномальные и психопатические виды секса. Вот так они нас и похоронят, как сказал мистер Хрущев, без единого выстрела.

Сола Гудмана разбудил солнечный свет.

Солнечный свет и головная боль. Похмелье в результате введения гремучей смеси наркотиков.

Он лежал в кровати и без привычной пижамы. Он безошибочно узнал одежду, которая на нем была: больничный халат. И комната, когда он, прищурившись, огляделся, имела характерный безжизненный вид палаты современной американской исправительной лечебницы.

Он не слышал, как открылась дверь, но в палате оказался потертого вида мужчина средних лет во врачебном халате. В руке его был держатель для бумаг, из кармана халата торчали головки ручек; он ласково улыбался. Массивные темные очки в роговой оправе и короткая стрижка выдавали в нем оптимистично настроенного и восходящего по служебной лестнице человека. Он принадлежит к поколению, лишенному воспоминаний о Депрессии и Второй мировой войне, обременявших ровесников Сола, и в то же время не мучимому атомными кошмарами, которые приводили в неистовство молодежь. Очевидно, он считает себя либералом, хотя по крайней мере в половине случаев голосовал консервативно.

Безнадежный тупица.

На самом-то деле он, конечно, был не одним из них, а просто очередным агентом, который справлялся с ролью весьма убедительно.

— Ну-с? -радостно сказал он. — Чувствуем себя лучше, мистер Малдун?

"Малдун, — подумал Сол. — Начинается очередной сеанс их *кичевого* представления о Сердце Тьмы".

— Моя фамилия Гудман, — с трудом выговорил он. — И из меня такой же ирландец, как из Моше Даяна.

— О, мы все еще играем в эту милую игру, да? — мягко произнес человек. — И вы по-прежнему детектив?

— Идите к черту, — проговорил Сол, утратив желание блистать остроумием и иронией. Он впал в состояние враждебности и сделал последней линией обороны одиночный окоп горечи и угрюмого немногословия.

Человек подвинул себе стул и сел.

— В сущности, — сказал он, — нас не особенно тревожат эти остаточные симптомы. Вы были в более тяжелом состоянии, когда вас сюда привезли полгода назад. Сомневаюсь, что вы это помните. Электрошок мягко удаляет значительную часть воспоминаний из ближайшего прошлого, что крайне полезно в таких случаях, как ваш. Вы знаете, что избивали людей на улице, а в первый месяц пребывания здесь пытались нападать на медсестер, сиделок и санитарок? В тот момент у вас была очень тяжелая паранойя, мистер Малдун.

— Да пошел ты... — сказал Сол. Он закрыл глаза и отвернулся.

— Сейчас ваша враждебность довольно умеренна, — легко сказал человек, радуясь, как птичка в утренней траве. — Несколько месяцев назад вы пытались меня задушить. Сейчас я вам кое-что покажу. — Послышался шелест бумаг.

Любопытство взяло верх над раздражением. Сол повернул голову и посмотрел. Человек держал в руке водительские права, выписанные в штате Нью-Джерси на имя Барни Малдуна. С фотографией Сола. Сол злобно усмехнулся, демонстрируя недоверие.

— Вы отказываетесь себя узнать? -мирно спросил человек.

— Где Барни Малдун? -сделал ответный выстрел Сол. -Вы держите его в соседней палате, пытаясь убедить, что он -Сол Гудман?

— Где?... — повторил «доктор», явно сбитый с толку. — Ах да, вы признаете, что это имя вам знакомо, но утверждаете, что это лишь имя вашего друга. Прямо как насильник, который у нас недавно лежал. Он утверждал, что все изнасилования совершил его сосед по комнате, Чарли. Хорошо, давайте попробуем по-другому. Все эти люди, которых вы зверски избивали на улице, и в том числе зайка из «Плейбой-клуба», которую вы пытались удавить, — вы по-прежнему считаете, что они были агентами, э-э... прусских иллюминатов?

— Уже лучше, — сказал Сол. — Весьма интригующая комбинация реальности с фантазией, шаг вперед по сравнению с предыдущими попытками вашей группы. Интересно послушать, что вы еще скажете.

— Вы полагаете, это сарказм, — невозмутимо сказал человек. — Вообще-то вы быстрыми темпами идете на поправку. И действительно хотите все вспомнить, пусть и цепляетесь за этот миф о Соле Гудмане. Я вам расскажу: вы — шестидесятилетний полицейский из Трентона штат Нью-Джерси. Вас никогда не продвигали по службе, вы не смогли дослужиться до детектива и были глубоко обижены на судьбу. У вас есть жена по имени Молли и три сына — Роджер, Керри и Грегори. Роджеру двадцать восемь лет, Керри — двадцать пять и Грегори — двадцать три года. Несколько лет назад вы начали играть с вашей женой в одну игру; поначалу она считала, что в ней нет ничего страшного, но, на беду, ей довелось узнать, что это не так. Игра заключалась в том, что вы выдавали себя за детектива и поздними вечерами рассказывали ей о важных делах, которыми занимаетесь. Постепенно вы «доигрались» до самого главного дела — разгадки всех американских заказных убийств последнего десятилетия. Все эти убийства были делом рук группы, называвшей себя «иллюминатами», в которую входили высокопоставленные нацистские чины из числа тех, кому удалось скрыться и выжить. Вы все чаще и чаще говорили об их руководителе — Мартине Бормане, разумеется, — и утверждали, что располагаете сведениями о его местонахождении. К тому времени, когда ваша жена поняла, что игра стала для вас реальностью, было слишком поздно. Вы уже подозревали ваших соседей в том, что они агенты иллюминатов, а ненависть к нацизму заставила вас поверить в то, что вы — еврей, который взял ирландскую фамилию, чтобы избежать американского антисемитизма. Должен сказать, что это конкретное заблуждение спровоцировало у вас острое чувство вины, причину которой мы долго не могли понять. Но потом все же догадались, что это была проекция вины, которую вы долго ощущали в связи с тем, что вообще служили полицейским. Но, возможно, я мог бы поспособствовать вашей борьбе за самоосознание (и прекратить вашу столь же отчаянную встречную борьбу за уход от себя), прочитав вам выдержку из отчета по вашему делу, который написал один из наших молодых психиатров. Вы готовы выслушать?

— Валяйте, — сказал Сол. — Какое-никакое, а развлечение. Человек бегло просмотрел бумаги и улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

— О, я вижу, что речь идет не о прусских, а о баварских иллюминатах, простите мою ошибку. — Он перелистнул еще несколько страниц. — Вот оно.

— Причину проблем субъекта, — начал читать он, — можно найти в травмирующем опыте первых лет его жизни, который был реконструирован во время наркотического психоанализа. В три года он застал родителей за актом фелляции, и его заперли в комнате за то, что он «шпионил». У него навсегда сохранился страх перед запертыми помещениями и жалость ко всем

заклученным. К сожалению, это обстоятельство, которое могло бы безобидно сублимироваться, стать он социальным работником, осложнилось в его личности нерешенным эдиповым комплексом с проявлением враждебности и формированием реакции, благоприятствующей «шпионажу», что и побудило его стать полицейским. Преступник стал для него символом отца, которого следовало запереть в камере в отместку за то, что когда-то он запер его; в то же время он проецировал на преступника собственное эго и получал мазохистское удовлетворение, отождествляя себя с заключенным. Глубоко скрытое гомосексуальное стремление к отцовскому пенису (свойственное всем полицейским) нашло дальнейшее проявление в отречении от отца через отречение от отцовских предков. Он начал вытравлять из памяти собственного эго все следы ирландского католицизма, заменяя их еврейской культурой, поскольку евреи были гонимым меньшинством. В том, что он ощущал себя евреем, проявлялся и усиливался его изначальный исходный мазохизм. В конце концов, как и все параноики, субъект вообразил, что обладает высочайшим интеллектом (хотя в действительности стандартный тест на проверку интеллектуальных способностей, который он проходил при поступлении в полицию Трентона, показал, что его коэффициент не превышает ПО), и его сопротивление лечению выразилось в желании «перехитрить» врачей. С этой целью он находил «улики», из которых следовало, что все врачи тоже были агентами иллюминатов, а вымышленная фигура «Сола Гудмана» в действительности и есть его реальная личность. В терапевтических целях я бы рекомендовал... — «Доктор» прервал чтение... — Дальнейшее, — жизнерадостно произнес он, — вам будет не так интересно. Ну-с, — терпеливо добавил он, — хотите «раскрыть» ошибки в этом тексте?

— За всю жизнь я ни разу не бывал в Трентоне, — устало сказал Сол. — И понятия не имею, как вообще выглядит этот Трентон. Но ведь вы мне на это скажете, что я стер у себя все эти воспоминания. Тогда давайте перейдем к более глубоким противоречиям, *HerrDoktor*. Я глубоко убежден, что мои родители никогда в жизни не занимались фелляцией. Для этого они были слишком старомодны.

Это был самый центр их лабиринта, и это была реальная угроза. Хотя он не сомневался, что им не удастся сломить его веру в собственное "я", они тем не менее коварно подкапывались под это "я", намекая на его патологический характер. Многие описания в истории болезни Малдуна вполне применимы к любому полицейскому и, возможно, даже к нему; как водится, за слабой открытой атакой они готовят смертоносную скрытую.

— Вы узнаете это? — спросил доктор, вытаскивая альбом для рисунков и открывая его на странице с единорогами.

— Это мой альбом, — сказал Сол. — Не знаю, как он к вам попал, но это ни черта не доказывает, кроме того, что в свободное время я немного рисую.

— Разве? — доктор перевернул альбом; экслибрис на обложке указывал, что его владелец — Барни Малдун, 1472 Плезант-авеню, Трентон, Нью-Джерси.

— Дилетантская работа, — отозвался Сол. — Наклеить экслибрис на альбом может кто угодно.

— И единорог ничего для вас не значит? — Сол почувствовал ловушку и промолчал, дожидаясь продолжения фразы. — И вы не знакомы с обширной литературой по психоанализу, где указано, что единорог символизирует отцовский пенис? Тогда не скажете ли, отчего вам вздумалось рисовать

единорогов?

— Снова дилетантство, — сказал Сол. — Если бы я рисовал горы, они тоже символизировали бы отцовский пенис.

— Прекрасно. Вы могли бы стать хорошим детективом, если бы не ваша... болезнь... помешавшая повышению по службе. У вас действительно очень быстрый, живой и скептический ум. Давайте опробуем еще один метод, и, поверьте, я не стал бы прибегать к такой тактике, если бы не был стопроцентно уверен, что вы выздоравливаете. Настоящего психически больного человека такие прямые атаки вогнали бы в ступор. Но скажите мне вот что. Ваша жена рассказала, что перед тем, как ваша... проблема... резко ухудшилась, вы потратили много денег, намного больше, чем может быть по карману полицейскому с его скромным жалованьем, на копию скульптуры русалочки из Копенгагена. Зачем?

— Черт побери, — воскликнул Сол, — это были совсем не большие деньги. — Но он почувствовал неконтролируемое раздражение и заметил, что оно не укрылось от внимания незнакомца... Он избегал вопроса о русалочке... и ее связи с единорогом. *Должна существовать связь между фактом №1 и фактом №2...* — Русалочка, — сказал он, стараясь опередить врага, — это символ материи, так ведь? У нее нет человеческой нижней части туловища, потому что ребенок мужского пола не смеет думать об этой части материнского тела. Это правильная терминология?

— Более или менее. Вы, конечно, стремитесь завуалировать причину в вашем конкретном случае: половой акт, за которым вы застали вашу мать, был не обычным, а весьма извращенным и примитивным актом, единственным половым актом, на который, собственно говоря, и способна русалка, о чем подсознательно осведомлены все коллекционеры изображений русалок.

— Это вовсе не извращенный и не примитивный акт, — запротестовал Сол. — Им занимается большинство людей... — И тут он заметил ловушку.

— Но не *ваши* отец и мать? Они отличались от большинства людей? И вдруг до него дошло: чары рассеялись. Все детали из записной книжки Сола, все физические приметы, которые описывал Питер Джексон, всё совпадало.

— Вы не доктор, — закричал он. — Не знаю, в какую игру вы играете, но уверен, черт побери, что знаю, кто вы. Вы Джозеф Малик!

Каюта Джорджа была отделана тиком, на стенах висели маленькие, но изысканные картины Риверса, Шана, Де Кунинга и Танги. В застекленном стенном шкафу рядами стояли книги. На полу лежал красный ковер со стилизованным изображением синего осьминога, извивающиеся щупальца которого расходились во все стороны, словно лучи солнца. Висевшая на потолке люстра была уменьшенной моделью грозной медузы «португальский кораблик».

Изголовье кровати, сделанное из дерева красных тропических пород, украшал орнамент в виде морских ракушек. Ножки кровати не касались пола: кровать покоилась на огромной закругленной балке, благодаря чему плавно покачивалась, когда корабль давал крен, так что спящий все время находился в горизонтальной плоскости. Около кровати стоял небольшой письменный стол. Подойдя к нему, Джордж выдвинул ящичек и обнаружил писчую бумагу разного размера и с полдюжины разноцветных фломастеров. Он выбрал зеленый, взял стопку бумаги, забрался на кровать, свернулся калачиком у изголовья и начал писать.

24 апреля

Объективность — это, по-видимому, противоположность шизофрении. То есть это не что иное, как согласие со всеобщим представлением о реальности. Но ничье восприятие реальности — это то же самое, что и всеобщее представление о реальности. Отсюда вывод, что самый объективный человек — это самый настоящий шизофреник.

Трудно подняться над общепринятыми убеждениями эпохи. Первый человек, который мыслит по-новому, высказывает новые мысли очень осторожно. Должно пройти некоторое время, пока люди свыкнутся с новыми идеями и начнут усердно содействовать их развитию. В своей первоначальной форме новые идеи похожи на крошечные, почти незаметные мутации, накопление которых может привести к возникновению нового вида. Вот почему настолько важно взаимное обогащение культур. Оно приумножает генофонд воображения. Скажем, у арабов находится одна часть ребуса. У франков — другая его часть. Поэтому когда тамплиеры знакомятся с *хашишин*, рождается нечто новое.

Человеческий род всегда жил более или менее счастливо в царстве слепых. Но среди нас есть слон. Одноглазый слон.

Джордж опустил фломастер и хмуро прочитал зеленые слова. Его по-прежнему не покидало ощущение, что эти мысли приходят к нему откуда-то со стороны. И причем тут тамплиеры? Он не испытывал ни малейшего интереса к этому историческому периоду с тех пор, как еще на первом курсе колледжа старый Моррисон Глинн поставил ему низкую оценку за доклад о крестоносцах. Предполагалось, что это будет обычный научный доклад, который продемонстрирует, насколько хорошо докладчик усвоил новый материал, но Джордж предпочел объявить крестоносцев первым массовым проявлением западного расистского империализма. Он даже не поленился разыскать текст письма Синана, третьего лидера *хашишин*, в котором тот снимает обвинение с Ричарда Львиное Сердце в причастности к убийству Конрада Монферра, короля Иерусалимского. Джордж расценил этот эпизод как серьезный показатель доброй воли арабов. Откуда он мог знать, что Моррисон Глинн был ревностным консервативным католиком? Среди прочей желчной критики Глинн заявил, что письмо из замка, названное мессианским, общепризнано подложным. Отчего вдруг у него снова появились мысли о *хашишин*? Возможно, они навеяны образом храма, который привиделся ему в тюрьме Мэд-Дога?

Двигатель подводной лодки мерно вибрировал под полом, балкой, кроватью. Пока что путешествие напоминало Джорджу его первый полет на Боинге-747: мощный подъем, сменившийся таким плавным движением, что невозможно было почувствовать ни скорости, ни расстояния.

Раздался стук в дверь, Джордж отозвался, и в каюту вошла секретарша Хагбарда. Она была одета в обтягивающий золотисто-желтый брючный костюм. Едва заметно улыбаясь, она пристально смотрела на Джорджа повелительным взглядом, и ее зрачки казались громадными обсидиановыми озерами.

— Ты меня съешь, если я не отгадаю загадку? -поинтересовался Джордж. — У тебя взгляд сфинкса.

Ее губы цвета спелого винограда раскрылись в улыбке.

— Я ему подражаю. Но никаких загадок, один простой вопрос: Хагбард хочет узнать, не нужно ли тебе чего-нибудь. Чего-нибудь, кроме меня самой. У меня сейчас много работы.

Джордж пожал плечами.

— Конечно, нужно. Я бы хотел пообщаться с Хагбардом и выяснить как можно больше о нем, об этой лодке и о том, куда мы направляемся.

— Мы направляемся в Атлантиду. Он наверняка тебе об этом сказал. — Она перенесла вес тела на другую ногу, покачивая бедрами. У нее были потрясающие длинные ноги. — Грубо говоря, Атлантида находится примерно на полпути между Кубой и западным побережьем Африки, только на дне океана.

— Ага... именно там она ведь и должна быть, верно?

— Верно. Хагбард собирается чуть позже пригласить тебя в капитанскую рубку. А пока, если хочешь, можешь покурить. Это помогает скоротать время. — Она протянула ему золотой портсигар. Пальцы Джорджа коснулись бархатистой черной кожи ее руки. Внезапно его охватило острое желание. Потрудившись над защелкой, он открыл портсигар. Там были тонкие белые трубочки, на каждой вытиснена золотая буква К. Он вытащил одну трубочку и поднес к носу. Приятный, землистый запах.

— У нас есть плантация и фабрика в Бразилии, — сказала она.

— Судя по всему, Хагбард богатый человек.

— О да. У него миллиарды тонн льна. Ладно, слушай, Джордж, если тебе что-то понадобится, нажми вот эту кнопку на столе. Кто-нибудь придет. А позже мы тебя позовем. — Она с томным видом повернулась и пошла по коридору, освещенному лампами дневного света. Джордж не мог отвести глаз от ее умопомрачительной попки, пока она не поднялась по узкой ковровой лестнице и не скрылась из вида.

Как звали эту женщину? Он лег на постель, взял одну сигарету и закурил. Это было чудесно. Он моментально улетел, но это был не обычный постепенный набор высоты на воздушном шаре, а взлет на ракете, как под нитроамилом. Он мог бы догадаться, что у такого Хагбарда Челине должно быть что-то особенное по части травы. Он изучал искорки, вспыхивавшие в люстре-медузе, и быстро вращал глазами, чтобы заставить эти искорки танцевать. Все сущее — это искры света. Появилась мысль, что Хагбард может быть преступником. Он напоминал какого-то барона-разбойника из XIX века. Норманны завоевали Сицилию в IX веке. Произошло смешение кровей викингов и сицилийцев, но разве они когда-нибудь походили на Энтони Куинна? Нормально завоевали Сесилию. Какую еще Насильную? Боже Всесильный. Глас народа — глаз Божий. Большой и красный глаз смотрит на нас. Аум Шива. А ум — не вшивый? Не верь тому, кто льном богат, он может быть ползучий гад. Ее зовут Стелла. Стелла Марис. Черная звезда морей.

Сигареты осталось полдюйма. Он сунул ее в пепельницу и раздавил. Если здесь курят траву вместо табака, он может себе позволить такую роскошь. И вторую пока что не надо. Это был не кайф, это был уже *трип*. Ракета на Сатурн, подальше от этого мира. И обратно, так же быстро.

— Джордж, я жду тебя в капитанской рубке.

Вот как. Звуковые галлюцинации. Значит, он все-таки еще не совсем вернулся. Сейчас ему словно кто-то показывал план той части подводной лодки, которая находилась между его каютой и капитанской рубкой. И зрительные галлюцинации тоже. Он встал, потянулся, встряхнул головой: волосы рассыпались по плечам. Подошел к двери, отодвинул ее и зашагал по коридору.

Через некоторое время он вошел в другую дверь и оказался на балконе,

который был копией носа корабля викингов. Вверху, внизу, впереди, со всех сторон был сине-зеленый океан. Казалось, что они находились в стеклянном шаре, выпущенном в океан. Над Джорджем и Хагбардом возвышался красно-зеленый дракон с длинной шеей, золотистыми глазами и колючим гребнем.

— Мой подход скорее фантастичен, чем прагматичен, — сказал Хагбард. — Если бы я не был таким умным, у меня была бы масса неприятностей. — Он похлопал рукой фигурку дракона на носу корабля; рука была покрыта черной шерстью. «Викинг, — подумал Джордж. — Викинг-неандерталец».

— Классный фокус, — сказал Джордж, чувствуя себя проницательным, хотя все еще под кайфом. — Вызвать меня в рубку по телепатической связи.

— Я вызвал тебя по интеркому, — сказал Хагбард невинно.

— Вы считаете, что я не могу отличить голос, который звучит в голове, от голоса, который слышу ушами?

Хагбард расхохотался во все горло, так громко, что Джорджу стало немного не по себе.

— Во всяком случае, не тогда, когда ты впервые попробовал «золотого Каллисти», парень.

— Могу ли я назвать лжецом человека, который только что вставил меня лучшей дурью, которую я когда-либо пробовал? — сказал Джордж, пожав плечами. — Подозреваю, что вы пользуетесь телепатией. Многие люди, обладай они такой способностью, не только бы ее не скрывали, а лезли бы на телевидение ее показывать.

— А я вместо этого показываю по телевизору океан. — Хагбард показал рукой на шар, окружавший викингский нос субмарины. — Все, что ты видишь, — это просто цветное телевидение, слегка реконструированное и модифицированное. Мы находимся внутри экрана. Камеры расположены вдоль всей поверхности субмарины. Разумеется, в камерах используется не обычное освещение. При обычном освещении ты ничего не смог бы увидеть. Субмарина освещает океан вокруг нас инфракрасным лазерным радаром, к лучам которого чувствительны наши телекамеры. Этот тип излучения лучше всего проводится водородом, которого много в воде. В результате мы видим дно океана почти так же отчетливо, как сушу с самолета.

— Что позволит нам хорошо рассмотреть Атлантиду, когда мы до нее доберемся, — сказал Джордж. — Кстати, зачем, вы говорили, мы направляемся в Атлантиду? Тогда я вам просто не поверил, а сейчас я слишком торчу, чтобы вспомнить.

— Иллюминаты планируют разграбить один из величайших архитектурных памятников в истории человечества — храм Тефиды. Это храм из чистого золота, которое они собираются переплавить и продать, чтобы финансировать серию политических убийств в Соединенных Штатах. Я же намерен их опередить и попасть туда раньше.

Эта фраза напомнила Джорджу о том, зачем он сам отправился в Мэд-Дог. Джо Малик подозревал, что там можно найти ключ к разгадке заговора, планировавшего политические убийства. Если бы Джо узнал, что этот ключ приведет на глубину двадцати тысяч лье под водой и целых эпох в прошлом, поверил бы он? Джордж в этом сомневался. Малик был одним из «трезвомыслящих» левых, с «научным» складом ума. Хотя в последнее время он и вел себя, и говорил немного странно.

— Кто, вы говорите, собирается ограбить храм? — спросил он Хагбарда.

— Иллюминаты. Та сила, которая на самом деле стоит за всеми

коммунистическими и фашистскими движениями. Не знаю, известно ли тебе, что они также контролируют правительство Соединенных Штатов.

— Я думал, что в вашей компании все правые...

— Я ведь тебе говорил, что такие метафоры неуместны при обсуждении современной политики, — прервал его Хагбард.

— Просто вы действительно похожи на банду правых. До последней минуты я слышал от вас и ваших людей только то, что иллюминаты — сплошь коммунисты или стоят за коммунистами. Теперь вы говорите, что они стоят за фашизмом и даже за нынешним правительством в Вашингтоне.

Хагбард рассмеялся.

— Поначалу мы притворялись правыми параноиками, чтобы посмотреть на твою реакцию. Это был экзамен.

— И?

— Ты его сдал. Ты мне не поверил — это было очевидно, — но проявлял желание и готовность слушать. Если бы ты был правым, мы бы тебе вешали на уши коммунистическую лапшу. Суть в том, чтобы выяснить, способен ли новый человек, будь то мужчина или женщина, воспринимать, по-настоящему воспринимать любую новую информацию или же он мгновенно блокирует каждую шокирующую идею.

— Я всех слушаю, но критически. Скажем, если иллюминаты уже контролируют Америку, в чем тогда смысл политических убийств?

— Их влияние на Вашингтон пока еще весьма сомнительно. Они сумели социализировать экономику. Но если бы они раскрыли свои карты сейчас и установили впредь полный тоталитаризм, началась бы революция. Центристы объединятся с правыми реакционерами и левыми сторонниками свободомыслия, а иллюминаты пока недостаточно могущественны, чтобы противостоять такой революционной массе. Но они могут править при помощи обмана, и так постепенно обрести доступ к тем инструментам, которые им нужны для завершения работы по уничтожению Конституции.

— А что это за инструменты?

— Ужесточение мер безопасности. Тотальное электронное наблюдение. Законы, оправдывающие действия полиции на произведение арестов и обысков помещений без ордера. Право задерживать и обыскивать человека на улице. Право государства на перлюстрацию частных писем. Автоматическое снятие отпечатков пальцев, фотографирование, взятие анализов крови и мочи любого арестованного человека еще до предъявления обвинения. Закон, объявляющий незаконным сопротивление даже при незаконном аресте. Законы о создании карантинных лагерей для потенциальных подрывных элементов. Контроль над огнестрельным оружием. Ограничения в передвижении. Понимаешь, когда происходят политические убийства, в общественном сознании возникает потребность в принятии таких законов. Вместо того чтобы понять, что существует руководимый кучкой людей заговор, народ приходит к выводу (или его заставляют прийти к выводу), что все население должно смириться с ограничением его свобод ради защиты лидеров. Народ соглашается с тем, что ему верить нельзя. Мишенями для убийств становятся левые или правые диссиденты, которые либо не принадлежат к заговору иллюминатов, либо признаются ненадежными. Братья Кеннеди и Мартин Лютер Кинг, к примеру, могли бы возглавить некое свободолобное движение, к которому примыкали бы левые и правые, черные и белые. Но убийства, которые происходили до сих пор, не идут ни в какое сравнение с тем, что может

начаться. Следующая волна убийств будет осуществляться Мафией, услуги которой будут оплачены золотом иллюминатов.

— Хотя бы не золотом Москвы, — заметил с улыбкой Джордж.

— Марионетки в Кремле не имеют ни малейшего представления о том, что их, как и марионеток в Белом Доме, дергают за ниточки одни и те же люди. Иллюминаты контролируют всевозможные организации и правительства, но так, что никто из них не догадывается, что остальных тоже контролируют. Каждая группа считает, что конкурирует с остальными группами, хотя в действительности лишь исполняет предписанную ей роль в спектакле иллюминатов. Даже «Моритури» — законспирированные группы, отколовшиеся от «Уэзерменов» СДО, которых они сочли слишком осторожными, — и те контролируются иллюминатами. «Моритури» считают, что их деятельность направлена на свержение правительства, но в действительности они лишь укрепляют его позиции. Иллюминаты проникли в «Черные Пантеры». Они проникли всюду. При сохранении нынешних темпов через несколько лет иллюминаты начнут осуществлять более жесткий контроль над американским народом, чем в свое время Гитлер над немцами. И вся прелесть в том, что большинство американцев будут настолько запуганы терроризмом, спланированным иллюминатами, что начнут молить об ужесточении контроля, как мазохист молит о плети.

Джордж пожал плечами. Слова Хагбарда казались типичным бредом параноика, но ведь эта подводная лодка вполне реальна, как реальные и странные события последних нескольких дней.

— Выходит, иллюминаты планируют властвовать над миром, я правильно понял? И вы проследиваете их историю вплоть до Первого Интернационала?

— Нет. Они возникли в результате столкновения Просвещения XVIII века с немецким мистицизмом. Правильное название этой организации — *Древние Видящие Иллюминаты Баварии*. По их преданиям, они были основаны или возрождены в 1776 году человеком по имени Адам Вейсгаупт. Вейсгаупт был иезуитом-расстригой и масоном. Он считал, что необходимо уничтожить все религии и национальные правительства, а миром должна управлять элита материалистически настроенных атеистов с научным складом ума. Она будет как бы «опекуном» человечества, пока просвещение не станет всеобщим и человечество не продемонстрирует способность к самоуправлению. Но такой была лишь «внешняя доктрина» Вейсгаупта. Помимо нее существовала «внутренняя доктрина», которая утверждала, что эта власть и есть самоцель и что Вейсгаупт и его ближайшие сподвижники должны воспользоваться новыми знаниями ученых и инженеров, чтобы захватить власть над миром. Тогда, в 1776 году, миром в основном управляли Церковь и феодальная знать, а капиталисты только начинали примериваться к власти. Вейсгаупт объявил, что эти группы устарели и пришло время сосредоточить власть в руках элиты, обладающей монополией на научное и технологическое знание. Вместо создания демократического общества, обещанного «внешней доктриной», *Древние Видящие Иллюминаты Баварии* планировали установить вечную диктатуру над человечеством.

— Хм, вполне правдоподобно, что в то время кому-то могли прийти в голову такие мысли, — сказал Джордж. — И кем же мог быть такой человек, как не масоном, да еще и лишенным сана иезуитом?

— Ты признаешь, что рассказанное мною звучит правдоподобно, — сказал Хагбард. — И это хороший знак.

— Знак того, что это правдоподобно, — рассмеялся Джордж.

— Нет, знак того, что ты из тех людей, которых я всегда ищу. Так вот, просуществовав достаточно долго, чтобы создать ядро организации из масонов и вольнодумцев и установить международные контакты, иллюминаты решили сделать вид, что распались, когда их деятельность была запрещена баварским правительством. Впоследствии иллюминаты начали первую экспериментальную революцию во Франции. Они обманули средний класс, истинные интересы которого находились в сфере неограниченной свободы частного предпринимательства, сумев увлечь его лозунгом Вейсгаупта «Свобода, равенство, братство». Но там, где царит равенство и братство, не бывает свободы. После успеха с Наполеоном, чьи взлет и падение были исключительно результатами манипуляций иллюминатов, они начали сажать семена европейского социализма, которые привели к революции 1848 года, рождению марксизма и захвату России — одной шестой части земной суши. Конечно, чтобы революция в России стала реальной, им пришлось развязать мировую войну, но к 1917 году им это удалось. Вторая мировая война была еще более искусной работой и еще больше укрепила их позиции.

— Это в очередной раз объясняет, — перебил его Джордж, — почему всегда оказывается, что ортодоксальный марксизм-ленинизм, несмотря на все его великие идеалы, ни на что не годен. И почему он всегда предает интересы народа там, где укореняется. И почему Америка с такой неотвратимостью дрейфует в сторону тоталитаризма.

— Верно, — заметил Хагбард. — Сейчас их мишень — Америка. Они захватили бо'льшую часть Европы и Азии. Как только они захватят Америку, то объявят о себе во всеуслышание. И тогда мир превратится в подобие того, что предсказал Оруэлл в романе «1984». После публикации романа они уничтожили автора, как ты знаешь. Книга попала в самую точку: очевидно, он напал на их след. Вот почему он рассказывал о внутренней и внешней партиях с их разными учениями, вот откуда речь О'Брайена о том, что власть — это самоцель. За это они с ним и расправились. Видишь ли, Оруэлл столкнулся с ними во время гражданской войны в Испании, где в какой-то момент они действовали довольно открыто. И вообще, писатели могут добраться до истинной сути вещей с помощью воображения, если способны отпустить его в свободный полет. Они с большей вероятностью добиваются до истинной сути происходящего, чем люди логического склада ума.

— Вы только что увязали двести лет мировой истории в такую складную теорию, что мне придется встать в ваши ряды, если я в нее поверю, — сказал Джордж. — Хотя готов признать, что она меня привлекает. Отчасти интуитивно: я понимаю, что вы психически здоровый человек и вовсе не параноик. Отчасти потому, что ортодоксальная версия истории, которую вдалбливают в школе, всегда казалась мне бессмысленной, и потом, мне известно, как можно переписывать историю, подгоняя ее под свои убеждения. Поэтому я вполне допускаю, что история, которую я изучал, переписана. Отчасти меня привлекает само безумие этой идеи. За последние годы я хорошо понял: чем безумнее идея, тем больше вероятности, что она верна. Но, несмотря на все обстоятельства, позволяющие мне верить вам, я бы хотел получить еще какой-нибудь знак. Хагбард кивнул.

— Прекрасно. Знак. Да будет так. Сначала вопрос к тебе. Предположим, твой шеф, Джо Малик, напал на какой-то след. Предположим, что место, куда он тебя послал, действительно имеет какое-то отношение к политическим убийствам и может вывести на иллюминатов: что в таком случае случилось

бы с Джо Маликом?

— Я понимаю, к чему вы клоните. Но я не хочу об этом думать.

— А ты не думай. — Хагбард неожиданно вытащил откуда-то телефон. — Мы можем подключаться прямо с лодки к трансатлантическому кабелю. Набирай код Нью-Йорка и звони любому человеку, который может сообщить тебе последнюю информацию о Джо Малике и журнале *«Конфронтэйшн»*. И не говори мне, кому звонишь. А то сразу заподозришь, что у меня на лодке есть человек, который выдает себя за твоего абонента.

Отвернувшись от Хагбарда, Джордж набрал номер. После паузы, длившейся секунд тридцать, во время которой слышались щелчки и другие странные звуки, Джордж услышал телефонные гудки. Через мгновение голос произнес «Алло».

— Это Джордж Дорн, — сказал он. — С кем я говорю?

— Черт побери, а с кем ты можешь говорить? Ты же набрал мой номер.

— О господи, — произнес Джордж. — Слушай, я нахожусь в таком месте, где не доверяю телефонам. Я хочу быть уверен, что действительно говорю с тобой. Поэтому давай ты сам себя назовешь, чтобы я не называл твоего имени. Понимаешь?

— Конечно, понимаю. И не надо разговаривать со мной как со школьником. Я — Питер Джексон, Джордж, и надеюсь, ты этого и хотел. Где ты, черт возьми, находишься? Все еще в Мэд-Доге?

— Я на дне Атлантического океана.

— Зная твои дурные привычки, я не удивлен. Ты слышал, что у нас случилось? Ты поэтому звонишь?

— Нет. А что случилось? — Джордж плотно сжал телефонную трубку.

— Сегодня рано утром в наш офис подложили бомбу, и произошел взрыв. Исчез Джо.

— Он убит?

— Насколько нам известно, нет. Среди обломков мертвые тела не найдены. А как ты? С тобой все в порядке?

— Я влип в историю, в которую невозможно поверить, Питер. Она настолько неправдоподобна, что я даже не буду пытаться тебе о ней рассказывать. Пока не вернусь обратно. Если тебя к тому времени можно будет застать на месте и ты все еще будешь руководить журналом.

— Ну, по крайней мере сейчас журнал пока еще существует, и я руковожу им из квартиры, — сказал Питер. — Мне остается лишь надеяться, что они не вздумают взорвать и меня.

— Кто?

— Да кто угодно. Кстати, ты до сих пор в командировке. И если это имеет какое-нибудь отношение к тому, чем ты занимаешься в Мэд-Доге, то тебе угрожает большая опасность. Репортеры не должны шлаться повсюду, когда редакции их шефов взрываются.

— Учитывая то, что Джо вполне мог погибнуть, ты кажешься довольно оптимистичным.

— Джо бессмертен. Кстати, Джордж, а кто платит за этот звонок?

— Скажем так, один богатый друг. У него монополия на лен или что-то в этом роде. Подробности позже. Ну все, пора заканчивать, Пит. Спасибо за беседу.

— Ладно. Будь осторожен, малыш. Джордж протянул телефон Хагбарду.

— Вы знаете, что случилось с Джо? Вы знаете, кто устроил взрыв редакции *«Конфронтэйшн»*? Вы знали обо всем еще до того, как я позвонил.

Ваши люди очень ловко обращаются с взрывчаткой.

Хагбард покачал головой.

— Я только знаю, что рано или поздно это должно было произойти. Твой редактор Джо Малик вышел на след иллюминатов. Поэтому он отправил тебя в Мэд-Дог. Как только ты там нарисовался, тебя замели, а кабинет Малика взорвали. Что ты сам об этом думаешь?

— Думаю, все, что вы говорите, — это правда, или одна из версий правды. Не знаю, стоит ли верить вам на все сто процентов. Но свой знак я получил. *Что-то* такое существует, даже если это и не баварские иллюминаты. И куда это нас ведет?

Хагбард улыбнулся.

— Сказано настоящим *homo neophilus*, Джордж. Добро пожаловать в наше племя. Мы хотим тебя завербовать, потому что ты очень открытый. В хорошем смысле. Ты скептически относишься к расхожей мудрости, но тебя привлекают неортодоксальные идеи. Безошибочная примета *homo neophilus*. Человеческая раса не делится на рационалистов и иррационалистов, как полагают некоторые. Все люди иррациональны, но есть два вида иррационалистов: те, кто любят старые представления, ненавидят новые идеи и боятся их, и те, кто презрительно относятся к старым идеям и радостно воспринимают новые представления. *Homo neophobus* и *homo neophilus*. Неофобы — это коренная человеческая порода, которая едва ли изменилась за последние четыре миллиона лет человеческой истории. Неофилы — это творческая мутация, которая в последние миллионы лет появляется с завидной регулярностью, подталкивая всю расу немного вперед, примерно так, как ты подталкиваешь колесо, заставляя его крутиться все быстрее и быстрее. Неофил совершает множество ошибок, но он все время в движении. Неофилы проживают жизнь так, как ее следует прожить: девяносто девять процентов ошибок и один процент полезных мутаций. Все люди в моей организации — *неофилы*, Джордж. Вот почему мы далеко опережаем остальную часть человеческой расы. Концентрированное влияние неофилов при полном отсутствии неопобных включений. Мы совершаем миллион ошибок, но движемся настолько быстро, что ни одному из них за нами не угнаться. Но прежде чем мы пойдем дальше, я предлагаю тебе стать одним из нас.

— То есть?

— То есть стать легионером в Легионе Динамического Раздора. Джордж рассмеялся.

— Сейчас это похоже на пустую болтовню. Трудно поверить, что организация с таким абсурдным названием способна создать столь серьезную штуку, как эта подводная лодка, или преследовать такую серьезную цель, как срыв планов *Древних Видящих Иллюминатов Баварии*.

Хагбард пожал плечами.

— А что такого серьезного в желтой подводной лодке? Это просто цитата из рок-песни. И потом, всем известно, что люди, которые озабочены заговором баварских иллюминатов, — психи. Ну так что, вступаешь в Легион — с какой тебе угодно целью?

— Разумеется, — быстро отозвался Джордж. Хагбард похлопал его по спине.

— Наш человек, я не ошибся. Ну ладно. Когда выйдешь отсюда, поверни направо и войди в золотую дверь.

— А там что, кто-то лампу зажигает?

— В этом путешествии нет ни одного честного человека. А сейчас хватит. — Хагбард хитро ухмыльнулся. — Иди и получай удовольствие.

(— Всевозможные извращения, — восклицал Улыбчивый Джим. — Мужчины совершают половые акты с мужчинами. Женщины занимаются сексом с женщинами. Осквернение религиозных устоев ради гнусного вожделения. Дошло до того, что люди вступают в половую связь с животными. Странно, что они до сих пор не совокупляются с растениями и их плодами, но я подозреваю, что вскоре войдет в моду и это. И найдутся дегенераты, которые начнут возбуждаться при виде яблока! — Слушатели прореагировали на остроту смехом.)

«Ты должен бежать очень быстро, чтобы догнать солнце. Другого выхода нет, когда здесь заблудишься», — сказала старуха, произнося последние четыре слова речитативом, словно в детской считалке... В густом лесу было очень темно, но Барни Малдун старался от нее не отставать. "Становится все темнее и темнее, — мрачно сказала она, — но здесь всегда темно, *когда заблудишься...*" «Почему мы должны догнать Солнце?»-в смятении спросил Барни. "Чтобы стало светлее, — радостно прокудахтала она. — Всегда нужно больше света, *когда здесь заблудишься...*"

За золотой дверью стояла обольстительная чернокожая секретарша. Она переделалась в короткую красную кожаную юбку, открывавшую длинные ноги. Ее руки покоились на белом пластиковом ремне.

— Привет, Стелла, — произнес Джордж. — Тебя ведь так зовут? Ты же действительно Стелла Марис?

— Ты прав.

— Ни один честный человек в этом путешествии не может быть прав. Хагбард *говорил* со мной телепатически. Он назвал мне твое имя.

— Я назвала мое имя, когда ты ступил на борт. Ты, верно, забыл. Ты много чего повидал. Но, увы, тебе еще через многое придется пройти. Я должна попросить тебя снять одежду. Скинь ее на пол, пожалуйста.

Джордж без колебаний сделал то, что она просила. Полная или частичная нагота требовалась во многих ритуалах инициации; но он чувствовал мучительное беспокойство. Он доверял этим людям только потому, что *до сих пор* они ничего плохого ему не сделали. Но кто мог сказать, что это за типы на самом деле и в какую ритуальную пытку или убийство они могут его втянуть. Впрочем, такие страхи всегда сопутствуют ритуалу инициации.

Пока он снимал с себя трусы, Стелла смотрела на него с усмешкой, вопросительно подняв брови. Он понял, почему она усмехается, и почувствовал горячий прилив крови к пенису, который мгновенно отяжелел и набух. При мысли о том, что он стоит голый с начавшейся эрекцией перед этой красивой и желанной женщиной, которая явно наслаждается зрелищем, его член еще больше поднялся и затвердел.

— У тебя классный аппарат. Красивый, крупный, крепкий и соблазнительный. — Стелла неторопливо приблизилась к Джорджу и взяла его член снизу, у основания, где он переходил в мошонку. Он почувствовал, как натянулись его яйца. Она провела средним пальцем вдоль центрального канала, коснувшись головки. Пенис Джорджа выпрямился в полный рост, салютуя умелым рукам Стеллы.

— Сексуально адекватный самец, — сказала Стелла. — Прекрасно, прекрасно. Теперь ты готов войти в следующий зал. Будь так добр, открой эту зеленую дверь.

Голый и эрегированный Джордж с сожалением расстался со Стеллой, входя в следующую дверь. Эти люди слишком здоровы и добродушны, чтобы им не верить, подумал он. Они ему нравятся, а своим ощущениям следует доверять.

Но когда за его спиной с шумом захлопнулась зеленая дверь, беспокойство вернулось к нему.

В центре помещения стояла мраморная ступенчатая пирамида. Ступеней было семнадцать, красные чередовались с белыми. Помещение оказалось довольно большим залом. Пять наклонных стен образовывали над пятиугольным полом готический свод высотой футов в тридцать. В отличие от пирамиды в мэддогской тюрьме, здесь не было гигантского глаза, который таранился на него сверху. Вместо глаза он увидел огромное золотое яблоко. Это был золотой шар диаметром в человеческий рост с черенком длиной в фут и одиноким листочком размером с ухо слона. На боку яблока греческими буквами было вырезано слово «КАЛЛИСТИ». Стены зала драпировались огромным занавесом такого размера, словно его выкрали из кинотеатра «Синерама». На полу лежал пушистый золотистый ковер, в котором утонули босые ноги Джорджа.

«Здесь все по-другому, — успокаивал себя Джордж, пытаюсь унять страх. — Эти люди совсем другие. Они связаны с остальными людьми, но совсем другие».

Свет погас. Золотое яблоко светилось в темноте, словно полная луна. На боку чернело слово «КАЛЛИСТИ».

Со всех сторон зала гулко зазвучал голос, похожий на голос Хагбарда: «Нет богини, кроме Богини, и она — твоя богиня».

Прямо как церемония в Элкслубе, подумал Джордж. Но тут он почувствовал странный, никак не связанный с Благотворительным и Покровительствующим Орденом Лосей запах. Такой аромат ни с чем не спутаешь. Очень дорогое благовоние у этих людей. Да уж, крутая религия, или ложа, или как это называется. Но отчего же не позволить себе все самое лучшее, если ты льняной магнат. Хм, *льняной!* Трудно представить, как можно сколотить такой огромный капитал, занимаясь льняным бизнесом. Ты монополизировал рынок, или что? Кажется, на меня начинает действовать. Нехорошо обкуривать человека без его согласия.

Джордж заметил, что сжимает рукой пенис, который заметно уменьшился в размерах. Он ободряюще его потянул.

Голос продолжал вещать: «Нет движения, кроме дискордианского движения, и это — дискордианское движение».

Это казалось очевидным. Джордж закатил глаза и наблюдал, как гигантское, мерцающее золотом яблоко вращается над ним.

— Это один из самых священных и самых важных моментов для каждого дискордианца. Это момент, когда великое, пульсирующее сердце Дискордии бьется и расширяется, пока Она, Зачинательница Всего, готовится поглотить в свое тяжело дышащее хаотическое лоно очередного легионера из Легиона Динамического Раздора. О Минервал, желаешь ли ты посвятить себя Дискордии?

Почувствовав смущение, когда к нему обратились напрямую, Джордж убрал руку с члена.

— Да, — произнес он голосом, который показался ему самому приглушенным.

— Ты человек, а не капуста или что-то в этом роде?

— Нет, — хихикнул Джордж.

— Как жаль, — пророкотал голос. — Ты хочешь стать лучше? -Да.

— Как глупо. Ты хочешь философической иллюминизации? "Почему именно это слово? — быстро промелькнуло в голове Джорджа. — Почему *иллюминизации*?" Но вслух он сказал: «Думаю, да».

— Как забавно. Ты посвятишь себя святому дискордианскому движению?

— Пока оно меня будет устраивать, — пожал плечами Джордж.

Вдруг он почувствовал холодок в животе. Из-за пирамиды вышла обнаженная и светящаяся Стелла Марис. Теплый свет золотого яблока освещал яркие черные и коричневые тона ее тела. Джордж ощутил, как его пенис снова наполнился кровью. В этой части программы все должно быть *о'кей*. Стелла шла к нему медленной величавой поступью, посверкивая и позвякивая золотыми браслетами на запястьях. Джордж испытывал голод, жажду и давление, словно у него в животе медленно надувался шар. С каждым ударом сердца его член поднимался все выше. Мышцы в ягодицах и бедрах напрягались, расслаблялись и снова напрягались.

Стелла сделала несколько скользких танцевальных па и начала обходить его по кругу, одной рукой касаясь обнаженной талии Джорджа. Он сделал шаг вперед и протянул к ней руки. Она танцевала на цыпочках, вращаясь и поднимая руки над головой. Ее тяжелые конусообразные груди с черными сосками взлетали вверх. Только сейчас Джордж понял, почему некоторым мужчинам так нравятся большие сиськи. Он скользнул взглядом по ее упругим ягодицам, очертаниям мускулистых бедер и икрам длинных ног. Его потянуло к ней. Она неожиданно остановилась со слегка расставленными ногами (которые образовали треугольник, сходящийся с треугольником густых волос в «королевской арке»), не переставая плавно покачивать бедрами. Член Джорджа тянулся к Стелле, словно железо к магниту. Он опустил глаза ниже и заметил выступившую на кончике члена крошечную жемчужинку влаги, которая посверкивала золотом под струившимся светом яблока. Полифем страстно желал войти в пещеру.

Джордж прижимался к ней, пока головка змея не утонула в густом, заросшем колючим кустарником садике, которым заканчивался ее живот. Он положил руки на ее груди, ощущая, как вздымается и падает ее грудная клетка и как учащенно она дышит. Она полуприкрыла глаза и слегка приоткрыла рот. Ее ноздри широко раздувались.

Она облизнула губы, и он почувствовал, как ее пальцы нежно обвили его член и начали ласково поглаживать растирающими движениями, достаточными для возбуждения. Она немного отступила назад и придавила пальцем его влажную головку. Джордж начал поглаживать пальцами ее горячие и распухшие губы, скрытые в зарослях лобковых волос, и почувствовал, как они увлажнились от сочившейся смазки. Он ввел кончик среднего пальца в ее влагалище и начал медленно продвигать все глубже, пока весь палец не оказался внутри тугого отверстия. Она тяжело дышала, и извивалась всем телом, словно наматываясь спиралью на его палец.

— О Боже! — прошептал Джордж.

— Богиня! — горячо откликнулась Стелла. Джордж кивнул.

— Богиня, -хрипло пробормотал он, в такой же мере имея ввиду Стеллу, как и легендарную Дискордию.

Она с улыбкой немного отстранилась.

— Постарайся представить, что это не я, Стелла Марис, младшая дочь Дискордии. Стелла — просто сосуд Богини. Ее жрица. Представляй себе

Богиню. Представляй, как она входит в меня и действует через меня. Сейчас я — это она! — Все это время она нежно, но настойчиво гладила Полифема. Он уже и так свирепствовал, как жеребец, но казалось, что он возбуждался все сильнее, если такое вообще возможно.

— Через секунду я кончу тебе в руку, — застонал Джордж. Он схватил ее руку за тонкое запястье и отвел в сторону. — *Я должен тебя трахнуть, кем бы ты ни была, женщиной или богиней. Пожалуйста!*

Она отступила назад и развела руки в сторону, как бы принимая его предложение и приглашая его приблизиться. Но при этом сказала: «Сейчас поднимайся по ступеням. Доберись до яблока». Ее ноги вспорхнули по пушистому ковру, и через мгновение она исчезла за пирамидой.

Он поднялся на семнадцать ступеней, все еще ощущая, как ноет его вздыбленный одноглазый *старина*. Попав на вершину пирамиды, которая оказалась просторной и плоской, он оказался перед яблоком. Он протянул руку и прикоснулся к нему, ожидая почувствовать холодный металл, но к своему удивлению обнаружил, что эта излучающая мягкий свет текстура столь же тепла на ощупь, как человеческое тело. Примерно на полфута ниже своей талии он увидел темное эллиптическое отверстие в поверхности яблока, и в его душе зародилось страшное подозрение.

— Ты правильно понял, Джордж, — пророкотал голос, руководивший его инициацией. — Сейчас ты должен посадить в яблоко твое семя. Давай, Джордж. Отдайся Богине.

«Вот дерьмо какое, — подумал Джордж. — Какая идиотская идея! Вот так до сумасшествия возбудить мужика, а потом надеяться, что он трахнет этот чертов золотой идол». Ему страшно захотелось повернуться спиной к яблоку, сесть на верхнюю ступеньку пирамиды и сдрочить, чтобы показать им, что он о них думает.

— Джордж, неужели мы тебя огорчили? В яблоке хорошо. Давай же, иди. Скорее.

«Какой я доверчивый, — подумал Джордж. — Но отверстие есть отверстие. Все дело в трении». Он подошел к яблоку и осторожно ввел кончик члена в эллиптическое отверстие, отчасти ожидая, что какая-то механическая сила засосет его внутрь, а отчасти опасаясь, как бы его не отсекла миниатюрная гильотина. Но ничего страшного не случилось. Он даже не почувствовал бортиков. Джордж сделал еще один шаг вперед и ввел член в отверстие наполовину. По-прежнему ничего. Затем что-то теплое, влажное и волосатое прижалось к нему. И что бы это ни было, оно оказалось упругим при надавливании. Он начал продвигать член вперед и почувствовал, как сопротивление исчезло: он проскользнул внутрь. Влагалище, ей-богу, влагалище! — и на ощупь почти наверняка принадлежащее Стелле.

Джордж тяжело выдохнул, для устойчивости прижал руки к гладкой поверхности яблока и принялся накачивать. Насос внутри яблока работал так же яростно. Бедра и живот Джорджа упирались в теплый металл. Внезапно таз внутри яблока с силой прижался к отверстию и донесся приглушенный крик. Эхо заставило его повиснуть в воздухе, и в этом крике было все: агония, спазм, вожделение, конвульсия, помешательство, ужас и экстаз жизни от начала времен и до скончания века.

Член Джорджа раздулся, как воздушный шар, который вот-вот лопнет. Сцепив зубы, он сладострастно оскалился. Его пах, основание пениса, кожа на чувствительных участках электризовались в сладком предвосхищении оргазма. Он кончал. Издав крик, он извергнул семя в невидимое влагалище,

в яблоко, в Богиню, в вечность.

Сверху послышался грохот. Глаза Джорджа открылись. Со сводчатого потолка на него стремительно летела веревка, на конце которой висело голое мужское тело. Когда оно почти коснулось ногами черенка яблока, послышался отвратительный треск. Вережка резко остановилась, и тело зависло, подергивая ногами. Пока конвульсии эякуляции все еще сотрясали тело Джорджа, пенис над его головой вздыбился, и из него хлынули сгустки белой спермы.словно крошечные голуби, они пролетели мимо поднятой в ужасе головы Джорджа и пролились на поверхность пирамиды. Джордж смотрел на лицо, на склонившуюся на одну сторону голову, на сломанную шею, на узел, туго завязанный за ухом повешенного. Это было его собственное лицо.

Джордж обезумел. Он вытащил пенис из яблока и, едва не падая, ринулся вниз по ступенькам пирамиды. Он пробежал семнадцать ступенек и оглянулся. Мертвое тело по-прежнему висело на веревке, спускавшейся через открытый в потолке люк. Пенис опал. Тело медленно покачивалось.

Зал огласился чудовищным смехом, похожим на смех Хагбарда Челине.

— Наши соболезнования, -произнес голос. — Отныне ты легионер в Легионе Динамического Раздора.

Висевшее тело бесшумно исчезло. В потолке не было люка. Огромный оркестр начал исполнять «Торжественный марш» Эльгара. Из-за пирамиды снова вышла Стелла Марис, на этот раз в простом белом халате, полностью скрывавшем ее тело. Ее глаза сияли. Она несла серебряный поднос с горячим полотенцем, от которого шел пар. Она поставила поднос на пол, опустилась на колени и укутала опавший член Джорджа в полотенце. Это было приятно.

— Ты был прекрасен! — прошептала она.

— Да, но — какая гадость! — Джордж взглянул на вершину пирамиды. Золотое яблоко ярко светилось.

— Встань с пола, — сказал он. — Ты меня смущаешь.

Она поднялась и одарила его ослепительной улыбкой полностью удовлетворенной женщины, чей любовник оказался на высоте.

— Рад, что тебе понравилось, -сказал Джордж, ощущая, как самые разные эмоции постепенно смешиваются и выливаются в раздражение. — Я не понял, в чем смысл последней шуточки. Навсегда отвратить меня от секса?

Стелла рассмеялась.

— Джордж, просто прими это. Тебя ведь ничто не отвратит от секса, верно? Так что не стоит портить себе праздник.

— Праздник"? Ты считаешь это чертово мерзопакостное гнилое представление праздником? Мать вашу так и перетак!

— Мать нашу? Э, нет, это только при посвящении в диаконы. Джордж сердито покачал головой. Она не испытывала ни малейшего чувства стыда. Он умолк.

— Если у тебя есть жалобы, милый, обращай с ними к Епископу Клики «Лейфа Эриксона» Хагбарду Челине, — сказала Стелла. Она отвернулась и начала удаляться обратно за пирамиду. — Кстати, он тебя ждет. Обратно иди той же дорогой, как пришел. В следующей комнате найдешь сменную одежду.

— Постой! — окликнул ее Джордж. — Что все-таки означает это «Каллисти», а?

Но она ушла.

В тамбуре зала для инициации он нашел зеленую тунику и обтягивающие черные брюки. Ему не хотелось надевать эту одежду. Наверняка такую униформу носят все члены этого идиотского культа, к которому он не желает присоединяться. Но другой одежды не было. Стояла еще пара красивых черных ботинок. Все это было очень удобным и превосходно на нем сидело. На стене висело зеркало в полный рост, он посмотрел на себя и нехотя признал, что экипировка была потрясающей. На левой стороне его груди сверкало крошечное золотое яблоко. Надо бы еще помыть волосы, а то они уже начали слипаться прядями.

Пройдя еще две двери, он предстал перед Хагбардом.

— Тебе не понравилась наша маленькая церемония? — спросил Хагбард с преувеличенным сочувствием. — Мне очень жаль. Я так ею гордился, особенно теми эпизодами, которые позаимствовал у Уильяма Берроуза и маркиза де Сада.

— Какая гадость, — сказал Джордж. — А помещать женщину в яблоко, чтобы я не мог заниматься сексом с ней лично, а лишь использовать ее в качестве резервуара как... как объект. Ты превратил это в порнографию. И к тому же садистскую порнографию.

— Послушай, Джордж, — сказал Хагбард. — Давай посмотрим правде в глаза. Если бы не было смерти, не было бы секса. Если бы не было секса, не было бы смерти. А без секса не было бы ни эволюции сознания, ни эволюции человеческой расы. Поэтому смерть — неотъемлемая часть секса. Смерть — это цена оргазма. Лишь одно существо на этой планете бесполо, разумно и бессмертно. Пока ты извергал семя в символ жизни, я показал тебе оргазм и смерть в одном лице и довел это до твоего сознания. И ты никогда этого не забудешь. Это было постижение, Джордж. Разве не так? Джордж неохотно кивнул.

— Это было постижение.

— И теперь в глубине души ты знаешь о жизни немного больше, чем раньше, ведь так, Джордж?

— Да.

— Ну что ж, спасибо, что вошел в Легион Динамического Раздора.

— Пожалуйста.

Кивком головы Хагбард подозвал Джорджа к краю балкона в форме лодки. Он показал рукой вниз. Далеко внизу в сине-зеленой среде, по которой они, казалось, летели, Джордж увидел холмистые участки земли, возвышенности, извилистые русла рек, а затем разрушенные здания. Джордж открыл рот от изумления. Внизу высились пирамиды, такие же высокие, как холмы.

— Это один из крупных портовых городов, — сказал Хагбард. — На протяжении тысячи лет сюда и обратно курсировали торговые галеры из обеих Америк.

— Как давно это было?

— Десять тысяч лет назад, — сказал Хагбард. — Это один из последних исчезнувших городов. Разумеется, к тому времени их цивилизация пришла в довольно сильный упадок. А сейчас у нас проблема. Иллюминаты уже здесь.

Из темноты выплыл крупный обтекаемый голубовато-серый объект и пристроился к субмарине. У Джорджа екнуло сердце. Очередной розыгрыш Хагбарда?

— Что это за рыба? Как ей удастся не отставать от нас? — спросил

Джордж.

— Это дельфин: не рыба, а млекопитающее. Вообще под водой они могут плыть намного быстрее, чем подводная лодка. Так что правильнее сказать, что мы не отстаем от них. Вокруг тел дельфинов образуется пленка, благодаря которой они скользят в воде, не вызывая турбулентности. Я изучил, как они это делают, и применил новые знания при проектировании субмарины. Мы можем пересечь под водой Атлантику меньше чем за сутки.

С пульта управления послышался голос. «Лучше стань прозрачным. Через десять миль ты окажешься в диапазоне действия их приборов».

— Хорошо, — отозвался Хагбард.

— С кем ты говоришь? — спросил Джордж.

— С Говардом.

Голос сказал: «Раньше я никогда не видел таких механизмов. Немного похожи на крабов. Раскопали уже почти весь храм».

— Когда иллюминаты делают что-то сами, они делают это превосходно, — заметил Хагбард.

— Кто такой Говард, черт побери? — не унимался Джордж.

— Это я. Снаружи. Приветствую вас, мистер Человек, — сказал голос. — Говард — это я.

Еще не в состоянии поверить, но уже догадываясь, что происходит, Джордж медленно повернул голову. Из-за стекла на него смотрел дельфин.

— Как он с нами разговаривает? — спросил Джордж.

— Он плывет рядом с носом лодки, где мы принимаем звуковые волны его голоса. Мой компьютер переводит его слова с языка дельфинов на английский. Микрофон, который находится здесь, в рубке, посылает наши голоса в компьютер, который переводит их на дельфиний язык и передает в воде соответствующие звуки.

— О-го-го, да-да-да, человеку рад всегда, — запел Говард. — Это новый человек, будем с ним друзья навек.

— Они много поют, — сказал Хагбард. — А также сочиняют стихи. Это значительная часть их культуры. Только у них поэтика неотделима от атлетики. В основном они плавают, охотятся и общаются друг с другом.

— И все это мы делаем с поразительной легкостью и необычайным мастерством, — заметил Говард, делая снаружи мертвую петлю.

— Веди нас к врагу, Говард, — сказал Хагбард. Говард выплыл вперед и запел:

Вперед, вперед, сквозь сотни миль воды!
Коварный враг, ты нас не обманул.
В борьбе нелегкой будем мы тверды,
Всех победим кальмаров и акул.

— Они помешаны на эпосе, — сказал Хагбард. — Всю историю последних сорока тысяч лет они описали в эпической форме. Ни книг, ни письменности — как бы они держали в плавниках ручку? Сплошное запоминание. Вот почему они так любят поэзию. У них чудесные поэмы, но, чтобы понять их язык, тебе придется потратить долгие годы на его изучение. Наш компьютер превращает их стихи в рифмованную бессмыслицу. Это максимум, на что он способен. Когда у меня будет время, я добавлю в программу кое-какие циклы, с помощью которых удастся полноценно переводить поэзию с одного языка на другой. Перевод антологии дельфиньей поэзии продвинет нашу

культуру на столетия, если не на тысячелетия, вперед. Это все равно что обнаружить сочинения целой расы Шекспиров, писанные в течение сорока тысяч лет.

— Но в то же время, — заметил Говард, — культурный шок может полностью деморализовать вашу цивилизацию...

— Вряд ли, — буркнул Хагбард. — Ты же знаешь, мы тоже можем вас кое-чему научить.

— Впрочем, наши психотерапевты облегчат для вас мучительный процесс переваривания нашего знания, — закончил Говард.

— У них есть психотерапевты? — спросил Джордж.

— Они создали психоанализ много тысяч лет назад как способ убивать время при длительных миграциях. У них чрезвычайно сложные представления и системы символов. Но их психика коренным образом отличается от нашей. Она целостна, если можно так выразиться. Она структурно не дифференцирована на *эго*, *супер-эго* и *ид*. Они ничего не вытесняют из сознания. Они полностью осознают и принимают как данность самые примитивные желания. Их действиями руководит сознательная воля, а не воспитанная родителями привычка к дисциплине. Они не страдают ни неврозами, ни психозами. Психоанализ для них — не лекарское искусство, а скорее поэтико-автобиографическое упражнение. У них нет проблем с психикой, которые требуют лечения.

— Не совсем так, — поправил его Говард. — Двадцать тысяч лет назад существовала философская школа, которая завидовала людям. Ее сторонники называли себя Первородными Грешниками, считая себя подобием прародителей человеческой расы, которые, как гласят некоторые из ваших легенд, позавидовали богам, из-за чего и пострадали. Они считали людей более совершенными, поскольку люди способны делать то, на что не способны дельфины. Они впадали в отчаяние, и многие из них покончили жизнь самоубийством. В долгой истории дельфинов они оказались единственными невротиками. А вообще-то наши философы считают, что каждый день нашей жизни мы живем красиво, чего нельзя сказать ни об одном человеке. Нашу культуру можно назвать комментарием к нашей естественной среде обитания, тогда как человеческая культура воюет с природой. Если какая-то раса страдает, то только ваша. Вы способны на многое, и все, что вам по силам, вы чувствуете себя обязанными делать. А в продолжение темы войны замечу, что враг находится впереди.

Джордж различил вдали величественный город, возвышавшийся на холмах; холмы окружали глубокую впадину, которая, должно быть, была гаванью в те далекие времена, когда Атлантида находилась на поверхности земли. Повсюду, насколько видел глаз, тянулись здания. В основном они были приземистыми, но иногда встречались высокие прямоугольные башни. Субмарина направлялась к центру прибрежной части древнего города. Джордж не сводил глаз со зданий; сейчас он видел их намного лучше. Они были угловатыми, весьма современными на вид, особенно по сравнению с архитектурой другого города, над которым они проплыли, где чувствовалось смешение греческой, египетской и майянской культур. Пирамид здесь не было. Но у многих строений были разломаны крыши, а другие здания и вовсе превратились в груды развалин. Но все равно казалось поразительным, что затонувший в результате чудовищного землетрясения город, который опустился на многие тысячи футов, пока не оказался на дне океана, так хорошо сохранился. Наверное, здания были невероятно прочными и

долговечными. Если бы Нью-Йорк пережил подобную катастрофу, от его небоскребов из стекла и металлических сплавов давно уже не осталось бы и следа.

Затем Джордж все-таки увидел одну пирамиду. Она была намного ниже окружавших ее башен и мерцала неярким желтым светом. Хотя ей недоставало высоты, она явно доминировала над гаванью, как приземистый, но могущественный военачальник доминирует в кругу высоких стройных воинов. Вокруг ее основания что-то двигалось.

— Это город Пеос в районе Посейда, — сказал Хагбард. — В Атлантиде целое тысячелетие после Драконьей Звезды это был самый великий город. Вроде как Константинополь, который тысячу лет был великим городом после падения Рима. И эта пирамида — Храм Тефиды, богини океанов и морей. Пеос стал великим городом благодаря судоходству. Я испытываю глубокую симпатию к этому народу.

Вокруг основания храма ползали странные морские существа, похожие на гигантских пауков. К их головам были прикреплены прожекторы, подсвечивавшие стены храма. Когда подводная лодка подошла ближе, Джордж разглядел, что это были не пауки, а машины, причем корпус каждой из них был размером с танк. Они рыли глубокие рвы вокруг основания пирамиды.

— Интересно, где их строили, — пробормотал Хагбард. — Трудно сохранить в секрете такой проект.

Пока он говорил, пауки прекратили все работы вокруг пирамиды. На мгновение они замерли. Затем один из них поднялся с океанского дна, за ним последовал другой, потом еще один. Они быстро выстроились клином и двинулись на подводную лодку, словно пытаясь схватить ее вытянутыми вперед клешнями. По мере приближения их скорость увеличивалась.

— Они нас засекли, — прорычал Хагбард. — Не должны были, но засекли. Никогда не стоит недооценивать иллюминатов. Ладно, Джордж. Не дрейфь. Нам предстоит сражение.

В это мгновение, но ровно на два часа раньше, Ребекка Гудман пробудилась от сна, в котором видела Сола, одну из заек «Плейбоя» и что-то зловещее. Звонил телефон («Кажется, там была еще пирамида, — пыталась вспомнить она, — или что-то в этом роде?»). Она потянулась слабой рукой мимо статуэтки русалки к телефонной трубке, сняла ее и поднесла к уху.

— Да, — осторожно произнесла она.

— Положи руку на свою кисть и слушай, — сказал Августейший Персонаж. — Я хочу задрать твоё платье и... — Ребекка бросила трубку.

Вдруг она вспомнила, какой испытывала кайф, вводя иглу в вену, и все те потерянные годы. Сол спас ее от этого кошмара, а сейчас Сол пропал, и странные голоса болтают по телефону о сексе точно так же, как наркоманы о своей дряни. «В начале был Мумму, дух чистого Хаоса. В начале было Слово, и оно было написано бабуином». Ребекка Гудман, двадцати пяти лет от роду, начала плакать. «Если он мертв, — думала она, — эти годы тоже потеряны. Обучение любви. Обучение тому, что секс — это нечто большее, чем очередная разновидность наркотика. Обучение тому, что нежность — это нечто большее, чем слово в словаре; что, как сказал Д. Г. Лоуренс, это не дополнение к сексу, а его основа. Обучение тому, о чем даже не догадывается этот телефонный маньяк, как не догадываются и многие люди в этой сумасшедшей стране. А затем утрата, утрата из-за какой-то дурной пули, бессмысленно выпущенной из ружья».

Августейший Персонаж, собираясь выйти из будки телефона-автомата на углу Сороковой улицы и авеню Америк, замечает на полу мерцание пластика. Нагнувшись, он поднимает порнографическую карту Таро, которую быстро сует в карман, чтобы рассмотреть на досуге.

Это Пятерка Пентаклей.

А когда тронный зал опустел и изумленные правоверные, укрепившись в вере, разошлись, Хасан опустился на колени и раздвинул две половинки блюда под подбородком Ибн Азифа. «Весьма убедительные крики», — прокомментировал он, глядя на отверстие люка, скрытое до сих пор блюдом; из люка вылез Ибн Азиф, довольный тем, как он справился с ролью. Под его головой было здоровенное, весьма упитанное тело.

Трип пятый, или ГЕБУРА

И вот как был сформулирован Закон: УСТАНОВЛЕНИЕ ПОРЯДКА = ЭСКАЛАЦИЯ ХАОСА!

Лорд Омар Хайям Равенхурст, «Евангелие от Фреда», Честная Книга Истины

Вспыхнули огни, компьютер загудел. Хагбард подсоединил электроды.

30 января 1939 года один маленький глупый человечек выступил в Берлине с маленькой глупой речью. Помимо прочего он заявил: «В этот день, который, возможно, запомнится не только нам, немцам, я хочу сказать еще вот о чем: много раз в жизни был я пророком, и в большинстве случаев надо мной смеялись. Когда я боролся за власть, над моим пророчеством о том, что придет день и я стану управлять государством, а значит, всем народом, и в том числе решать еврейскую проблему, смеялись в основном евреи. Я убежден, что гиеноподобный смех евреев Германии застрянет в их глотках. Сегодня я в очередной раз хочу быть пророком: если международному финансовому заговору евреев в Европе и за пределами Европы опять удастся ввергнуть народы в мировую войну, это приведет к полному уничтожению всей еврейской расы в Европе». И так далее. Он всегда говорил что-то подобное. К 1939 году многие поняли, что глупый маленький человек был к тому же кровожадным маленьким чудовищем, но только маленькая горстка людей обратила внимание на то, что впервые в своих антисемитских речах он употребил слово *Vernichtung* — «уничтожение». Но даже они не могли поверить, что именно это он и имел в виду. В сущности, кроме узкого круга его друзей, никто даже не догадывался, что планировал этот маленький человек, Адольф Гитлер.

Кроме этого узкого, очень узкого, круга друзей, в близком контакте с *Фюрером* находились и другие люди, но и они не догадывались, что у него на уме. Например, Герман Раушнинг, губернатор Данцига, был убежденным нацистом, пока по некоторым намекам не начал понимать, куда ведут тайные желания Гитлера. Сбежав во Францию, Раушнинг написал книгу, предупреждавшую о планах его бывшего руководителя. Она называлась «Голос разрушения» и была очень убедительной, но самые интересные места в книге не понял ни сам Раушнинг, ни большинство его читателей. «Кто видит в национал-социализме всего лишь политическое движение, мало о нем знает», — говорил Гитлер Раушнингу, и это высказывание есть в книге, но Раушнинг и его читатели продолжали считать национал-социализм

чрезвычайно гнусным и опасным *политическим движением*, и не более того. «Сотворение мира еще не завершено», — в другой раз сказал ему Гитлер; и Раушнинг снова записывал, не понимая смысла этой фразы. «Планета переживет подъем, который вы, непосвященные, не поймете», — пророчествовал *Фюрер* в очередной беседе; а еще как-то он заметил, что нацизм не только больше, чем политическое движение, но и «больше, чем новая религия»; и Раушнинг все это записывал, но ничего не понимал. Он даже зафиксировал слова личного врача Гитлера, который засвидетельствовал, что глупый и кровожадный маленький человек часто просыпается по ночам, потому что его мучают дикие кошмары, и кричит: «Это ОН, это ОН, ОН пришел за мной!» Старый добрый Герман Раушнинг, немец старой закалки, не готовый принять Новую Национал-социалистическую Германию, считал все это проявлением психической неуравновешенности Гитлера...

Все они возвращаются, все. Гитлер, и Штрайхер, и Геббельс, и за ними такие силы, что ты даже не можешь представить, папаша...

Ты считаешь, они были людьми, — продолжал бормотать пациент психиатру, слушавшему его с изумлением, — но подожди, вот ты увидишь их во второй раз. Они идут... К концу месяца будут здесь...

Карл Хаусхофер не был судим в Нюрнберге; попросите людей назвать имена тех, кто несет главную ответственность за решение о *Vernichtung* (уничтожении), и его имя никто не упомянет; даже в многочисленных версиях истории нацистской Германии его имя фигурирует разве что в сносках. Однако о его частых визитах в Тибет Японию и другие страны Востока, о его даре пророчества и ясновидения рассказывают странные истории. По одной легенде, он принадлежал к некоей секте весьма своеобразных буддистов-раскольников, которые доверили ему выполнение столь серьезной миссии в Западном мире, что он дал клятву покончить с собой, если ему не удастся ее осуществить. Если последние слухи верны, Хаусхофер, видимо, не справился с миссией, потому что в марте 1946 года он убил свою жену Марту, а затем совершил японский ритуал самоубийства, *сэппуку*. Его сын, Альбрехт, к тому времени был казнен за участие в «заговоре офицеров» с целью убийства Гитлера. (Об отце Альбрехт написал в стихотворении: «Мой отец взломал печать./ Он не почувствовал дыхания Зла/ И выпустил Его скитаться по миру!»)

Именно Карл Хаусхофер — ясновидящий, мистик, медиум, востоковед и человек, фанатично веривший в исчезнувший континент Туле, — представил Гитлера ложе иллюминатов в Мюнхене в 1923 году. Вскоре Гитлер предпринял первую попытку захватить власть.

Ни одного разумного объяснения событий, происходивших в Чикаго в августе 1968 года, которое показалось бы убедительным всем участникам и наблюдателям, до сих пор никто не предложил. Это указывает на необходимость создания моделей в духе структурного анализа, описанного в книге фон Неймана и Моргенштерна «*Теория игр и экономическое поведение*». Такие модели позволят нам абсолютно функционально выразить то, что происходит, не примешивая наши предубеждения и соображения морали. Чтобы понять модель, с которой мы работаем, представьте себе две команды: автомобилистов и велосипедистов, которые одновременно участвуют в гонках по одной и той же горе. Автомобилисты едут в гору, велосипедисты — с горы. Скульптура Пикассо перед Гражданским Центром служит местом старта автомобильных гонок и местом финиша велосипедных.

Понтий Пилат, переодетый Сирханом Сирханом, открывает гонки выстрелом, тем самым, дисквалифицируя Роберта Ф. Кеннеди, из-за которого совершила самоубийство Мэрилин Монро, что зафиксировано в самых заслуживающих доверия бульварных газетах.

Я ДРУЖЕСТВЕННЫЙ СПАЙДЕРМЕН,
ЖИВУЩИЙ ПО СОСЕДСТВУ. ПОРА ПОНЯТЬ,
ЧТО ВЫ — НЕ ДЖОЗЕФ УЭНДЕЛЛ МАЛИК.

«Ангелы ада» на мотоциклах никак не вписываются в структуру гонок, поэтому они бесконечно кружат вокруг героической статуи генерала Логана в Грант-парке (места финиша для участников гонок распятия в гору), что позволяет вывести их за рамки действия, которое разворачивается, конечно же, в Америке.

Когда Иисус падает в первый раз, это считается результатом прокола шины, и Саймон подкачивает шины насосом, но из-за угрозы залить ЛСД в водопровод назначается штраф, и вся команда отбрасывается на три квартала назад мейсом, дубинками и автоматами банды Капоне, вырвавшейся из очередной петли времени в том же мультиверсуме. Задолго до Эйнштейна Уиллард Гиббс создал современный космос, и его концепция вероятной, или статистической реальности, перекрестно оплодотворенная вторым законом термодинамики с легкой руки Шаннона и Винера, привела к определению информации как негативной противоположности вероятности, превратив избивание Иисуса чикагскими копами в одно из тех событий, которые сплошь и рядом происходят во время таких квантовых скачков.

Центурион по имени Семпер Куний Лингус проходит мимо Саймона в Грант-парке, глядя на велосипедные гонки в гору. "Когда мы распинаем человека, — бормочет он, — он должен *распинаться*". Три Марии прижимают к лицам платочки, когда слезоточивый газ и «циклон-Б» начинают ползти в гору, к тому месту, где стоят кресты и статуя генерала Логана... «И не рвал тысячу ким»⁵⁵, — вполголоса напевает Святой Жаба, глядя на стоящего в двери Фишна Чипса... Артур Флегенхеймер и Роберт Патни Дрейк поднимаются по дымовой трубе... «Вовсе не обязательно верить в Санта-Клауса», — поясняет Г. Ф. Лавкрафт... «Амброз», — молит его Голландец.

— Но этого не может быть, — говорит Джо Малик, чуть не плача. — Не может же везде царить хаос. Тогда не стояли бы здания. Не летали бы самолеты. Прорвались все плотины. А все инженерные факультеты университетов превратились в сумасшедшие дома.

— А разве они уже не превратились? — спросил Саймон. — Ты читал последние данные по экологии? Близится экологическая катастрофа. Придется смотреть правде в глаза, Джо. Бог — это безумная женщина.

— В искривленном пространстве нет прямых линий, — дополняет Стелла.

— Но мое сознание умирает, — протестует Джо, вздрагивая.

Саймон держит початок кукурузы и поспешно ему говорит: «Осирис — черный бог!»

(Сэр Чарльз Джеймс Нейпир, бородатый и длинноволосый шестидесятилетний генерал армии ее королевского величества в Индии,

⁵⁵ Окончание знаменитой таинственной фразы из предсмертного бреда Голландца Шульца: «A boy has never wept, nor dashed a thousand kirn».

познакомился в январе 1843 года с одним весьма обаятельным мерзавцем и тотчас же написал своим близким друзьям в Англию, что этот странный человек отважен, умен, сказочно богат и абсолютно беспринципен. Поскольку последователи, которых было более трех миллионов, считали этого странного чудака Богом, он брал с них по двадцать рупий за разрешение поцеловать его руку, требовал (и добивался) сексуальной близости от приглянувшихся жен и дочерей своих правоверных последователей и доказывал свое божественное происхождение, бесстыдно и открыто совершая грехи, признаваясь в которых, любой смертный умер бы со стыда. А в сражении под Миани, поддержав британцев против мятежных белуджей, он еще и доказал, что может сражаться, как десять тигров. В общем, генерал Нейпир заключил, что Хасан Али Шах Махаллати, сорок шестой имам, или живой Бог, исмаилитской секты ислама, прямой потомок Хасана ибн Саббаха, первого Ага-Хана, — самый необычный человек на земле.)

Дорогой Джо,

Я снова вернулся в Чехаго, легендарную вотчину Горбатого Ричарда, всемирный свинарник и проч., где смог приходит, словно гроза, со стороны Гэри, что через озеро, и проч., и где мы с Падре по-прежнему работаем над мозгами местных Больших Шишек и проч., так что у меня появилось время написать тебе длинное письмо, как я и обещал.

Закон Пятерок — это вершина мысли Вейсгаупта, поэтому Хагбард и Джон не особенно интересуются дальнейшими спекуляциями на этот счет. Открытие феномена 23 и 17 целиком и полностью принадлежит мне, хотя ради справедливости надо сказать, что число 23 отмечал еще Уильям С. Берроуз, впрочем не приходя ни к каким выводам.

Я пишу это письмо на скамейке в Грант-парке, неподалеку от того места, где три года назад меня травил мейсом. Весьма символично.

Только что прошла женщина из «Матерей против полиомиелита». Я дал ей четверть доллара. Вот досада, как раз в тот момент, когда я пытался привести мысли в порядок. Когда ты приедешь сюда, я смогу рассказать тебе больше; в письме наверняка все окажется очень схематичным.

Между прочим, Берроуз столкнулся с числом 23 в Танжере, когда капитан парома по фамилии Кларк упомянул в разговоре, что проплавал двадцать три года без единой аварии. В этот же день его паром со всеми пассажирами на борту затонул. Берроуз задумался над этим в тот вечер, когда по радио сообщили, что разбился самолет «Истерн эрлайнс», следовавший из Нью-Йорка в Майами. Летчиком был тоже капитан Кларк, а самолет выполнял рейс номер 23.

— Если ты захочешь узнать о них больше, — сказал Саймон Джо (на этот раз на словах, а не в письме; после встречи с Диллинджером они ехали в Сан-Франциско), — достань из бумажника долларовую купюру и внимательно на нее посмотри. Давай, сделай это прямо сейчас. При мне. — Джо вытащил бумажник и нашел однодолларовую бумажку. (Годом позже в городе, который Саймон назвал Чехаго, подчеркивая синхронность двух вторжений августа 1968 года, на съезде РХОВ после вступительно-наступательной речи Улыбчивого Джима начинается перерыв на ленч. Саймон набрасывается на одного из распорядителей и кричит: «Эй ты, чертов педик, убери руки от моей жопы», — и в возникшей суматохе Джо без труда подсыпает АУМ в безалкогольный коктейль.)

— А мне надо записываться в библиотеку, чтобы посмотреть всего одну книжку? — спрашивает Кармел в публичной библиотеке Лас-Вегаса после того, как Малдонадо не сумел вывести его на какого-нибудь агента коммунистов.

— Одним из самых непонятных поступков Вашингтона, — рассказывает профессор Персиваль Петсделуп на лекции по истории Америки в Колумбийском университете в 1968 году, — был его отказ поддержать Тома Пейна, когда тому вынесли смертный приговор в Париже... "А что непонятного? — думает Джордж Дорн, сидя на галерке. — Вашингтон был штрейкбрехером Истэблишмента".

— Сначала рассмотри портрет на лицевой стороне, — говорит Саймон. — Это вовсе не Вашингтон, это Вейсгаупт. Сравни это изображение с любым из ранних, настоящих портретов Вашингтона, и ты поймешь, о чем я говорю. А как тебе эта загадочная полуулыбка? (С этой улыбкой Вейсгаупт закончил писать письмо, объяснявшее Пейну, почему он не сможет ему помочь; он скрепил его Великой печатью Соединенных Штатов, значение которой было известно только ему, и, откинувшись на спинку стула, вполголоса пробормотал: «Жак де Молэ, ты снова отмщен!»)

— Что значит я устроил беспорядок? Да вон тот педик своими ручищами схватил меня за жопу!

(— Ну, я не знаю, какую конкретно книжку, детка. Какую-нибудь, где рассказывается, как работают коммунисты. В общем, как гражданин и патриот может раскрыть шпионскую группу коммунистов в своем районе. Что-нибудь в таком духе, — поясняет Кармел библиотекарше.)

Толпа мужчин в синих рубашках и белых пластиковых шлемах проносится вниз по лестнице на углу Сорок третьей улицы и площади ООН мимо транспаранта с надписью «Перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы, и не будут более учиться воевать». Размахивая тяжелыми деревянными крестами и выкрикивая грозные боевые кличи, люди в шлемах врзаются в толпу, словно волна, нахлынувшая на песочный замок. Джордж видит, как они приближаются, и его сердце выпрыгивает из груди.

— А когда ты перевернешь купюру, то первым делом увидишь пирамиду иллюминатов. Ты заметишь, что на ней написано число 1776, но наше государство было основано в 1788 году. Предположительно, 1776 означает год подписания Декларации Независимости. Но истинная причина в том, что в 1776 году Вейсгаупт возродил орден иллюминатов. И как ты думаешь, почему в тринадцати ярусах пирамиды заключено семьдесят два сегмента? — спрашивает Саймон в 1969 году...

— Недоразумение, надо же! Когда мужик щупает мою задницу, я прекрасно понимаю, чего он хочет, — кричит Саймон в 1970 году... Джордж толкает локтем Питера Джексона. — «Божья молния», — говорит он. Пластиковые шлемы мерцают в лучах солнца, они снова прибывают волной, скатываясь по лестнице, вверху разворачивается флаг с красными буквами на белом фоне: «АМЕРИКА: ЛЮБИ ЕЕ, ИЛИ МЫ ТЕБЯ РАСТОПЧЕМ»...

"Христос на роликовых коньках, — говорит Питер, — а сейчас смотри: копов как ветром сдует..."

Диллинджер усаживается со скрещенными ногами в пятистенной комнате под залом для медитаций здания ООН. Он сплетает ноги в позу лотоса с легкостью, которая случайному свидетелю показалась бы необычайной для семидесятилетнего человека.

— Семьдесят два — это каббалистическое число Священного

Непроизносимого Имени Бога, используемое в черной магии, а тринадцать — это число ведьм на шабаше, — поясняет Саймон. — Вот почему. — Мерно рокочет двигатель «фольксвагена», направляющегося в Сан-Франциско.

Кармел спускается со ступенек публичной библиотеки Лас-Вегаса, зажав под мышкой книгу Дж. Эдгара Гувера «Мастера обмана», на его губах играет самодовольная ухмылка предвкушения, а Саймон наконец изгоняется из отеля «Шератон-Чикаго», выкрикивая: "Педики! Я понял, все вы тут — сборище педиков!"

— И здесь кроется одна из их шуток, — добавляет Саймон. — Ты видишь Звезду Давида над головой орла? Они ввели ее — одну шестиконечную иудейскую звезду, составленную из пятиконечных звезд, — именно для того, чтобы какие-нибудь маньяки правого толка ее увидели и сочли доказательством того, что сионские мудрецы контролируют казначейство и Федеральный резервный банк.

Обозревая сверху толпу на площади ООН, Зев Хирш, глава региональной штаб-квартиры «Божьей молнии» в штате Нью-Йорк, наблюдает, как его плечистые боевики, размахивающие деревянными крестами, словно томагавками, оттесняют трусливых участников антивоенной демонстрации. Но есть препятствие. Между боевиками «Божьей молнии» и их жертвой выстраивается синий ряд полицейских. За спинами копов противники войны хрипло выкрикивают ругательства в адрес противника в пластиковых шлемах. Зев бегаёт глазами толпу. Он ловит взгляд красномордого полицейского с золотым околышем на фуражке. Зев вопросительно смотрит на капитана полиции. Капитан подмигивает. Через минуту капитан делает незаметный жест левой рукой. Мгновенно строй полицейских исчезает, словно растворившись под ярким весенним солнцем, которое палит над площадью. Батальон «Божьей молнии» набрасывается на страдающих, оскорбленных и изумленных пацифистов. Зев хохочет. Это намного забавнее, чем былые избиения членов Лиги в защиту евреев. Все боевики пьяны. А дождь продолжается.

В иерусалимском кафе на открытом воздухе два седовласых старика в черном пьют кофе. Они пытаются скрыть эмоции от окружающих, но их глаза возбужденно блестят. Они разглядывают внутреннюю страницу газеты на иврите, где напечатаны два объявления: большой, в четверть страницы, анонс, извещающий о крупнейшем рок-фестивале всех времен в Баварии, в городе Ингольштадте, куда съедутся рок-группы и их многочисленные поклонники со всех стран мира; фестиваль называют европейским Вудстоком. Ниже на той же странице, в разделе частных объявлений, влажные глаза обоих стариков уже в пятый раз перечитывают строчку: "С благодарностью Св. Иуде за дарованное покровительство — А. В."

Один из стариков тычет дрожащим пальцем в страницу.

— Начинается, — говорит он по-немецки.

Второй кивает, и на его сморщенном лице разливается блаженная улыбка.

— Jawohl. Очень скоро начнется все. Der Tag. Скоро придется нам в Баварию ехать. Ewige Blumenkraft!

Карло кладет пистолет на столик между нами.

— Так-то вот, Джордж, — говорит он. — Революционер ты или просто строишь из себя революционера? Способен ли ты взять в руки оружие?

Я вытираю слезы. Внизу течет Пассеик, нескончаемый поток патерсонского мусора спускается вниз по течению в Ньюарк и Атлантический

океан. *Моя презренная трусливая душа напоминает мне такой же мусор...* Боевики «Божьей молнии» рассыпались веером, избивая дубинками каждого, у кого был нагрудный значок с надписью: «Я не хочу умирать за Фернандо-По». Кровопролитные игры в воздухе, недолговечные красные пузырьки перед похожим на надгробие зданием ООН... *Дыхание Диллинджера замедляется. Он неотрывно смотрит на рубиновый глаз на вершине тринадцатой ярусной пирамиды, скрытой в здании ООН, и размышляет о пятиугольниках.*

— Я Божья молния, — говорит Карло. — Это не шутка, малыш, я намерен довести дело до конца. — Он впивается в меня колючими глазами и выхватывает из кармана пружинный нож. — Проклятый комми, — внезапно взвизгивает он и так быстро вскакивает, что за его спиной опрокидывается стул. — На этот раз тебе конец. Я отрежу тебе яйца и отнесу их домой как сувенир. — Он делает выпад ножом, но в последний момент останавливает его. — Что, страшно? Эх ты, патлатый педик! Да у тебя вообще есть яйца, которые можно отрезать? Сейчас выясним. — Он двигается ко мне, размахивая ножом. Лезвие описывает в воздухе фигуры, похожие на змей.

— Послушай, — в отчаянии говорю я, — я ведь знаю, что ты просто разыгрываешь спектакль.

— Ты *ничего* не знаешь, малыш. Может быть, я из ФБР или ЦРУ. Может быть, это просто предлог, чтобы заставить тебя взять пистолет, и тогда я смогу тебя убить, заявив, что это была самооборона. Жизнь — это не только демонстрации и спектакли, Джордж. Приходит время, когда все становится гораздо серьезнее. — Он снова делает выпад ножом, и я неуклюже отшатываюсь. — Итак, ты берешь пистолет? Или лучше я отрежу тебе яйца и скажу Группе, что от тебя все равно не было бы никакого толку?

Он совершенно безумен, а я совершенно нормален. Возможно, это просто более обтекаемая формулировка истинного положения вещей, суть которого в том, что он храбрый, а я трусливый?

— Послушай, — говорю я, — я же знаю, что на самом деле ты меня не зарежешь, а ты знаешь, что я не стану в тебя стрелять...

— Насрать мне на твои *"я знаю"*, *"ты знаешь"*, — Карло больно бьет меня в грудь свободной рукой. — Я Божья молния, настоящая Божья молния. И я пойду до конца. Да, это проверка, но проверка настоящая. — Он снова меня бьет, заставив потерять равновесие, потом дает мне две оплеухи, одну за другой, быстро, как работают «дворники» на лобовом стекле. — Я всегда говорил, что вы, волосатые хиппующие коммунисты, ни хрена не стоите. Ты даже не можешь дать сдачи. Ты даже не можешь разозлиться, а? Тебе просто очень себя жалко, верно?

Это было уж слишком. Он задел за живое, я и впрямь в глубине души мучился из-за несправедливости всего происходившего, а тут еще его способность увидеть во мне больше, чем я обычно осмеливался видеть в себе сам; и тогда я схватил со стола пистолет и крикнул: "Ах ты садист-сталинист, сукин ты сын!"

— А *взгляни на орла*, — говорит Саймон. — *Посмотри очень внимательно. На самом деле в его левой лапе не оливковая ветвь, малыш. А наша старая добрая подруга Мария-Хуана. Ты просто никогда раньше не рассматривал долларовую купюру, верно?*

Ну а пирамида — это, конечно же, из алхимии. В традиционном символизме кубом, пирамидой и сферой представлены три вида секса. Куб — это та пародия, которую мы называем «нормальным» сексом: две нервные

системы, как две параллельные поверхности куба, никогда в действительности не сливаются во время оргазма. В пирамиде две поверхности сходятся в одной точке и сливаются в магически-телепатическом оргазме. Сфера подразумевает тантрический ритуал, который продолжается бесконечно и вообще не заканчивается оргазмом. Алхимики пользовались этим кодом более двух тысяч лет. Среди наших Отцов-основателей были розенкрейцеры, которые видели в пирамиде свой символ сексуальной магии. Не так давно с такой же смысловой нагрузкой этот символ использовал Алистер Кроули. Глаз в пирамиде означает встречу двух душ. Нейрологическое смыкание. Око Шивы. Ewige Schlangekraft — вечная змеиная сила. Слияние Розы и Креста, влагалища и пениса, в Розовый Крест. Астральный скачок. Сознание, ускользающее от физиологии.

Судя по тому, что сообщили ученые из ЭФО Хагбарду Челине, АУМ начинает действовать практически мгновенно, поэтому Джо подошел к первому человеку, отхлебнувшему коктейль, и завязал разговор.

— Улыбчивый Джим отлично выступил, — глубокомысленно сказал он.

(Я приставил ствол к брюху Карло и увидел, как у него побелели губы.

— Нет, не волнуйся, — сказал я, улыбаясь. — Я не стану в тебя стрелять. Но когда я вернусь, где-то на улицах Морнингсайд-Хейтс будет валяться мертвый легавый.

Он начал что-то говорить, но я врезал ему пистолетом и усмехнулся, глядя, как он ловит ртом воздух.

— Товарищ, — добавил я.

— Да, Улыбчивый Джим — прирожденный оратор, — поддакнул собеседник.

— Прирожденный оратор, — вымолвил со значением Джо. — Кстати, я Джим Маллисон из нью-йоркской делегации, — добавил он, протягивая собеседнику руку.

— Понял это по вашему акценту, — проницательно сказал собеседник. — А я Клем Котекс из Литтл-Рока. — Они обменялись рукопожатием. — Рад знакомству.

— Как нехорошо получилось с этим парнем, которого вышвырнули, — сказал Джо, понизив голос. — Мне показалось, что распорядитель действительно, ну, вы понимаете, трогал его.

Во взгляде Котекса мелькнуло удивление, но затем он с сомнением покачал головой.

— В наше время никогда не поймешь, особенно в больших городах... Вы действительно полагаете, что распорядитель из фирмы «Энди Фрейн» может быть... гомиком?

— Как вы сказали, в наше время в больших городах... — Джо пожал плечами. — Я просто говорю, что мне так кажется. Конечно, вполне возможно, что он вовсе не такой. Возможно, он просто мелкий воришка, который пытался залезть парню в карман. В наше время часто встречается и такое.

Рука Котекса произвольно потянулась к заднему карману брюк, убедиться, на месте ли бумажник, а Джо вкрадчиво продолжал:

— Но все же я не стал бы исключать и первое объяснение. Давайте на минуту задумаемся, что за люди хотят быть распорядителями на собрании РХОВ? Должно быть, вы сами заметили, как много в нашей организации гомосексуалистов.

— Как? — выкатил глаза Котекс.

— Не заметили? — надменно усмехнулся Джо. — Среди нас очень мало истинных христиан. Большинство *голубоватые*, вы понимаете, что я имею в виду? По-моему, это одна из самых больших наших проблем, которую мы должны открыто признать и откровенно обсудить. Разрядить обстановку, понимаете? Вот, к примеру, вы обращали внимание, как Улыбчивый Джим во время разговора всегда обнимает за плечи собеседника...

Котекс не дал ему договорить.

— Эй, мистер, да вы молодчина! До меня только сейчас дошло: некоторые из присутствующих мужчин, когда Улыбчивый Джим показывал те снимки с изображением женских половых органов, чтобы показать, до чего опустились наши журналы, действительно содрогались. Они не просто не одобряли, а испытывали явное отвращение. Скажите мне, какой *мужчина* сочтет отвратительной обнаженную леди?

«Давай, детка, давай», — думал Джордж. АУМ работает. Он быстро перевел разговор на другую тему.

— Есть еще одна вещь, которая меня тревожит. Почему мы никогда не подвергаем сомнению теорию сферической Земли?

— Как вы сказали?

— Смотрите, — сказал Джо. — Если все эти яйцеголовые ученые, коммунисты и либералы упорно навязывают ее нашим школам, значит, в ней наверняка есть что-то подозрительное. Разве вам никогда не приходило в голову, что теория шарообразной Земли никак не вписывается — ну просто никак, — в историю Всемирного Потопа, чудо Иисуса Навина или рассказ об искушении Христа, где он стоит на вершине храма и видит все царства земные? И как мужчина мужчину, я вас спрашиваю, разве во время путешествий вы хоть раз где-нибудь *видели* закругление? Все места, где я бывал, — плоские. Поверим ли мы Библии и свидетельству наших органов чувств или же так и будем слушать кучку агностиков и атеистов в лабораторных халатах?

— Но ведь тень Земли на Луне во время затмения...

Джо достал из кармана десятицентовую монетку и положил на ладонь.

— Эта монетка тоже отбрасывает круглую тень, но ведь она плоская, это не шар.

Пока Котекс долго смотрел в пустоту, Джо за ним наблюдал, с трудом сдерживая любопытство.

— Знаете что, — изрек наконец Котекс, — все библейские чудеса, и наши собственные путешествия, и тень на Луне — всё это имело бы смысл, если бы Земля имела форму *моркови*, а все континенты находились на торце...

«Хвала богу Саймона, Багзу Банни, — ликовал Джо. — Свершилось. Он не только стал доверчивым. Он еще и рождает идеи».

Я вышел за полицейским — легавым, поправил я себя, — из кафетерия. Я чувствовал возбуждение, понимая, что это Трип. Синий цвет его формы, неоновые вывески, даже зеленый цвет фонарных столбов — все было слишком ярким. Это адреналин. Во рту пересохло: обезвоживание. Все классические симптомы ситуации «дерись или убегай». Скиннер называет это синдромом активизации. Я пропустил полицейского — легавого — на полквартила вперед и потянулся в карман за револьвером.

— *Давай, Джордж!* — кричал Малик. Джордж не хотел убегать. Его сердце бешено колотилось, а руки и ноги так сильно дрожали, что он

понимал: в драке они ему не помогут. Но убегать он тоже не хотел. Он достаточно набегался от этих ублюдков.

Но от него ничего не зависело. Когда прибыли боевики в синих рубашках и белых шлемах, толпа отхлынула, и Джорджу пришлось отходить вместе с толпой, иначе его сбили бы с ног и затоптали.

— Давай же, Джордж. — Теперь рядом с ним был Питер Джексон, который тянул его, крепко держа за руку.

— Черт возьми, почему мы должны от них убегать? — сказал Джордж, отшатываясь назад.

Питер слабо улыбнулся.

— Как говорит твой любимый Мао, Джордж? Враг наступает, мы отступаем. Пусть на растерзание остаются фанатики «Моритури».

Я не мог это сделать. Моя рука сжимала револьвер, но я не мог его вытащить и размахивать им перед собой, как не мог достать из штанов пенис у всех на виду. Я не сомневался, что, хотя кроме меня и копа на улице не было ни души, с десятков зевак выскочит из дверей с криками: «Смотрите, он вытащил его из штанов».

Как и сейчас, когда Хагбард сказал: «Не дрейфь. Нам предстоит сражение», — я застыл на месте, как застыл на набережной Пассеика.

— Ты просто тешишь себя мыслью, что ты революционер? — спросил Карло.

А Мэвис-то как сказала: "Воинствующие радикалы из твоей компании могут только взять рецепт «коктейля Молотова», аккуратно вырезанный из «Нью-Йорк ривью оф букс», повесить на туалетной двери и драть на него".

Говард пел:

Враг атакует, его корабли близко,
Мы смотрим в глаза смерти, идем на риск,
Пришло время бесстрашно сражаться!
Мы будем драться, умирать, но не сдаваться!

На этот раз я вытащил револьвер из кармана, стоя и глядя вниз на Пассеик, и прижал ствол ко лбу. Если у меня не хватало мужества совершить убийство, то, видит Бог, моего отчаяния хватило бы на сотню самоубийств. Причем мне придется убить себя лишь один раз. Один раз — и потом забвение. Я взвел курок. (Очередной спектакль, Джордж? Или ты взаправду готов?) Я сделаю это, черт возьми, черт вас всех возьми. Я спустил курок, и когда прогремел выстрел, я провалился в черноту.

(АУМ был продуктом, разработанным учеными из ЭФО, Эридианского Фронта Освобождения, которым они поделились с ДЖЕМами. Это был экстракт конопли, усиленный РНК, «молекулой, отвечающей за обучение», с легкой примесью знаменитого «сан-францисского спидбола» — героина, кокаина и ЛСД. Он вызывал следующий эффект: героин снимал тревогу, РНК стимулировала творчество, конопля и кислота открывали сознание для радости, а кокаин вводился лишь для того, чтобы число компонентов соответствовало Закону Пятерок. Точность пропорций гарантировала отсутствие галлюцинаций и «кайфа», зато вызывала неожиданный всплеск «конструктивной доверчивости», как любил это называть Хагбард Челине.)

В движении большой массы людей иногда происходят внезапные изменения. Вместо того чтобы оттеснить Джорджа и Питера назад, толпа

между ними и белыми шлемами расступилась. Худой мужчина с глазами, полными невыразимой муки, тяжело навалился на Джорджа. Послышался ужасный звук удара, и мужчина упал на землю.

Джордж сначала увидел темно-коричневый деревянный крест, и только потом боевика, который им орудовал. На торце перекладины креста — кровь и налипшие волосы. Боевик из «Божьей молнии» — смуглый, широкоплечий и мускулистый, с синевой на щеках, по виду итальянец или испанец, — очень напоминал Карло. Его глаза были расширены, рот открыт, и он тяжело дышал. На лице ни ярости, ни садистской радости, а только бездумное и сильное напряжение человека, выполняющего тяжелую и изнурительную работу. Он наклонился над упавшим худым человеком и поднял крест.

— Ах так! — отрывисто рявкнул Питер Джексон. Он оттолкнул Джорджа в сторону. В его руке появился совершенно идиотский водяной пистолет из желтой пластмассы. Он выпустил струю жидкости в затылок ничего не подозревавшей «Божьей молнии». Боевик заорал, изогнулся дугой, выронил крест и упал на спину, корчась и пронзительно визжа.

— Вот тебе, урод! — прорычал Пит, втягивая Джорджа в гущу толпы, бежавшей с места проигранного сражения в сторону Сорок второй улицы.

— Еще полтора часа, — произносит Хагбард, и в его голосе наконец слышится тщательно скрываемое напряжение. Джордж сверяет часы — точно 22:30 по инголыштадскому времени. Группа «Пластиковое каное» завывает: **КРИШНА КРИШНА ХАРЕ ХАРЕ.**

(Двумя днями раньше под лучами полуденного солнца Кармел мчится в своем джипе, удаляясь от Лас-Вегаса.)

— И с кем же из Клики Нортон мне предстоит встретиться? — спрашивает Джо. — С судьей Кратером? Амелией Эрхарт? Сейчас я уже ничему не удивлюсь.

— С некоторыми очень надежными людьми, — отвечает Саймон. — Но не с теми, кого ты назвал. И прежде чем ты станешь просветленным, тебе придется умереть, по-настоящему умереть. — Он ласково улыбается. — Помимо смерти и воскресения ты не обнаружишь в этой компании ничего, что можно было бы назвать «сверхъестественным». И даже намек на сатанизм в старом чикагском стиле.

— Господи, — говорит Джо, — неужели это было всего неделю назад?

— Да, — усмехается Саймон, обгоняя на своем «фольксвагене» «шевроле» с орегонскими номерами. — Сейчас все еще 1969 год, даже если тебе кажется, что ты прожил несколько лет с того момента, как мы встретились на собрании анархистов. Он весело поблескивает глазами, краем глаза поглядывая на Джо.

— Насколько я понимаю, ты намекаешь, что знаешь содержание моих видений. Я уже вижу свое будущее.

— Такое всегда случается после доброй грязной черной мессы, когда в ладан подмешивают дурь, — объясняет Саймон. — Что же ты видишь? Это происходит во время бодрствования?

— Нет, только в снах. — Джо умолкает, задумавшись. — Но я знаю, что это реальная штука, потому что сны очень уж яркие. Одни видения связаны с каким-то съездом «за введение цензуры» в отеле «Шератон-Чикаго», который, кажется, будет проходить примерно через год. В других видениях я по какой-то причине перевоплощаюсь во врача, но, по-моему, это произойдет нескоро, лет через пять или шесть. И третья группа образов кажется мне съемками очередного фильма о Франкенштейне, но в массовой

играют только хиппи, и, по-моему, идет какой-то рок-фестиваль.

— Тебя это беспокоит?

— Немного. Я привык просыпаться по утрам, когда будущее — впереди, а не позади и впереди одновременно.

— Ты к этому привыкнешь. Ты лишь начинаешь вступать в контакт с тем, что старик Вейсгаупт называл *die Morgensheutegesternwelt* — завтрашне-сегодняшне-вчерашний мир. Это явление побудило Гете написать «Фауста», так же как девиз Вейсгаупта *Ewige Blumenkraft* вдохновил его на *"Ewige Wiebliche"*⁵⁶. И вот что я тебе скажу, — посоветовал Саймон. — Попробуй, по примеру Баки Фуллера, носить трое наручных часов. Одни пусть показывают текущее время там, где ты находишься, вторые — время там, куда ты направляешься, а третьи — время в каком-нибудь условном месте, например в Гринвиче или твоём родном городе. Это поможет тебе привыкнуть к относительности. И вообще, не свисти, когда пишешь. А когда перестаешь понимать, что к чему, можешь про себя повторять изречение Фуллера: «Оказывается, я — глагол».

Некоторое время они едут молча, пока Джо размышляет над тем, что он — глагол. "Вот черт, — думает он, — я так и не смог понять, что имеет в виду Фуллер, когда говорит, что *Бог* — это глагол". Саймон дает ему время на обдумывание, а сам снова мурлычет: «Рамзес Второй умер, любовь моя. Он гуляет по полям, где живут БЛАЖЕННЫЕ...» Джо чувствует, что впадает в дрему... и все лица за обеденным столом посмотрели на него с удивлением.

— Нет, серьезно, — сказал он. — Антропологи слишком робки, чтобы заявить об этом вслух, публично, но спросите любого из них в частной беседе, приперев к стенке.

Он отчетливо видит все детали: это был все тот же зал в отеле «Шератон-Чикаго» с теми же лицами. (Я был там раньше и говорил это раньше.)

— Индейские «танцы дождя» тоже срабатывают. Всегда начинается дождь. Тогда почему невозможно, что их боги реальны, а наши — нет? Было ли когда-нибудь так, что вы о чем-то просили Иисуса в молитвах и действительно это получали? — Воцарилось долгое молчание, и наконец старая женщина с напряженным лицом по-девичьи улыбается и заявляет: «Молодой человек, я хочу это проверить. Как можно встретиться с индейцем в Чикаго?»

Словно томагавки, кресты «Божьей молнии» поднимаются и падают на беззащитный череп худого мужчины. Они нашли своего раненого товарища на улице, где он лежал, корчась и стонал, рядом со своей жертвой. Двое боевиков перенесли раненого в сторону, пока остальные мстили находившемуся без сознания мирному демонстранту.

(«Ты, Лука, — говорит Иешуа бен Иосиф, — это не записывай».) Итак, пространство-время может искривляться и вновь приходить в порядок, когда вы здесь потеряетесь: Фернандо По смотрит в подзорную трубу на новый остров, не подозревая, что он будет назван в его честь и что в один прекрасный день Саймон Мун напишет:

«В 1472 году Фернандо По открыл Фернандо-По», а Хагбард скажет: «Истина — это тигр», пока Тимоти Лири совершает изящный побег из своего собственного Краун-Пойнта — тюрьмы Сан-Луис-Обиспо, а на четыре миллиарда лет раньше один сквинк говорит другому: «Я решил

⁵⁶ Вечная женственность (нем.).

экологическую проблему на этой новой планете». И второй сквинк, партнер первого (они владеют корпорацией «Оплеуха», самой дрянной фирмой-подрядчиком во всем Млечном Пути), спрашивает: «Как?» Первый сквинк громко смеется: «В каждый организм закладывается программа смерти. Согласен, это омрачит им жизнь, особенно самым сознательным из них, но наверняка минимизирует наши накладные расходы». Корпорация «Оплеуха» постаралась снизить накладные расходы всеми возможными способами, и Земля стала «Ужасным Примером», о котором упоминается во всех галактических учебниках по проектированию планет.

Когда Берроуз рассказал мне об этом, я обалдел, потому что мне было в то время 23 года и я жил на Кларк-стрит. Кроме того, я тут же увидел приложение к Закону Пятерок: $2 + 3 = 5$, а в фамилии Кларк пять букв.

Я задумался об этом вновь, когда случайно обратил внимание на кораблекрушение, описанное в «Канто 23» Эзры Паунда. Описывая морские путешествия в этой огромной поэме на восьмистах страницах, автор упомянул только об этом кораблекрушении. Кроме того, в «Канто 23» есть строчка «с солнцем в золотом кубке», которая, по признанию Йейтса, вдохновила его на строки: «золотые яблоки солнца, серебряные яблоки луны». Понятно, что золотые яблоки вернули мои мысли к Эриде, и я понял, что напал на верный след.

Затем я попытался прибавить иллюминатскую пятерку к числу 23 и получил 28. Обычная продолжительность менструального цикла Женщины. Лунный цикл. А если вернуться к серебряным яблокам луны, то ведь сам я — Мун⁵⁷. Разумеется, в фамилиях Паунд и Йейтс тоже по пять букв.

Если это шизофрения, перефразировал я П. Генри (вывернувшего сюжет не хуже О. Генри), давайте выжмем из нее все, что можно!⁵⁸

Я стал копать глубже.

Полицейский капитан стал кричать в мегафон: «ОЧИСТИТЬ ПЛОЩАДЬ, ОЧИСТИТЬ ПЛОЩАДЬ!»

Первые донесения о лагерях смерти поступили в Управление стратегических служб от швейцарского бизнесмена, считавшегося одним из самых надежных информаторов о положении дел в нацистской Европе. Государственный департамент счел эти утверждения голословными. Дело было в начале 1943 года. К осени этого же года более настойчивые сообщения из того же источника, по-прежнему передаваемые по каналам УСС, вынудили созвать крупную политическую конференцию. Снова было решено, что сообщения не соответствуют действительности. Когда пришла зима, английское правительство потребовало созыва новой конференции для обсуждения похожих донесений от сотрудников службы английской разведки и от правительства Румынии. Делегаты встретились на Бермудах во время теплых солнечных выходных и решили, что донесения разведки ошибочны; они вернулись оттуда отдохнувшими и загоревшими. Поезда смерти продолжали грохотать. В начале 1944 года диссиденты из Государственного департамента вышли на Генри Моргента у младшего, секретаря министерства финансов. Он изучил представленные ими факты и добился встречи с президентом Франклином Делано Рузвельтом. Потрясенный документами Моргентау, Рузвельт заверил, что начнет действовать немедленно. Но не

⁵⁷ Moon (англ.) — луна.

⁵⁸ Имеется в виду знаменитое изречение Патрика Генри «Если это измена...»

начал. Потом говорили, что чиновникам снова удалось убедить президента в надежности проделанного Госдепартаментом анализа ситуации: все донесения попросту лживы. Когда господин Гитлер произнес *Vernichtung*, он в действительности имел в виду вовсе не *уничтожение*. Писатель Бен Хехт опубликовал в «*Нью-Йорк тайме*» объявление, в котором раскрыл содержание донесений. Группа известных раввинов обвинила его в том, что он сеет панику среди евреев и подрывает доверие к главе исполнительной власти в военное время. Когда к концу того же года американские и русские войска начали освобождать концентрационные лагеря, генерал Эйзенхауэр настоял, чтобы фотокорреспонденты снимали на пленку все подробности и показывали их миру. За время, прошедшее с момента поступления первого, не получившего хода донесения швейцарского бизнесмена до освобождения первого концентрационного лагеря, погибло шесть миллионов человек.

— Мы называем это «баварскими пожарными учениями», — объясняет Саймон Джо Малику. (Это происходит в другое время; он сидит за рулем другого «фольксвагена». Итак, сейчас вечер 23 апреля, и они едут к зданию ООН на встречу с Тобиасом Найтом.) — Был такой чиновник по имени Винифред, которого перевели из министерства юстиции в Государственный департамент и посадили в кабинет, где подвергались анализу все полученные данные. Но такие же принципы применяются везде. Хочешь, я покажу это тебе на примере прямо сейчас, все равно у нас в запасе еще целых полчаса. — Они подъезжают к углу Сорок третьей улицы и Третьей авеню, и Саймон видит, что на светофоре вот-вот зажжется красный свет. Остановившись, он открывает дверцу и говорит Джо: «Иди за мной».

В полной растерянности Джо вышел из машины, а Саймон подбежал к автомобилю, стоявшему за ними, ударил по капоту и заорал: «Баварские пожарные учения! Выходите!» Совершая непонятные, но энергичные движения руками, он побежал к следующей машине. Джо видел, как первый водитель с сомнением посмотрел на своего пассажира, но все же открыл дверь, вышел и послушно поплелся за представительной и грозной фигурой Саймона.

— Баварские пожарные учения! Выходите! — кричал Саймон, барабана по корпусу третьей машины.

Джо бежал рядом, время от времени присоединяя свой голос к командным выкрикам Саймона, чтобы убедить самых недоверчивых водителей. Все машины постепенно опустели, а люди образовали стройную колонну, двигавшуюся в обратном направлении, в сторону Лексингтон-авеню. Затем Саймон нырнул между двумя машинами и снова потрусил к Третьей авеню, выкрикивая: «Замыкаем круг! Держать строй!» Все послушно повернулись на сто восемьдесят градусов и вернулись к своим машинам. Саймон и Джо нырнули в «фольксваген», тут загорелся зеленый свет, и они умчались вперед.

— Видал? — спрашивает Саймон. — Употребляй слова, которым они обучены с детства: «пожарные учения», «держать строй» и все такое, и никогда не оглядывайся назад, чтобы проверить, подчиняются ли они. Они подчинятся обязательно. Именно такое поведение гарантировало иллюминатам, что ничто не остановит Полное Уничтожение. Винифред, один-единственный человек, выслужившийся до внушительного чина, чиркал на каждом документе «Оценка: сомнительно»... а шесть миллионов погибло. Весело, не так ли?

Тут Джо вспомнил изречение из маленькой книжки Хагбарда Челине «*Не*

свисти, когда пишешь» (напечатанной за счет автора и распространяемой только среди ДЖЕМов и Легиона Динамического Раздора): «Индивидуальный акт послушания — это основа не только силы авторитарного общества, но и его слабости».

(23 ноября 1970 года в реке Чикаго обнаружено всплывшее тело сорокашестилетнего Станислава Эдипски с Уэст-Ирвинг-Парк-роуд. По мнению полицейских экспертов, смерть наступила не в результате утопления, а в результате удара по голове и плечам тяжелым предметом прямоугольной формы. Поскольку детективы из убойного отдела установили, что Эдипски был членом «Божьей молнии», появилась версия, что покойный поссорился с бывшими соратниками и они забили его своими деревянными крестами. Дальнейшее расследование показало, что Эдипски работал строителем. До недавнего времени он любил свою работу, вел себя как нормальный и практичный человек и поругивал правительство. Он проклинал ленивых бездельников, живущих на пособие, ненавидел ниггеров, выкрикивал непристойности в адрес хорошеньких куколок, проходивших мимо строительной площадки, а когда шансы на победу превышали восемь против одного, присоединялся к другим строителям, избивавшим молодых людей с длинными волосами, значками пацифистов или любым другим клеймом, которое позорит настоящих американцев. Затем, примерно месяц назад, его жизнь круто изменилась. Он начал ругать не только правительство, но и начальство, временами высказываясь совсем как коммунист; когда кто-нибудь при нем поминал «гадов, не желающих работать, как все люди», Стэн задумчиво говорил: «А знаете ли вы, ребятки, что наш профсоюз всячески препятствует тому, чтобы они работали, и что же им еще остается делать, как не сидеть на пособии?» А однажды, когда кто-то из ребят добродушно сделал неприличный жест, одобрительно причмокивая губами и подавая прочие сигналы восхищения в адрес проходившей мимо восемнадцатилетней девушки, он даже сказал: «Эй, ты разве не понимаешь, что ей это неприятно?» Хуже того, он, всем на удивление, отпустил длинные волосы, и его жена рассказывала подругам, что он совсем перестал смотреть телевизор, а вместо этого почти все вечера просиживает в кресле, читая книги. Полиция выяснила, что так оно и было на самом деле. Его маленькая библиотека, собранная менее чем за месяц, оказалась очень любопытной: в ней были книги по астрономии, социологии, восточному мистицизму, «Происхождение видов» Дарвина, детективные романы Раймонда Чендлера, «Алиса в Зазеркалье» и учебник по теории чисел (глава о простых числах была густо испещрена заметками на полях). Библиотека свидетельствовала о быстрой эволюции разума, пробудившегося после четырех десятков лет застоя, и было очень жалко, что этот процесс так трагически прервался. Самой большой загадкой оказалась карточка, найденная в кармане покойного. Хотя она и раскисла от воды, текст на ней сохранился. На одной стороне было напечатано:

ВРАГА НЕТ НИГДЕ,

а на обороте — еще более загадочная надпись:

—ПΔφ ЖЕΔΘ

Сначала полиция попыталась это расшифровать, но затем стало известно, что накануне гибели Эдипски вышел из рядов «Божьей молнии»,

предварительно прочитав соратникам лекцию о терпимости к инакомыслию. Несомненно, это позволяло считать дело закрытым. Убийный отдел не занимался расследованиями убийств, явно связанных с «Божьей молнией», поскольку у Красного отдела было дружеское соглашение с этой быстро растущей организацией. «Бедный засранец», — сказал детектив, глядя на фотографии мертвого Эдипски, и закрыл дело навсегда. Никто его больше не вспоминал и не пытался связать изменения в сознании покойного с его посещением собрания РХОВ в «Шератон-Чикаго», где в безалкогольный коктейль был подбавлен АУМ.)

При акте зачатия отец, как известно, отдает 23 хромосомы, а мать — остальные 23. В «И-цзине» двадцать третья гексаграмма указывает на «утопление» и «крах»: отголоски гибели несчастного капитана Кларка...

Только что прошла еще одна женщина, собирающая пожертвования в фонд «Матерей против мышечной дистрофии». Я дал ей четверть доллара. Так на чем я остановился? Ах, да: и в имени, и в фамилии Джеймса Джойса по пять букв, так что он явно заслуживает внимания. В «Портрете художника» пять глав, чудненько, но в «Улиссе» восемнадцать глав, и это сбивало меня с толку, пока я не сообразил, что $5 + 18 = 23$. А что же с «Поминками по Финнегану»? Увы, там семнадцать глав, и это на какое-то время меня снова озадачило.

Попытавшись взглянуть на эту ситуацию под другим углом, я подумал: а вдруг бедолага Фрэнк Салливан, которого в тот вечер застрелили вместо Джона у кинотеатра «Биограф», протянул дольше и умер после полуночи, то есть двадцать третьего июля, а не двадцать второго, как официально считается. Я навел об этом справки в книге Толанда «Дни Диллинджера». Как ни печально, бедняга Фрэнк умер до полуночи, но Толанд упоминает интересную деталь, о которой я рассказывал тебе тогда вечером в «Рассаднике»: в тот день двадцать три человека умерло в Чикаго от перегрева. Он добавляет кое-что еще: на день раньше от перегрева умерло семнадцать человек. Зачем он об этом написал? Наверняка он ничего не знал, — но снова те же цифры, 23 и 17. Возможно, в 2317 году произойдет что-то важное? Естественно, я не смогу это проверить (не умею с такой точностью ориентироваться в *Morgensheutegestern-welt*), поэтому я вернулся в 1723 год — и попал на золотые яблоки. В тот год родились Адам Смит и Адам Вейсгаупт (а в 1776 году, когда Вейсгаупт возродил орден иллюминатов, Смит опубликовал «Богатство народов»).

Итак, $2 + 3 = 5$, и это соответствует Закону Пятерок, но $1 + 7 = 8$, а это ничему не соответствует. Что же получается? Восемь, размышлял я, — это количество букв в **Каллисти**, что снова возвращает нас к золотому яблоку, а 8 — это еще и двойка в третьей степени, черт возьми. Разумеется, меня не удивило, что в судебном слушании дела о чикагском заговоре фигурировало восемь обвиняемых и что этот заговор возник из нашего маленького карнавала Конвенционной недели⁵⁹, который проводился на двадцать третьем этаже «Федерал Билдинг», в потоке удивительных совпадений. Хоффман среди обвиняемых, и фамилия судьи тоже Хоффман. Пирамида иллюминатов, или Великая Печать США, сразу при входе в здание. Роберт

⁵⁹ Речь идет о Демократической Конвенции 1968 года и суде над участниками приуроченных к этому съезду антивоенных демонстраций -т. н. «чикагской семеркой» — в 1970 году. Первоначально подсудимых было восемь, но один из них еще в ходе процесса был приговорен судьей к тюремному заключению за неуважение к суду.

Сил⁶⁰, с которым обошлись более жестоко, чем с остальными обвиняемыми. Пятибуквенные фамилии обвиняемых: Эбби, Дэвис, Форан, Сил, Джерри Рубин⁶¹ (и имя, и фамилия). И решающий аргумент: Кларк (Рамзи, не капитан), который был торпедирован и потоплен судьей до того, как ему позволили дать свидетельские показания.

Меня заинтересовал Голландец Шульц, потому что он погиб 23 октября. Этот человек — просто комок совпадений: он заказал убийство Винсента Колла по кличке «Бешеный лес» (вспомни Мэд-Дог⁶² в штате Техас); Колла застрелили на Двадцать третьей улице, когда ему было 23 года; а Чарли Уоркман, который якобы застрелил Шульца, отсидел за это 23 года в тюрьме (хотя, по слухам, настоящим убийцей Шульца был Менди Вейсс — обрати внимание на его имя и фамилию, в которых по пять букв). Фигурирует ли здесь 17? Еще бы! Шульцу было семнадцать лет, когда его в первый раз приговорили к тюремному заключению.

Примерно в это же время я купил «Кукловодов» Роберта Хайнлайна, подумав, что книга с таким названием может иметь какое-то отношение к махинациям иллюминатов. Вообрази, что я почувствовал, когда глава вторая началась словами: «23 часа 17 минут назад в штате Айова приземлилась летающая тарелка...»

А в Нью-Йорке Питер Джексон пытается выпустить в срок очередной номер «Конфронтэйшн» — хотя в редакции по-прежнему царит разгром, редактор и ведущий исследователь исчезли, лучший репортер сошел с ума и заявляет, что находится на дне Атлантического океана с льяным магнатом, а полиция терзает Питера, пытаясь выяснить, куда подевались двое первых детективов, которым поручили это дело. Сидя в своей квартире (теперь она служит редакционным офисом) в рубашке и шортах, Питер одной рукой набирает телефонный номер, а другой гасит в пепельнице очередной окурок. Швырнув рукопись в корзину с надписью «В набор», он вычеркивает в лежащем перед ним блокноте: «Передовица — Л. Л. Дурутти, Самый юный студент Колумбийского университета рассказывает, почему он бросил учебу». Его карандаш перемещается к концу списка («Книжное обозрение»), а сам он слушает телефонные гудки. Наконец раздается щелчок снятой трубки, и глубокий, ласкающий слух голос произносит: «Эписин Уайлдблад слушает».

— Ты уже подготовил книжное обозрение, Эппи?

— Завтра будет готово, дорогуша. Быстрее никак не получится, *честно*.

— Завтра так завтра, — соглашается Питер, делая пометку «перезвонить» рядом с «Книжным обозрением».

— Это чудовищно длинная книга, — раздраженно произносит Уайлдблад, — у меня просто физически нет времени прочитать ее целиком, но я внимательно ее *просматриваю*. Авторы совершенно некомпетентны: никакого представления ни о стиле, ни о структуре. Книга начинается как детектив, переходит в научную фантастику, затем обращается к сверхъестественному, при этом наполнена никому не нужными, жутко скучными подробностями. Совершенно перепутана вся хронология событий — очень претенциозное подражание Фолкнеру и Джойсу. Хуже того, тут есть отвратительнейшие сексуальные сцены, вставленные только для того, чтобы

60 Игра слов: фамилия Seale звучит так же, как англ. seal (печать).

61 Abbie, Davis, Foran, Seale, Jerry Rubin.

62 Mad Dog (англ.) — доел, «бешеный пес».

книга лучше продавалась, а сами авторы — о которых я *никогда* не слышал, — демонстрируют чрезвычайно дурной вкус, вводя известные политические фигуры в эту мешанину и делая вид, что раскрывают реальный заговор. Можешь быть *уверен*, я не стану тратить время на чтение этой чепухи, но завтра к полудню ты получишь от меня совершенно разгромную рецензию.

— Ладно уж, мы и не рассчитываем, что ты будешь от корки до корки читать каждую книгу, которую рецензируешь, — успокаивает его Питер. — Читай только до тех пор, пока она тебе интересна.

— В митинге перед зданием ООН будет участвовать Фронт освобождения фут-фетишистов, — говорит Джо Малик. Они с Джорджем и Питером надевают черные нарукавные повязки.

— Боже, — с отвращением произносит Питер.

— Мы не можем позволить себе такого отношения, — строго говорит Джо. — Сейчас единственная надежда для левых — это коалиционная политика. Нельзя прогонять никого, кто хочет к нам присоединиться.

— Лично я ничего не имею против педиков, — начинает Питер («Геев», — терпеливо поправляет его Джо). — Лично я ничего не имею против геев, — продолжает Питер, — но от их присутствия на митингах тошнит. Они просто дают «Божьей молнии» повод утверждать, что все мы — сборище извращенцев. Ну да ладно, такова наша реальность, их много, они увеличивают наши ряды, и всё такое, но, боже мой, Джо! Эти *ноголюбы* — капля в море. Они микроскопичны!

— Не называй их *ноголюбями*, — говорит Джо. — Им это не нравится.

Только что прошла женщина из «Матерей против псориаза» с очередной коробкой для сбора пожертвований. Я и ей дал четверть доллара. Если так будет продолжаться, эти борющиеся матери лишат Муна последнего куса хлеба.

На чем я остановился? Так вот, в связи с убийством Голландца Шульца я хотел добавить, что в Марти Кромпьера, заправлявшего подпольными лотереями в Гарлеме, тоже стреляли 23 октября 1935 года. Когда в полиции его спрашивали, существует ли какая-то связь между этим покушением и смертью флегматичного Флегенхеймера, он ответил: «Должно быть, это одно из тех совпадений». Мне интересно, на каком слове он сделал ударение в этой фразе: "одно из тех *совпадений*" или "одно из *тех совпадений*"? В какой степени он был посвящен?

Это выводит меня на загадку числа 40. Как указывалось, $1+7 = 8$, количество букв в слове *Kallisti*. $8 \times 5 = 40$. Еще более интересно, что, не обращая внимания на мистическое 5, мы все равно получаем 40, складывая 17 и 23. Тогда каково значение числа 40? Я прокручивал в голове разные ассоциации: Иисус на сорок дней удалился в пустыню, Али-Баба разгадал тайну сорока разбойников, буддисты выполняют сорок медитаций, радиус Солнечной системы практически в точности равен сорока астрономическим единицам (Плутон чуть-чуть «выбивается»), — но определенной теории у меня пока нет...

Экран цветного телевизора в пабе «Три льва» отеля «Тюдор» на углу Сорок второй улицы и Второй авеню показывает людей в белых шлемах с деревянными крестами в руках, отступающих под натиском людей в голубых шлемах с полицейскими дубинками в руках. Камера канала Си-Би-Эс показывает общую панораму площади. На земле валяется пять тел, разбросанных, словно обломки кораблекрушения, которые выброшены на

берег уже отступившими волнами. Четыре тела шевелятся, делая слабые усилия подняться. Пятое лежит неподвижно.

— Наверное, это тот парень, которому на наших глазах разmozжили голову. Господи, надеюсь, он не умер, — говорит Джордж.

— Если он умер, может быть, это заставит людей наконец проснуться и потребовать что-то решить с «Божьей молнией», — отвечает Джо Малик.

Питер Джексон безрадостно смеется.

— Вы все еще считаете, что убийство какого-то белого борца за мир вызовет негодование общественности. Разве вы не понимаете, что никого в этой стране *не волнует* судьба умника, выступающего против войны. Сейчас вы в одной лодке с ниггерами, идиоты несчастные.

Карло удивленно поднял голову, когда я ворвался в комнату, промокший в воде Пассеика, и бросил револьвер к его ногам с криком: "Идиоты несчастные, вы даже не в состоянии сделать бомбу, чтобы самим на ней не подорваться, а когда вы покупаете пистолет, то эта ублюдочная штуковина неисправна и дает осечку. Не вы меня выгоните — я сам уйду!" Идиоты несчастные...

— Идиоты несчастные! — орет Саймон. Джо проснулся, когда «фольксваген» резко дернулся в сторону, спасаясь от шквала проносившихся мимо мотоциклов «Ангелов Ада». Он снова вернулся в «реальное» время, но сейчас, как и всегда впредь, он мысленно ставит это слово в кавычки.

— Ух ты, — говорит он, — я снова был в Чикаго, потом на этом рок-фестивале... а затем я вклинился в чью-то жизнь...

— Черт бы побрал эти «харлей-дэвидсоны», — бормочет Саймон, когда с ревом проносится последний «ангел». — Когда пятьдесят или шестьдесят уродов зажимают тебя со всех сторон на бешеной скорости, состояние примерно такое же, как если бы ты пытался проехать по тротуару Таймс-сквер в разгар дня, не сбив ни одного прохожего.

— Об этом позже, — говорит Джо, чувствуя, что все больше привыкает к языку Саймона. — Я постепенно проникаюсь изнутри этим временем «завтра-сегодня-вчера». Это происходит все чаще и чаще...

Саймон вздыхает.

— Ты хочешь все облечь в слова. Ты не в состоянии во что-то поверить, если на этом «чем-то» не висит ярлык, как на новом костюме. Ладно. И твоя любимая игра в слова — это наука. Прекрасно! Завтра заскочим в библиотеку, и ты найдешь научный журнал «*Нэйчур*» за лето 1966 года. Там есть статья физика Ф. Р. Стэннарда о том, что он называет «фаустовой вселенной». Он рассказывает, что поведение мезонов невозможно объяснить, считая, что время течет только в одном направлении, но оно прекрасно объясняется, если допустить, что наша вселенная частично перекрывается другой вселенной, где время течет в обратном направлении. Стэннард называет это фаустовой вселенной, но держу пари, он не имел ни малейшего представления, что Гете писал «Фауста» после того, как сам не посредственно почувствовал эту вселенную. И ты в последнее время тоже ощущаешь. Между прочим, Стэннард указывает, что все в физике симметрично, за исключением нашей нынешней концепции однонаправленного времени. Как только ты признаешь, что время течет в двух направлениях, то получишь абсолютно симметричную Вселенную. Удовлетворяющую требованию Оккама о простоте. Стэннард выдаст тебе множество слов, парень. А пока довольствуйся тем, что написал Абдул Альхазред в «*Некрономиконе*»: «Прошое, настоящее, будущее: все

едино в Йог-Сототе». Или тем, что написал Вейсгаупт в "Konigen, Kirchen und Dummheit: «Есть лишь один Глаз, и он — все глаза; лишь один Разум, и это — все разум; лишь одно время, и это — Сейчас». Усек?

Джо с сомнением кивает, улавливая еле слышное пение:

РАМА РАМА ХАРЕ ХАААААРЕ

Два больших носорога, три больших носорога...

Диллинджер установил контакт с разумом Ричарда Белза, сорокатрехлетнего профессора физики в Куинс-колледже. Белза в этот момент вносили в машину скорой помощи, чтобы доставить в больницу «Белвью», где рентген покажет наличие нескольких опасных трещин черепа. «Вот черт, — думал Диллинджер, почему кто-то должен обязательно встать одной ногой в могилу, чтобы я смог до него добраться?» Затем он сконцентрировался на сообщении: две вселенные движутся в противоположных направлениях. Вдвоем они генерируют третий объект, который синергически представляет нечто большее, чем сумму двух его частей. Таким образом, два всегда приводит к трем. Два и Три. Дуализм и триединство. Каждая единица — это дуализм и триединство. Пятиугольник. Чистая энергия, без участия материи. От пятиугольника расходятся еще пять пятиугольников, как лепестки цветка. Белая роза. Пять лепестков и центр: шесть. Дважды три. Вот так цветок сцепляется с другим цветком, формируя многогранник, составленный из пятиугольников. У каждого такого многогранника могут быть общие поверхности с другими многогранниками, формирующие бесконечные решетки, в основе которых лежит пятиугольник. Они были бы бессмертны. Могли бы сами себя поддерживать. Не компьютеры. Выше компьютеров. Боги. Все пространство — для них. Бесконечно сложные.

Вой сирены достигает ушей находящегося в бессознательном состоянии профессора Белза. Сознание присутствует в живом теле, даже в том, которое явно без сознания. Бессознательное состояние — это не отсутствие сознания, а его временная неподвижность. Это не состояние, напоминающее смерть. Оно вообще не похоже на смерть. Как только достигнута необходимая сложность соединения мозговых клеток, устанавливаются реальные энергетические связи. Они могут существовать независимо от материальной базы, которая вызвала их к жизни.

Все это, конечно, просто образная структурная метафора для взаимодействий на энергетическом уровне, которые нельзя визуализировать. Сирена выла.

В пабе «Три Льва» Джордж спрашивает Питера: «Что было в том водяном пистолете?»

— Серная кислота.

— Кислота — это лишь первая стадия, — говорит Саймон. — Как материя — это первая стадия жизни и сознания. Кислота тебя запускает. Но как только ты попадаешь туда, если полет удачен, ты сбрасываешь за борт балласт первой стадии и путешествуешь в невесомости. То есть освобождаешься от материи. Кислота растворяет барьеры, которые мешают построению энергетических связей максимальной сложности внутри мозга. В Клике Нортон мы тебе покажем, как управлять второй стадией.

{Размахивая над головами крестами и крича вразнобой, боевики «Божьей молнии» нестройными шеренгами маршировали через завоеванную территорию. Зев Хирш и Фрэнк Очук несли флаг с надписью: «ЛЮБИ ЕЕ, ИЛИ

МЫ ТЕБЯ РАСТОПЧЕМ».)

Говард пел:

Дельфины племени бесстрашны и сильны,
Морских просторов мы любимые сыны.
Оружье — быстрота, поэзия — наш флаг.
Напора наших тел пускай боится враг!

Туча дельфиных тел выплыла откуда-то из-за подводной лодки Хагбарда. Они направлялись к паукообразным кораблям иллюминатов, находившимся в отдалении.

— Что происходит? — спросил Джордж. — Где Говард?

— Говард их возглавляет, — ответил Хагбард. Они стояли на балконе в центре прозрачной сферы, похожей на пузырь воздуха в толще атлантических вод. Хагбард щелкнул тумблером под перилами балкона. — Боевая рубка, подготовить торпеды к запуску. Возможно, нам придется поддержать атаку дельфинов.

— Есть, *товарищ* Челине, — ответил голос.

Дельфины уплыли так далеко, что сейчас их нельзя было увидеть. Джордж сделал открытие, что ему не страшно. Все происходившее слишком напоминало просмотр научно-фантастического фильма. В этой субмарине Хагбарда было слишком много иллюзии. Если бы он всеми железами и нервами отдавал себе полный отчет в том, что находится в уязвимом металлическом аппарате на тысячи футов ниже поверхности Атлантики, под таким громадным давлением, что малейшее напряжение может распороть обшивку корпуса и туда ворвутся тонны воды, которые раздавят их в лепешку, тогда ему, наверное, было бы страшно. Если бы он действительно мог поверить в то, что те маленькие отдаленные шарики с прикрепленными к ним подвижными клешнями — это подводные суда, управляемые людьми, которые намерены уничтожить лодку, где находится он, тогда ему было бы страшно. Как ни странно, если бы он не видел то, что видел, а только ощущал, осознавал и судил о ситуации с чьих-то слов, как во время обычного полета на самолете, тогда ему было бы страшно. К тому же древний город Пеос, которому двадцать тысяч лет, по виду слишком напоминал настольный макет. И хотя интеллектуально Джордж мог допустить, что они, как утверждал Хагбард, плывут над погибшим континентом Атлантидой, в глубине души он не верил в Атлантиду. Поэтому во все остальное он тоже не верил.

Неожиданно около их воздушного пузыря показался Говард. Или какой-то другой дельфин. Это была еще одна причина, по которой во все это трудно было поверить. Говорящие дельфины.

— Готовы к уничтожению вражеских кораблей, — сказал Говард. Хагбард покачал головой.

— Я бы хотел вступить с ними в контакт. Я бы хотел дать им возможность сдаться. Но они не согласятся. А я не могу подключиться к системам связи на их кораблях.

Он повернулся к Джорджу.

— Для передачи информации они пользуются выделенными каналами телепатии. Это та самая штука, которая предупредила шерифа Джима Картрайта, что ты находился в номере отеля в Мэд-Доге, покуривая чудесную траву Вейсгаупта.

— Ты же не хочешь, чтобы они подошли слишком близко, — поторопил его Говард.

— Ты отвел своих на безопасное расстояние? — спросил Хагбард.

(Пять больших носорогов, шесть больших носорогов...)

— Конечно. Хватит колебаться. Сейчас не время быть гуманистом.

— Море безжалостнее, чем земля, — сказал Хагбард. — Иногда.

— Море чище, чем земля, — поправил Говард. — Здесь нет ненависти. Только смерть по мере и в случае необходимости. Эти люди враждуют с тобой двадцать тысяч лет.

— Я не настолько стар, — возразил Хагбард, — и у меня очень мало врагов.

— Если ты будешь тянуть время, то поставишь под удар свою субмарину и мой народ.

Джордж наблюдал за шарами в красно-белую полосу, которые приближались к ним в голубовато-зеленой воде. Сейчас они были гораздо больше и ближе. То, что приводило их в движение, оставалось невидимым. Хагбард протянул смуглый палец, коснулся им белой кнопки на пульте управления и затем решительно на нее нажал.

На поверхности каждого из шаров вспыхнул яркий свет, немного приглушенный водной толщей. словно фейерверк, если на него смотреть в темных очках. А потом шары полопались, словно мячики от пинг-понга, по которым ударили невидимыми кувалдами.

— Вот и все, — тихо произнес Хагбард.

Палуба под Джорджем завибрировала. Внезапно ему стало страшно. Ощущение ударной волны в результате нескольких взрывов в воде сделало все реальным. Относительно тонкая металлическая обшивка была единственной защитой от полного уничтожения. И никто бы о нем больше не услышал и не узнал, что с ним произошло.

С борта ближайшего к ним паукообразного аппарата иллюминатов плавно опускались на дно крупные сверкающие предметы. Они исчезали среди улиц города, который, как сейчас понял Джо, был совершенно реальным. Здания в районе взрыва иллюминатских кораблей были разрушены сильнее прежнего. Со дна океана поднялись коричневые тучи ила. Сквозь их гущу на дно падали обломки кораблей-пауков. Джордж смотрел на неповрежденный храм Тефиды в отдалении.

— Ты видел статуи, выпавшие из переднего корабля? — спросил Хагбард. — Я заявляю свои права на них. — Он переключил тумблер. — Подготовиться к операции спасения.

Они начали спускаться среди зданий, почти полностью засыпанных илом. Джордж увидел две гигантские клешни, выпущенные субмариной. Они подняли из ила, одну за другой, четыре сверкающие золотые статуи.

Вдруг раздался сигнал тревоги, и красный свет осветил внутреннее пространство наблюдательного пузыря.

— Нас снова атакуют, — сказал Хагбард.

«О нет, — подумал Джордж. — Только не сейчас, когда я начинаю верить в то, что все это реально! Я этого не перенесу. Ну, начинается, Дорн снова разыгрывает свою всемирно знаменитую сцену трусости...»

Хагбард указал рукой: над отдаленной цепью гор, словно подводная луна, завис белый шар. На его тусклой поверхности виднелась эмблема: сверкающий глаз в треугольнике.

— Дайте торпедную видимость, — скомандовал Хагбард, щелкая

переключателем.

Между белым шаром и «Лейфом Эриксоном» в воде появились четыре оранжевых огонька, которые стремительно приближались.

— Нельзя их недооценивать, — заметил Хагбард. — Сначала выясняется, что они могут меня засечь, когда у них, по идее, не должно быть достаточно мощного оборудования. Теперь оказывается, что меня преследует сам «Цвак». И «Цвак» запускает в меня торпеды, хотя предполагается, что моя лодка не поддается обнаружению. По-моему, у нас могут быть неприятности, Джордж.

Джорджу хотелось закрыть глаза, но он не хотел выказать страх в присутствии Хагбарда. Любопытно, какое ощущение возникает в момент смерти на дне Атлантики? Он вспомнил, как читал об исчезновении в шестидесятых годах атомной подводной лодки «Трешер», и «Нью-Йорк тайме» писала, что смерть в воде при таком колоссальном давлении чрезвычайно мучительна, хотя и наступает быстро. По отдельности расплющивается каждый нерв. Позвоночник по всей длине крошится. Мозг гибнет от сжатия, лопается, разрывается и выдавливается в воду, твердую, как железо. Несомненно, в эти минуты человеческая форма становится неузнаваемой. Джордж подумал обо всех жуках, на которых наступая в своей жизни, а жуки заставили его вспомнить о «пауках». Вот что мы сделали с ними. А ведь я считаю их врагами только со слов Хагбарда. Карло был прав. Я не умею убивать.

Хагбард, правда, колебался. Но все-таки он это сделал. Любой человек, который способен причинить такую смерть в наказание другим людям, — чудовище. Нет, не чудовище, а самый обычный человек. Но не моей группы крови. Да что ты несешь, Джордж, он как раз твоей группы крови, можешь не сомневаться. Просто ты трус. Трусость делает всех нас совестливыми.

— Говард, где тебя черти носят? — позвал Хагбард.

С правой стороны пузыря появился торпедообразный силуэт.

— Я здесь, Хагбард. Мы готовили новые мины-ловушки. Выйдем с ними навстречу торпедам, как уже сделали с кораблями-"пауками". Как ты думаешь, сработает?

— Это опасно, — отозвался Хагбард. — Торпеды могут преждевременно взорваться под воздействием электромагнитных полей ловушек.

— Мы хотим попробовать, — сказал Говард и, не говоря более ни слова, уплыл.

— Подожди, — сказал вдогонку Хагбард. — Мне это не нравится. Слишком большая опасность для дельфинов.

Он повернулся к Джорджу и покачал головой.

— Я ничем, черт побери, не рискую, а их может разнести в клочья.

— Ты тоже рискуешь, — поправил его Джордж, пытаясь сдержать дрожь в голосе. — Если дельфины не остановят эти торпеды, нам конец.

В эту секунду там, где были оранжевые огни, появились ослепительные вспышки. Джордж схватился за перила, понимая, что ударная волна от этих взрывов будет сильнее той, которая возникла в результате уничтожения «пауков». Так оно и вышло. Лодку дико затрясло. Затем кровь хлынула в ноги, как будто субмарина резко подпрыгнула вверх. Джордж обеими руками вцепился в перила, которые казались единственной надежной опорой поблизости.

— О Боже, нас убьет! — закричал он.

— Они перехватили торпеды, — сказал Хагбард. — Это дает нам шанс.

Лазерная команда, попытайтесь пробить обшивку «Цвака».

Около пузыря появился Говард.

— Что с твоими? — спросил его Хагбард.

— Все четверо погибли, — ответил Говард. — Торпеды взорвались раньше, как ты и предсказывал.

Джордж выпрямился, радуясь, что Хагбард не обратил внимания на его дикий испуг, и сказал:

— Они погибли, спасая наши жизни. Я сожалею, что так случилось, Говард.

— Есть лазер, Хагбард, — сообщил голос. И добавил после паузы: — Кажется, цель поражена.

— Не нужно ни о чем жалеть, — отозвался Говард. — Мы не боимся смерти и не скорбим о ней. Особенно когда кто-то умирает ради общего блага. Смерть — это конец одной иллюзии и начало другой.

— Какой другой иллюзии? — спросил Джордж. — Когда ты умер, ты мертв, верно?

— Энергия не возникает и не исчезает, — сказал Хагбард. — Смерть как таковая — это иллюзия.

Эти люди рассуждали как дзэн-буддисты и кислотные мистики, знакомые Джорджа. «Если бы я мог относиться к этому так же, — думал Джордж, — я не был бы таким трусливым. Должно быть, Говард и Хагбард просветленные. Я должен стать просветленным. Больше так жить невыносимо». Но в любом случае, одной кислотой это не объяснишь. Джордж уже пробовал кислоту, и, хотя этот опыт был совершенно удивительным, он не привел к особому изменению в его поведении или взглядах. Хотя, конечно, если думать, что твои взгляды и поведение должны измениться, поневоле начинаешь подражать другим кислотникам.

— Попробую выяснить, что там с «Цваком», — сказал Говард и уплыл.

— Дельфины не боятся смерти, не избегают страданий, не испытывают внутренних конфликтов между велениями разума и сердца и не волнуются по поводу того, что чего-то не знают. Другими словами, они не считают, что знают разницу между добром и злом, и поэтому не считают себя грешниками. Понимаешь?

— В наше время очень мало людей, которые считают себя грешниками, — заметил Джордж. — Но все боятся смерти.

— Все люди считают себя грешниками. Пожалуй, это самый устойчивый, древний и универсальный человеческий комплекс. В сущности, практически невозможно о нем говорить так, чтобы не находить подтверждений. Даже сама фраза, которую я только что произнес, о том, что люди страдают универсальным комплексом, служит универсальным подтверждением того, что все люди -грешники, на каком бы языке они ни говорили. С этой точки зрения древнесемитские оппоненты иллюминатов, написавшие *Книгу Бытия*, абсолютно правы. Культурный кризис, побудивший классифицировать все человеческое поведение только по двум категориям — добра и зла, — как раз и спровоцировал возникновение этого комплекса, сопровождаемого страхом, ненавистью, виной, депрессией, всеми теми эмоциями, которые свойственны исключительно человеку. И, разумеется, подобная классификация является полной противоположностью творчества. Для творческого ума нет ни добра, ни зла. Каждое действие — это эксперимент, а каждый эксперимент расширяет границы нашего знания. Моралист судит о любом действии с точки зрения добра и зла, причем, заметь, *заранее* — не

имея представления о том, к каким последствиям приведет это действие. Его суждение зависит только от нравственных качеств действующего. Люди, которые сожгли Джордано Бруно, *знали*, что творят добро, хотя в результате этого их действия мир потерял великого ученого.

— Если никогда не можешь быть уверен в том, правильно или неправильно ты действуешь, — сказал Джордж, — разве не становишься очень похож на Гамлета? — Сейчас он чувствовал себя намного лучше, уже не так боялся, хотя враг, весьма вероятно, был по-прежнему рядом и по-прежнему хотел его убить. Может быть, он получает *даршану* от Хагбарда?

— А что плохого в сходстве с Гамлетом? — сказал Хагбард. — Впрочем, ответ все равно «нет», потому что сомнения начинают одолевать только тогда, когда ты веришь в существование добра и зла и в то, что твое действие может быть правильным или неправильным, а ты точно не знаешь, каким именно. В этом и состояла трагедия Гамлета, если ты помнишь пьесу. Его *совесть* — вот что делало его нерешительным.

— Так что, ему следовало поубивать кучу людей в первом же акте? Хагбард рассмеялся.

— Не обязательно. Возможно, ему стоило при первой возможности решительно прикончить своего дядюшку ради спасения жизней всех остальных персонажей. Или же он мог сказать: «Слушайте, а я действительно обязан мстить за смерть отца?» — и ничего не делать. Во всяком случае, он должен был взойти на трон. Если бы он просто дожидался благоприятного момента, всем было бы намного лучше, не было бы столько смертей, и норвежцы не завоевали бы датчан, как они это сделали в последней сцене последнего акта. Хотя, как норвежец, я вряд ли позавидовал бы триумфу Фортинбраса.

В этот момент возле пузыря снова появился Говард.

— «Цвак» отходит. Лазерный луч пробил внешнюю обшивку корпуса, им пришлось подняться выше, чтобы выйти из зоны досягаемости, и сейчас они движутся на юг, в сторону Африки.

Хагбард облегченно вздохнул.

— Это значит, что они отправляются к себе на базу. Они войдут в туннель в Персидском заливе, который приведет их в Валузию, гигантское и очень глубокое подземное море под Гималаями. Там расположена первая база, которую они построили. Они готовили ее еще до погружения Верхней Атлантиды. Эта база дьявольски хорошо защищена. Но в один прекрасный день мы туда прорвемся.

Не считая иллюминации, больше всего Джо Малика смущал пенис Джона Диллинджера. Он знал, что слухи, ходившие по Смитсоновскому институту, верны. И хотя все случайные люди, звонившие по телефону, слышали категорическое «нет», для некоторых высокопоставленных правительственных чиновников делалось исключение из правил. Им показывали реликвию: все легендарные двадцать три дюйма в легендарной бутылке со спиртом. Но если Джон жив, это не его пенис, а если не его, то чей же?

— Фрэнка Салливана, — сказал Саймон, когда Джо наконец решился его спросить.

— И кто же такой был этот Фрэнк Салливан, черт побери, что у него такой член?

Но Саймон только ответил:

— Не знаю. Просто какой-то парень, очень похожий на Джона.

А еще Малика беспокоила Атлантида, которую он увидел впервые, когда Хагбард взял его на прогулку в «*Лейфе Эрикссоне*». Это было слишком убедительно, слишком хорошо, чтобы быть правдой, особенно развалины таких городов, как Пеос, в чьей архитектуре явно прослеживались древнеегипетский и майянский стили.

— Еще с начала XX века наука, как летчик в тумане, ориентируется по приборам, — сказал он небрежно Хагбарду во время обратного путешествия в Нью-Йорк. (Это происходило в 1972 году, если верить его последним воспоминаниям. Осенью 1972 года, почти через два года после испытания АУМ в Чикаго.)

— Ты начитался Баки Фуллера, -невозмутимо ответил Хагбард. — Или Кожибского?

— Какая разница, кого я начитался, — напрямик ответил Джо. -Меня не покидает мысль, что я видел реальную Атлантиду не больше, чем я когда-нибудь видел реальную Мэрилин Монро. Я смотрел кинохронику, которая, с твоих слов, была записью с камер, установленных снаружи твоей подводной лодки. И я видел кинокадры того, что, как заверял меня Голливуд, было реальной женщиной, хотя она больше походила на рисунок Петти или Воргаса. В случае с Мэрилин Монро вполне резонно доверять тому, что мне говорят, поскольку я не верю, что уже создан такой совершенный робот. Но Атлантида...Я знаю о спецэффектах и комбинированных съемках, когда на столе сооружаются макеты городов, по которым бродят динозавры. Наверняка твои камеры наведены на такие макеты.

— Ты подозреваешь меня в мошенничестве? — спросил Хагбард, поднимая брови.

— Мошенничество — твоя стихия, — прямо сказал Джо. — Ты Бетховен, Рокфеллер, Микеланджело, Шекспир фокусов и цыганского надувательства. Обман для тебя то же самое, что для Картера — таблетки от печени. Ты обитаешь в мире монет без решки, шляп с кроликами, потайных зеркал и люков. Ты думаешь, я подозреваю тебя? С момента встречи с тобой я подозреваю всех.

— Рад это слышать, — усмехнулся Хагбард. — Ты стремительно приближаешься к паранойе. Возьми эту карточку и держи ее в бумажнике. Когда начнешь понимать ее смысл, можешь готовиться к очередному повышению. Только помни: *не истинно то, что не заставляет тебя смеяться*. Это первый и единственный надежный тест для всех идей, с которыми ты в своей жизни столкнешься. И он дал Джо в руку карточку с надписью:

ДРУГА НЕТ НИГДЕ

Между прочим, Берроуз, хотя именно он открыл принцип синхронистичности числа 23, не догадывается о его корреляции с 17. Это особенно интересно в связи с тем, что дату вторжения на землю банды с Новой Звезды (в «*Nova Express*») он «назначил» на 17 сентября 1899 года. Когда я спросил его, откуда он взял такую дату, он ответил, что ниоткуда, просто пришла в голову.

Проклятие! Меня только что прервала очередная мать, собирающая средства в фонд «Матерей против грыжи». Я дал ей только десять центов.

И во всем этом участвует W, двадцать третья буква английского алфавита. Смотри: Вейсгаупт, Вашингтон, Вильям С. Берроуз, Чарли

Уоркман, Менди Вейсс, Лен Вэйнгласс в судебном процессе по Делу о заговоре, и другие, чьи имена сразу же приходят в голову. Еще интереснее, что первый физик, применивший концепцию синхронистичности в физике после опубликования Юнгом этой теории, был Вольфганг Паули.

А вот еще одна буквенно-численная метаморфоза, которая наводит на размышления: Адам Вейсгаупт (A. W.) — в инициалах мы видим сочетание первой и двадцать третьей букв алфавита (1-23), а Джордж Вашингтон (G. W.) — сочетание седьмой и двадцать третьей букв алфавита (7-23). Заметил скрытое здесь число 17? Впрочем, возможно, это игра воображения, даже разыгравшаяся фантазия...

Послышался щелчок. Джордж обернулся. За время, проведенное в капитанской рубке с Хагбардом, он ни разу не оглянулся на дверь, через которую вошел. Он с удивлением увидел, что она напоминала отверстие в прозрачном воздухе — или прозрачной воде. По обе стороны дверного проема виднелись сине-зеленая вода и темный горизонт, который в действительности был океанским дном. Затем в центре двери на фоне золотого света вырисовалась прекрасная женская фигура.

Мэвис шагнула на балкон, закрыв за собой дверь. На ней было трико цвета зеленой травы, белые лакированные ботинки и широкий белый пояс. Ее маленькие, но красивые груди свободно покачивались под блузой. Неожиданно для себя Джордж вспомнил сцену на пляже. Это было не далее как сегодня утром, и вообще, который час? Какой час где? Во Флориде, наверное, два или три часа пополудни. И значит, в Мэд-Доге час дня. И возможно, примерно около шести здесь, в Атлантике. Интересно, часовые пояса и под водой тоже меняются? Видимо, да. А если находишься на Северном полюсе, то можно обойти вокруг него, каждые несколько секунд попадая в различные часовые пояса. И каждую минуту пересекать Линию перемены дат. Хотя, напомнил он себе, это все равно не позволит путешествовать во времени. Но если бы он мог вернуться в сегодняшнее утро и переиграть сцену с сексуальным призывом Мэвис, то на этот раз он бы на него откликнулся! Сейчас он ее отчаянно желал.

Все это хорошо, но почему она сказала, что он — *не такой уж говнюк*, почему она восхитилась тем, что он ее не трахнул? Если бы он трахнул Мэвис только по ее просьбе, не по своему желанию, а из жалости, она сочла бы его полнейшим говнюком. Но ведь он мог ее трахнуть просто потому, что ему приятно было это сделать, независимо от того, обожала она его или презирала. Но такова была их игра, игра Мэвис и Хагбарда, в которой каждый говорил: «Я делаю, что хочу, и мне плевать, что ты об этом думаешь». Джорджа весьма заботило, что о нем думают другие, поэтому нетраханье Мэвис в тот раз было хотя бы честным поступком, даже если он начинал находить определенные достоинства в дискордианской (так он полагал) позиции сверхнезависимости. Мэвис ему улыбалась.

— Ну что, Джордж, получил боевое крещение? Джордж пожал плечами.

— Я получил его в тюрьме Мэд-Дога. И еще раньше приходилось бывать в неприятных ситуациях. — *Например, однажды приставил к собственной голове револьвер и спустил курок.*

Она сосала его член, он наблюдал ее маниакальное самоудовлетворение, но все равно безумно хотел в нее войти, во всю длину, до самой матки, проехав на трамвае ее яичников в чудесное царство траха, как сказал Генри Миллер. Что, черт возьми, такого особенного во влагище Мэвис? Особенно после той сцены ритуального посвящения? Черт возьми,

Стелла Марис казалась менее нервной женщиной и, безусловно, была классической любовницей. Кому нужна Мэвис после Стеллы Марис?

И вдруг его как обухом по голове ударили. А откуда он знает, что это была Стелла? Внутри золотого яблока вполне могла быть Мэвис. Или другая женщина, которую он вообще не знал. Он был почти уверен, что там была женщина, если только там не стояла коза, корова или овца. А ведь такие шутки вполне в духе Хагбарда, и не стоит это сбрасывать со счетов. Но даже если это была женщина, почему он решил, что это Стелла, Мэвис или другая красавица? А вдруг это была старая больная этрусская шлюха, которую Хагбард использовал для религиозных ритуалов? Эдакая сивилла. Черножопая ведьма. Может быть, даже дряхлая сицилийская мать Хагбарда, без зубов, в черной шали и с полным букетом венерических заболеваний. Нет, сицилийцем, кажется, был отец Хагбарда. А мать была норвежкой.

— Какого они были цвета? — неожиданно спросил он Хагбарда.

— Кто?

— Атланты.

— Ага, — понимающе кивнул Хагбард. — Их тела почти целиком покрывала шерсть, как у обычных обезьян. Во всяком случае, такими были жители Верхней Атлантиды. Мутация произошла где-то в эпоху Злого Глаза — катастрофы, которая уничтожила Верхнюю Атлантиду. Позже тела атлантов, как и современных людей, были уже без шерсти. Хотя их древние предки были довольно мохнатыми. — Джордж не мог отвести взгляд от руки Хагбарда, которая покоилась на перилах. Она была покрыта густыми черными волосами.

— Ладно, — сказал Хагбард, — пора возвращаться на нашу североамериканскую базу. Говард? Ты там?

Справа от них исполнила сальто-мортале длинная обтекаемая фигура.

— Что случилось, Хагбард?

— Оставь кого-нибудь из твоих присматривать за ситуацией. У нас есть работа на суше. И, Говард, пока я жив, я в долгу перед твоим народом за тех четверых, которые погибли, спасая меня.

— Разве ты и «Лейф Эриксон» не спасали нас много раз от смерти, на которую нас хотели обречь люди с берега? — спросил Говард. — Мы присмотрим за Атлантидой ради тебя. И за всеми морями, и за тем, что создано в Атлантиде. Привет и прощайте, Хагбард и твои друзья:

Море каждый миг свой нрав меняет,
И одна лишь вещь в нем постоянна:
Чувство дружбы нас не покидает
В самых черных дырах Океана.

Он уплыл.

— Поднимаемся, — скомандовал Хагбард.

Джордж почувствовал вибрацию громадных двигателей подводной лодки, и они поплыли высоко над холмами и долинами Атлантиды.

— Очень жаль, что у нас нет времени опуститься на дно, — сказал Хагбард. — Здесь можно увидеть много великих городов. Хотя, конечно, ни один из них нельзя сравнить с городами, которые существовали до эпохи Злого Глаза.

— Сколько же было цивилизаций атлантов? — поинтересовался Джордж.

— В принципе, всего две. Одна до, а вторая после Глаза. До эпохи Глаза

на континенте существовала цивилизация, насчитывавшая до миллиона человек. Технически они намного опережали современное человечество. Они использовали атомную энергию, совершали космические путешествия, владели генной инженерией и многими другими вещами. Эта цивилизация была развеяна в дым в эпоху Злого Глаза. Две трети жителей Атлантиды погибли, то есть почти половина человеческого населения планеты на тот период. После окончания той эпохи что-то помешало им вернуть себе прежнее могущество. Города, которые после первой катастрофы оставались почти нетронутыми, погибли в результате последующих катаклизмов. Жители Атлантиды через поколение были доведены до первобытного состояния. Часть континента ушла под воду, а постепенно затонула и вся Атлантида.

— Это были землетрясения и цунами, о которых пишут в книгах? — спросил Джордж.

— Нет, — ответил Хагбард с удивительно непроницаемым выражением лица. — Это было дело рук человека. Верхняя Атлантида была разрушена во время войны. Возможно, гражданской войны, потому что на планете не было иной силы, которая могла бы с ними сравниться.

— Но если бы в той войне были победители, они жили бы по сей день, — заметил Джордж.

— Они и живут, — сказала Мэвис. — Победители по-прежнему живут среди нас. Только ты их себе и представить не можешь. Это не народ-победитель. А мы — потомки побежденных.

— Сейчас, — сказал Хагбард, — я покажу тебе то, что обещал при первой встрече. Это имеет отношение к катастрофе Атлантиды. Смотри туда.

Субмарина поднялась высоко над дном. Ландшафт был виден на сотни миль. Глядя в направлении, указанном Хагбардом, Джордж увидел огромные просторы черной, подернутой пеленой равнины. В центре равнины торчало что-то белое и острое, похожее на собачий клык.

— Говорят, они даже управляли траекториями комет, — сказал Хагбард. Он снова показал вниз.

Лодка подплыла ближе к выступающему белому объекту. Это была четырехсторонняя пирамида.

— Не рассказывай об этом, — перебила Хагбарда Мэвис, бросая на него предостерегающий взгляд, и Джордж вспомнил татуировку, которую видел в центре ее груди. Он снова посмотрел вниз. Сейчас они находились над пирамидой, и Джордж мог рассмотреть сторону, скрытую от него в момент приближения. Он увидел то, что наполовину боялся, а наполовину ожидал увидеть: кроваво-красный рисунок зловещего глаза.

— Пирамида Глаза, — сказал Хагбард. — Она стояла в центре столицы Верхней Атлантиды. Ее построили основатели первой мировой религии перед самой гибелью атлантической цивилизации.

Отсюда она не кажется огромной, но она впятеро больше Великой пирамиды Хеопса, которую с нее скопировали. Она изготовлена из сверхпрочного водоотталкивающего керамического вещества, на которое не налипают морские осадки. Словно строители знали, что ей предстоит опуститься на дно океана и простоять там десятки тысяч лет. А может быть — это зависит от того, кем были эти строители, — они действительно это *знали*. Как ты видел, Пеос тоже прекрасно сохранился, а он был построен второй цивилизацией, о которой я тебе рассказывал, уже после гибели Верхней Атлантиды. Вторая цивилизация достигла более высокого уровня, чем древние греки и римляне, но не шла ни в какое сравнение с

предшественницей. Около десяти тысяч лет назад какая-то злая сила направила все усилия на то, чтобы уничтожить и ее. О существовании этой цивилизации свидетельствуют руины городов. Но о Верхней Атлантиде мы знаем только из воспоминаний и легенд, дошедших до нас от поздней цивилизации атлантов и, конечно же, из дельфиньей поэзии. Белая пирамида — единственный памятник этой цивилизации. Но сама ее сохранность доказывает, что задолго до Древнего Египта существовала раса людей, чья технология намного превосходила наши современные возможности. Понадобилось двадцать тысяч лет, чтобы культура этой цивилизации полностью исчезла. Люди, уничтожившие Верхнюю Атлантиду, приложили все усилия к тому, чтобы стереть все ее следы. Но это им не вполне удалось. Например, Пирамида Глаза неразрушима. Впрочем, не исключено, что ее они как раз и не хотели уничтожать. Мэвис мрачно кивнула.

— Это их самый священный храм.

— Другими словами, — подытожил Джордж, — вы хотите меня убедить в том, что люди, уничтожившие Атлантиду, все еще существуют. Они обладают таким же могуществом, как в прежние времена?

— В принципе, да, — ответил Хагбард.

— Это те самые иллюминаты, о которых ты мне рассказывал?

— Иллюминаты, или *Древние Видящие Иллюминаты Баварии*, это одно из названий, которые они используют.

— То есть они появились не в 1776 году, а задолго до этого, так?

— Так, — подтвердила Мэвис.

— Тогда зачем вы лгали мне, рассказывая историю иллюминатов? И почему, черт возьми, они до сих пор не захватили мир, если они такие могущественные? Когда наши предки были дикарями, они могли бы полностью их себе подчинить.

— Я лгал тебе потому, — ответил Хагбард, — что человеческий ум способен воспринимать истину дозированно, по крупинкам. Кроме того, посвящение в дискордианство предполагает несколько стадий. Второй вопрос сложнее. Но я попытаюсь ответить как можно проще. Почему они еще не захватили весь мир? Есть пять причин. Во-первых, существуют организации, например дискордианцы, которые почти столь же могущественны, как иллюминаты, и знают почти столько же, сколько иллюминаты, и потому способны им помешать. Во-вторых, иллюминаты слишком малы как группа для взаимного творческого обогащения, без которого немислим любой прогресс, и поэтому им не удалось существенно подняться над тем технологическим уровнем, которого они достигли тридцать тысяч лет назад. Как и китайским мандаринам. В-третьих, иллюминаты ограничены в своих действиях некоторыми суевериями, которые отдалили их от других атлантов. Как я тебе говорил, эти верования стали первой мировой религией. В-четвертых, иллюминаты — существа слишком изощренные, безжалостные и испорченные, чтобы стремиться к захвату мира: они забавляются тем, что *играют* с миром. В-пятых, иллюминаты *на самом деле* управляют миром, и все, что происходит, происходит с их молчаливого согласия.

— Эти причины противоречат одна другой, — заметил Джордж.

— Такова сущность логического мышления. Все суждения в некотором смысле истинны, в некотором смысле ложны и в некотором смысле бессмысленны.

Хагбард не улыбался.

Пока они говорили, подводная лодка описала большую дугу, оставив далеко позади Пирамиду Глаза. Исчез и сам глаз, изображенный на восточной стене пирамиды. Внизу виднелись руины маленьких городков на вершинах гор, торчавших из темных глубин, гор, которые, несомненно, когда-то были морским побережьем Атлантиды.

— Для тебя есть работа, Джордж, — сказал Хагбард. — Она тебе понравится, и ты захочешь ею заниматься, но она тебя пугает. Мы поговорим о ней, когда попадем на Чесапикскую базу. А пока давай спустимся в трюм и осмотрим наши приобретения.

Он щелкнул переключателем.

— БАРДАК, хватит тебе задницу чесать. Бери на себя управление этой посудинкой.

— Я осмотрю статуи позже, — сказала Мэвис. — Сейчас мне надо заняться другими делами.

Джордж спускался вслед за Хагбардом по ковровому покрытию ступенек, шел по коридорам, обшитым сверкающим полированным дубом. Наконец они вошли в огромный зал, вымощенный мраморными плитами. В центре находились четыре высокие статуи, вокруг которых сгрудилась группа мужчин и женщин, одетых в такие же тельняшки, как у Хагбарда. Когда Хагбард вошел, они перестали переговариваться, и отошли в сторону, дав ему возможность как следует осмотреть скульптуры. На полу растеклись лужи воды.

— Статуи не вытирать, — сказал Хагбард. — Каждая молекула драгоценна в своем нынешнем виде, и чем меньше прикосновений, тем лучше. — Он подошел к ближайшей статуе и долго ее рассматривал. — Что скажешь? Это верх совершенства. Можешь ты себе представить, каким было их искусство до катастрофы? И осмыслить, что Неразрывный Круг уничтожил все его следы, не тронув только эту грубую глупую пирамиду.

— Которая остается величайшим шедевром керамической технологии в истории человеческой расы, — сказала одна из женщин. Джордж оглянулся вокруг в поисках Стеллы Марис, но ее там не было.

— Где Стелла? — спросил он Хагбарда.

— Наверху, присматривает за хозяйством. Она осмотрит статуи позже.

Скульптуры не имели ничего общего с памятниками любой из культур, которые знал Джордж, хотя этого, в конце концов, и следовало ожидать. Они казались одновременно реальными, фантастическими и абстрактно-интеллектуальными. В них было что-то египетское и майяское, древнегреческое, китайское и готическое, поразительно уживавшееся с их вполне современным видом.

И в то же время статуи были совершенно уникальными — некоторые качества, несомненно, утрачены цивилизациями, предтечей которых была Атлантида, но некоторые их черты можно было обнаружить и в общеизвестном мировом искусстве, поскольку другие цивилизации их сохранили и увековечили. Как понял Джордж, это было древнее искусство; и рассматривать эти статуи было так же удивительно, как услышать разговор на самом первом человеческом языке.

Пожилой матрос показал на самую дальнюю от Джорджа и Хагбарда статую.

— Взгляните на эту блаженную улыбку. Могу поспорить, эту статую задумала женщина. Это мечта каждой женщины — быть абсолютно самодостаточной.

— Иногда, Джошуа, — сказала восточная женщина, уже подававшая реплику, — но не всегда. Сейчас я предпочитаю это, — она показала на другую статую.

Хагбард расхохотался.

— Ты считаешь, что это просто красивый, здоровый орагени-тализм, Цзуси. Но ребенок в женских руках — это Сын Без Отца, Саморожденный, а пара на пьедестале статуи символизирует Неразрывный Круг Груада. Обычно это змей, кусающий себя за хвост, но в некоторых древних представлениях пара в оральном сношении символизирует бесплодную похоть. Нелюбимая Мать поставила ногу на голову мужчины, показывая, что она победила похоть. Вся скульптура — это продукт самого отвратительного атлантического культа. Именно там впервые ввели человеческие жертвоприношения. Сначала они практиковали кастрацию, но потом отрезание яиц переросло в убийство мужчин. Позже, когда женщин удалось покорить, в жертву приносилась девственница, предположительно отдаваемая Нелюбимым, пока она была еще непорочна.

— Нимб над головой ребенка похож на символ мира, — заметил Джордж.

— Символ мира, черта с два, — сказал Хагбард. — Это древнейший символ зла. Разумеется, в культе Неразрывного Круга он считался символом добра, но суть от этого не меняется.

— Они не могли быть настолько порочными, если создали такую красоту, — упрямо не соглашалась восточная женщина.

— Разве узнаешь об испанской инквизиции, глядя на изображение яслей в Вифлееме? — спросил Хагбард. — Не будь наивной, мисс Мао. — Он повернулся к Джорджу. — Каждая из этих статуй бесценна. Но немногие люди об этом знают. Я отправлю тебя к тому, кто знает. К Роберту Патни Дрейку. Это один из самых тонких ценителей мирового искусства и глава американского отделения всемирного преступного синдиката. Ты встретишься с ним и передашь от меня в подарок эти четыре статуи. Иллюминаты планировали заручиться его поддержкой при помощи золота из храма Тефиды. Но я выйду на него первым.

— Если им нужны были только эти четыре статуи, зачем они пытались поднять весь храм?

— Возможно, они хотели переправить храм на хранение в Агхарт, их цитадель под Гималаями. Я никогда не подходил к храму Тефиды ближе, чем сегодня, но мне кажется, это кладезь свидетельств о Верхней Атлантиде. А если так, то вполне понятно, что иллюминаты хотят его перенести. До последнего времени у них не было на это причин, ведь никто, кроме иллюминатов, не мог опускаться на океанское дно. Теперь с таким же, если не с большим, успехом сюда спускаюсь я, а вскоре начнут спускаться и другие. Несколько стран и многие группы частных лиц исследуют подводный мир. Иллюминаты решили, что пора окончательно убрать все свидетельства о Верхней Атлантиде.

— Они уничтожат город, который мы видели? А что будет с Пирамидой Глаза?

Хагбард покачал головой.

— Они не возражают, чтобы были найдены позднеатлантические руины, которые ничего не расскажут о существовании иллюминатов. Что касается Пирамиды Глаза, то, как мне кажется, здесь у них реальная проблема. Уничтожить Пирамиду невозможно, а если бы даже они и могли, то не захотели бы. Она явно свидетельствует о существовании в прошлом

сверхцивилизации.

— Хм, — сказал Джордж, которому вовсе не улыбалось встречаться с главой американского преступного синдиката, — тогда нам следует вернуться и самим раскопать храм Тефиды, пока его не захватили иллюминаты.

— Черт возьми! — сказала мисс Мао. — Это самый критический момент в истории цивилизации. У нас нет времени возиться с археологией.

— Он всего лишь легионер, — сказал Хагбард. — Хотя после выполнения этой миссии он узнает Прекраснейшую и станет диаконом. Тогда он поймет больше. Джордж, я хочу, чтобы ты стал посредником между дискордианским движением и Синдикатом. Ты отвезешь эти четыре статуи Роберту Патни Дрейку и расскажешь ему, что там, откуда их извлекли, есть много чего еще. Попроси Дрейка перестать работать на иллюминатов, пусть он прекратит охоту на наших людей и те заказные убийства, которые он разрабатывает вместе с иллюминатами. А чтобы продемонстрировать нам свою лояльность, пусть в ближайшие двадцать четыре часа прикончит 24 иллюминатских агента. Их имена будут в запечатанном конверте, который ты ему передашь.

ПЯТЕРКИ. СЕКС. ЗДЕСЬ ПРЕМУДРОСТЬ.

Прокурор штата Майло А. Фланаган стоял на крыше высотного дома на Лейк-Шор-драйв, в котором он жил, и пристально разглядывал в мощный бинокль серо-голубую гладь озера Мичиган. Дело было двадцать четвертого апреля, в день завершения проекта «Тефида». В любой момент могло появиться грузовое судно, похожее на любое другое грузовое судно Великих Озер, направляющееся к шлюзам реки Чикаго. Только у этого в трюме будет демонтированный атлантический храм, упакованный в большие ящики. Оповестительным знаком явится красный треугольник на трубе.

Фланаган (известный в ордене как брат Иоганн Бегхард) обязан был проверить груз и послать отчет в Ложу Бдительности, североамериканский командный центр иллюминатов. После этого демонтированному храму предстояло отправиться вниз по реке в Сент-Луис. А уж оттуда, по предварительной договоренности с Президентом США, грузовики под охраной армии должны были доставить его в Форт-Нокс. Президент не знал, с кем имеет дело. ЦРУ сообщило ему, что эти памятники старины поступили от Ливонского национально-освободительного движения, из-за Железного Занавеса. Некоторые генералы в ЦРУ знали истинный характер организации, которой помогала Америка, потому что сами были членами этой организации. Ясное дело, Синдикат (даже не нуждаясь в прикрытии) хранил три четверти своего золота вместе с государственным золотым запасом в Форт-Ноксе. «Разве можно найти более надежное место?» — однажды спросил Роберт Патни Дрейк.

Но грузовое судно запаздывало. Ветер сбивал Фланагана с ног, трепал его волнистые седые волосы, развеивал рукава его элегантного пиджака и штанины брюк. Проклятый чикагский ветер! Фланаган боролся с ним всю жизнь. Это сделало из него человека, которым он стал.

На крышу вышел сержант полиции Отто Уотерхаус. Он был в личном распоряжении Фланагана, а это означало, что он числился в платежных ведомостях полицейского управления, Синдиката и еще одной организации, регулярно перечислявшей фиксированную сумму на счет герра Отто Вассергауса в баварский банк. Чернокожий Уотерхаус, ростом шесть с половиной футов, сделал себе карьеру в чикагской полиции на том, что

преследовал, истязал, калечил и убивал представителей своей расы гораздо охотнее и усерднее, чем обычный шериф с Миссисипи. Фланаган давно приметил холодный роман-ненависть Уотерхауса со смертью и приблизил его к себе.

— Сообщение из пресс-центра Совета по международным отношениям в Нью-Йорке, — сказал Уотерхаус. — Из Ингольштадта пришло известие, что проект «Тефида» отменен.

Фланаган опустил бинокль и оглянулся на Уотерхауса. Лицо прокурора штата — багровое, с густыми седыми бровями — было одним из тех пронзительных и запоминающихся лиц, за которые люди охотно голосуют, особенно в Чикаго. Это лицо некогда принадлежало ребенку, который бегал с «гамбургерами»⁶³ по ирландскому гетто на южной окраине Чикаго и булыжниками выбивал чернокожим мозги — просто ради удовольствия. Начав жизненный путь так примитивно, это лицо прошло долгий путь к знанию о затонувших храмах, возраст которых составлял десятки тысяч лет, кораблях-пауках и международных заговорах. В этом лице навсегда запечатлелись черты предков Майло А. Фланагана, среди которых были галлы, бритты, скотты, пикты, валлийцы и ирландцы. В те времена, когда храм Тефиды опускался на морское дно, они, по приказу Агхарти, были вытеснены из того дремучего древнего леса, который сейчас стал пустынной страной — Внешней Монголией. Впрочем, Фланаган, как иллюминат лишь четвертой степени, не был столь глубоко посвящен в историю. Хотя он не выдал своих чувств, в его глазах сверкнули бело-синие огни дикого бешенства. Уотерхаус был одним из немногих людей в Чикаго, которые выдерживали страшный взгляд Фланагана.

— Как это произошло? — спросил Фланаган.

— Нападение дельфинов и невидимой подводной лодки. Все суда-пауки взорваны. Подошел «Цвак» и пытался контратаковать, но был поврежден лазерным лучом и вышел из боя.

— Как они узнали, что возле храма работают «пауки»?

— Возможно, им сообщили дельфины.

Фланаган холодно и задумчиво смотрел на Уотерхауса.

— Возможно, утечка произошла на этом конце, Отто. Сейчас в Чикаго активизировались ДЖЕМы, причем больше, чем в любом другом месте страны. На прошлой неделе дважды видели Диллин-джера. Клянусь Груадом, я хотел бы быть тем, кто *действительно* его поймает, раз и навсегда! Интересно, что тогда сказал бы призрак Гувера, а, Отто? — Фланаган расплылся в одной из своих редких искренних улыбок обнажив выступающие клыки. — Нам известно, что где-то в северной части города находится центр культа ДЖЕМов. Вот уже десять лет кто-то крадет облатки из церкви моего брата, причем даже тогда, когда там находится до тридцати моих людей в штатском. И мой брат говорит, что за последние пять лет в его приходе было больше случаев одержимости бесами, чем во всем Чикаго за всю историю его существования. Один из наших телепатов сообщает, что за последний год в этой зоне как минимум раз в месяц появляются эманации Старухи. Их давным-давно пора найти. Возможно, они читают наши мысли, Отто. Вот тебе и утечка информации. Почему мы с ними до сих пор не расправились?

Уотерхаус, который еще несколько лет назад умел разве что представить преднамеренное убийство как «гибель при сопротивлении аресту», вернул

⁶³ Одна из молодежных банд, активно участвовавших в чикагских расовых волнениях 1919 года.

Фланагану холодный взгляд и изрек:

— Нам нужно десять телепатов пятой ступени, чтобы сформировать пентакль, а у нас их только семь.

Фланаган покачал головой.

— В Европе телепатов пятой ступени семнадцать, в Африке -восемь, и двадцать три разбросаны по всему остальному миру. Казалось бы, можно выделить нам троих на неделю. Только и всего.

Уотерхаус сказал:

— Возможно, у вас есть враги в высших сферах. Не исключено, что кто-то дает нам это понять.

— С чего вдруг ты говоришь такие вещи, Уотерхаус?

— Чтобы ты задумался, приятель.

Восемью этажами ниже, в квартире, где регулярно проходили черные мессы, хиппи с Норт-Кларк-стрит по имени Скип Линч открыл глаза и взглянул на Саймона Муна и Падре Педерастию.

— Времени остается очень мало, — сказал он. — Мы должны скорее кончить Фланагана.

— Лично я жду не дожусь, — ответил Падре Педерастия. — Если бы Папочка не поддерживал его самым возмутительным образом, священником был бы сегодня он, а прокурором штата — я.

Саймон кивнул.

— Только тогда и завалили бы тебя вместо Майло. Хотя, я думаю, этой проблемой все равно занимается Джордж Дорн.

Сквинки? Все началось со сквинков — и это сушая правда, которую вы сумеете осознать только спустя долгое время после завершения этого задания, мистер Малдун.

Вечером второго февраля 1776 года в Инголштадте было темно и дул сильный ветер. Кабинет Адама Вейсгаупта с его дребезжащими стеклами окон, дрожащим пламенем свечей да и самим старым Адамом, который отбрасывал страшные тени, расхаживая по комнате обычной нетвердой походкой, отлично подошел бы для съемок фильма о Франкенштейне. Так или иначе, его тени ужасали, поскольку он торчал от нового конопляного экстракта, привезенного недавно Кольмером из Багдада. Чтобы успокоиться, он повторял заученные за последнюю неделю английские слова. "Томагавк... Сакоташ⁶⁴... Сквинк. *СКВИНК!*" Он громко рассмеялся. Нужно было *skunk* (скунс), но это слово смешалось в его голове со *squid* (кальмар), и получился *squink*. Новое слово, новое понятие. Но что такое этот сквинк? Несомненно, нечто среднее между скунсом и кальмаром: восьмирукий и вонючий. Неприятное воспоминание: о шогготах из этого чертового «*Некрономикона*», который Кольмер всегда уговаривает читать в состоянии кайфа, — дескать, только так можно понять эту книгу.

Пошатываясь, он направился к книжной полке, где стояли труды по черной магии и порнографические книжки (их он цинично держал рядом с толкованиями Библии), и снял с полки давно забытый том видений сумасшедшего поэта Абдула Альхазреда. Он уставился на первый рисунок шоггота. "Странно, — думал он, — как столь гадкая тварь может под другим углом зрения, и особенно когда ты под кайфом, смутно напоминать очертания безумно ухмыляющегося кролика. Du haxen Hase⁶⁵."

⁶⁴ Блюдо из молодой кукурузы, бобов и солонины.

⁶⁵ Ты, хитрый кролик (нем.).

Затем его внимание переключилось на другое: изображения шогготов были обрамлены в пятиугольные рамки... На всех рисунках шогготов всегда есть пятиугольники... и в словах «скунс» и «сквид» по пять букв...

Он поднял руки, посмотрел на пять пальцев на каждой из них и рассмеялся. Внезапно все стало ясно: в Жесте Рогов два пальца выставляются вверх в виде буквы V, а три загибаются вниз. Двойка, тройка и их слияние в пятерке. Отец, Сын и Святой Дьявол... Дуальность добра и зла, Триединство Бога... бицикл и трицикл⁶⁶... Он хохотал все громче и громче, и его вытянутое худое лицо все больше напоминало китайские изображения Смеющегося Будды.

Хотя газовые камеры непрерывно работали, были и другие события лагерной жизни, приближавшие Полное Уничтожение. Например, в Освенциме многие погибали в результате избиений и других форм жестокого обращения, но самыми страшными последствиями обернулось тотальное пренебрежение к элементарной гигиене и профилактике заболеваний. Сначала начался сыпной тиф, потом брюшной. Конечно, свирепствовал и туберкулез, а также — чему особенно поражались некоторые офицеры — неизлечимый понос, который унес жизни многих узников. К тому же никто не пытался помешать вездесущим лагерным крысам нападать на тех, кто был слишком слаб, чтобы двигаться или защищаться. Кроме того, распространился водяной рак; врачи в XX веке никогда с этой болезнью не сталкивались, и поэтому смогли ее распознать лишь по описаниям в старых учебниках: она проедает дыры в щеках до самых зубов. "*Vernichtung*, — сказал впоследствии один из выживших, — это самое страшное слово в любом языке".

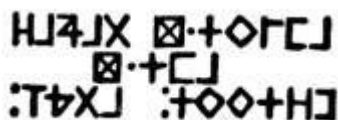
Так и ацтеки: к концу своей эпохи они становились все безумнее, увеличивая количество человеческих жертвоприношений, удваивая и утраивая число дней в году, в которые требовалось совершать кровопролитие. Но это их не спасло: армия Эйзенхауэра прошла по Европе, чтобы остановить печи Освенцима, а корабли Кортеса приближались к великой пирамиде и статуе Тлалока.

Через семь часов после разговора Саймона с Падре Педерастией о Джордже Дорне в международном аэропорту имени Кеннеди приземлился частный самолет, выкрашенный под золото. Автокран поднял из грузового отсека самолета четыре тяжелых ящика и перенес их в грузовик с надписью на борту «Гольд атр; Эппель, грузовые перевозки». Из самолета вышел молодой длинноволосый блондин, одетый в модную жилетку, бриджи из красного вельвета и шелковые чулки бутылочного цвета. Сжимая в руке портфель из кожи аллигатора, он молча сел в кабину рядом с водителем грузовика.

Водитель Тобиас Найт не задавал лишних вопросов.

Джордж Дорн был испуган. К этому чувству он уже привык. Оно стало настолько обыденным, что, казалось, больше никогда не помешает ему совершать безумные поступки. Кроме того, Хагбард дал ему талисман, оберегающий от неприятностей, и заверил, что он действует на сто процентов безотказно. Джордж вытащил его из кармана и вновь осмотрел с любопытством и надеждой. Это была карточка с вытисненной золотом непонятной надписью:

66 См. Приложение Гимел.

Джордж решил, что, вероятно, это очередная шутка Хагбарда. Возможно, по-этрусски эта надпись означает «Вышвырните вон этого олуха». Отказ Хагбарда перевести надпись невольно заставлял предположить худшее, хотя Челине и производил впечатление человека, который относится к символам очень серьезно, чуть ли не с религиозной почтительностью.

В одном можно не сомневаться: Джордж по-прежнему боялся, но он не был парализован страхом. «Если бы несколько лет назад я был столь же безразличен к страху, — думал он, — в Нью-Йорке стало бы одним полицейским меньше. И, вероятно, здесь меня тоже не было бы. Нет, и это не верно. Я просто послал бы Карло на три буквы. Меня не остановил бы страх попасть в разряд изгоев». Джордж боялся, когда ехал в Мэд-Дог, когда Гарри Койн пытался трахнуть его в задницу, когда Гарри Койн был убит. Джордж боялся, когда бежал из мэд-догской тюрьмы, когда видел приближение собственной смерти, когда корабли-пауки иллюминатов атаковали «Лейфа Эриксона». Ему начинало казаться, что страх был его естественным состоянием.

И вот сейчас он должен встретиться с людьми, которые заправляют организованной преступностью в США. Он практически ничего не знал ни о Синдикате, ни о Мафии, а в то малое, что он знал, ему не верилось, он считал, что это больше похоже на миф. Хагбард не сообщил ему практически никакой дополнительной информации, пока он готовился к полету. Но в чем Джордж ни капли не сомневался, так это в том, что он окажется совершенно незащищенным среди людей, которые убивают человека с такой же легкостью, с какой домохозяйка разделывает рыбу. При этом он должен вести с ними переговоры. До сих пор Синдикат работал с иллюминатами. Сейчас Джордж должен уговорить этих людей перейти на сторону дискордианцев. Разумеется, с помощью четырех бесценных статуй. Вот только что скажут Роберт Патни Дрейк и Федерико Малдонадо, когда узнают, что эти статуи подняты из разрушенной Атлантиды, которая покоится на дне океана? Не исключено, что они выразят свой скептицизм пистолетными выстрелами.

— Почему я? — чуть раньше в этот же день спрашивал Хагбард Джордж.

— Почему я? — с улыбкой повторил Хагбард. — Вопрос, задаваемый солдатом, вокруг которого свистят вражеские пули; невинным домовладельцем, когда в его кухню с ножом в руке врывается маньяк-убийца; женщиной, родившей мертвого ребенка; пророком, получившим откровение слова Божьего; художником, который знает, что его последняя картина — гениальное произведение искусства. Почему ты? Потому что ты здесь, говнюк. Потому что с тобой должно что-то происходить. Ясно?

— Но если я провалю все дело? Я ничего не знаю ни о вашей организации, ни о Синдикате. Если сейчас столь критический момент, как ты говоришь, глупо посылать с ответственной миссией такого, как я. У меня нет опыта общения с этими людьми.

Хагбард нетерпеливо покачал головой.

— Ты себя недооцениваешь. Ты считаешь, что не умеешь разговаривать с людьми только потому, что молод и боишься. Это глупо. И не типично для

твоего поколения, так что тебе тем более должно быть стыдно. И потом, у тебя есть опыт общения с более страшными людьми, чем Дрейк и Малдонадо. Ты провел часть ночи в камере с человеком, который убил Джона Кеннеди.

— Что? — Джордж почувствовал, как от его лица отхлынула кровь. Ему показалось, что он теряет сознание.

— Ну да, — небрежно подтвердил Хагбард. — Ты же знаешь, что Джо Малик напал на верный след, когда послал тебя в Мэд-Дог.

И после всего этого Хагбард сказал Джорджу, что он может совершенно спокойно отказаться от миссии, если ему не хочется ее выполнять. А Джордж ответил, что он возьмется за ее выполнение по той же причине, по которой согласился сопровождать Хагбарда на его золотой подводной лодке. Потому что знал: он будет последним идиотом, если упустит такую возможность.

Через два часа автофургон подъехал к воротам частного владения на окраине Блю-Пойнта, на Лонг-Айленде. Двое крепких мужчин в зеленых комбинезонах обыскали Джорджа и водителя, сунули колоколообразный наконечник какого-то прибора в грузовик, изучили показания на шкале прибора и дали им знак проезжать. Они поехали по извилистой узкой асфальтовой дороге среди леса, где на деревьях уже появились бледно-зеленые почки, предвестники весны. Среди деревьев рыскали какие-то призрачные фигуры. Неожиданно лес обрывался, и дальше дорога шла через луг, постепенно поднимаясь по пологому склону холма. Еще при выезде из леса Джордж увидел четыре больших трехэтажных коттеджа из кирпича, окрашенного в морские пастельные цвета. Они стояли полукругом на вершине холма. Трава на лугу была скошена, а возле самих домов луг превращался в идеально ухоженную лужайку. С лесной дороги дома были не видны, потому что их закрывали деревья. Благодаря лугу никто не мог выйти из леса и приблизиться к домам незамеченным. Сами же дома вместе составляли настоящую крепость.

Грузовик «Гольд атр; Эппель» проехал между двумя домами по дороге из бетонных плит, которые при необходимости могли быть подняты вертикально, превращая дорогу в стену. Водитель остановился по знаку вышедшего навстречу человека в хаки. Теперь Джордж видел, что городок-крепость Синдиката состоял из восьми отдельных домов, образующих вокруг лужайки восьмиугольник. При каждом доме был свой обнесенный забором двор, и Джордж с удивлением заметил несколько хорошо оборудованных детских площадок. В центре восьмиугольника стоял высокий белый шест, на котором развевался американский флаг.

Джордж и водитель выбрались из кабины грузовика. Джордж представился, и его проводили в дальний конец городка. Как он заметил, с этой стороны был более крутой склон холма. Он спускался к узкому каменистому пляжу, омываемому огромными атлантическими волнами. Прекрасный вид, отметил про себя Джордж. И надежное укрепление. Единственный способ, которым могли расправиться с Дрейком его враги, — это обстрелять его дом с эсминца.

Стройный светловолосый мужчина — лет шестидесяти, а возможно, и постарше, просто хорошо сохранившийся, — спустился с крыльца дома, к которому привели Джорджа. У него был крючковатый острый нос, мощный раздвоенный подбородок, ледяные голубые глаза. Он энергично пожал Джорджу руку.

— Привет. Я Дрейк. Остальные в доме. Пойдемте. Ах да, вы не возражаете, если мы сразу приступим к делу и разгрузим вашу машину? —

Он посмотрел на Джорджа внимательным птичьим взглядом. С упавшим сердцем Джордж понял, что, судя по этим словам Дрейка, они заберут статуи независимо от того, договорятся стороны о чем-то или нет. Тогда с какой стати им обременять себя переходом в другой лагерь в этой подпольной войне? Но он покорно кивнул.

— Вы молоды, не так ли? — сказал Дрейк, когда они входили в дом. — Но сейчас такие времена. Мальчики делают работу мужчин. — Обстановка в доме была элегантной, но вовсе не столь роскошной, как ожидал Джордж. Ковры толстые, двери и оконные рамы массивные, мебель антикварная. Джордж не очень представлял себе, как в такой интерьер могут вписаться атлантические статуи. На площадке лестницы, ведущей на второй этаж, висел портрет женщины, похожей на королеву Елизавету П. Она была в белом платье, а ее шею и запястья украшали бриллианты. С картины торжественно пялились стоявшие рядом с женщиной два маленьких хрупких светловолосых мальчика в синих морских костюмчиках с белыми атласными галстучками.

— Моя жена и сыновья, — сказал с улыбкой Дрейк.

Они вошли в просторный кабинет, обшитый панелями из красного дерева и дуба, с книгами в кожаных переплетах и мягкой кожаной мебелью. Над столом висел портрет бородатого мужчины в костюме елизаветинской эпохи. В руке он держал мяч для боулинга и надменно смотрел на курьера, показывавшего рукой в сторону моря. На дальнем плане виднелись парусные суда.

— Предок, — спокойно сказал Дрейк. Он нажал на кнопку в панели письменного стола. Открылась дверь и в кабинет вошли двое: высокий молодой китаец со скуластым лицом и буйной черной шевелюрой и низенький худой мужчина, смутно напоминавший папу Павла VI.

— Дон Федерико Малдонадо, достойнейший человек, — сказал Дрейк. — И Ричард Юнг, мой главный консультант. — Джордж обменялся рукопожатием с обоими. Он не понимал, почему Малдонадо называли «Банановым носом»; нос и впрямь был ничего себе, но ничуть не походил на банан. Скорее уж на баклажан. Вошедшие сели на красный кожаный диван. Джордж и Дрейк расположились напротив них в креслах.

— Как поживают мои любимые музыканты? — приветливо спросил Юнг.

Возможно, это пароль? Джордж не сомневался в одном: его жизнь зависит от того, насколько он будет правдив и откровенен с этими людьми. Поэтому он очень искренне сказал: «Не знаю. А кто ваши любимые музыканты?»

Юнг продолжал улыбаться, не произнося ни слова, пока Джордж, у которого сердце стучало в груди, как у белки, решившей соскочить с колеса, не полез в портфель и не вытащил оттуда пергаментный свиток.

— Это, — сказал он, — проект соглашения, предлагаемого людьми, которых я представляю. — Джордж протянул свиток Дрейку. Он поймал пристальный и бесстрастный взгляд Малдонадо, лишивший его присутствия духа. Глаза этого человека казались сделанными из стекла. У Джорджа мелькнула мысль, что Малдонадо — это украденная из музея мадам Тюссо восковая фигура папы Павла VI, которую сицилийские колдуны оживили, одели в деловой костюм и поставили во главе Мафии.

— Мы должны расписаться кровью? — поинтересовался Дрейк, снимая золотую тесемку и разворачивая свиток. Джордж нервно рассмеялся.

— Вполне достаточно чернил.

Сол смотрит на меня сердитым, торжествующим взглядом, и я виновато отвожу глаза в сторону.

— *Позвольте мне объяснить*, — в отчаянии прошу я. — *Я действительно пытаюсь вам помочь. Ваш ум — это бомба.*

— То, что Вейсгаупт открыл в тот вечер, 2 февраля 1776 года, — объяснял Хагбард Челине Джо Малику в Майами ясным осенним днем 1973 года (примерно тогда же, когда капитан Текилья-и-Мота читал книгу Луттвака о государственном перевороте и делал первые шаги по вербовке офицеров-заговорщиков, которые позже захватили Фернандо-По), — в сущности, было простым математическим соотношением. Настолько простым, что его никогда не замечает большинство администраторов и бюрократов. Как домовладелец не замечает скромного термита, пока не становится слишком поздно... Вот, возьми бумагу и проверь сам. Сколько перестановок может произойти в системе из четырех элементов?

Джо, припоминая школьную математику, написал: « $4 \times 3 \times 2 \times 1$ » — и ответил вслух: «Двадцать четыре».

— А если *ты сам* — один из этих элементов, то число коалиций -или, если употребить более зловещее слово, число заговоров, — с которыми ты можешь столкнуться, равно *двадцати трем*. Несмотря на навязчивую идею Саймона Муна, число двадцать три не имеет никакого особого мистического значения, — быстро добавил Хагбард. — Относись к нему просто прагматически. Это число возможных связей, которые мозг способен запомнить и поддерживать. Но предположим, что система состоит из пяти элементов...

Джо написал: « $5 \times 4 \times 3 \times 2 \times 1$ » — и ответил в слух: «Сто двадцать» — Улавливаешь? И с такими масштабными скачками приходится сталкиваться всегда, когда имеешь дело с перестановками и комбинациями. Но, как я сказал, администраторы об этом чаще всего не знают. Еще в начале тридцатых годов Кожибский указывал, что никто никогда *непосредственно* не должен руководить более чем четырьмя подчиненными, потому что двадцати четырех возможных коалиций, которые могут возникнуть в результате политических интриг в самом обычном учреждении, вполне достаточно, чтобы напрячь до предела любой мозг. Когда происходит скачок до ста двадцати коалиций, администратор пропал. В сущности, это социологический аспект таинственного Закона Пятерок. Иллюминаты всегда ставят пять руководителей в каждом государстве, а ими руководят пять международных Первоиллюминатов, но каждый управляет своим участком более или менее независимо от остальных четверых, хотя его объединяет со всеми общая преданность Цели Груада.

Хагбард умолк, заново раскуривая длинную черную итальянскую сигару.

— Так вот, — продолжил он, — поставь себя на место главы любой спецслужбы, например контрразведки. Представь, что сейчас, к примеру, 1963 год, период первой Новой Волны иллюминат-ских убийств, а ты — бедный старый Маккоун из ЦРУ. Конечно же, Освальд, как все всегда знали, был двойным агентом. Русские не выпустили бы его из России, не взяв с него обязательство выполнять «мелкие поручения», как говорят в бизнесе, хотя его готовили как «крота». Это значит, что большую часть времени он занимался бы своим обычным делом, и лишь иногда, оказавшись в нужном месте в нужное время, призывался для выполнения конкретного «небольшого поручения». Разумеется, в Вашингтоне об этом знают. Известно, что ни один экспатриант не возвращается из Москвы, не подписав

какое-нибудь подобное соглашение. А Москве известна другая сторона дела: Госдепартамент не примет Освальда обратно, пока он не согласится выполнять такие же «мелкие поручения» ЦРУ. Затем наступает 22 ноября, Дили-плаза — бац! Все по уши в дерьме. И Москва, и Вашингтон хотят знать, и чем скорее, тем лучше, от кого он получил такое «поручение». Или он сделал это по собственному усмотрению? Смутно вырисовывались еще две возможности: а не могли ли этого одиночку с путанными политическими взглядами завербовать кубинцы или китайцы? Затем неожиданный поворот: а может быть он вообще невиновен? А что, если все это организовано другой группой, которую, чтобы не называть вещи своими именами, назовем Силой Икс? Итак у нас есть КГБ, ЦРУ, ФБР и все остальные, которые лезли из кожи вон, рыскали по Далласу и Новому Орлеану в поисках зацепок. И чем дальше, тем больше все они считают Силу Икс нереальной, потому что она, в сущности, невероятна. Она невероятна, поскольку у нее нет ни скелета, ни формы, ни плоти — ничего, за что можно уцепиться. А дело все в том, что Сила Икс — это, безусловно, иллюминаты, работающие через пятерку руководителей со ста двадцатью различными базисными векторами (которые получаются в результате перемножения пятерки на четверку, на тройку и на двойку). А заговор, в котором участвуют 120 векторов, уже вообще не выглядит заговором: он больше похож на хаос. Человеческий ум не может охватить такой заговор и потому объявляет его несуществующим. Понимаешь, иллюминаты всегда стараются поддерживать в этих ста двадцати векторах один случайный элемент. *На самом деле* им не нужно вербовать одновременно лидеров экологического движения и директоров корпораций, которые больше всего загрязняют окружающую среду. Но они сделали это, чтобы создать неопределенность. *Каждый*, кто пытается описать их действия, производит впечатление параноика. Исход дела решило то, — заключил Хагбард, — что стало настоящей удачей для банды Вейсгаупта: в нее вошли еще два элемента, которых никто не мог ни спланировать, ни предвидеть. Одним из этих элементов был Синдикат.

— Это всегда начинается с абсурда, — рассказывает в 1969 году Саймон Джо Малику в другом временном цикле между Лос-Анджелесом и Сан-Франциско. — Вейсгаупт обнаружил Закон Пятерок, когда был под кайфом и вгляделся в один из рисунков шогготов, которые ты видел в Арххеме. Он представил себе, что шоггот — это кролик, и назвал его "du hexen Hase, и эта шутивная фраза стала своеобразным паролем иллюминатских агентов в Голливуде. Она постоянно повторяется в мультфильмах о Багзе Банни: «Ты, хитвый кволик!» Но за этой галлюцинацией Вейсгаупт сумел разглядеть не только мистическое значение Закона Пятерок, но и его сугубо прагматическое значение как основы международного шпионажа, работающего на основе пермутаций и комбинаций, которые я тебе объясню, когда у нас будет бумага и карандаш. Всякий раз, когда ты вступаешь в контакт со сверхсознанием — не важно, через магию, религию, психоделики, йогу или спонтанное озарение, — оно всегда говорит с тобой на языке, в котором откровение смешано с абсурдом. Возможно, элемент пародийности или абсурда привносится загрязняющим влиянием подсознания, точно не знаю. Но этот элемент есть всегда. Вот почему серьезные люди никогда не совершают великих открытий.

— Ты говоришь о Мафии? — спрашивает Джо.

— Что? Я ни словом не обмолвился о Мафии. Ты снова попал в другое течение времени?

— Нет, не только Мафия, — отвечает Хагбард. — Синдикат намного могущественнее Мафии. — Место действия обретает четкость: это ресторан. Морской ресторан. На Бискайн-авеню, с видом на залив. Майами, 1973 год. В дизайне интерьера использованы морские мотивы, в том числе изображение гигантского осьминога на стене. Несомненно, Хагбард выбрал для встречи этот ресторан только из-за морского антуража. Безумный мерзавец считает себя капитаном Немо. Тем не менее с ним приходится иметь дело. Как говорит Джон, в одиночку ДЖЕМаМ не справиться. Хагбард усмехается, видимо заметив возвращение Джо в настоящее время.

— Ты дошел до критической стадии, — говорит он, сменив тему разговора. — Сейчас у тебя есть лишь два ментальных состояния: кайф от наркотиков и кайф без наркотиков. Это прекрасно. Но я всегда говорил, что Синдикат — это гораздо больше, чем просто Мафия. Конечно, до 23 октября 1935 года Синдикат был самой обычной Мафией. Но потом они убили Голландца, и юному студенту психологического факультета, который к тому же оказался психопатом, стремившимся к власти с таким же рвением, как Чингисхан, поручили подготовить статью, иллюстрирующую на основе последних слов Голландца сходство между соматическим повреждением и шизофренией. В животе Голландца сидела пуля, когда его допрашивала полиция, и полицейские запротоколировали все, что он сказал, но на первый взгляд его слова казались сплошной галиматьей. Этот студент-психолог написал статью, которую от него ждал профессор, и получил за нее высший балл. Но для себя он написал другое толкование слов Голландца. А копии этого текста спрятал в сейфах нескольких банков. Он происходил из старинного рода новоанглийских банкиров и как раз тогда испытывал сильное давление со стороны семьи, требовавшей бросить психологию и заняться банковским делом. Его звали...

(Роберт Патни Дрейк приезжал в Цюрих в 1935 году. Он с глазу на глаз беседовал с Карлом Юнгом об архетипах коллективного бессознательного, *И-цзине* и принципе синхронистичности. Он беседовал с людьми, которые знали Джеймса Джойса до того, как этот запойный ирландский гений переехал в Париж, и узнал, что пьяный Джойс часто объявлял себя пророком. Он прочел опубликованные отрывки *«Поминок по Финнегану»* и вернулся к Юнгу для дальнейших бесед. Затем он познакомился с Германом Гессе, Паулем Клее, другими членами Восточного Братства и даже участвовал с ними в мескалиновом ритуале. Примерно тогда же он получил письмо от отца. Отец спрашивал, когда он перестанет попусту растрачивать время и вернется в Гарвардскую школу бизнеса. Роберт ответил отцу, что вернется к осеннему семестру, но изучать торгово-промышленный менеджмент больше не намерен. Тогда уже практически произошло рождение великого психолога, а у Гарварда появились все шансы на тридцать лет раньше стать свидетелем такого же скандала, какой устроил там Тимоти Лири в шестидесятых. Вот только Дрейк уж очень жаждал власти.) Дрожащая Джозефина Малик лежит в кровати, пытается быть смелой, пытается скрыть страх. Где же сейчас маска мужественности?

Ошибочное представление, что ты — мужчина, замурованный в женское тело, можно излечить лишь одним способом. Меня выгнали бы из Американской психоаналитической ассоциации, если бы узнали о моих методах. В сущности, тамошние типы уже проявляли признаки озабоченности, когда один из моих пациентов избавился от Эдипова комплекса, трахнув собственную мать и при этом экстенционально себя

убеждая, как сказали бы семантики, что в действительности она была просто пожилой леди, а вовсе не той женщиной, которую он помнил с младенчества. И все же весь мир сходит с ума, как ты наверняка заметила, бедняжка, и мы должны принимать героические меры ради спасения остатков вменяемости в любом пациенте, который попадает к нам в руки. *{Сейчас психиатр обнажен. Он ложится к ней в постель.}* Ну вот, моя маленькая испуганная голубка, сейчас ты убедишься, что в действительности ты самая что ни на есть настоящая женщина...

Джозефина чувствует его палец во влагалище и вскрикивает. Не от прикосновения: из-за реальности всего этого. До сих пор она не верила, что это изменение произошло в реальности.

Мост Вейсгаупта рушится

Рушится

Рушится

И таковы все современные романы: в общежитии Ассоциации молодых христиан на Атлантик-авеню в Бруклине, глядя из окна на радиоантенну на крыше Бруклинской высшей технической школы, человек по фамилии Чейни раскладывает на кровати порнографические карты Таро. Он замечает, что одной карты нет. Он быстро раскладывает карты по мастям в поисках недостающей карты: это Пятерка Пентаклей. Чейни тихо чертыхается, ведь это была одна из его любимых оргий.

Ребекка. Сенбернар.

— У тебя, как видно, полная каша в голове, — продолжал я, взбешенный, что наш план разваливается и что сейчас, когда я так нуждаюсь в его доверии, у меня нет никаких шансов его заслужить. — Мы провели полную детоксикацию твоего организма и разгипнотизировали тебя, но ты почти наверняка не можешь отличить нас от иллюминатов, а ведь мы тебя спасли и повернули процесс вспять. В ближайшие двадцать четыре часа у тебя ожидается сильнейший приступ психоза, и мы используем единственную методику, которая может остановить этот процесс.

— Почему я все слышу по два раза? — спросил Сол, балансируя между недоверчивым скептицизмом и ощущением, что Малик больше не играет в игры, а отчаянно пытается ему помочь.

— Тебя накачали наркотиком, производным от метилдиамфетамина. Плюс мескалин и метедрин. Он создает эхо-эффект минимум на семьдесят два часа. Ты слышишь то, что я собираюсь сказать, до того, как я это говорю, а потом снова, когда я действительно это говорю. Через несколько минут это пройдет, но еще в течение ближайших суток такое состояние будет возвращаться через каждые полчаса или около того. Эта последовательность завершится психозом, если мы не остановим процесс. («Если мы не остановим процесс», — повторяет эхо.)

— Сейчас немного легче, — осторожно сказал Сол. — Меньше эхо. Я все еще не знаю, доверять ли тебе. Зачем ты пытался обратить меня в Барни Малдуна?

— Затем, что психический взрыв должен произойти на временной линии Сола Гудмана, а не Барни Малдуна.

Десять больших носорогов, одиннадцать больших носорогов...

— Ты Хитвый Кволик, — шепчет Саймон в дверной глазок. Дверь мгновенно открывается, и молодой человек, типичный обитатель Фриско с длинными волосами и бородой под Иисуса Христа, говорит: «Добро пожаловать в Клику Джошуа Нортон». Джо с облегчением видит, что это

обычный, хотя и на редкость чистый, притон хиппи и здесь нет мрачных атрибутов для шабаша, как на Лэйк-Шор-драйв. В ту же секунду он слышит голос лежащего в постели странного человека, который спрашивает: «Зачем вы пытались обратить меня в Барни Малдуна?» *О Господи, это происходит сейчас, когда я в такой же мере бодрствую, как и сплю.* Одно-мульти-временно он слышит сигнал тревоги и кричит: «Иллюминаты атакуют!»

— Атакуют это здание? — спрашивает Сол, приводя его в замешательство.

— Здание? Ты на подводной лодке, приятель. «Лейф Эрикссон» плывет в Атлантиду!

Двадцать больших носорогов, двадцать один большой носорог...

По— моему, сегодня вышли на улицы все персонажи Хелен Хокинсон. Только что меня донимала очередная карикатура, клянчившая на «Матерей против перхоти». Я дал ей пять центов.

Между прочим, 1923 год был очень интересным с оккультной точки зрения. Это не только год, в котором Гитлер примкнул к иллюминатам и попытался устроить мюнхенский путч, но, как мне удалось выяснить, просматривая книги Чарльза Форта, это был год довольно значительных событий. Семнадцатого марта — а это число из нашей корреляции 17-23, а также дата годовщины подавления мятежа в Кронштадте, день взрыва статуи адмирала Нельсона в Дублине в 1966 году и, конечно же, день церковного праздника Святого Патрика — в окрестностях имения лорда Карнарвона в Англии видели бегавшего нагишом загадочного мужчину. Он был замечен еще пару раз в последующие дни, но поймать его не удалось. А тем временем сам лорд Карнарвон умер в Египте: поговаривали, что он стал жертвой проклятия Тутанхамона, чью гробницу он когда-то ограбил. (Археолог — это кладбищенский вор, только с мандатом.) Форт приводит еще два примера синхронистичности, связанной с этим майским днем, которые ему удалось проследить сквозь века: это извержение вулкана, совпавшее с открытием новой звезды. В сентябре в Индии начался «мумиайский психоз»; *мумиай* — это невидимые демоны, захватывающие людей среди бела дня. На протяжении всего года в Англии появлялись сообщения о взрывающемся угле; были попытки объяснить эти случаи делом рук озлобленных шахтеров (то был период рабочих стачек), которые подкладывали в уголь динамит, но полиция не смогла это доказать. Уголь продолжал взрываться. А летом начались неприятности у французских летчиков: всякий раз, когда они пролетали над Германией, у них возникали сложные ситуации, и даже высказывались предположения, что немцы проводят испытания аппарата, испускающего невидимые лучи. Принимая во внимание все три последних явления — невидимые демоны в Индии, взрывающийся уголь в Англии и невидимые лучи над Германией, — я подозреваю, что кто-то действительно кое-что испытывал...

— Можешь звать меня «док Игги». В настоящее время мое полное имя — доктор Игнотум П. Игноциус. «П.» — это сокращение от латинского *Per*. Если ты знаком с латынью, то знаешь, что все это переводится как «объяснение неизвестного еще более неизвестным». По-моему, это вполне подходящее имя для моей сегодняшней функции, поскольку Саймон привез тебя сюда для иллюминизации. То рабское имя, которое я носил, пока меня самого не *зажгли*, совершенно несущественно. Меня равно не интересует и твое рабское имя, и я буду обращаться к тебе по паролю Клики Нортон, который

Саймон назвал у двери. До завтрашнего утра, пока будет продолжаться действие наркотика, тебя будут звать «Т. Хитвый Кволик». Имей в виду, что «Т.» — это инициал, а не слово «ты»⁶⁷.

Мы здесь тоже считаем Багза Банни воплощением Мумму, но в остальном у нас мало общего с ССС. Я имею в виду Сатанистов, Сюрреалистов и Садистов — команду, которая начала твою иллюминацию в Чикаго. Фактически, нас с ними объединяет только пользование анархистской почтовой системой «Тристеро», которая позволяет миновать государственных почтовых инспекторов, и финансовое соглашение, по которому мы признаем их *ПБМ*, то есть деньги Памяти Божественного Маркиза, а они — наши *конопленьги* и *льненьги* Легиона Динамического Раздора. В общем, все что угодно, лишь бы не пользоваться банкнотами Федерального резервного банка.

Кислота начнет действовать только через некоторое время, поэтому, пока я не увижу, что ты готов к восприятию серьезных вещей, я буду болтать с тобой о более или менее тривиальных (а также квадравиальных и пентавиальных) вещах. Саймон сейчас в часовне с женщиной по имени Стелла, в которую ты потом обязательно влюбишься. Они готовят церемонию.

Наверное, тебя интересует, почему мы называемся Кликой Нортон. Это название выбрал мой предшественник, Малаклипс Младший, еще до того как он ушел от нас в более эзотерическую группу ЭФО — Эридианский Фронт Освобождения. Это западное отделение "Хун-Мэн-Тонга"⁶⁸, и занимаются они большим антииллюминатским проектом, который называется «Операция Мозготрах». Но это совсем другая, очень сложная история. Одно из последних сочинений Малаклипса перед его погружением в Молчание уместилось в коротком абзаце: «Все понимают Микки Мауса. Мало кто понимает Германа Гессе. Едва ли кто-то понимает Альберта Эйнштейна. И никто не понимает Императора Нортон». Мне кажется, когда Мала-клипс это писал, он уже увлекся мистикой «Мозготраха».

(— А кто был этот Император Нортон? — спрашивает Джо, недоумевая, то ли уже начинает действовать наркотик, то ли доктор Игноциус обладает странной способностью говорить медленнее, чем большинство людей.)

— Джошуа Нортон, Император Соединенных Штатов Америки и Покровитель Мексики. Сан-Франциско им гордится. Он жил в прошлом столетии и стал императором, просто провозгласив себя таковым. По какой-то загадочной причине газеты решили в шутку потакать ему и опубликовали его манифест. Когда он начал печатать собственные деньги, местные банки тоже поддержали эту шутку и принимали их наравне с американскими деньгами. Однажды ночью, когда у членов «Комитета бдительности» появилось настроение отправиться в Чайна-таун и линчевать там пару-тройку китайцев, Император Нортон сумел их остановить, просто выйдя на улицу и читая «Отче наш» с закрытыми глазами. Ну что, ты немного начинаешь понимать Императора Нортон, а, мистер Кволик?

(— Немного, — отвечает Джо, — совсем немного...)

— А теперь подумай вот о чем, приятель: примерно в одно время с

⁶⁷ В знаменитых мультфильмах картавый охотник Элмер Фадд всегда обращается к кролику Багзу Бани «Ты, хит-вый кволик» (You Wascal Wabbit). Заменив в этой фразе You на U, док Игги получает «инициатическое имя» для Джо.

⁶⁸ Хун Мэн — один из дискордианских святых. Упоминается в 11-й главе книги «Чжуан-цзы». Тонг — криминальное сообщество китайцев-эмигрантов.

Императором Нортоном на другом конце страны, в Массачусетсе, жили два нормальных и разумных анархиста: Уильям Грин и Лайсандер Спунер. Они тоже поняли значение появления конкурирующих денежных знаков вместо единой государственной валюты и попытались отстаивать эту идею с помощью логических аргументов, эмпирических демонстраций и судебных процессов. Они ничего не достигли. Государство стало нарушать им же установленные законы, изыскивая возможности запретить деятельность гриновского Банка Взаимопомощи и спунеровского Народного Банка. А все потому, что эти банки были неприлично нормальными, и их валюта представляла реальную угрозу для монополии иллюминатов. Император же Нортон был настолько сумасшедшим, что люди ему *потакали*, а его деньгам разрешалось циркулировать. Подумай об этом. Возможно, ты начнешь понимать, почему наш символ — Багз Банни и почему у наших денег такое смешное название — *конопленьги*. Хагбард Челине и его дискордианцы называют свои деньги еще абсурднее — *льненьгами*. Это в честь дзэнского мастера, который на вопрос «Что есть Будда?» ответил: «Пять фунтов льна». Начинаешь теперь понимать масштаб нашей борьбы с иллюминатами?

Надеюсь, сейчас ты понял хотя бы одно: их фундаментальная ошибка состоит в Анэристическом Заблуждении. Они действительно верят в «закон и порядок». Вообще, поскольку в этой безумной древней борьбе у каждого есть собственная теория о том, к чему на самом деле стремятся иллюминаты, позволю себе изложить мое личное мнение. На мой взгляд, все они — ученые, которые стремятся сформировать всемирное научное правительство. Видимо, якобинцы точно выполняли инструкции иллюминатов, когда разграбили церкви в Париже и объявили о наступлении Века Разума. Ты знаешь историю о старике, который стоял в толпе во время казни Людовика XVI и, когда упала отрубленная голова, закричал: «Жак де Молэ, ты отмщен»? Все символы, которые де Молэ ввел в масонство, были научными инструментами: рейсшина, угольник, даже пирамида, породившая такое множество эксцентричных гипотез. Если считать глаз элементом пирамиды, то сам понимаешь, выходит, что пирамида состоит из семидесяти трех, а не семидесяти двух частей. Что означает 73? Все просто: умножь это число на 5 в соответствии с вейсгауптовской *funfwissenschaft*, или «наукой пятерок», и получишь 365, то есть количество дней в году. Эта чертова пирамида — своего рода астрономический компьютер, что-то вроде Стоунхенджа. Египетские пирамиды обращены к Востоку, где восходит солнце. Великая пирамида майянцев состоит в точности из 365 частей и тоже обращена к Востоку. По существу, они занимаются тем, что обожествляют «порядок», который обнаружили в Природе, не понимая, что сами придали ей порядок своими собственными инструментами.

Вот почему они ненавидят обычное человечество: мы такие неупорядоченные. На протяжении шести или семи тысяч лет они пытаются воссоздать высшую цивилизацию в духе атлантического «закона и порядка» — Государство, как они предпочитают ее называть.

Но, как ты понимаешь, на самом деле такое Государство будет не чем иным, как гигантским роботом. Всему свое место, и всяк на своем месте. Посмотри на Пентагон — да, Богини ради! — посмотри на всю их армию. Такой они хотят сделать нашу планету: эффективной, механической, упорядоченной — очень упорядоченной! — и бесчеловечной. В этом суть Анэристического Заблуждения: вообразить, что ты нашел Порядок, а затем начать манипулировать причудливыми, эксцентричными, хаотическими

вещами, которые существуют в реальности, пытаюсь построить их повзводно и поротно, чтобы они соответствовали твоим представлениям о Порядке, который в них якобы должен проявляться. Конечно же, самые странные, самые хаотичные вещи, которые существуют в мире, — это другие люди. Вот почему они так одержимы стремлением нами управлять.

Почему ты так смотришь на меня? Я что, меняю цвета, увеличиваюсь в размере или что-то в этом роде? Прекрасно: кислота начинает действовать. Теперь мы можем говорить начистоту. Итак, большая часть того, что я тебе наговорил, — дерьмо собачье. У иллюминатов нет многотысячелетней истории, как нет ее и у ДЖЕМов. Их «великое наследие и традиции» — Жак де Молэ, Карл Великий и все прочее — чистейшая выдумка, которую они высосали из пальца в 1776 году, ссылаясь на разные исторические сведения, выдернутые из контекста. Мы сделали то же самое. Наверное, тебе интересно, зачем мы им подражаем и зачем обманываем наших новобранцев. Отвечу тебе так: часть «просветления» — а нам необходимо быть просветленными, «иллюминизированными», чтобы успешно с ними сражаться, — заключается в умении сомневаться во всем. Именно поэтому в каюте Хагбарда висит лозунг «Думай сам, говнюк!», а Ха-сан ибн Саббах сказал: *"Ничто не истинно"*. Ты должен научиться сомневаться даже в нас и во всем, что мы тебе рассказываем. В этом *путешествии* нет ни единого честного человека. Фактически, очень может быть, именно *эта часть* — единственная ложь, которую я произнес за весь вечер, а история иллюминатов до 1776 года вовсе не выдумка, а реальность. Или возможно, что мы просто прикрытие для иллюминатов... чтобы завербовать тебя окольными путями...

У тебя приступ паранойи? Отлично: просветление — это обратная сторона абсолютного ужаса. А единственный ужас, который можно считать действительно абсолютным, — это ужас, который испытываешь, когда вдруг понимаешь, что ни во что не можешь поверить, что бы тебе ни говорили. Тебе придется полностью осознать, что ты «чужой и испуганный в мире, который придумал не ты», как сказал Хаусман.

Двадцать два больших носорога, двадцать три больших носорога...

В сущности, иллюминаты были фанатиками структуры. Отсюда их тяга к геометрическим и архитектурным символам, особенно к пирамиде и *пятиугольнику-пентагону*. («Божья молния», как все авторитарные иудео-христианские ереси, тоже причастна к этой типично западной прямолинейной мистике, и поэтому у них даже евреи вроде Зева Хирша признают символ Креста, предложенный Атлантой Хоуп, ведь Крест — это самая евклидовская из всех религиозных эмблем.) Дискордианцы сделали сардонический комментарий к правовой и научной основе «закона и порядка». Они выбрали в качестве священного символа семнадцатиступенчатую пирамиду (именно потому, что число 17 не имеет практически никаких интересных геометрических, арифметических или мистических свойств — если не считать того, что на острове Ява на нем основывается очень странная музыкальная гамма) и увенчали ее Яблоком Раздора — символом нерациональной, негеометрической и совершенно беспорядочной стихийности созидательной эволюции растительного мира. У Эридианского Фронта Освобождения (ЭФО) вообще не было никакого символа, и когда новички интересовались таковым, им высокопарно отвечали, что символ ЭФО нельзя нарисовать, ибо это круг, окружность которого везде, а центр — нигде. Это вообще была самая отвязная группа из

всех, и лишь наиболее продвинутые из дискордианцев отчасти понимали их тарабарщину.

Что касается ДЖЕМов, то у них был символ, понятный каждому. Гарри Пирпонт показал его Джону Диллинджеру в самый разгар мускатного кайфа в Мичиганской городской тюрьме, а доктор Игноциус — Джо Малику в самый разгар его первого кислотного сеанса.

— Это, — торжественно произнес он, — Священное Хао.

— Это символ технократии, — хихикнул Джо.

— Ну что ж, — улыбнулся доктор Игноциус, — ты как минимум оригинален. В девяти из десяти случаев новички принимают его за китайский знак Инь-Ян или астрологический символ Рака. Он похож и на то, и на другое, а также на эмблемы Северной Тихоокеанской железной дороги и Совета по половому просвещению и образованию США. И я думаю, что в конце концов на это должно обратить внимание Общество Джона Берча: они докажут, что железными дорогами управляют половые просветители, или что за половыми просветителями стоят астрологи, или что-нибудь еще в таком же духе. В общем, ты ошибся. Это Священное Хао, символ Мумму, Бога Хаоса.

Справа, о благороднорожденный, ты видишь воплощение твоего «женского» и интуитивного начала, которое китайцы называют *Инь*. В Инь заключено яблоко, и не простое, а золотое яблоко Эриды, оно же запретное яблоко Евы, и оно же яблоко, которое в былые времена исчезало со сцены бруклинского «Флэтбуш Бурлеск Хаус», когда знаменитая Линда Ларю садилась на него в шпагат в кульминационный момент стриптиза. Оно символизирует эротические, либидные, анархические и субъективные ценности, которым поклоняются Хагбард Челине и наши друзья в Легионе Динамического Раздора.

А теперь, о благороднорожденный, пока ты готовишься к Тотальному Пробуждению, взгляни на левую, *янскую* сторону Священного Хао. Это образ твоего «мужского», рационалистического эго. Здесь ты видишь *Пентагон* иллюминатов, сатанистов и армии США. Он олицетворяет анальные, авторитарные, структурные ценности «закона и порядка», которые с помощью своих марионеточных правительств иллюминаты навязали многим народам мира.

Ты должен понять следующее, о новорожденный Будда: ни одна из сторон не совершенна, не истинна, не реальна. Каждая сторона — это абстракция, заблуждение. Природа — это цельнотканое полотно, обе стороны которого находятся в состоянии нескончаемой войны (оно же состояние нескончаемого мира). Уравнение всегда уравнивает. Увеличь значение одной стороны, и другая сторона автоматически увеличится. Каждый гомосексуалист — это скрытый гетеросексуалист, а под панцирем любого авторитарного полицейского скрывается анархическое либидо. Нет никакого *Vernichtung*, никакого Полного Уничтожения, никакого горшка с золотом на том конце радуги, и ты — не Сол Гудман, когда потерялся здесь.

Послушай: хаос, который ты испытываешь под ЛСД, вовсе не иллюзорен. Упорядоченный мир, который ты считаешь реальным в результате

искусственной и вредной диеты, на которую иллюминаты посадили все цивилизованные страны, — вот настоящая иллюзия.

Я не говорю то, что ты слышишь. Единственный хороший фнорд — это мертвый фнорд. Не свисти, когда писаешь. Не замеченный никем, но очень значительный вклад в социологию и гносеологию внесла работа Малиновского *«Ретроактивная реальность»*, напечатанная в журнале Польского ортопсихиатрического общества осенью 1959 года.

«Все утверждения в каком-то смысле истинны, в каком-то смысле ложны, в каком-то смысле бессмысленны, в каком-то смысле истинны и ложны, в каком-то смысле истинны и бессмысленны, в каком-то смысле ложны и бессмысленны, и в каком-то смысле истинны, ложны и бессмысленны». Ты успеваешь за мной?

(— *В каком-то смысле*, — бормочет Джо...)

— Автору, доктору Малиновскому, помогали три аспиранта: Кожибский-1, Кожибский-2 и Кожибский-3 (сиамские тройняшки, родившиеся в семье математика и потому получившие не имена, а номера). Малиновский и его аспиранты провели социологический опрос 1700 супружеских пар, беседуя в каждом случае с мужем и женой отдельно. Они задавали сто вопросов, касавшихся первой встречи опрашиваемых, их первого полового контакта, свадебной церемонии, медового месяца, финансового состояния семьи в течение первого года супружеской жизни и прочих аспектов, которые оставляют в памяти неизгладимые впечатления. Ни одна из этих 1700 пар не ответила на все сто вопросов одинаково, и максимальное количество очков набрала пара, ответившая одинаково на сорок три вопроса из ста.

Это исследование наглядно демонстрирует то, что давно подозревали многие психологи: история жизни, которую большинство из нас хранит в памяти, — это больше плод нашего воображения (и больше как минимум на 57 процентов), чем точная летопись реальности. В результате чего Малиновский делает вывод: «Реальность ретроактивна, ретроспективна и иллюзорна».

В таком случае события, персонально не пережитые, а воспринятые с чужих слов, искажаются еще с большей степенью вероятности, и после того, как одну и ту же историю перескажут пять рассказчиков, она фактически превращается в самый настоящий миф; кстати, это еще один пример действия Закона Пятерок.

— Только марксисты, — закончил доктор Игги, открывая дверь и провожая Джо в часовню, — все еще верят в объективную историю. Марксисты и несколько учеников Айн Рянд.

Юнг взял у Дрейка пергаментный свиток и внимательно его рассмотрел.

— Значит, кровью расписываться не требуется? А что это за чертов символ Инь-Ян с пятиугольником и яблоком? Сдается мне, ты нас дурачишь.

Он скривил губы в презрительной усмешке.

— Что вы хотите сказать? — с трудом выдавил Джордж, у которого мгновенно пересохло во рту.

— Я хочу сказать, что ты не от иллюминатов этих сраных, — сказал Юнг. — Кто же ты тогда? Говори!

— А разве до того, как я приехал сюда, вы не знали, что я не иллюминат? — спросил Джордж. — Я никого не дурачу. Нет, честно, я думал, что вы знаете людей, которые меня прислали. И я ведь не *говорил*, что я от иллюминатов.

Малдонадо кивнул, и его лицо оживила едва заметная улыбка.

— Я знаю, кто он. Это люди Старой Стреги. Сивиллы из Сивилл. Да здоровствует Дискordia, малыш. Правильно?

— Слава Эриде, — отозвался Джордж с чувством облегчения. Дрейк нахмурился.

— По-моему, нас тянут в разные стороны. С нами связались — по почте, потом по телефону, затем через посланников — люди, которые вполне ясно дали понять, что всё знают о нашем бизнесе с иллюминатами. Так вот, насколько мне известно — возможно, дон Федерико знает об этом больше, — есть лишь одна организация в мире, которой может быть что-то известно о ДВИБ⁶⁹, и это сами ДВИБ.

Джордж чувствовал, что он лжет. Малдонадо предостерегающе поднял руку.

— Минутку. Все встаем. И в ванную. Дрейк вздохнул.

— Послушайте, дон Федерико. Эта ваша секретность... Если в моем доме не безопасно, все мы уже и сейчас все равно что трупы. И если ДВИБ так могущественны, как о них говорят, то вряд ли открытый кран помешает им нас прослушивать. Ради Бога, давайте обсуждать проблему как цивилизованные люди, а не толпиться в моей душевой.

— Бывают ситуации, когда гордость самоубийственна, — вымолвил Малдонадо. Он пожал плечами. — Впрочем, я уступаю. Если вы ошибаетесь, я с вами разберусь в аду.

— Я по-прежнему ничего не понимаю, — произнес Ричард Юнг. — Я не знаю ни кто это парень, ни кого он представляет.

— Послушай, китаец, — сказал Малдонадо. — Ты ведь знаешь, кто такие *Древние Видящие Иллюминаты Баварии*, верно? Ну вот, а каждому действию есть противодействие, верно? Так и с иллюминатами. Противодействующая организация, во всем похожая на них. Идеология, магия, вся эта жуть. Только ей совершенно не интересна наша джентльменская цель в жизни — деньги. Она играет в игры покруче. Сечешь?

Лицо Юнга выражало скептицизм.

— Это можно сказать и про Коммунистическую партию, ЦРУ или Ватикан.

— Мелкота, — пренебрежительно отмел Малдонадо. — Куда им до ДВИБ! Понимаешь, баварские иллюминаты — на самом деле вовсе не баварцы. Это лишь современное название и внешнее проявление их ордена. Как иллюминаты, так и их противники, которых представляет вот этот парень, существовали задолго до Москвы, Вашингтона или Рима. Чтобы понять это, требуется немного воображения, китаец.

— Если иллюминатов представить как *Ян*, — услужливо пояснил Джордж, — то мы — *Инь*. Единственное решение — это Иньская Революция. Дошло?

— Я закончил юридический факультет Гарварда, — высокомерно произнес Юнг, — но до меня не дошло. Кто вы, сборище хиппи?

— Мы никогда не имели дела с ихней компашкой, — заметил Малдонадо. — Им раньше было нечего нам предложить.

Роберт Патни Дрейк сказал:

— Да, но разве вы не хотели бы, дон Федерико? Разве вы еще несыты по горло всеми остальными? Лично меня уже тошнит. Теперь я понял, откуда ты, Джордж. И вы, ребята, в последние десятилетия добились огромных успехов. Меня не удивляет, что вы уже способны нас искушать. Если мы

⁶⁹ Древние Видящие Иллюминаты Баварии.

предадим иллюминатов, это может стоить нам жизни, а ведь считается, что мы защищены надежнее всех в США. Но я понимаю, что вы предлагаете нам статуи из Атлантиды. Должно быть, их уже распаковали. И там, где вы их раздобыли, есть еще. Правда, Джордж?

Хагбард ничего об этом не говорил, но Джордж слишком беспокоился за свою жизнь, чтобы увильнуть от прямого ответа.

— Да, — ответил он. — Там есть еще.

— Захотим ли мы рисковать жизнью, — произнес Дрейк, — работая с людьми, которых ты представляешь, будет зависеть от того, что покажут результаты экспертизы предложенных вами *objets d'art*⁷⁰. Дон Федерико — весьма квалифицированный эксперт по антиквариату, особенно по тем памятникам древности, которые тщательно оберегают от внимания традиционных археологов, и он выскажет нам свое мнение о ценности того, что ты привез. Как сицилиец, прекрасно разбирающийся в своем культурном наследии, дон Федерико знаком с артефактами из Атлантиды. Пожалуй, сицилийцы — это единственный оставшийся народ, который знает правду об Атлантиде. Еще не все понимают, что сицилийцы создали самую древнюю из сохранившихся поныне цивилизаций. При всем уважении к китайцам. Дрейк церемонно поклонился в сторону Юнга.

— Я считаю себя американцем, — сказал Юнг. — Хотя моей семье известны такие вещи о Тибете, которые вас бы удивили.

— Не сомневаюсь, — согласился Дрейк. — Но сицилийская культура возникла за тысячи лет до Рима, и их знание об Атлантиде столь же древнее. На берега Северной Африки выносило волной какие-то вещицы, и кое-что находили ныряльщики. Этого оказалось достаточно для возникновения традиции. Если бы открылся музей атлантического искусства, то дон Федерико вполне мог бы быть его директором.

— Другими словами, — сказал Малдонадо, зловеще улыбаясь, — лучше, чтобы эти статуи оказались подлинниками, малыш. Потому что я увижу, если это подделки.

— Это подлинники, — заверил Джордж. — Я сам видел, как их поднимали с океанского дна.

— Это невозможно, — сказал Юнг.

— Давайте посмотрим, — поторопил Дрейк.

Он встал и коснулся ладонью дубовой панели. Та мгновенно отодвинулась, открывая металлическую винтовую лестницу. Дрейк шел впереди. Все четверо спустились на пять, как показалось Джорджу, этажей ниже, и подошли к двери с секретным замком. Дрейк открыл дверь. Миновав ряд служебных помещений, они вошли в огромный подземный гараж. Там стоял грузовик «Гольд атр; Эппель», а рядом с ним — четыре распакованные статуи. В гараже никого не было.

— А где все? — спросил Юнг.

— Они сицилийцы, — сказал Дрейк. — Увидели статуи и испугались. Распаковали ящики и сразу же ушли.

На лицах Дрейка и Малдонадо проявилось благоговение. На скуластом лице Юнга — раздражение и недоумение.

— Я начинаю понимать, что от меня кое-что скрывали, — сказал он.

— Потом, — сказал Малдонадо. — Он вынул из кармана ювелирную лупу и подошел к первой статуе. — Вот откуда пошла идея о великом боге

70 Произведений искусства (фр.).

Пане, — изрек он. — Но, как видите, двадцать тысяч лет назад это представление было намного сложнее, чем две тысячи лет назад.

Вставив лупу в глаз, он начал внимательно рассматривать сверкающее копыто.

За час Малдонадо с помощью лестницы исследовал все четыре статуи вдоль и поперек, проявив фанатичную скрупулезность эксперта. Попутно он выпросил у Джорджа все, что тот знал об истории этих статуй. Он спрятал лупу, повернулся к Дрейку и кивнул.

— Ты получил четыре самых ценных произведения искусства в мире.

Дрейк кивнул.

— Я так и думал. Стоит дороже всего золота испанских кораблей за всю историю мореплавания.

— Если меня не накачали наркотиками, — сказал Ричард Юнг, — и если я правильно все понимаю, вы утверждаете, что эти статуи попали к нам из Атлантиды. Вы уверяете, что они отлиты из золота, а это значит, что здесь *много* золота.

— Ценность материала не стоит и десяти тысячной ценности формы, — сказал Дрейк.

— Тогда я не понимаю, — запротестовал Юнг. — В чем ценность атлантического искусства, если ни один авторитетный специалист в мире не верит в Атлантиду?

Малдонадо улыбнулся.

— Есть несколько человек в мире, которые знают о существовании Атлантиды и шедевров искусства атлантов. И поверь мне, Ричард, у них достаточно денег, чтобы не остаться в долгу перед человеком, к которому попал поднятый с морского дна шедевр. На любую из этих статуй можно купить страну средних размеров.

Дрейк с важным видом хлопнул в ладоши.

— Если дон Федерико удовлетворен, я тоже удовлетворен. За них и еще четыре такие же статуи — или же их эквивалент, если таковых просто не существует, — я готов объединить усилия с Дискордианским движением. Пойдемте наверх и подпишем бумаги — чернилами. А потом, Джордж, приглашаем тебя на обед.

Джордж не знал, имеет ли он право обещать еще четыре статуи, но был уверен, что единственной правильной тактикой при общении с этими людьми будет полная открытость. Пока они поднимались по лестнице, он сказал Дрейку, который находился над ним:

— Я не уполномочен человеком, который меня сюда отправил, обещать что-то еще. И я не уверен, что на данный момент у него есть еще такие статуи. Я знаю, что эти четыре статуи были единственными трофеями, которые он захватил в последнем плавании.

Дрейк тихонько пукнул, что показалось Джорджу самым невероятным поступком, который мог совершить глава всей организованной преступности в США.

— Извините, — сказал Дрейк. — Эти ступеньки меня просто доконали. Я с удовольствием установил бы лифт, но это не совсем безопасно. В один прекрасный день у меня остановится сердце из-за этих постоянных подъемов и спусков.

Джорджа удивило то, что деятель такого масштаба, как Дрейк, признался в том, что он испортил воздух. Возможно, такая своеобразная прямота была одной из составляющих дрейковского успеха. Вот Малдонадо

— этот вряд ли признался бы. Дон не походил на обычных грубоватых латинян: худой как щепка и бледный как мел, он скорее напоминал эдакого тосканского аристократа с подпорченной родословной.

Они вернулись в кабинет Дрейка, и Дрейк с Малдонадо по очереди подписали пергаментный свиток. После фразы «в качестве компенсации за полученные ценности» Дрейк добавил слова «и будущие не менее ценные поступления». Он улыбнулся Джорджу.

— Поскольку ты не можешь гарантировать дополнительное поступление ценностей, я надеюсь, что твой босс свяжется со мной в течение суток после того, как ты отсюда уедешь. Судьба всей этой сделки зависит от дополнительной оплаты с вашей стороны.

Услышав от Дрейка, что ему разрешено будет покинуть цитадель Синдиката, Джордж почувствовал себя немного лучше. Он подписал свиток от имени дискордианцев, а Юнг расчеркнулся в качестве свидетеля.

— Как вы понимаете, — сказал Дрейк, — организации, которые представляем мы с доном Федерико, ни в коей мере не связаны подписанным нами документом. Мы лишь выражаем согласие использовать наш авторитет па пользу высокоуважаемых коллег и надежду, что они окажут нам соответствующее содействие в нашем общем деле.

Малдонадо сказал:

— Лучше не скажешь. Конечно же, лично мы клянемся жизнью и честью содействовать осуществлению ваших целей.

Роберт Патни Дрейк вытащил сигару из роскошной серебряной коробки. Потрепав Джорджа по плечу, он всунул сигару ему в рот.

— Знаешь, ты первый хиппи, с которым я имею дело. Полагаю, ты бы предпочел курнуть марихуаны. Но я не держу ее в доме, и потом, как ты наверняка знаешь, мы этой дурью практически не занимаемся. Крайне неудобна для транспортировки, если говорить о таких количествах, на которых можно делать реальные деньги. Что касается остального, то, надеюсь, еда и напитки тебе понравятся. Мы устроим праздничный обед и немного развлечемся.

На обед был бифштекс «Диана»; в столовой, увешанной большими старыми картинами, накрыли длинный стол на четверых. Прислуживали красивые молодые женщины, и Джорджу стало интересно, где эти бандитские главари держат своих жен и любовниц. Наверное, на *женской половине*. Во всем этом укладе было что-то арабское.

Во время трапезы блондинка в длинном белом одеянии, приоткрывавшем обнаженную грудь, играла на арфе в углу комнаты и пела. За кофе завязалась беседа; вскоре рядом с мужчинами сидели четыре молодые женщины и развлекали их остроумными шутками и забавными историями.

Когда перешли к бренди, появилась Тарантелла Серпентайн. Это была удивительно высокая женщина, не меньше шести футов и двух дюймов, с длинными белокурыми волосами. На ее запястьях и лодыжках позвякивали золотые браслеты, сквозь прозрачные одежды просвечивало изящное обнаженное тело. Джордж видел ее розовые соски и темный треугольник волос. Когда она шагнула в дверь, Банановый Нос вытер салфеткой рот и начал радостно аплодировать. Роберт Патни Дрейк горделиво улыбнулся, а Ричард Юнг судорожно сглотнул.

Джордж не сводил с нее глаз.

— Звезда нашего скромного поместья, — сказал Дрейк, словно объявляя ее выход. — Позвольте представить: мисс Тарантелла Серпентайн.

Малдонадо не прекращал аплодировать, и Джордж подумал, что ему тоже стоит похлопать в ладоши. Зазвучала восточная музыка, но с элементами рока. Аппаратура была великолепной, с удивительным качеством звука. Тарантелла Серпентайн начала танцевать. Это была очень необычная смесь танца живота и современного балета. Джордж облизнул губы и почувствовал, что чем дольше она танцует, тем больше у него горит лицо и тем сильнее наполняется пульсирующей кровью пенис. Тарантелла Серпентайн танцевала еще более чувственно, чем Стелла Марис при посвящении Джорджа в дискордианство.

Наконец Тарантелла поклонилась и ушла.

— Наверное, ты устал, Джордж, — сказал Дрейк, положив руку ему на плечо.

Вдруг Джордж почувствовал, что за последнее время он почти не спал, если не считать дурманной дремы в машине по пути из МэдДога к Мексиканскому заливу. Все это время он находился в состоянии невероятного физического и, главное, эмоционального напряжения.

Он согласился, что устал, и, молясь, чтобы его не убили во сне, позволил Дрейку отвести его в спальню. Огромную кровать закрывал полог из золотой парчи. Раздевшись, Джордж скользнул между прохладными хрустящими простынями, натянул верхнюю простыню до подбородка, растянулся на спине, закрыл глаза и вздохнул. Сегодня утром на берегу Мексиканского залива он наблюдал за мастурбацией обнаженной Мэвис. Потом трахнул яблоко. Был в Атлантиде. А теперь он лежит на мягком пуховом матрасе в доме у главы всей организованной преступности Америки. А вдруг сейчас он закроет глаза, а откроет их снова в мэд-догской тюрьме? Джордж помотал головой, отгоняя дурные мысли. Нет, ему уже нечего бояться.

Он услышал, как открылась дверь в спальню. Бояться нечего! В доказательство он продолжал держать глаза закрытыми. Он услышал скрип половицы. Скрипучие половицы в таком месте? Наверное, специально для того, чтобы предупредить спящего, когда к нему кто-то подкрадывается. Он открыл глаза.

Над кроватью стояла Тарантелла Серпентайн.

— Меня прислал малыш Бобби, — сказала она. Джордж снова закрыл глаза.

— Милая, — сказал он, — ты красивая. Нет, правда. Очень красивая. Располагайся.

Она нагнулась и зажгла лампу на ночном столике. На ней было бикини золотого цвета и короткая юбочка из такой же ткани. Ее маленькие груди казались восхитительными. Хотя у девушек ростом шесть футов и два дюйма они обычно пышнее. Но Тарантелла сложена как модель из журнала «Vog». Джорджу нравилась ее внешность. Он всегда был равнодушен к высоким стройным женщинам, похожим на мальчиков.

— Ничего, что я пришла без приглашения? — спросила она. — Может быть, ты хочешь спать?

— Слушай, дело не в том, чего я хочу, — ответил Джордж. — Просто я вряд ли что-то смогу, кроме как заснуть. У меня был очень трудный день. — «Сначала я вздрочнул, — мысленно продолжил он, — потом мне отсосали, а затем я трахал яблоко. Прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим. Да еще девяносто процентов времени я до смерти трусил».

Тарантелла сказала:

— Я известна в узких кругах именно тем, что способна на многое подвигнуть мужчин, у которых *все* дни исключительно трудны. Это президенты, короли, главари Синдиката, рок-звезды, нефтяные миллиардеры и тому подобные люди. Мое искусство заключается в том, что я могу заставить мужчин кончать. Снова, и снова, и снова, и *снова*. Десять раз, иногда даже двадцать раз, независимо от возраста и степени усталости. За это мне много платят. Сегодня малыш Бобби платит за мои услуги, и я должна тебя обслужить. И это мне очень нравится, поскольку моя клиентура в основном состоит из пожилых мужчин, а ты красив, молод и хорошо сложен.

Она откинула край простыни, которой укрывался Джордж, и погладила его голое плечо.

— Сколько тебе лет Джордж, двадцать два?

— Двадцать три, — ответил Джордж. — Я не хочу тебя огорчить. Я в принципе очень даже не против. И мне любопытно узнать, как ты это делаешь. Но я очень устал.

— Милый, ты не можешь меня огорчить. Чем у тебя меньше сил, тем больше мне это нравится. Тем сложнее задача, которую ты передо мной ставишь. Позволь показать мое искусство.

Тарантелла сбросила лифчик, юбку и трусики быстро, но так, чтобы Джордж успел полюбоваться ее телом. Улыбаясь, она стояла перед ним, широко расставив ноги. Она пощипывала ноготками соски, и Джордж смотрел, как они набухали. Затем ее левая рука начала ласкать грудь, а правая соскользнула к паху и начала массировать золотисто-каштановые волоски на лобке. Ее средний палец исчез между ногами. Через несколько мгновений румянец залил ее лицо, шею, грудь, она выгнула спину и издала одинокий отчаянный вопль. Ее кожа с головы до ног покрылась сверкающими капельками пота.

Через мгновение Тарантелла улыбнулась и взглянула на него. Она провела правой рукой по его щеке, и он почувствовал на лице влагу и ощутил аромат молодой вульвы, напомнивший ему омара «Ньюберг». Ее пальцы соскользнули к простыне, и она сорвала ее с тела Джорджа. Она усмехнулась при виде его твердого члена и через секунду уже сидела на Джордже, сжимая в руке его орудие и вставляя его в себя. Две минуты плавного поршнеобразного движения с ее стороны довели его до неожиданно приятного оргазма.

— Детка, — сказал он. — Ты и мертвого разбудишь.

Примерно через полчаса он наслаждался вторым оргазмом, а еще через полчаса — третьим. Во второй раз Тарантелла лежала на спине, а Джордж — на ней сверху. В третий раз она лежала на животе, а он оседлал ее сзади. Изюминкой «искусства», о котором говорила Тарантелла, была ее способность создавать удивительное настроение. Хотя она и хвасталась умением доводить мужчин до многочисленных оргазмов, но когда дошло до дела, она заставила его почувствовать, что на самом деле не важно, что с ним происходит. Она была веселой, игривой, беззаботной. Он вообще не чувствовал себя обязанным демонстрировать свою мужскую силу и тем более кончать. Возможно, Тарантелла и рассматривала мужчин как вызов ее искусству, но она ясно дала понять, что Джордж не обязан воспринимать как вызов ее.

Немного вздремнув, он проснулся, обнаружив, что она сосет его быстро твердеющий пенис. На этот раз ему понадобилось намного больше времени,

чтобы кончить, но он наслаждался каждым мгновением нарастающего наслаждения. После этого они легли бок о бок и немного поболтали. Затем Тарантелла подошла к ночному столику и вытащила из ящика тюбик вазелина. Она начала смазывать им его пенис, который во время этого действия начал вставать. Затем она перевернулась и подставила ему розовую попку. Впервые в жизни Джордж спал с женщиной таким способом, и, едва успев ввести, кончил, испытывая дикое возбуждение из-за новизны происходящего.

Они немного поспали, и когда он проснулся, то обнаружил, что она возбуждает его рукой. У нее были умелые пальчики, и она быстро нашла все самые чувствительные участки его пениса, уделяя особое внимание нежной зоне под головкой. Во время оргазма он широко открыл глаза и увидел, что через несколько секунд на кончике члена выступила маленькая бледно-жемчужная капелька семени. Удивительно, что она вообще появилась.

Он начинал отключаться. Его эго куда-то унеслось, и он превратился в сплошное тело, полностью ему доверившись. Оно трахало Тарантеллу, и оно кончало — и, судя по звукам, которые она издавала, и влаге, в которой хлюпал его пенис, она тоже кончала.

Затем последовали еще два минета. Затем Тарантелла вытащила из ящика ночного столика что-то похожее на электрическую бритву. Она воткнула вилку в розетку и начала поглаживать вибрирующей головкой этого прибора пенис Джорджа, время от времени останавливаясь, чтобы облизать и увлажнить обрабатываемые места.

Джордж закрыл глаза и начал вращать бедрами из стороны в сторону, ощущая приближение очередного оргазма. Откуда-то издалека он услышал, как Тарантелла Серпентайн сказала: «Моя сила — в жизни, которую я пробуждаю в вялых членах».

Таз Джорджа начал дико пульсировать. Поистине он приближался к тому супероргазму, который описывал Хемингуэй. Так и происходило. Чистое электричество. Никакой спермы — сплошная энергия, пульсировавшая как молния по магическому жезлу в центре его существа. Он бы не удивился, обнаружив, что его половой орган превратился в вихрь вращающихся электронов. Он пронзительно закричал и, несмотря на плотно зажмуренные глаза, совершенно отчетливо увидел улыбающееся лицо Мэвис.

Проснулся он в темноте и, инстинктивно ощупывая рукой кровать, понял, что Тарантелла ушла.

У подножья кровати стояла Мэвис в белом врачебном халате, глядя на него огромными сияющими глазами. Темная спальня Дрейка превратилась в больничную палату с неожиданно ярким освещением.

— Как ты сюда попала? — вырвалось у него. — Вернее... как я сюда попал?

— Сол, — сердечно сказала она, — все уже позади. Ты справился. И вдруг он понял, что чувствует себя не двадцатитрехлетним юношей, а шестидесятитрехлетним стариком.

— Твоя взяла, — признался он, — я больше не знаю, кто я.

— Это твоя взяла, — запротестовала Мэвис. — Ты прошел через потерю эго и сейчас начинаешь узнавать, кто же ты на самом деле, старый бедный Сол.

Он взглянул на свои руки: руки старика. Морщинистые. Руки Гудмана.

— Есть две формы потери эго, — продолжала Мэвис, — и иллюминаты

мастерски вызывают обе. Первая — это шизофрения, а вторая — иллюминизация. Они направили тебя по первому пути, но мы переключили на второй. В твоей голове была бомба с часовым механизмом, но мы сняли с нее взрыватель.

Квартира Малика. «Плейбой-клуб». Подводная лодка. И все остальные прошлые жизни и потерянные годы.

— Ей-богу, — воскликнул Сол Гудман, — я понял. Я — Сол Гудман, но я — это еще и все остальные люди.

— А вечность — в моменте «сейчас», — тихо договорила Мэвис. Сол поднялся и присел на кровати. На его глаза навернулись слезы.

— Я убивал людей. Я отправлял их на электрический стул. Семнадцать раз. Семнадцать моих самоубийств. Дикари, отсекавшие пальцы, языки или уши ради своих богов, были умнее нас. Мы отсекали целостное эго, считая, что оно не наше, а отдельное. Боже Боже Боже, — прошептал он и разразился рыданиями.

Мэвис рванулась к нему и ласково прижала его голову к своей груди.

— Это ничего, — сказала она. — Это ничего, поплачь. Не истинно то, что не заставляет тебя смеяться, но ты не поймешь этого, пока ты не умеешь рыдать.

— Груад Серолицый! — воскликнул в рыданиях Сол, колотя кулаком по подушке, пока Мэвис держала его голову и гладила волосы. — Груад Проклятый! А я был его слугой, его марионеткой, принося себя в жертву на его электрические алтари.

— Да, да, — нежно ворковала ему в ухо Мэвис. — Нам нужно учиться отказываться от наших жертв, а не от наших радостей. Они велят нам отказываться от всего, кроме наших жертв, а именно от них мы и должны отказаться. Мы должны принести в жертву наши жертвы.

— Серолицый, ты жизнененавистник! — вопил Сол. — Гребаный урод! Осирис, Кетцалькоатль, я знаю его под всеми его именами. Серолицый, Серолицый, Серолицый! Я знаю его войны и его тюрьмы, знаю всех мальчиков, которым он засаживает в задницу, всех Джорджей Дорнов, которых он пытается превратить в таких же убийц, как он сам. А я служил ему всю мою жизнь. Я приносил людей в жертву на его кровавой пирамиде!

— Выговорись, — повторяла Мэвис, придерживая дрожащее старое тело, — все выговори, дитя...

23 августа 1966 года: еще ничего не знающий о СССР, дискордианцах, ДЖЕМах или иллюминатах, укуренный в камень, Саймон Мун разглядывает полки в магазине уцененных товаров на Норт-Кларкстрит. Он наслаждается вспыхивающей мозаикой цветовых оттенков и не имеет ни малейшего намерения что-либо покупать. Вдруг он застывает на месте, загипнотизированный объявлением над часами:

СОТРУДНИКАМ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
НЕ РАЗРЕШАЕТСЯ ПРОБИВАТЬ
ХРОНОКАРТУ ТАБЕЛЬНОГО УЧЕТА
ЗА ДРУГИХ СОТРУДНИКОВ.
НАРУШИТЕЛИ БУДУТ УВОЛЕННЫ.
АДМИНИСТРАЦИЯ

— Божья пижама! — недоверчиво бормочет Саймон.

— Пижама? Это в седьмой галерее, — услужливо произносит продавец.

— Да. Спасибо, — старательно выговаривает Саймон, отходя бочком и скрывая свою укуренность. *"Божья пижама и тапочки*, — думает он в полупросветленном трансе. — Либо меня глючит, либо вот это объявление полностью объясняет весь наш цирк".

— Забавнее всего, — сказал Сол, улыбаясь сквозь слезы, — что я ничуть этого не стыжусь. Два дня назад я скорее бы умер, чем позволил кому-то увидеть мои слезы — особенно женщине.

— Да, — отозвалась Мэвис, — *особенно женщине*.

— А разве нет? — вздохнул Сол. — В этом и состоит весь их трюк. Я не мог увидеть тебя, не увидев *женщину*. Я не мог увидеть этого редактора, Джексона, не увидев *негра*. Я не мог никого увидеть, не увидев на нем клеймо и ярлык.

— Именно так они нас разделяют, — мягко сказала Мэвис. — И так они обучают нас носить маски. Любовь оказалась самой прочной связью, которую им предстояло разрушить, поэтому они придумали патриархат, мужское превосходство и весь этот бред — результатом чего стал «протест против мужчин» и «зависть к пенису» у женщин, — чтобы даже влюбленные, глядя друг на друга, видели это разделение.

— О Господи, Боже мой, — простонал Сол, снова начиная горько плакать. — «Тряпкам, костям и пучку волос». О Боже. *И ты была с ними* — внезапно закричал он, поднимая голову. — Ты — бывший Иллюминатус, именно поэтому ты играешь такую важную роль в плане Хагбарда. И вот почему у тебя эта татуировка!

— Я была одной из Пяти, которые управляют Соединенными Штатами, — кивнула Мэвис. — Одной из инсайдеров, как называет их Роберт Уэлш. Сейчас меня заменила Атланта Хоуп, глава «Божьей молнии».

— Я понял, я понял! — сказал со смехом Сол. — Раньше я смотрел во всех направлениях, кроме правильного. *Он* в Пентагоне. Вот почему у здания такая форма: чтобы *он* не смог сбежать. Ацтеки, нацисты... а теперь мы...

— Да, — сурово сказала Мэвис. — Вот почему каждый год бесследно исчезают тридцать тысяч американцев, и эти дела остаются нераскрытыми. *Его* надо кормить.

— Человек, даже голый, может быть в лохмотьях, — процитировал Сол. — Амброз Бирс об этом знал.

— И Артур Мейчен, — добавила Мэвис. — И Лавкрафт. Но им пришлось все шифровать. И все равно Лавкрафт зашел слишком далеко, упомянув название «*Некрономикон*». Вот почему он столь внезапно умер в сорок семь лет. А его литературного душеприказчика, Огаста Дерлета, вынудили вставить в каждое издание сочинений Лавкрафта примечание, что книги «*Некрономикон*» не существует — это, дескать, лишь плод фантазии Лавкрафта.

— А *Ллойгор*? — спросил Сол. — А *долы*?

— Реальны, — ответила Мэвис. — Все реально. Именно они вызывают кислотные «плохие трипы» и шизофрению. С ними устанавливается психический контакт, когда стена эго рушится. Вот куда посылали тебя иллюминаты, когда мы совершили налет на их подставной «Плейбой-клуб» и прервали процесс.

— Du hexen Hase, — процитировал Сол. Он начал дрожать.

До печально известного инцидента остров Фернандо-По привлекал особое внимание мировой прессы лишь единожды. В самом начале семидесятых (когда капитан Текилья-и-Мота только начинал осваивать азы

искусства государственных переворотов и строил первые планы) антрополог Дж. Н. Марш из Мискатоникского университета выступил с возмутительными заявлениями. Якобы артефакты, обнаруженные на Фернандо-По, доказывают, что исчезнувший континент Атлантида действительно существовал. Хотя до этого профессор Марш славился научной осторожностью и академической педантностью, Последняя опубликованная им книга *"Атлантида и ее боги"* стала предметом насмешек и издевок со стороны ученых коллег, особенно после того, как пресса раздула из его теории сенсацию. Многие приятели пожилого ученого даже видели в этой издевательской кампании причину его исчезновения, которое последовало через несколько месяцев и, как они подозревали, было самоубийством убитого горем искателя истины.

Совершенно недостоверными с научной точки зрения были признаны не только теории Марша, но даже его методы — например, цитирование книг *«Священный гриб и крест»* Аллегро или *«Белой богини»* Грейвза, словно эти авторы были столь же авторитетны, как Боуз, Мед или Фрэзер, — явно указывали на научное угасание. Это впечатление только усилилось из-за эксцентричного посвящения *«Эзре Паунду, Жаку де Молэ и императору Нортону I»*. Истинной причиной разгоревшегося научного скандала стала не теория существования Атлантиды (на этой идее были помешаны многие горячие научные головы), а утверждение Марша, будто атлантидские боги действительно существовали — конечно же, не как сверхъестественные существа, а как более высокий тип жизни, ныне исчезнувший. Они существовали прежде человечества и обманом заставили первых людей поклоняться им как божествам и приносить кровавые жертвы на их алтари. Ученые обрушились на эту гипотезу с уничтожающей критикой. Их главным аргументом было отсутствие хотя бы одного археологического или палеонтологического свидетельства существования этих «богов».

Быстрое угасание профессора Марша в те несколько месяцев, которые прошли с момента единодушного неприятия научным миром книги до его неожиданного исчезновения, отозвалось болью в сердцах его коллег по Мискатонику. Многие понимали, что некоторыми представлениями он был обязан доктору Генри Армитиджу, который, по всеобщему мнению, «двинулся мозгами», посвятив слишком много лет разгадыванию непристойной метафизики *«Некрономика-на»*. Когда вскоре после исчезновения Марша библиотекаря мисс Горус упомянула во время факультетского чаепития, что весь последний месяц Марш изучал эту книгу, один католический профессор, не то в шутку, не то всерьез, сказал, что Мискатоник должен раз и навсегда избавиться от скандалов, передав «эту проклятую книгу» Гарварду.

В полиции Аркхема дело Марша поручили молодому детективу из отдела розыска без вести пропавших лиц, который ранее отличился тем, что сумел раскрыть несколько дел о пропаже младенцев. (Он разыскал их в одной из особенно гнусных сатанистских сект, процветавших в этом городе еще со времен охоты на ведьм 1692 года.) Детектив начал с того, что исследовал рукопись, над которой работал старый ученый после завершения книги *«Атлантида и ее боги»*. Это было небольшое эссе, предназначенное для антропологического журнала. Текст оказался довольно консервативным по стилю и содержанию, словно профессор сожалел о дерзости предыдущих гипотез. Лишь одно примечание в сноске, содержавшее осторожное и сдержанное одобрение теории Эркarta о том, что Уэльс заселен потомками тех, кто спасся после гибели континента Му, показывало, что профессор не

отказался от странных идей, высказанных им в книге об Атлантиде. Однако последняя страница рукописи вообще не имела отношения к этому эссе. Похоже, это были наброски к статье, которую профессор намеревался в знак презрения ко всему научному сообществу предложить какому-то низкопробному оккультно-уфологическому журналу. Детектив долго ломал голову над этими заметками:

Обычный подлог: вымысел выдается за факт. Описанный здесь подлог — полная противоположность: факт выдается за вымысел.

Все началось с «Там, внизу» Гюисманса: сатанист становится героем.

Мейчен в Париже в 1880-х годах вхож в круг Гюисманса.

«Долы» и «Письмена Акло» в последующих «сочинениях» Мейчена.

Те же годы: Бирс и Чемберс упоминают об озере Хали и Каркозе. Якобы совпадение.

После 1900 года Кроули собирает свою оккультную группу.

В 1913 году исчезает Бирс.

После 1923 года Лавкрафт пишет о Хали, долах, Акло, Ктулху.

В 1937 году Лавкрафт безвременно умирает.

Сибрук обсуждает Кроули, Мейчена и проч. в своей книге «Черная магия», 1940 г.

«Самоубийство» Сибрука — 1942 г.

Подчеркнуть: в «Смерти Холпина Фрэзера» Бирс описывает эдипов комплекс ДО ФРЕЙДА, а в «Обитателе Каркозы» — теорию относительности ДО ЭЙНШТЕЙНА. Невразумительные Лавкрафтовские описания Азатота как «слепого бога-идиота», «демона-султана» и «ядерный хаос» примерно в тридцатые годы — за пятнадцать лет ДО ХИРОСИМЫ.

Непосредственные упоминания наркотиков в книгах Чемберса «Король в желтом», Мейчена «Белый порошок», Лавкрафта «За стеной сна» и «Горы безумия».

Желания Ллойгора (или Древних) в «Проклятой вещи» Бирса, «Черном камне» Мейчена, у Лавкрафта (постоянно).

Как в немецком фольклоре, так и в преданиях панамских индейцев Атлантиду называют Туле, что, конечно же, по общему мнению, очередное «совпадение». Начать статью так: «Чем чаще для объяснения странных событий человек употребляет слово „совпадение“, тем яснее становится, что в действительности он не ищет объяснений, а уходит от них». Или короче: «Вера в совпадения есть господствующее суеверие Научной Эпохи».

Вторую половину дня детектив провел в библиотеке Мискатоникского университета, просматривая сочинения Амброза Бирса, Ж.-К. Гюисманса, Артура Мейчена, Роберта В. Чемберса и Г. Ф. Лавкрафта. Он выяснил, что во всех этих трудах повторяются одни и те же ключевые слова; упоминаются исчезнувшие континенты или исчезнувшие города; описываются сверхчеловеческие существа, стремящиеся каким-то не совсем понятным образом мучить и приносить в жертву людей; предполагается, что существовала некая секта (или различные секты) людей, которые служили этим существам; описываются определенные книги (как правило, их названия не приводятся, исключением был лишь Лавкрафт), раскрывающие тайны этих существ. Дальнейшее расследование позволило детективу выяснить, что оккультные и сатанистские круги Парижа в 1880-е годы оказали сильное влияние на сочинения и Гюисманса, и Мейчена, а также на карьеру знаменитого Алистера Кроули и что Сибрук (знакомый с Кроули) прозрачно намекал, что знал больше, чем писал в своей книге о черной

магии. Потом детектив составил следующий список:

Гюисманс — истерия, жалобы по поводу оккультных нападений, затем удаляется в монастырь.

Чемберс — отказывается от таких тем, обращается к светлой романтике.

Бирс — загадочно исчезает.

Лавкрафт — умирает в расцвете лет.

Кроули — вынужден умолкнуть и умирает, всеми забытый.

Мейчен — становится ревностным католиком. (По примеру Гюисманса?)

Сибрук — предполагаемое самоубийство.

Затем детектив сделал паузу и перечитал, на этот раз уже более внимательно, сочинения этих писателей, в которых упоминались наркотики. Теперь у него возникла гипотеза: старика Марша, как и этих писателей, заманили в наркотический культ, где его терроризировали собственные галлюцинации. Он покончил с жизнью, чтобы избавиться от фантомов, порожденных его затуманенным наркотиками воображением. Для начала это была довольно неплохая теория, и детектив добросовестно приступил к опросу всех приятелей Марша по университету, очень осторожно и исподволь наводя их на разговоры о марихуане и ЛСД. Это ему ничего не дало, и он начинал уже терять уверенность, когда вдруг фортуна улыбнулась. Один профессор антропологии сообщил детективу об увлечения Марша в последние годы *amanita muscaria*, галлюциногенным мухомором, употреблявшимся в древних религиозных культах Ближнего Востока.

— Это очень любопытный гриб, — рассказал профессор детективу. — Некоторые любители дешевых сенсаций утверждают, что магические снадобья всех древних культур готовились именно на основе *amanita*. И *сома* в Индии, и нектар, употреблявшийся в дионисийских и элевсинских мистериях Древней Греции, и даже Святое Причастие у первых христиан и гностиков. Один парень в Англии даже считает, что мухомор, а вовсе не гашиш, был наркотиком, который употребляли ассасины на Ближнем Востоке. А по мнению нью-йоркского психиатра Пухарича, этот гриб наделяет даром телепатии. В основном все это, конечно, чушь, но мухомор действительно признан самым сильным в мире наркотиком, изменяющим сознание. Если молодежь когда-нибудь его распробует, ЛСД по сравнению с ним покажется бурей в стакане воды.

Далее детектив сосредоточился на поиске кого-нибудь, кто действительно видел старину Марша «забалдевшим». Свидетель наконец нашелся — молодой чернокожий студент по фамилии Пирсон, изучавший антропологию и музыку.

— Сильно возбужденный, в эйфории? Да, -задумчиво сказал он. -Однажды я видел нашего Джошуа в таком состоянии. Это было в библиотеке географического факультета, где работает моя девушка; тогда старик вскочил из-за стола с блаженной улыбкой до ушей и, разговаривая сам с собой, ну, вы знаете, как это бывает, громко объявил: «Я видел их — я видел фнордов!» И умчался куда-то. Я удивился и подошел посмотреть, что это он такое читал. Это была большая статья в «*Нью-Йорк тайме*», на всю страницу, без единой фотографии, так что уж не знаю, каких таких фнордов он мог там увидеть. Кем бы они, черт побери, ни были. Так вы думаете, он был немного под кайфом?

— Может быть да, может быть нет, — уклончиво сказал детектив, следуя полицейскому правилу: при допросе свидетеля никого ни в чем не обвинять, если ты не готов произвести арест. Но он уже почти не сомневался в том, что

профессор Марш никогда не вернется, и тем, кто не вхож в его особый мир исчезнувших цивилизаций, пропавших городов, ллойгоров, долов и фнордов, никогда не удастся его арестовать или достать каким-то иным образом. По сей день дело Джошуа Н. Марша, которое хранится в полицейском управлении Аркхема, заканчивается следующей строкой: «Вероятная причина смерти: самоубийство в состоянии наркотического психоза». Никто никогда не связал разительные перемены, происшедшие с профессором Маршем, с конференцией РХОВ в Чикаго, на котором подавали безалкогольный коктейль со странным привкусом. Но у молодого детектива Дэниела Прайсфиксера навсегда сохранилось мучительное сомнение и смутное беспокойство по поводу этого расследования. И даже после того, как он переехал в Нью-Йорк и начал работать на Барни Малдуна, он по-прежнему читал запоем книги о доисторической эпохе и предавался странным размышлениям.

После исчезновения Сола Гудмана и Барни Малдуна агенты ФБР прочесали квартиру Малика вдоль и поперек. Все было сфотографировано, дактилоскопировано, взято на анализ, запротоколировано и по возможности отправлено в криминалистическую лабораторию в Вашингтон. Среди изъятых при обыске предметов была короткая записка на обратной стороне обеденного счета «Плейбой-клуба», явно написанная не рукой Малика. Смысла ее никто не понял, но для порядка ее подшили к делу.

Записка гласила: *"Долы Мейчена = дхолы Лавкрафта?"*

Двадцать пятого апреля почти весь Нью-Йорк гудел, обсуждая невероятное событие, которое произошло перед рассветом в лонг-айлендском особняке знаменитого филантропа Роберта Патни Дрейка.

Однако Дэнни Прайсфиксера из отдела по борьбе с терроризмом мало интересовало это странное происшествие, пока он мотался по запруженным улицам с одного конца Манхэттена на другой, опрашивая всех свидетелей, которые могли разговаривать с Джозефом Маликом в последнюю неделю до взрыва в «Конфронтэйшн». Результаты бесед оказались одинаково неутешительными: кроме замечаний о возросшей в последние годы скрытности Малика, ни один из опрошенных не сообщил полезной информации. На город снова опустился смог-убийца, который стоял вот уже седьмой день подряд, и некурящего Дэнни очень беспокоили хрипы в груди, что ничуть не улучшало его настроения.

Наконец в три часа пополудни он вышел из офиса «Оргазма» на Западной сороковой улице, ПО (один тамошний редактор был старым приятелем Малика и часто с ним обедал, но не смог предложить ни одной разумной версии случившегося), и вспомнил, что в двух шагах от него находится центральное отделение Нью-йоркской публичной библиотеки. Он почувствовал, что эта мысль таится в глубине его души еще с тех пор, как он увидел адресованные Малику странные докладные записки об иллюминатах. *"Черт с ним, — решил он, - потрачу впустую еще десять минут этого впустую потраченного дня"*.

Слава Богу, затор у окошка заказов в читальном зале был поменьше, чем пробка на Канал-стрит. Через семнадцать минут ему выдали книгу Дж. Н. Марша «Атлантида и ее боги», и он начал перелистывать ее в поисках отрывка, который смутно помнил. Наконец на странице 123 он его нашел:

Ганс Стефан Сантессон отмечает существенное сходство майянских и древнеегипетских ритуалов посвящения. На это уже указывалось в глубокомысленных, но не слишком точных текстах полковника Черчварда о

континенте Му. Как мы показали, одержимость Черчварда Тихим океаном, основанная на полученных им в некоем азиатском храме сведениях о наших исчезнувших предках, заставила его приписать большую часть реальной истории действительно существовавшей Атлантиды вымышленному континенту Му. Но этот отрывок из "Постижения Му Сантессона (Paperback Library, Нью-Йорк, 1970, стр. 117) нуждается в небольшом исправлении:

Ranee его отводили к Трону Возрождения Души, где происходила церемония Инвеституры, или Иллюминизации. Затем он подвергался дальнейшим испытаниям, после чего добирался до Зала Востока, до Трона Ра, чтобы стать истинным Мастером. Он сам видел в отдалении нетварный свет, излучавший абсолютное счастье будущего... Другими словами, как пишет Черчвард, и в Египте, и у майя посвящаемый должен был «выдержать» (то есть пережить) «испытание огнем», чтобы его признали адептом. Затем адепту предстояло заслужить «подтверждение». Подтвержденный адепт уже должен был стать иллюминатом... Возможно, символический Дом Огня у киче-майя и сравнительно более поздний Зал Центрального Огня мистерий, которые, по преданию, совершались в Великой Пирамиде, должны были служить напоминанием о гибели Му.

Если заменить Му на Атлантиду, то в основном Черчвард и Сантессон правы. Разумеется, бог сам выбирал форму, в которой являлся во время последнего испытания. Поскольку эти боги, или *ллойгоры* на языке атлантов, обладали даром телепатии, они читали мысли посвящаемого и представляли перед ним в той форме, которой он больше всего страшился, хотя чаще всего принимали форму *шоггота* и классического Гневного Великана, известного по ацтекским статуям Тлалока. Позволим себе пошутить, что, если бы эти существа продолжали существовать до наших дней (на чем настаивают некоторые оккультисты), они бы являлись американскому обывателю в виде Кинг-Конга, Дракулы или Человека-волка.

Возможно, символический Дом Огня у киче-майя и жертвоприношения, которых требовали эти создания, весьма способствовали упадку Атлантиды, и можно предположить, что массовые сожжения скота, практикуемые кельтами во время Белтана, праздника костров, и даже ацтекская религия, которая превращала алтари в скотобойни, после исчезновения реальной угрозы *ллойгора* были лишь слабым отголоском устойчивой традиции. Естественно, мы не можем полностью понять цель этих кровавых ритуалов, так как не в состоянии постичь ни природу, ни вид материи или энергии, из которой состоял *ллойгор*. То, что в *Пнакотических Манускриптах* и на Элздаунских Черепках высшего из этих существ называют Йок-Сототом, «Пожирателем Душ», наводит на мысль, что *ллойго-ру* требовалась какая-то энергия или психическая вибрация умирающей жертвы; физическое тело, как в случае культа трупоедения Ленг, употреблялось самими жрецами или же просто выбрасывалось, как это делали индийские туги.

В глубокой задумчивости Дэнни Прайсфиксер вернул книгу сотруднику библиотеки. В глубокой задумчивости вышел на Пятую авеню и остановился между статуями двух львов. «Кто-то из великих, не помню кто, когда-то задал риторический вопрос, — подумал он. — Почему происходят войны, если никто не хочет войны?» Он посмотрел на убийственный смог вокруг и задал себе вторую загадку: «Почему усиливается загрязнение воздуха, если все против загрязнения воздуха?»

Ему вспомнились слова профессора Марша: ...если бы эти сущности продолжали существовать до наших дней (на чем настаивают некоторые

окультисты) ...

Направляясь к машине, он прошел мимо газетного киоска и увидел, что даже в дневных изданиях главной темой по-прежнему оставалась трагедия в особняке Дрейка. Но трагедия не имела отношения к его проблеме, поэтому он ее проигнорировал.

Шерри Бренди монотонно повторяла про себя, поддерживая ритм движений рта... *пятьдесят три больших носорога, пятьдесят четыре больших носорога, пятьдесят пять...* Внезапно в ее плечи вонзились ногти Кармела и солоноватая струя жарко брызнула ей на язык. «Слава тебе, Господи, — подумала она, — наконец-то этот гад кончил». У нее устала челюсть, ныли растянутые мышцы шеи и болели колени, но по крайней мере у сукина сына сейчас поднимется настроение и он не будет ее бить за то, что она так мало может рассказать о Чарли и его жучках.

Она встала, хорошенько потянувшись всем телом, чтобы снять напряжение в мышцах ног и шеи, и посмотрела вниз, проверяя, не запачкано ли кармеловскими извержениями ее платье. Обычно мужчины хотели, чтобы она делала им минет в голом виде, но не это отродье Кармел. Он всегда настаивал, чтобы она надевала лучшее платье. Ему нравилось ее пачкать, и она это понимала, но все-таки бывают сутенеры еще похуже, а кайф каждый ловит по-своему.

Кармел откинулся на спинку кресла, все еще не открывая глаз. Шерри сняла с радиатора теплое полотенце и завершила ритуал, вытирая и нежно целуя его безобразный член, прежде чем заправить его обратно в ширинку и застегнуть молнию брюк. "Он *действительно* похож на мерзкую жабу, — злобно подумала она, — или неугомонного хорька".

— Обалдеть, — наконец сказал он. — Ты и в самом деле стоишь тех денег, которые за тебя платят, детка. А сейчас расскажи мне об этом Чаши и его жучках.

Шерри, по-прежнему ощущая напряжение, подтянула к себе скамеечку для ног и присела на самый краешек.

— Ну, — сказала она, — ты же знаешь, что я должна быть осторожна. Если он поймет, что я его выпрашиваю, то может меня бросить и связаться с другой девушкой...

— Значит, ты была такой чертовски осторожной, что ничего у него не выведала? — прервал ее Кармел обвиняющим тоном.

— Да он совсем спятил, — рассеянно ответила она. — У него реально съехала крыша... Ты должен об этом знать, если... собираешься иметь с ним дело. — Она попыталась снова сосредоточиться. — Насколько я понимаю, он считает, что во сне летает на другие планеты. Одна планета называется Атлантидой. Ты знаешь про такую?

Кармел нахмурился. Ситуация все больше осложнялась: сначала найди коммунистов; затем придумай, как вытянуть из Чарли полезную информацию, не попав в поле зрения ФБР, ЦРУ и прочих; теперь вот еще соображай, как обращаться с маньяком... Он поднял глаза и заметил, что она снова отключилась, уставившись в пространство. «*Под кайфом, что ли*», — подумал он, а потом увидел, как она медленно соскользнула со скамеечки и растянулась на полу.

— Что за черт? — громко сказал Кармел.

Когда он опустился на колени и наклонился, чтобы послушать ее сердце, его лицо побледнело. "Боже, боже, боже, — стучало у него в голове, когда он поднялся с колен. — *Теперь надо избавляться от трупа. Проклятая сука*

взяла и подохла".

— Я вижу фнордов! — воскликнул Барни Малдун, со счастливой улыбкой отрывая взгляд от «*Майами геральд*».

Джо Малик удовлетворенно улыбался. Это был сумасшедший день, взять хотя бы хагбардовскую битву над Атлантидой или инициацию Джорджа Дорна, но зато сейчас он уже не сомневался, что их сторона побеждает. Две души, в которые иллюминатами была заложена программа смерти, успешно спасены. Сейчас, если между Джорджем Дорном и Робертом Патни Дрейком все пройдет как надо...

Раздался вызов по интеркому, и Джо, не поднимаясь, крикнул через всю комнату: «Малик».

— Как Малдун? — спросил голос Хагбарда.

— Все лучше и лучше. Видит фнордов в майамской газете.

— Превосходно, — рассеянно заметил Хагбард. — Мэвис сообщает, что Сол тоже выздоравливает и только что видел фнордов в «*Нью-Йорк тайме*». Приведи Малдуна ко мне. Мы установили источник другой нашей проблемы, тех нездоровых вибраций, которые БАРДАК регистрирует еще с марта. Он находится где-то в районе Лас-Вегаса и сейчас перешел в критическое состояние. Мы полагаем, что одна смерть уже произошла.

— Но ведь мы должны попасть в Ингольштадт до наступления Вальпургиевой ночи, — задумчиво сказал Джо.

— Все меняется, — сказал Хагбард. — *Некоторые* из нас отправятся в Ингольштадт. А другим придется ехать в Лас-Вегас. Это старый иллюминатский прием двойного удара: две атаки с разных направлений. Так что шевелите задницами, ребята. Они имманентизируют Эсхатон!

Очередное препятствие. На этот раз со стороны «Матерей против мьюзака». Поскольку, с моей точки зрения, это самый достойный марш из всех, на которые я сегодня жертвовал, я дал леди целый доллар. Мне кажется, если смогут искоренить мьюзак, то одновременно исчезнет масса остальных наших недугов, которые, вероятно, просто служат проявлением симптомов стресса, вызванного шумовым загрязнением.

Ладно, уже поздно, и мне тоже пора закругляться. За месяц до нашего эксперимента с делегатами РХОВ, то есть 23 сентября 1970 года, Тимоти Лири прошел мимо пяти агентов ФБР в аэропорту О'Хейр здесь, в Чикаго. Он поклялся скорее застрелиться, чем снова вернуться в тюрьму, и в его кармане лежал пистолет. Ни один из агентов его не узнал... А, и вот еще что, чуть не забыл: в той же больничной палате, где 23 октября 1935 года умер Голландец Шульц, лежал полицейский, которого звали Тимоти Лири.

Напоследок я придержал самое интересное. Олдос Хаксли, первая крупная литературная фигура, которую иллюминизировал Лири, умер в один день с Джоном Ф. Кеннеди. Последнее эссе, которое Хаксли написал, было посвящено шекспировской фразе «У времени должна быть остановка», которую он ранее использовал в названии романа о жизни после смерти. «Жизнь — это иллюзия, — писал он, — но иллюзия, которую нам следует воспринимать всерьез».

Через два года Лаура, вдова Хаксли, познакомилась с медиумом Кейтом Милтоном Райнхартом. Описывая эту историю в книге «*Этот вечный миг*», Лаура рассказывает, что, когда она спросила Райнхарта, может ли он вступить в контакт с Олдосом, тот ответил, что Олдос хочет передать ей «классическое свидетельство продолжения жизни после смерти», то есть некое сообщение, которое нельзя объяснить «простой» телепатией, когда

Райнхарт читает мысли Лауры и выдает информацию, выуженную из ее сознания, за сообщение Олдоса. Это должно быть сообщение, которое могло родиться только в сознании Олдоса.

Тем же вечером Райнхарт выдал такое сообщение. В нем предписывалось пойти в определенную комнату в ее доме, в которой медиум не бывал, и найти определенную книгу, название которой ни о чем не говорило ни ей, ни ему. Она должна была открыть указанную страницу этой книги и прочесть указанную строку. Эту книгу Олдос читал, но Лаура никогда в нее не заглядывала; это была антология литературной критики. Я запомнил текст, содержащийся в указанной строке: «Олдос Хаксли не удивляет нас этим поразительным сообщением, в котором парадокс и эрудиция в поэтическом смысле так глубоко переплетаются с чувством юмора». Стоит ли добавлять, что страница была *семнадцатой*, а строка, естественно, *двадцать третьей*!

(Надеюсь, ты читал Светония и знаешь, что Брут и компания нанесли покойному Юлию Цезарю ровно двадцать три ножевых ранения.)

Готовься, Джо. Самые страшные атаки на твой Здравый Смысл еще впереди. Совсем скоро ты увидишь фнордов.

Слава Эриде!

Р. S. На твой вопрос об энергиях и телепатии легко ответить. Энергия всегда течет внутри нас, через нас и из нас. Поэтому, чтобы считывать информацию без помех, нужно предварительно настроить собственные энергии. Ведь каждая эмоция — это движение.

Приложения (весьма поучительные)

ВЕЛИКИЙ ПАПА: Истинна ли Эрида?

МАЛАКЛИПС МЛАДШИЙ: Все истинно.

ВП: Даже ложные представления?

МАЛ— 2: Даже ложные представления истинны.

ВП: Как это может быть?

МАЛ— 2: Не знаю, чувак, не я это сделал.

Интервью Малаклипса Младшего, Х . С. Х ., в напечатанное «Геральд-Ньюс-Сан-Трибьюн-Джорнал— Диспэтч-Пост» Великой Метрополии Йорба-Линда и «Бюллетене и межгалактическом отчете» дискордианского общества (отделение Сан-Франциско)

Примечание: Изначально было 22 приложения, которые объясняли все тайны иллюминатов. Восемь приложений были сокращены из-за дефицита бумаги. Их напечатают на Небесах.

Приложение Алеф

Конопляные посевы Джорджа Вашингтона

Многие читатели могут решить, что эта книга — сплошной вымысел и фантазия, и действительно, в ней, как и в большинстве исторических трудов (например, Гиббона, Тойнби, Уэлса, Берда, Шпенглера, Маркса, Йерби, Кэтлин Уиндзор, Артура Шлезингера, Моисея и др.), такие элементы присутствуют; но она также содержит документальные факты — в безвредном для предубеждений авторов количестве. Например, о плантациях конопли первого президента США постоянно упоминается в *«Письмах Вашингтона»*, напечатанных правительственной типографией в 1931 году. Приведем лишь некоторые цитаты:

Том 31, стр. 389. Октябрь 1791 года, письмо из Маунт-Вернона министру финансов Александру Гамильтону: «Насколько... было бы уместно, по вашему мнению, поддержать выращивание хлопка и конопли в тех регионах Соединенных Штатов, которые подходят для указанных культур?»

Очевидно, в последующие три года Вашингтон решил для себя этот вопрос независимо от мнения Гамильтона по поводу «уместности». Открываем страницу 279 тома 33 и обнаруживаем, что он отдает распоряжение из Филадельфии своему садовнику в Маунт-Верноне «добиться как можно большего от семян индийской конопли» и «насадить ее повсюду». На странице 384 с возросшим энтузиазмом он пишет «дорогому доктору», личность которого не установлена:

«Благодарю вас как за семена, так и за брошюры, которые вы столь любезно мне выслали. Искусственный препарат конопли из Силезии действительно любопытен...» А на странице 469 он снова напоминает садовнику насчет семян индийской конопли: «Я хочу, чтобы семена были сохранены в должное время и с минимальными потерями».

На следующий год Вашингтон еще больше озаботился сохранностью семян и увеличением урожая. На странице 146 тома 34, в письме от 15 марта 1795 года, он снова пишет садовнику: «Предполагая, что вы сохранили все семена индийской конопли, какие было возможно, прошу вас тщательно посадить их снова для обеспечения наличия полного запаса семян».

На странице 72 тома 34 из недатированного письма (весна 1796 года) мы получаем подтверждение тому, что с годами эта страсть не уменьшалась; Вашингтон вновь пишет садовнику: "Что сделано с семенами индийской конопли, сохраненными с прошлого лета? Их следовало *абсолютно все* снова посадить; так можно будет не только собрать запас семян для моих личных целей, но и распространить семена среди других людей; *поскольку эта конопля более ценна, чем обычная*" (курсив добавлен нами).

На странице 265 тома 35 Вашингтон продолжает терзать садовника; на странице 323 приводится письмо сэру Джону Синклеру, упомянутое в *Первом Трипе*.

Гипотеза о том, что роль Вашингтона разыгрывал Вейсгаупт, как бы она ни нравилась некоторым почитателям генерала, не всё может объяснить. Читаем запись в дневнике, сделанную 7 августа 1765 года (*«Дневники Джорджа Вашингтона»*, Houghton-Mifflin, 1925): «Начал отделять мужские растения конопли от женских — пожалуй, поздновато». Этот отрывок цитировал конгрессмен Кох и вспоминал в романе Сол Гудман. Для производства пеньки вовсе не требуется отделять мужские растения от

женских, но это действие совершенно необходимо для получения марихуаны из цветущих верхушек женских растений. И в это время Адам Вейсгаупт совершенно определенно находился в Баварии, где читал лекции по каноническому праву в Ингольштадтском университете.

Все эти сведения о хобби генерала Вашингтона, которые впервые исследовал Майкл Олдрич из Милл-Вэлли, штат Калифорния, были заново обнаружены Солом Гудманом, когда его вместе с Барни Малдуном в качестве следователей по прецедентным делам нанял Американский союз за гражданские свободы, стремясь добиться отмены всех оставшихся антимарихуановых законов как неконституционных. Частному сыскному агентству «Гудман и Малдун» (которое было создано сразу после того, как эти два достойных джентльмена ушли из нью-йоркской полиции, пока им рукоплескал весь мир за успешное обнаружение исчезнувшего Кармела) были предложены большие гонорары от очень солидных фирм. Однако Сол и Барни предпочитали браться лишь за те дела, которые были им интересны; их самые заметные расследования были выполнены для адвокатов, защищавших непопулярных политических деятелей. Все единодушно соглашались с тем, что Гудман и Малдун обладали сверхъестественной способностью находить труднодоступные улики, которые демонстрировали ложность обвинения даже самому враждебному и скептически настроенному жюри присяжных. Многие политические историки утверждают, что благодаря их работе самые эксцентричные и колоритные деятели крайнего правого и крайне левого крыла спаслись от тюремных больниц во время государственного психоза «психического здоровья и социальной психиатрии», охватившего Америку в конце семидесятых — начале восьмидесятых.

Кстати говоря, мемуары Ребекки Гудман о ее муже *«Он открывал двери тюрем»*, написанные в период скорби после его инфаркта в 1983 году, почти так же популярны среди студентов-политологов, как ее исследование сравнительной мифологии *«Золотые яблоки солнца, серебряные яблоки луны»* — среди студентов-антропологов.

Приложение Бет

Шифры, коды и календари иллюминатов

Шифры, приведенные ниже, были обнаружены в 1785 году в доме юриста Ганса Цвака во время обыска, санкционированного баварским правительством. Там же были найдены закодированные письма от Вейсгаупта (за подписью «Спартак»), в которых намечаются основные планы иллюминатов. В результате деятельность ордена была запрещена, после чего он ушел в подполье и перегруппировал свои силы.

10: 70: 12 X+0+H2 T32J 0XX+3JO.

Эти шифры воспроизведены (что любопытно, без кодовых названий) в *«Истории тайных обществ»* Дараула на странице 227. Кодовые названия были придуманы для того, чтобы затруднить раскрытие шифров. Все послания начинались в шифре Цвака, но пятое слово всегда было «Вейсгаупт» или «де Молэ», и текст переключался на тот из шифров, который указывался этим пятым словом; всякий раз, когда снова встречается одно из этих слов (а также «Цвак»), соответственно меняется и система шифровки. Поэтому взламывание шифра обычным статистическим методом было практически невозможно, по крайней мере до наступления

компьютерной эпохи, — ибо непосвященный дешифровщик сталкивался не с 26^{71} , а с (3×26) , или 78 отдельными символами, частота употребления которых не имеет никакого отношения к знаменитой формуле (EATOINSHRDLU... и т. д.⁷²) (Напомним читателю, что если любой *шифр* при наличии времени и рабочей силы всегда можно взломать, то настоящий *код* взломать нельзя. Знаки шифра находятся в неизменном соответствии буквам передаваемого сообщения. Поэтому кто угодно (особенно обладая компьютером) может расшифровать сообщение но только иллиминизированный человек может прочесть скрытый за шифром код и понять, кто такой «Восходящий Шалей»⁷³.)

Кроме того, любой из этих 78 символов можно заменить аббревиатурой названия соответствующей карты Таро, чтобы еще больше запутать непосвященного. Масти Таро располагаются в следующей последовательности: Жезлы, Чаши, Мечи, Пентакли, Козыри. Таким образом, первый символ можно заменить аббревиатурой ТЖ (Туз Жезлов), второй — 2Ж (двойка Жезлов), и так далее, повторяя тоже самое для Чаш, Мечей и Пентаклей. Последние двадцать два символа представлены двадцатью двумя Козырями: Д (Дурак), М (Маг), ВЖ (Верховная Жрица) и так далее. Поскольку колода Таро состоит из пяти групп карт (четыре масти и Козыри), а алфавит повторяется только три раза, остаются два пустых множества для передачи дзэн-ских телеграмм. "Единожды узрев Великое Видение, — как сказал однажды Хагбард, — ты смотришь на все остальное в жизни *дважды*".

Наконец, календарь иллиминатов основан на пяти временах года (в силу Закона Пятерок). Ниже приводятся названия времен года, их значения и христианские эквиваленты:

1	Verwirrung	Время Хаоса	1 января — 14 марта
2	Zweitsacht	Время Раздора	15 марта — 26 мая
3	Unordnung	Время Беспорядка	27 мая — 7 августа
4	Beamtenschaft	Время Бюрократии	8 августа — 19 октября
5	Gnauzeit	Время Последствий	20 октября — 31 декабря

Все датировки начинаются с 1 г. э. м. (года Эры Мэна), который соответствует 4000 г. до н. э. по христианскому календарю. Это год, в котором Хун Мэн впервые постиг Священное Хао и достиг иллиминизации. По этому календарю Хасан ибн Саббах основал *хашишин* в 5090 г. э. м., Вейсгаупт реформировал орден иллиминатов в 5776 г. э. м., а если взять 1970 год по христианскому календарю, центральный в нашем романе, то для иллиминатов это год 5970 э. м. Кстати, таким же календарем пользуются масоны Королевской Арки. (Предлагаем читателю самостоятельно решить, что это: совпадение, соучастие или синхронистичность.)

Иллиминатская дата любого события всегда численно больше, чем дата этого же события по любому другому календарю, поскольку евреи (и, как это ни странно, масоны Шотландского Обряда) ведут отсчет времени с 240 г. э.

71 Число букв в современном латинском алфавите (без учета лигатур и букв с диакритическими знаками).

72 Буквы латинского алфавита, расположенные в порядке убывания частоты их употребления в английском языке.

73 Здесь зашифрована фраза «May Day the Rising Hodge arrives». См. прим. 77.

м., конфуцианцы — с 312 г. э. м., христиане — с 4000 г. э. м., мусульмане — с 4580 г. э. м. И только епископ Ашер использовал в своей системе летоисчисления более раннюю, чем у иллюминатов, начальную точку — 4004 г. до н. э. (или 4 г. до э. м.).

Вот как выглядят некоторые даты в иллюминатской системе летосчисления:

Начало первой египетской династии 1100 г. э. м.

Написана *Ригведа* 2790 г. э. м.

Начало китайской династии Чжоу 3000 г. э. м.

Основание Рима 3249 г. э. м.

Иллюминизация Хасана ибн Саббаха 5090 г. э. м.

Индейцы открывают Колумба 5492 г. э. м.

Боров Пигас выдвигается в президенты США 5968 г. э. м.

Вернемся к годовому циклу; каждое из пяти времен года, естественно, состоит из пяти месяцев, в силу чего год делится на 5×5 , или 25 месяцев. Каждый из трех первых месяцев каждого времени года (они называются трициклом) состоит из 15 дней, что соответствует Закону Пятерок, поскольку $1 \times 5 = 5$. Последние два месяца каждого времени года содержат по 14 дней, что тоже соответствует Закону Пятерок, поскольку $1 + 4 = 5$. Каждое время года состоит из 73 дней, потому что:

- а) при делении 365 на 5 и должно получиться 73;
- б) $7 + 3 = 10$, первое после самой пятерки число, кратное пяти;
- в) это соответствует, как указал в романе доктор Игноциус, семидесяти трем частям иллюминатской пирамиды (считая частью и сам Глаз).

Последний день каждого времени года называется Днем Глаза и отмечается слишком непристойно, чтобы об этом можно было рассказывать в нашей книге, предназначенной для семейного чтения.

Мистическое число 23 фигурирует в календаре следующим образом:

- 1) Бицикл содержит 2 месяца, а трицикл — 3 месяца.
- 2) Бицикл содержит 28 дней (два месяца по 14 дней в каждом), а когда вы отнимаете от 28 важнейшее число 5, то снова получаете мистическое 23.
- 3) Когда 5 умножается на ее собственное первое произведение, 10, в результате получается 50; а когда этот результат, в свою очередь, отнимается от количества дней в одном времени года, то есть от 73, снова получается 23.
- 4) Трицикл состоит из 45 дней; добавьте один день для високосного года, и получите 46 дней, а это 23×2 .
- 5) Сумма $2 + 3$, естественно, равна архиважнейшей пятерке, которая лежит в основе календаря и, что еще важнее, служит номером данного доказательства.

Объяснив все это Адольфу фон Книгге, Вейсгаупт когда-то сказал: «Разве Фома Аквинский сумел бы сделать лучше?» (На самом деле мистическое значение всех этих чисел носит сексуальный характер. По мнению тантристов, мужской сексуальный цикл длится 23 дня; добавьте мистическую пятерку — и получите 28 дней, продолжительность женского цикла. Все настолько просто. Или нет?)

Почитание числа 5 древнее самой Атлантиды и восходит к разумным головоногим моллюскам, которые наводняли Антарктику еще за 150 миллионов лет до того, как на Земле появилось человечество; см. «художественное» произведение Г. Ф. Лавкрафта "5 горах безумия", где высказывается предположение, что пятерка была священным числом для

этих существ, потому что у них было по пять щупальцев. В связи с этим читатель мог бы найти некоторую пищу для размышлений в разговоре между Хагбардом Челине и Джо Маликом поздней осенью 1980 года. В то время Джо как раз получил пулитцеровскую премию. (Одновременно его деятельность расследовалась комиссией Конгресса, причем за то же самое литературное достижение: публикацию некоторых государственных тайн.)

— Пять сенаторов проголосовали за то, чтобы привлечь меня к судебной ответственности за неуважение к Конгрессу, поскольку я отказался раскрыть мой источник информации, — сказал Джо. — Трое голосовали против. Так что я предстану перед Большим Жюри. Снова Закон Пятерок.

— Волнуешься? — спросил Хагбард, развалившись в одном из массивных кожаных кресел, которые стояли в новых, обставленных гораздо богаче кабинетах редакции «Конфронтэйшн».

— Черта с два! Если меня признают виновным, я всегда могу укрыться в Панаме или где-нибудь еще. А Питер будет продолжать наше дело.

— А не боишься начинать новую жизнь в качестве эмигранта? Джо улыбнулся:

— В моем возрасте любой новый опыт — это риск.

— Ты молодец, — сказал Хагбард. — Вот тебе твое последнее откровение от А.\А.\ — Он полез в карман и вытащил оттуда фотографию новорожденной девочки с шестью пальцами на руках. — Получил этот снимок от приятеля, который работает врачом в клинике Джона Хопкинса.

Джо взглянул на снимок.

— Ну и что? — спросил он.

— Если бы мы все выглядели как она, то был бы Закон Шестерок. Джо уставился на него.

— И после всех собранных мною доказательств ты хочешь сказать, что Закон Пятерок — это розыгрыш иллюминатов? Ты позволял мне обманывать самого себя?

— Не совсем, — Хагбард был абсолютно серьезен. — Закон Пятерок абсолютно верен. Все, от ДЖЕМов до Дили-Ламы, с ним согласны. Но сейчас, Джо, ты должен понимать его глубже. В правильной формулировке Закон Пятерок выглядит так: "Все явления, прямо или косвенно, связаны с числом пять, и эту связь всегда можно продемонстрировать, *при наличии достаточной изобретательности со стороны демонстратора*". — На его губах заиграла злая усмешка. — Это и есть модель того, чем всегда должен быть любой истинно научный закон: он должен быть утверждением об отношении человеческого разума к Космосу. Мы никогда не можем высказывать утверждение о самом Космосе — *мы можем лишь говорить о том, как Космос регистрируется нашими органами чувств (или нашими инструментами) и как символически отражается нашими кодами и языками*. Это ключ к революции Эйнштейна-Гейзенберга в физике и к революции Будды в психологии, которая произошла намного раньше.

— Но ведь, — запротестовал Джо, — всё описывается Законом. Чем больше я искал, тем больше находил подтверждений.

— Вот именно, — сказал Хагбард. — Подумай об этом. Если тебе понадобится быстро оказаться в Панаме, — добавил он, направляясь к двери, — позвони в компанию «Гольд энд Эппель, транспортные перевозки» и оставь сообщение.

Историческая теория иллюминатов

И по сей день от Дуная до Рейна говорят: «Опасно слишком много болтать об иллюминатах».

Фон Юнтц, «Безымянные культы»

Теоретически Эпоха Бюрократии может продолжаться до начала бумажного дефицита, но на практике она никогда не длится дольше 73 перестановок.

Вейсгаупт, «Короли, церкви и глупость»

Известны слова Абдула Альхазреда из «Некрономикона»: «Когда-то они правили там, где сейчас правит человек; и где человек правит сейчас, там они будут править снова. Лето сменяется зимой, а зима — летом». Вейсгаупт, у которого был только перевод Олауса Ворми-уса в лионском издании 1472 года с многочисленными опечатками и ошибками, прочел этот текст в искаженном виде: «Когда-то они правили там, где правит человек сейчас, летом. Где человек правит сейчас, лето сменится зимой. Они будут править снова, после зимы». Вконец запутавшись, он обратился за объяснением к своему доброму приятелю каббалисту Кольмеру, написав ему в Багдад письмо. А тем временем и Кольмер отправил ему письмо, отвечавшее на один более ранний вопрос. Когда это послание прибыло, Вейсгаупт экспериментировал с новым сортом «черного аламута» и был не в состоянии понять, что ему ответили на вопрос, заданный еще в предпоследнем письме; итак, он с готовностью принял следующее объяснение: "По поводу твоего весьма щекотливого вопроса: я нахожу, что в большинстве случаев лучшим средством служит спорынья. Если это не поможет, могу лишь предложить путь Дона Хуана⁷⁴".

Вейсгаупт решил, что, по мнению Кольмера, смысл пассажа о лете и зиме станет яснее, если его читать под воздействием спорыньи. Он стремительно ринулся в свою лабораторию и пропустил стаканчик зелья, а в придачу сжевал несколько пейотных бутончиков. (Он решил, что Дон Хуан, о котором писал Кольмер, был тем самым индейским магом из племени яки, жившим в XX веке, к сознанию которого он давно уже подключался посредством *Morgenheutegesternwelt*. Пейот был главным «учителем» упомянутого Дона Хуана, и Вейсгаупт ценой больших усилий и затрат добыл из Мексики некоторое количество этого растения.

Здесь следует объяснить, что вопрос, на который на самом деле отвечал Кольмер, был отнюдь не философским, а личным. Вейсгаупт просил совета по одному делу, сильно осложнившему его жизнь: выяснилось, что его невестка оказалась беременной, и косвенные улики указывали на то, что отцом ребенка был он. И он совершенно не представлял, как это объяснить Еве. Говоря о спорынье, Кольмер имел в виду, что Адаму нужно дать ее своей любовнице, поскольку спорынья часто использовалась как абортивное средство; в качестве альтернативы он предлагал путь средневекового Дона Хуана⁷⁵, имея в виду немедленный разрыв отношений. Однако обкуранный

⁷⁴ Кольмер, конечно, написал Don Juan.

⁷⁵ Дон Жуан в русских переводах Байрона, Дон Гуан у Пушкина.

ингольштадский мудрец абсолютно ничего не понял и потому обратился к «*Некрономикону*», накачанный гашишем, пейотом и значительным количеством спорыньи, которая под влиянием других наркотиков и кишечных соков превратилась в эрготин, по химическому составу близкий к ЛСД. В результате чего слова начали выпрыгивать на него со страниц, глубокомысленно выкрикивая:

КОГДА-ТО ОНИ ПРАВИЛИ ТАМ,
ГДЕ ПРАВИТ ЧЕЛОВЕК СЕЙЧАС,
ЛЕТОМ. ГДЕ ЧЕЛОВЕК ПРАВИТ СЕЙЧАС,
ЛЕТО СМЕНИТСЯ ЗИМОЙ.
ОНИ БУДУТ ПРАВИТЬ СНОВА, ПОСЛЕ ЗИМЫ.

Альхазредова концепция Великого Цикла, восходящая в конечном счете к *Упанишад*ам, во взбесившейся коре больших полушарий Вейсгаупта заблистала новыми причудливыми гранями. *Пятью* причудливыми гранями, если точно, поскольку его умом по-прежнему владело глубинное новое понимание Закона Пятерок, которое пришло к нему в тот вечер, когда он увидел, как шоггот превращается в кролика. Он быстро схватил с книжной полки и начал читать «*Основания новой науки*» Джамбаттисты Вико; он понимал, что оказался прав. Теория истории Вико, согласно которой все общества проходят четыре одинаковые стадии развития, была упрощением — ибо при внимательном изучении реальных фактов, скрытых за риторикой Вико, всякий раз, когда итальянец перечислял лишь четыре стадии, в действительности их явно прослеживалось *пять*. Вейсгаупт всматривался очень пристально, и, как и Джо Малик, чем пристальнее всматривался, тем больше находил *пятерок*.

Именно тогда произошел великий скачок в поистине уникальном сознании этого человека: он помнил, что, по мнению Иоахима Флорского, протопервоиллюмината XI века, есть три стадии исторического развития человечества: эпоха Отца, когда господствует Закон; эпоха Сына, когда господствует Любовь; и эпоха Святого Духа, когда господствует Радость. Но, в отличие от многих философов, которые бросаются публиковать свои открытия, Вейсгаупт понимал преимущество альтернативного пути. Закон Пятерок следует держать в тайне, чтобы только первоиллюминаты знали о нем и могли с его помощью правильно прогнозировать события. А для того, чтобы ввести остальных в заблуждение, следует реанимировать и опубликовать историческую теорию иоахимитов. Он сам, Кольмер, Мейер Амшель Ротшильд, де Сад и сэр Фрэнсис Дэшвуд — изначальная Пятерка — обсуждали вариант проталкивания теории Вико, а не Иоахима, но Вейсгаупту показалось, что "четыре — это уже *чересчур* близко к пяти". Но даже при этом прошло немало лет, прежде чем они нашли идеальное прикрытие для продвижения трехступенчатой исторической теории — Г. В. Ф. Гегеля.

«Он безупречен, — писал Вейсгаупт шифром де Молэ из Маунт-Вернона. — В отличие от Канта, сочинения которого можно понять только на родном немецком, труды этого человека лишены смысла на любом языке».

Остальное — по крайней мере, экзотерическая часть этой истории, — известно всем. После Гегеля был Маркс, а после Маркса трехстадийная историческая теория Иоахима Флорского была уже неотделима от любой революционной тактики.

Эзотерическая часть истории, естественно, не была у всех на виду. В 1914 году, когда занималась заря пятой и финальной стадии развития Западной Цивилизации, Джеймс Джойс опубликовал «*Портрет художника в юности*». Пять глав этого романа не только намекали на пять стадий развития личности главного героя: само изменение стилей от главы к главе наводило на аналогии с другими пятистадийными процессами. Для первоиллюминатов того времени это было чересчур, и они велели Джойсу впредь прикусить язык. Но тут коса нашла на камень, и весь период работы над «*Улиссом*» Джойс по-прежнему считал, что роман целиком построен на Законе Пятерок. Когда иллюминаты пригрозили обойтись с ним «как с Тиресием»⁷⁶ — то есть ослепить, — он наконец согласился пойти на компромисс. «*Поминки по Финнегану*» порывали с трехступенчатым ритмом Иоахима, Гегеля и Маркса, но не включали *funfwissenschaft*. Вместо этого была воскрешена четырехстадийная теория Вико — срединный путь, привлекий Джойса синхронистичностями: когда-то он учился в школе на Вико-роуд в Дублине, а позднее жил в доме на улице Джамбаттисты Вико в Риме (Вы в это верите?)

А теперь несколько слов об «истинной правде», по крайней мере, как понимают «истинную правду» иллюминаты.

Каждое общество на самом деле проходит пять стадий развития. Это *Verwirrung*, или Хаос; *Zweitracht*, или Раздор; *Unordnung*, или Беспорядок; *Beamtenherrschaft*, или Бюрократия; и *Grummet*, или Последствия. Иногда, чтобы сделать сравнение с эзотерической системой Гегеля-Маркса более очевидным, эзотерическую систему иллюминатов определяют как Тезис, Антитезис, Синтез, Парентезис и Паралич. Представленная публике триада Гегеля-Маркса иначе называется трициклом, а две сокровенные последние стадии называются бициклом; один из первых секретов, раскрываемых каждому младшему иллюминату, гласил: «За трициклом следует бицикл всегда». (Иллюминаты имеют склонность к буквальным переводам с Вейсгауптова немецкого.)

Первая стадия, *Verwirrung*, или Хаос, — это то, с чего начинается развитие всех обществ и к чему все они в конце концов возвращаются. Это, так сказать, естественное состояние человечества — и подтверждение этому читатель сможет найти, если внимательно понаблюдает за соседями (или, при достаточной степени объективности, за самим собой). Так что это еще и фундаментальный **Тезис**. Иллюминаты связывают эту стадию с Эридой, а также с другими богинями — Исидой, Иштар, Каннон, Кали, то есть с Женским Началом, или Инь, в целом. Это соответствует второй гексаграмме *И-цзина* (*Кунь* — восприимчивость, природа как противоположность духа, земля как противоположность неба, женское как противоположность мужского). Таким образом, хотя хронологически это первая стадия, она содержит мистическое число 2, которое всегда ассоциируется в магии с женским началом и соответствует второму козырю Таро, *Верховной Жрице*, олицетворяющей не только материнство и плодovitость, но и гнозис. Знак «рожки» представляет *Verwirrung*, потому что пальцы складываются в форме буквы V. Планета этой стадии — Венера 9, а знак зодиака — Водолей ~.

Вторая стадия, *Zweitracht*, начинается с появления правящего класса. Разумеется, это **Антитезис** Хаоса, который непосредственно приводит к Раздору, когда класс рабов обнаруживает, что его интересы

⁷⁶ Тиресий — древнегреческий мифологический герой, ослепленный Афиной за то, что увидел ее нагой во время купания.

расходятся с интересами класса господ. Эта стадия связывается с Осирисом, Иеговой и всеми мужскими богами; с символом Всевидящего Ока; с первой гексаграммой *И-цзина* (*Цянь* — творчество, небо; нечто сильное, мощное); с Мужским Началом, или Ян, в целом; с числом 3, символизирующим тотально-мужскую христианскую Троицу; с двенадцатым козырем Таро, *Повешенным*, олицетворяющим жертву, раскол и шизофрению; с планетой Марс с?. Естественно, период *Zweitracht* всегда полон «внутренних противоречий», и всегда появляется некто вроде Карла Маркса, который на них укажет. В Зодиаке это Рыбы X.

Третья стадия, *Unordnung* , или Беспорядок, наступает, когда предпринимается попытка восстановить равновесие, или прийти к гегелевскому **Синтезу**. Ей соответствуют Локи, Дьявол, Меркурий (бог воров), Тот в роли Плуто, Койот и другие духи иллюзии и обмана; четвертая гексаграмма *И-цзина* (*Мэн* — юношеское безрассудство, стояние на краю бездны); число 11, символизирующее грех, раскаяние и откровение; двадцать первый козырь Таро, *Дурак*, идущий над бездной; планета Меркурий ♿. Здесь подразумевается попытка восстановить естественное состояние неестественными средствами, отмена биограммы логограммой. В Зодиаке это Рак @.

Четвертая стадия, *Beamtenherrschaft* , или Бюрократия, представляет собой **Парентезис**, который возникает, когда гегелевскому Синтезу не удается примирить противоположности. Ей соответствуют Пустота (отсутствие любой божественности); 47-я гексаграмма *И-цзина* (*Кунь* — затруднение или истощение, благородных людей подавляют люди низкие); число 8, символизирующее равновесие и Страшный Суд; шестнадцатый козырь Таро, *Падающая башня*, подразумевающая вырождение и Вавилонскую Башню; Луна D . В Зодиаке это Весы.

Пятая стадия, *Grummet* , или Последствия, — это возвращение к хаосу, **Паралич**. Бюрократия захлебывается собственной писаниной; разум исчерпал все возможности; в отчаянии многие начинают отторгать логограмму и руководствоваться биограммой (с разной степенью успеха). Это соответствует Гермафродиту; 59-й гексаграмме *И-цзина* (*Хуань* — раздробление, распад, пена на воде); числу 5, союзу мужского и женского; шестому козырю Таро {*Влюбленные*, союз}; Солнцу 0 и Деве ПР.

Поскольку эти соответствия и их исторические связи могут показаться некоторым читателям не вполне ясными, мы поговорим о каждой стадии подробнее.

VERWIRRUNG

В этот хаотический период Шалаяй и Валяй⁷⁷ находятся в динамическом равновесии. Никакого застоя нет и быть не может: равновесие подвижно и гомеостатично, как в идеальной «самоорганизующейся системе», моделируемой в общей теории систем, или кибернетике. Иллюминаты, как и все авторитарные деятели, очень не любят такие периоды и стараются скрывать историческую правду о них. Один из примеров — Китай до

⁷⁷ Шалаяй и Валяй (англ. Hodge и Podge) — два основных начала в дискордианстве. Шалаяй (Hodge) символизирует анэристический принцип, а Валяй (Podge) — эристический, или наоборот (см. эпиграф к Трипу второму).

династии Чжоу: его история (если не считать отдельных даосских преданий) практически забыта. Однако нам доподлинно известно, что *И-цзин* был изменен, когда правители Чжоу ввели в Китае патриархальный авторитаризм. Именно тогда гексаграмма *Кунь* 11, соответствующая периоду хаоса, была передвинута со своего изначального первого места на нынешнее второе. Все черты в *Кунь* прерывистые (*иньские*), потому что это феминистская и допатриархальная форма общества и еще потому, что Инь больше соотносится с сельскохозяйственной, чем с урбанистической культурой. Эту «куньскую» чувствительность, которую мистики всегда ассоциируют с тьмой, иллюминаты также связывают с *dreck* («дерьмом») и всем, что им кажется отвратительным и невыносимым в обычных людях. (Разумеется, эридианцы придерживаются противоположной точки зрения, связывая куньскую эмоциональность и восприимчивость с изначальной богиней Эридой и считая это идеалом.)

Verwirrung нумерологически связывается с двойкой не только потому, что гексаграмма *Кунь* перемещена в «Книге Перемен» с первой позиции на вторую, но и потому, что это равновесие Шалая и Валяя. Таким образом, хотя хронологически это первая стадия, в магическом понимании ее никогда не связывают с единицей, ибо единица символизирует возбужденный пенис, мужской принцип в изоляции, а также такие авторитарные игры, как монотеизм, монополия, моногамия и вообще монотонность. Эта динамическая двойственность периода *Verwirrung* также неявно подразумевается во втором козыре Таро, в *Верховной Жрице*, которая восседает между черной и белой колоннами (между Шалая и Валяя) и служит воплощением тайны, магии, озорства и эридианских ценностей в целом. Она носит на груди уравновешенный, то есть равносторонний, «солнечный» крест, а не вытянутый христианский, подчеркивая единство противоположностей в такой исторический период.

Среди типичных Водолеев, олицетворявших ценности *Verwirrung*, назовем Аарона Барра, Кристофера Марлоу, Хун Мэна, Чарльза Дарвина, Уилларда Гиббса (который ввел понятие хаоса в математику), миссис Патрик Кэмпбелл, Элизабет Блэкуэлл (первую женщину-физика), Анну Павлову, Моцарта, Льюиса Кэрролла, Роберта Бернса, Джеймса Джойса, лорда Байрона, Дэвида Уорка Гриффита и Джелетта Берджеса, автора классической эридианской поэмы:

Пурпурной коровы не видел я
И увидеть уже не надеюсь,
Но вот что скажу я вам, друзья:
Лучше видеть ее, чем быть ею.

Фаза *Verwirrung* в европейской истории отождествляется с так называемой «дунайской культурой». По мнению археологов, эта культура была земледельческой, доурбанистической, в ней поклонялись женскому, а не мужскому богу и никогда не создавали ничего даже отдаленно похожего на государство. Доинкское Перу, минойская цивилизация, уже упомянутый дочжоуский Китай и многие из выживших племен американских индейцев также представляют общественный строй *Verwirrung*. Синтез Шалая и Валяя, и особенно биограммы и логограммы, в таких культурах всегда изумлял заезжих путешественников из авторитарных обществ. Они называли туземцев «блаженными» и «невинными», и в этих определениях отражается

отсутствие авторитарного конфликта между биограммой и логограммой. Люди куньских культур, подобно *Верховной Жрице* Таро, пребывают между противоположными полюсами, не склоняясь ни в одну, ни в другую сторону.

Но тот факт, что это *динамическое*, а не *статическое* равновесие, означает, что в конце концов (после 73 перестановок, если принять точку зрения Вейсгаупта) развитие должно прийти ко второй стадии.

ZWEITRACHT

В этот период раздора Шалая и Валяя уже конфликтуют: появляется правящий класс, который пытается управлять остальными _людьми. Это соотносится с ицзиновской гексаграммой 1, Цянь Ш (Всемогущество). Шесть сплошных черт символизируют суровость и монотонность такого периода, который прежде всего характеризуется строительством стен, разделением земель «границами», нарисованными на картах, и навязыванием воли одного человека (или одной группы) другим. Как правило, в период *Zweitracht* Земля считается плоской и конечной, и мысли представителей правящего класса заняты тем, как поделить ее на части (разумеется, исключительно между своими). «Суеверный» ужас американских индейцев, впервые увидевших географические карты, был просто реакцией людей с ментальностью *Verwirrung* на новую ментальность периода *Zweitracht*. Индейцы не понимали людей, которые считают землю объектом эксплуатации, потому что сами они почитали ее как Мать.

Нумерологически *Zweitracht* связывается с тройкой, так как это исключительно мужское число: именно в такие периоды придумывались всецело мужские триады (Брахма — Вишну — Шива, Отец — Сын — Святой Дух и т. д.). Кроме того, в период раздора всегда существует не менее трех векторов, а не просто два. То есть разделение общества на правящий класс, обладающий собственностью, и класс управляемый, лишенный ее, стимулирует у правящего класса желание урвать еще больше, и вскоре его представители начинают сражаться друг с другом за плодородные земли. Вопреки мнению Маркса, основной конфликт в периоды *Zweitracht* сводится не к борьбе между собственниками и неимущими пролетариями, а к борьбе за самый большой кусок пирога между различными собственниками.

Карта Таро — козырь 12, *Повешенный*. Крест, на котором висит человек, цветет, то есть он органический, живой (биограмма); человек висит вниз головой, демонстрируя направленность против природы. Он представляет и бремя всеведения правящего класса собственников, и бремя неведения у послушного класса рабов, абсолютное распыление желания в *Realprinzip* и *Realpolitik*.

Астрологический знак этого периода — Рыбы; две рыбы, плывущие в противоположных направлениях, указывают на конфликт логограммы и биограммы (как говорят астрологи, тела и духа). Среди типичных Рыб, демонстрировавших характер *Zweitracht*, назовем Э. Г. Гарримана, железнодорожного магната (он покрыл всю территорию США непрерывными линиями гексаграммы *Цянь*), кардинала Джона Генри Ньюмана, сэра Роберта Баден-Пауэлла, основателя движения бойскаутов (с детства приучающего к «рыбьему» авторитаризму), адмирала Честера Нимица, Джона Фостера Даллеса, Анну Ли (основательницу секты шейкеров, самой антисексуальной

из всех религий мира), промышленников вроде Крюгера и Пульмана, финансистов вроде Кэмбелла и Брэйдена, Гровера Кливленда, Джона Калхуна, Невилла Чемберлена, Эндрю Джексона (он изгнал племя чероки с родных земель на «Тропу слез», где большинство из них и умерли: типичный пример захвата земли в период *Zweitracht*), Уильяма Дженнингса Брайана и Фрэнка Стэнтона из Си-Би-Эс.

Поскольку всем иллюминатам, проявляющим академические наклонности, рекомендуют специализироваться по истории, в большинстве учебников истории явно прослеживается тенденция умалчивать о периодах *Verwirrung* и прославлять периоды *Zweitracht* как время Просвещения и Прогресса. Эти главы и читать всегда интересно: периоды *Zweitracht* — это периоды экспансии, открытия новых земель и, соответственно, народов, которые можно поработить, «цивилизовать», заставить платить налоги и ренту. Практически любой период, который в учебниках истории описывается с пафосом, на проверку оказывается эрой *Zweitracht*, а самые главные палачи и захватчики выдаются за прославленных героев. Если внимательно читать биографии таких строителей империй, почти всегда обнаруживается, что они были *неофилами*, изрядно пострадавшими в юном возрасте от *неофобов*, и своими завоеваниями как бы мстили мучившему их миру.

Постоянно присущий периоду *Zweitracht* конфликт в конце концов приводит к третьей стадии.

UNORDNUNG

В период *Zweitracht* человечество радикально изменилось, поставив логограмму над биограммой. *Unordnung* — это попытка восстановить равновесие посредством преобразования логограммы; никто не думает о биограмме, потому что контакт с этим соматическим компонентом личности потерян. (Эта потеря контакта по-разному описывается наблюдателями до Челине: «завеса майи» в буддизме, «внутренний цензор» или «вытеснение» в психоанализе, «характерный панцирь» и «мускульный панцирь» в психологии Райха и т. д.)

Гексаграмма *И-цзина* для этой стадии — *Мэн*, или Юношеское Безрассудство. Янская черта наверху указывает на продолжающееся господство логограммы, хотя начинают выдвигаться некоторые элементы биограммы (иньские черты). Традиционно эта гексаграмма понимается как «гора над водой»; то есть жесткая логограмма по-прежнему подавляет водолейский элемент, стремящийся освободиться. Обычно китайцы толкуют *Мэн* так: «Юному глупцу нужна дисциплина», и предводители всех восстаний на этой исторической стадии искренне с этим соглашались, требуя от своих последователей беспрекословного послушания. Это период беспорядков, волнений и тираний, которые быстро возникают и так же быстро исчезают.

Мистическое число — 11, в каббализме оно означает «новое начало», а в большинстве других нумерологических систем — «грех и покаяние».

Двадцать первый козырь Таро, *Дурак*, символически представляет этот период в виде юноши с задумчивым взглядом, который, сам того не ведая, идет по краю бездны. Сразу же вспоминаются мальчики из *Гитлерюгенда* и ученики других многочисленных *фюреров* и мессий. То, что специалисты по Таро издавна спорят об этой карте (не разумнее ли считать ее нулевой, а не

двадцать первой), — характерное проявление неразберихи, которая царит во все периоды *Unordnung*. Собака, которая предупреждающе лаает у ног Юного Дурака, как и иньские черты в гексаграмме, символизирует отчаянные попытки биограммы прорвать линию вытеснения и цензуры и заставить себя услышать.

Среди типичных Раков, демонстрирующих качества периода *Unordnung*, назовем Юлия Цезаря, Мэри Бейкер Эдди (чья философия была откровенным отрицанием биограммы), Альберта Парсонса, Эмму Голдман, Бенжамена Пере, Владимира Маяковского, Генри Дэвида Торо, Дуррутти, П.-Ж. Прудона, Брукса Адамса, генерала Китченера, Луиджи Пиранделло (литературного мастера двусмысленности), Эрика Амблера (литературного мастера заговора), Кельвина Кулиджа (автора классически запутанного «раковского» призыва: «Быть революционным, как наука, и консервативным, как таблица умножения»), Андрея Громыко, Нельсона Рокфеллера, Джона Кельвина, Эстеса Кефовера и Рексфорда Тагуэлла.

Период *Unordnung* всегда (даже до того, как Гегель предложил эти термины) считался синтезом тезиса *Vervirrung* и антитезиса *Zweitracht*; поскольку же этот синтез — мнимый (существующий только на уровне логограммы), он всегда порождает четвертую стадию, парентезис.

BEAMTENHERRSCHAFT

Это период бюрократии, и жить в такие времена, как говорил Прудон, значит «замечать, регистрировать, просчитывать, классифицировать, освидетельствовать, измерять, нумеровать, оценивать, лицензировать, санкционировать или отвергать, выверять, корректировать каждую операцию, каждую сделку, каждое движение... облагаться налогом, подвергаться муштре, вымогательству, эксплуатации, монополизации, принуждению, истощению, надувательству и ограблению». Гексаграмма И-цзина — 47-я, Кунь .

Она означает подавленность или истощение. Сам символ понимается как высохшее озеро, и это означает, что высшие подавляются низшими. Это период, когда *неофобы* наиболее яростно подавляют *неофилов*, идет охота на ведьм и искореняются ереси. Все это соотносится с числом 8, означающим Страшный Суд, ибо каждый гражданин до некоторой степени становится функционером Государства и каждый предстает перед судом всех. Аллегорические образы этой гексаграммы у китайцев — отдых под деревом с облетевшими листьями и прогулка по безжизненной долине. Тут подразумевается экологическое опустошение, к которому приводит сугубо абстрактный ум, работающий над органической тканью природы.

Этот период иллюстрирует шестнадцатый козырь Таро, *Башня*. В *Башню* ударяет молния, и ее обитатели выпадают из окон. (Сравните с легендой о Вавилонской башне и с нашими современными отключениями энергии.) Традиционные толкования этой карты предполагают гордыню, угнетение и банкротство.

Это соотносится с ментальностью Весов, которая всё измеряет и уравнивает на искусственных весах (*майя*). Среди типичных Весов, обладавших характером *Beamtenherrschaft*, назовем графа де Сен-Симона, судью Джона Маршалла, Ганса Гейгера, Генри Уоллиса, Дуайта Эйзенхауэра,

Джона Кеннета Гэлбрейта, Артура Шлезингера-мл., Джона Дьюи и доктора Джойса Бразерса.

В периоды *Beamtenherrschaft* всегда наблюдается непрерывная деятельность, все заранее планируется, начинается строго по графику, тщательно контролируется, скрупулезно регистрируется — но неизбежно делается с опозданием и плохо. Бремя всезнания, лежащее на правящем классе, становится практически невыносимым, и многие спасаются тем, что уходят в мир шизофрении или фантазии. Великие башни, пирамиды, снимки Луны и тому подобные чудеса — все это достигается огромной ценой, в то время как фундамент общественной солидарности полностью разрушается. Найти конкретных виновников всех этих многочисленных просчетов невозможно, поскольку все решения принимаются коллегиально; любой искатель справедливости попадает в бесконечный бумажный лабиринт, блуждание по которому не более результативно, чем охота на снарка. Разумеется, иллюминатские историки описывают эти периоды с таким же пафосом, как и периоды *Zweitracht*, потому что, хотя управление сосредоточено в руках неофобов, во всем по крайней мере есть какая-то видимость правильности, порядка и геометрической точности и отсутствует «неразбериха» варварского периода *Verwirrung* и революционного *Unordnung*.

Тем не менее, как мы указали, бремя всезнания, лежащее на правителях, неуклонно растет, а бремя незнания на плечах класса рабов неуклонно делает их все менее пригодными к службе (все больше и больше народу садится на пособие по безработице, ложится в псих-лечебницы и идет в гладиаторы — или в их современные аналоги), так что Башня в конце концов падает.

GRUMMET

Период *Grummet* начинается с расцвета магов, мистификаторов, йиппи, кабутеров, шаманов, клоунов и прочих эристических сил. Соответствующая гексаграмма *И-цзина* — 59-я, *Хуань* ,

раздробление и распад. Китайцы истолковывают эту фигуру как ветерок над глубокими водами и связывают ее с потерей *эго*, отделением от группы и *выходом вовне* в целом. Везде, кроме верхушки гексаграммы, доминируют иньские черты; вверх, к высвобождению пробиваются силы, ведущие к новой стадии *Verwirrung*. Этот период иллюминаты называют Параличом, потому что объективно ничего не происходит — хотя, конечно, на субъективном уровне идет бессознательная подготовка к новому циклу.

Мистическое число — 5. Пятерка означает союз мужчины (3) и женщины (2) и окончательное разрешение конфликта между *Verwirrung* и *Zweitracht*.

Козырь Таро — шестой. Эта карта называется *Влюбленные*: взор женщины устремлен вверх, к ангелу (Эрида, биограмма), а мужчина смотрит на женщину (логограмма-Ян достигает синтеза с биограммой-Инь только через примирение с женским началом). Вот почему такие периоды характеризуются расцветом феминизма наряду с возрождением братств, племен и коммун.

Среди типичных Дев, демонстрирующих черты периода *Grummet*, назовем Чарли Паркера, Антонена Арто, Луи Линга, Эдгара Раиса Берроуза,

бабушку Мозес, Лодовико Ариосто, Грету Гарбо, Хеди Ламарр, Гёте и Толстого (они проявляли сильное иньское сознание, хотя в обыденной жизни никогда не могли полностью примириться с женщинами. Однако Толстой, как классический пример человека, сознательно поставившего себя вне общества, остается типичным представителем периода *Grummet* и очень близок к концу суфийского пути: «Уйди от этого мира, уйди от следующего мира, уйди от ухода!»).

Понятно, что после периода *Grummet* наступает полный коллапс власти и биограмма занимает равное положение с логограммой. Шалая и Валяя снова приходят в динамическое равновесие, начинается новый период *Verwirrung*, и весь цикл повторяется снова.

Поскольку Вейсгаупт создавал эту схему, находясь под воздействием нескольких галлюциногенных наркотиков, к ней нужно относиться с изрядной долей скептицизма. Ее, безусловно, нельзя считать справедливой во всех отношениях, и не существует ни теоретических, ни эмпирических доказательств того, что во время каждого из пяти периодов всегда происходит 73 перестановки. Тот факт, что личности типа "*Grummet*- Дева" (и остальных четырех типов) рождаются во все периоды, пусть даже они начинают господствовать лишь в соответствующие периоды, оставляет многие загадки по-прежнему неразгаданными. Коротко говоря, по поводу иллюминатской исторической теории трезвомыслящий ученый может сказать только то, что в ней, по крайней мере, ничуть не меньше смысла, чем в экзотерических теориях Маркса-Гегеля, Шпенглера, Тойнби и Сорокина.

Организация А.\А.\, которая считает все иллюминатские теории ложными проекциями внутренних духовных процессов на внешний мир, к этой теории относится особенно скептически, поскольку она содержит в себе ряд притянутых за уши соответствий между *И-цзином*, Таро, Зодиаком и т. д.

Наконец, следует заметить, что из всех людей, которых Хагбард задействовал в качестве резонаторов вибраций, примененных против семейства Зауре в Ингольштадте, Девами не были только леди Велькор, Дэнни Прайсфиксер и Джордж Дорн. Очевидно, Хагбард верил в действенность иллюминатских магических связей, и поэтому фактически все «его» люди на фестивале были Девами, а значит, были связаны с цепочкой астрологических ассоциаций *Grummet* — *Хуань-59* — Козырь 6. Вместе с тем присутствие трех не-Дев демонстрирует прагматичность подхода Хагбарда и его нежелание полностью подчинять свои действия даже такой точной науке, как астрология. (Это предложение совершенно не вяжется с обычным здравосмыслием наших авторов и должно, очевидно, рассматриваться как шутка.)

В связи с этим стоит рассказать следующее: когда Джордж Дорн и его матушка отправились в мюзик-холл «Радио-сити» посмотреть «*Позу лотоса*» — последний фильм, сделанный «Американской Медицинской Ассоциацией» перед их трагической гибелью, они встретились там с высоким итальянцем и очень красивой чернокожей женщиной, которую тот представил как супругу. Миссис Дорн не запомнила имени итальянца, но было очевидно, что Джордж его просто обожал. В автобусе, на обратном пути в Натли, она решила вправить мальчику мозги.

— Человеку, который уважает себя и свой народ, — начала она, — никогда не придет в голову жениться на *цветной*.

— Замолчи, ма, — вежливо сказал Джордж.

— Так не разговаривают с матерью, — сказала утонченная леди,

продолжая гнуть свою линию. — Так вот, у твоего отца были кое-какие радикальные идеи, и он старался убедить профсоюзы, чтобы туда принимали *цветных*, но ему никогда не приходило в голову, что на *цветных* можно жениться, Джордж. Он слишком себя уважал. Ты слушаешь, Джордж?

— Как тебе понравилась АМА?

— Такие чудесные юноши. Очень милые. А их прелестная сестричка! По крайней мере, они не считают длинные волосы у мужчин особым достоинством. Ты знаешь, на кого похожи длинноволосые мужчины?

— На девушек, ма. Верно?

— Хуже, чем на девушек, Джордж. Они похожи на ненастоящих мужчин, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, ма, — Джорджу было невыносимо скучно.

— Ну хорошо, я имела в виду, что они кажутся *немножко* голубоватыми, — она хихикнула.

— А, ты имеешь в виду педерастов. Среди моих лучших друзей есть несколько педерастов, ма.

Получив эту простодушную справку, замечательная леди сначала покраснела, затем побагровела, а потом отвернулась к окну и до конца поездки хранила сердитое молчание. Но любопытно, что, прежде чем у Джорджа хватило смелости так срезать старую боевую лошадь, ему сначала пришлось попытаться застрелить полицейского, затем попытаться застрелиться самому и, наконец, покурить гашиш с Хаг-бардом Челине. И при всем этом она была Девой, а он — Козерогом.

Приложение Далет **Хасан ибн Саббах и черный аламут**

Когда Пророк умер в 4632 г. э. м. (Для мусульман это был год 52, для евреев и масонов шотландского обряда — 4392, для конфуцианцев — 4320, а для христиан — 632), истинная вера почти сразу же была поколеблена конфликтом между партиями шиитов и суннитов. Более века длилась религиозная и гражданская война, и к 4760 г. э. м. сами шииты раскололись и положили начало подсекте исмаилитов. Именно из этой группы Хасан ибн Саббах в 5090 г. э. м. сформировал орден ассасинов.

В исмаилитской религии уже в то время было девять уровней, что достаточно типично для мистических тайных обществ. Тех, кто находился на низшей ступени, просто информировали, что в Коране помимо внешних учений есть аллегорический смысл и что их спасение зависит от того, насколько усердно они будут выполнять приказы. По мере того как неофиты проходили различные ступени обучения, им раскрывалось и растолковывалось все больше аллегорий, и постепенно проявлялась доктрина, которую, в сущности, проповедовали все мистики Востока и Запада — буддисты, даосы, ведантисты, розенкрейцеры и т. д. Важнейшие ее аспекты невыразимы словами (вот почему обучающемуся нужен *имам* — исмаилитский эквивалент *гуру*, — который будет наставлять его невербальными методами). Девятая же и высшая ступень не имеет аналогов нигде, кроме очень суровой формы буддизма — *тхеравады*. На этой девятой ступени посвящения, которой Хасан достиг незадолго до основания *хашишин*, сообщалось, что даже личное мистическое переживание искателя (его личная встреча с Абсолютом, или Пустотой, или Шаляй-Валяй, или

Богом, или Богиней, как бы это ни называли) должно быть подвергнуто самому безжалостному анализу и критике и что нет наставника выше *разума*. Короче говоря, исмаилитский адепт — это тот, кто достиг высшего мистического сознания, но даже его отказался превращать в идол; это абсолютный атеист-анархист, не подчиняющийся никакой власти, кроме собственного независимого ума.

«Такие люди опасны», — заметил однажды Цезарь, и для цезарей они действительно опасны; исмаилитов преследовали во всем мусульманском мире, были предприняты серьезные попытки истребить их полностью, когда имамом всего движения стал Хасан ибн Саббах.

По циничному мнению Хасана (и многие иллюминизированные существа вроде тибетских лам с ним были согласны), большинство людей не имеют ни стремления, ни способности к духовной и интеллектуальной независимости. Поэтому он реорганизовал орден исмаилитов так, чтобы люди мелкого ума всегда оставались на низших ступенях.

В этом ему помогали знаменитый «Сад Наслаждений» в его аламутском замке (прекрасная имитация Рая, описанного в Коране, с красивыми и усердными гуриями, обещанными Пророком правоверным) -и еще некое «магическое снадобье». Исмаилитов низшего ранга доставляли в Аламут, давали им это чудесное зелье и впускали на несколько часов в Сад Наслаждений. Они выходили оттуда убежденными, что действительно побывали в раю и что Хасан ибн Саббах — самый могущественный святой в мире. Затем их уверяли, что если они будут верно ему служить, послушно исполняя все приказы, пусть даже ценой собственной жизни, то после смерти вернутся в этот Рай.

Эти люди стали первыми «кротами» в истории международной политики. Если три главные противоборствующие религии того времени на Ближнем Востоке (христианство, иудаизм и ортодоксальный ислам) утверждали, что отречение от своей веры — это непростительный грех, то Хасан внушал, что Аллах простит такую маленькую невинную ложь, если она служит достойной цели. Таким образом, его агенты могли выдавать себя за христиан, иудеев или ортодоксальных мусульман и проникать в любой двор, орден или штаб. Поскольку в других религиях существовал вышеупомянутый запрет на такую ложь, к самим исмаилитам проникнуть не мог никто.

Об использовании агентов-"котов" в качестве ассасинов, или наемных убийц, много говорится в нашем романе. Любопытно мнение Вейсгаупта о том, что Хасан открыл «моральный эквивалент войны». Хасану ни разу не приходилось отправлять свою армию сражаться, а те войска, которые посылались против него, вскоре останавливались из-за внезапной смерти полководцев.

Одним из преемников Хасана был Синан, который перенес штабквартиру секты из Аламута в Мессиах и который, возможно, был автором того письма о Ричарде Львиное Сердце, которое вспоминает Джордж в Третьем Трипе. Синан, как утверждали его современники, совершал чудесные исцеления, общался с невидимыми существами, и никто никогда не видел, чтобы он ел, пил, мочился или испражнялся. Ему приписывали дар телепатии и способность убивать животных одним взглядом. Именно он (а не Хасан ибн Саббах, как утверждают многие авторы популярных книг) приказал двум низшим членам ордена совершить самоубийство, чтобы произвести впечатление на посетившего его посла и показать, насколько велика его власть над последователями. (Эти двое подчинились, прыгнув в пропасть со

стены замка.) Синан также предпринимал попытки вступить в альянс с рыцарями-тамплиерами, чтобы вытеснить из своего региона как ортодоксальных христиан, так и ортодоксальных мусульман, но, очевидно, эти попытки провалились.

Несмотря на мощную сеть шпионов и убийц, ассасины все же были разгромлены, когда весь Ближний Восток захватили орды монголов. Эти враги пришли из такого далека, что до них лазутчики просто никогда не добирались. Прошло несколько столетий, прежде чем орден ассасинов сумел оправиться от удара и превратиться в нынешнее мирное исмаилитское движение под руководством Ага-хана.

Когда Хасан ибн Саббах находился на пороге смерти, он якобы изрек афоризм, который принес ему мировую известность и несколько раз цитируется в романе: «Ничто не истинно. Все разрешено». Ортодоксальный мусульманский историк Аль-Джувайни — который, возможно, и придумал этот эпизод, — добавляет, что, едва с губ Хасана сорвались эти кощунственные слова, «его душа провалилась в адскую бездну».

С тех пор как Марко Поло поведал миру о Саде Наслаждений, западные комментаторы считали, что «магическим снадобьем» Хасана был чистый гашиш. Однако современная наука поставила это утверждение под сомнение, поскольку сейчас ясно, что гашиш и другие препараты конопли были хорошо известны на Ближнем Востоке за тысячи лет до рождения Хасана. Это растение найдено в тамошних позднеэолитических курганах, которые датируются примерно 5000 г. до н. э., о чем упоминает в романе Хагбард. Вряд ли изобретательный ибн Саббах опустился бы до того, чтобы выдавать этот наркотик за нечто новое и магическое.

Есть предположение, что Хасан, который, как известно, в юности много путешествовал, мог привезти с Востока опиум и смешивать его с гашишем. Доктор Джоэл Форт в книге *«Искатели наслаждений»* идет дальше и утверждает, что магическим зельем Хасана была смесь вина с опиумом без каких-либо конопляных компонентов. В книге *«Священный гриб и крест»* доктор Джон Аллегро доказывает, что и у Хасана, и у первых христиан райские видения в действительности возникали в результате употребления гриба *amanitamuscaria*, то есть мухомора, который в больших дозах ядовит, но в малых является психоделиком (или, по крайней мере, вызывает галлюцинации).

Высказываемая в нашей книге гипотеза, согласно которой «черный аламут» — это практически чистый гашиш, куда добавлено совсем немного белладонны и дурмана, — основана на:

1) веском этимологическом доводе: люди, называвшиеся *хашишинами*, должны были так или иначе быть связаны с гашишем;

2) неубедительности того, что вино, опиум, грибы или любая их комбинация может объяснить этимологическую и историческую ассоциацию Хасана с гашишем;

3) вышеуказанных причинах сомневаться в том, что это мог быть *только* гашиш;

4) способности дурмана и белладонны (в малых дозах) создавать чрезвычайно яркие зрительные образы, намного превосходящие те, которые возникают даже от самых лучших сортов гашиша;

5) том факте, что дурман и белладонна использовались в элевсинских мистериях и в современных Хасану европейских ведьмовских культах (см. Р. Мастере, *«Эрос и Зло»*).

Поскольку в этой книге мы не намерены смешивать факты с вымыслом, укажем, что эти аргументы убедительны, но не безупречны. Есть множество других альтернатив, таких, например, как гашиш-белладонна-мандрагора, гашиш-дурман-опиум, гашиш-опиум-белладонна, гашиш-опиум-буфотинин (Средневековые маги умели получать буфотинин. Они добывали его, как записал Шекспир, из «жабьей кожи»), и т. д., и т. д. С определенностью можно лишь сказать, что, по мнению Хагбарда Челине, правильная формула — это смесь гашиша с белладонной и дурманом (в соотношении 20:1:1), а мы верим Хагбарду — почти всегда.

Точная связь между ассасинами и европейскими иллюминатами остается невыясненной. Мы видели (но, к сожалению, не сохранили) публикацию Общества Джона Берча, в которой доказывалось, что альянс между *хашишин* и рыцарями-тамплиерами все-таки был заключен и с тех пор европейское масонство так или иначе испытывало на себе влияние *хашишин*. Более вероятной кажется теория Дараула: после того как *хашишин* превратились в нынешнюю мирную исмаилитскую секту, *рошани* (иллюминаты) скопировали их прежние тактики и в свою очередь стали образцом подражания для испанских *аллумбрадос* и, наконец, баварских иллюминатов.

Девять ступеней обучения у *хашишин*, тринадцать ступеней посвящения у иллюминатов Вейсгаупта, тридцать два градуса у масонов и т. п. — все это, разумеется, произвольные числа. У буддистов-тхеравадинов принята система из сорока медитаций, каждая из которых поднимает на определенную ступень развития. В некоторых направлениях индуизма признаются лишь две ступени: *дхьяна* (подчинение чувства "я") и *самадхи* (слияние с Целым). С равным успехом можно использовать пять или сто пять ступеней. Но во всех системах есть нечто общее: в тот или иной момент обучаемого пугают чуть ли не до смерти (Интересные сведения о традиционной системе мексиканских индейцев, в целом очень похожей на все вышеперечисленные системы, сообщил антрополог Карлос Кастанеда, обучавшийся у шамана из племени яки; он красочно описывает некоторые из пережитых им страхов в «Учении дон Хуана», «Отдельной реальности», «Путешествии в Икстлан» и «Сказках о силе». Дон Хуан применял пейот, дурман и магический гриб (вероятно, тот самый *psilocyblemexicana*, который принимал Тим Лири для своего первого трипа)).

Различие же между системами заключается в том, что одни из них стремятся *освободить* кандидата, а в других, вроде систем Саббаха и Вейсгаупта, высшие члены секты сознательно поддерживают неведение низшего большинства, чтобы можно было эксплуатировать его до бесконечности. Такая же игра иллюминизированного меньшинства, использующего в корыстных целях суеверное меньшинство, наблюдалась в Тибете, пока китайская коммунистическая оккупация не положила конец власти верховных лам. Благожелательный рассказ о тибетской системе, чуть ли не оправдывающий ее, можно найти в книге Александры Дэвид-Нил «Тайные учения тибетского буддизма»; а недоброжелательный рассказ мистика-скептика — в «Исповеди Ллистера Кроули».

По поводу «черного аламута» скажем еще вот что: он не предназначен для новичков. Например, в первый раз, когда его попробовал Саймон Мун — а было это в самом начале 1968 года, — ему понадобилось воспользоваться уборной в кинотеатре «Биограф» (куда, находясь под его воздействием, он отправился смотреть «Желтую подводную лодку»). Освободив кишечник, он потянулся за туалетной бумагой и с ужасом увидел штамп в начале

бумажного рулона:

ОФИЦИАЛЬНЫЕ
БАВАРСКИЕ ИЛЛЮМИНАТЫ
EWIGE BLUMENKRAFT!

Конечно, под марихуаной или гашишем тебя иногда глючит, но это не настоящие галлюцинации. Глюки проходят, если в них всмотреться. Но, как Саймон ни таращился на туалетную бумагу, на ней все равно оставался штамп:

ОФИЦИАЛЬНЫЕ
БАВАРСКИЕ ИЛЛЮМИНАТЫ
EWIGE BLUMENKRAFT!

Саймон вернулся в зал совершенно потрясенный. Впоследствии он еще долго размышлял, была ли у иллюминатов некая зловещая причина внедриться в туалетно-бумажную промышленность или же все это было настоящей галлюцинацией и первым сигналом, как он для себя сформулировал, о том, что «эта чертова дурь срывает мне на фиг крышу». Он так и не разгадал эту загадку, а потом и вовсе перестал об этом думать.

Что касается Хасана ибн Саббаха Икса и культа Черной Матери, то авторам удалось узнать о них очень мало. Поскольку очевидно, что они *каким-то образом* связаны с ассасинами и культом богини разрушения Кали, можно отнести их к иллюминатской, или *Валяйской*, стороне Священного Хао. Поскольку же они больше похожи на бизнесменов, чем на фанатиков, а Кали — это, в принципе, та же Эрида, можно числить их и на дискордианской, или *Шалайской*, стороне. Окруженные этой мрачной тайной, они идут своей темной дорожкой, приторговывая *белым* и проповедуя весьма странные доктрины о белых. Возможно, они намерены предать всех, сбежав с деньгами в подходящий момент, — а может быть, они-то и есть единственные убежденные революционеры. Когда мы попытались выяснить суть убеждений Хасана ибн Саббаха Икса, он сказал только: «Я кому угодно зад надеру и от всего тащусь». Вот и вся философия. Он действительно тот еще жеребец, так что мы не стали к нему больше приставать.

Приложение Цади 23 сваливай

Лингвистам и этимологам пришлось немало постараться, чтобы хоть как-то объяснить смысл этого выражения. Английское *skidoo* (сваливать) было выведено из более древнего слова *skedaddle* (улепетывать, драпать), а то, в свою очередь, — из греческого *skedannumi* (поспешно исчезать). Число 23, разумеется, заставило этих умников напрячься еще больше, поскольку они не знакомы с тайными учениями Магии. Один теоретик, заметив, что Сидни Картон из «*Повести о двух городах*» Диккенса был двадцать третьим человеком, которого гильотинировали в финальной сцене (Литературное толкование, которое из-за пристрастия к модернизму упустил Саймон Мун), высказал предположение, что те театралы, которые стремились выйти из зала, пока не началась давка в дверях, считали количество казней и, насчитав 23, *сваливали*. Другой не менее выдающийся ученый предполагает,

что это выражение имеет какое-то отношение к людям, которые раньше околачивались у старого Флатирон-билдинга на Двадцать третьей улице Нью-Йорка — все знают, что там очень ветреный угол, — чтобы понаблюдать за взлетающими на ветру дамскими юбками. При приближении копа они сваливали. Третьи неуверенно мямлят, что первоначально у телеграфистов сигнал «23» означал «конец передачи», «освободи линию» или, если грубо, «заткнись», но никто не знает, почему такое значение телеграфисты приписали именно числу 23.

Подлинное происхождение этой фразы остается тщательно охраняемой тайной Древних Жрецов Единого Мумму, знать которую Саймону «не по рангу». Однако Диллинджер достиг нужного ранга и вполне уместно употребляет слова «23 сваливай» в сцене банковского ограбления в Третьем трипе. А в свое время они были напечатаны «Братом Пердуробо» (Алистером Кроули) в «Книге лжей» (1915). В этой любопытной книжке глава 23 представляет собой заклинание:

КЕФАЛИ КГ (23)

Сваливай

Какой человек спокоен в своих внутренних покоях?
 Выйди вон.
 Огромен мир и холоден.
 Выйди вон.
 Ты допущен во внутренний круг.
 Выйди вон.
 Но нельзя выйти вон тем же путем, каким вошел вовнутрь.
 Путь вон — это ПУТЬ.
 Выйди вон.
 Ибо ВОН — это Любовь, и Мудрость, и Сила.
 Выйди ВОН.
 Если у тебя уже есть Н, сначала получи ОН.
 Затем добудь В.
 И тогда наконец выйди ВОН.

Фишну Чипсу, как и всем остальным персонажам, дали возможность внимательно прочитать рукопись этой книги до публикации и исправить ошибки, которые могли вкратиться в текст. По поводу данного Приложения он высказался так: «По-моему, ребята, вы меня снова разыгрываете. Я подозреваю, что Кроули написал эту штуку в 1915 году, чтобы посмеяться над читателями, а вы нашли ее и вставили в вашу историю упоминание о магической формуле, которой якобы пользовался Диллинджер, специально для того, чтобы потом состряпать это приложение и „объяснить“ его». Такой мелочный скептицизм можно сравнить с точкой зрения библейских фундаменталистов, которые утверждают, что Иегова создал Вселенную за шесть дней в 4004 г. до н. э. и тогда же специально приготовил ископаемые окаменелости и другие ложные указания на то, что Вселенная якобы намного старше. С таким же успехом можно утверждать, что Космос появился из Пустоты секунду назад вместе с нами и нашими ложными воспоминаниями о том, что мы якобы находимся здесь уже давно.

Приложение Вау

Льненьги и конопленьги

Первые *льненьги* («льняные деньги») ввел в дискордианских группах в 1968 году этот загадочный Малаклипс Младший, Хранитель Священного Хао. *Конопленьги* появились год спустя и были выпущены доктором Мордехаем Малигнатусом, Хранителем Нотари Соджака. (В романе — и это один из тех редких случаев, когда мы позволили себе вольно обойтись с исторической правдой, — мы отодвинули создание этих денежных систем в прошлое и приписали выпуск *коноплениг* еще Древним Жрецам Единого Мумму.)

Идея, стоявшая за эмиссией *льнениг*, конечно же, стара как мир: частные деньги существовали задолго до государственных. Первым революционным (или реформистским) применением этой идеи для сдерживания ростовщичества с его высокими процентами стали «благочестивые банки», созданные Доминиканским орденом католической церкви в конце средневековья. Доминиканцы, обнаружившие, что проповеди против ростовщичества никак не влияют на деятельность ростовщиков, основали собственные банки и начали выдавать беспроцентные ссуды; такая «этическая конкуренция» (как позднее назвал это Джосая Уоррен) вытеснила коммерческие банки с тех территорий, где банковской деятельностью занимались доминиканцы. Такие же частные деньги ссужались под низкие проценты (но не беспроцентно) шотландскими банками, пока британское правительство, действуя от имени монополии Банка Англии, не остановило это проявление свободного предпринимательства. Такая же идея была успешно опробована в американских колониях до Революции, и опять этой практике положило конец британское правительство; кстати, некоторые еретически настроенные историки считают истинной причиной Американской Революции именно это, а не налоги, о которых пишется в большинстве учебников.

В XIX веке многие анархисты и индивидуалисты пытались выпускать низкопроцентные или беспроцентные частные валюты. Воспоминания о таких попытках, написанные их основателями, содержатся в книгах полковника Уильяма Грина «*Взаимосберегательный банк*» и Джосаи Уоррена «*Истинная цивилизация*». Анархист Лайсандер Спунер, который к тому же был специалистом по конституционному праву, обстоятельно доказывал, что Конгресс не имел никакого права запрещать обращение таких частных денег (см. его книгу «*Наши финансисты: их невежество, узурпации и обманы*»). Общий обзор таких попыток свободного предпринимательства, вскоре задавленного капиталистическим государством, приводится Джеймсом М. Мартином в его книге «*Люди против государства*» и Рудольфом Рокером в «*Пионерах американской свободы*» (название ироническое, поскольку его пионеры проиграли все свои главные сражения). Лоренс Лабади из Сафферна, штат Нью-Йорк, собрал (хотя еще и не опубликовал) сведения о тысяче таких экспериментов; один из авторов данного романа, Роберт Антон Уилсон, в 1962 году откопал сведения о том, что во время Великой Депрессии 1930-х в Йеллоу-Спрингсе, штат Огайо, происходила частная и беспроцентная эмиссия денег. (На эту крайнюю меру пошли местные бизнесмены, которые плохо понимали значение основного принципа беспроцентной ссуды и отказались от нее сразу же после снятия ограничений денежного кредита, когда Рузвельт начал наводнять страну банкнотами Федерального резервного банка.)

Либеральные историки по традиции насмехаются над такими проектами,

называя их «курьезными деньгами». Они ни разу не объяснили, в чем серьезность денег правительственных. (Например, реальная стоимость тех денег, которые находятся в обращении на территории США сейчас реально составляет 47 % от их «декларированной» номинальной стоимости.) Если вдуматься, деньги вообще штука забавная, но никакие частные деньги, конкурирующие на свободном рынке, никогда не будут такими же комическими (и трагическими), как нынешние банкноты с магической печатью Дядюшки Сэма, которые обеспечены только его обещанием (или угрозой), что, несмотря ни на что, он, с божьей помощью, компенсирует их и заплатит по ним проценты за счет налогообложения бесконечных поколений наших потомков. Так называемый Национальный Долг — это, естественно, не что иное, как наш долг банкирам, которые «ссудили» эти деньги Дядюшке под проценты после того, как он милостиво предоставил им кредит, позволивший им взять этот заем. *Конопляным деньгам*, и даже *кислотным* или *пейотным*, никогда не стать такими же клоунскими, как эта денежная система, которую могли выдумать только иллюминаты (если они действительно существуют). У этой системы есть только одно преимущество: с каждым годом она делает банкиров все богаче. Больше никому — от капиталиста-промышленника до шахтера — она не приносит прибыли, и все платят налоги, которые превращаются в уплату процентов, которая делает банкиров все богаче. Если бы иллюминаты не существовали, их надо было бы придумать — иначе чем может объясняться существование такой системы? Хотя находятся отдельные циники, которые винят во всем безграничную человеческую глупость.

Идея, заложенная в *конопленьгах*, более радикальна, чем идея частнопредпринимательской валюты как таковой. *Конопленьги*, которые фигурируют в романе, уменьшаются в стоимости; таким образом, это не просто *беспроцентные*, но *отрицательно-процентные* деньги. Ссудодатель в буквальном смысле платит получателю ссуды, чтобы тот на время изъяс у него деньги. Это придумано немецким торгово-промышленным экономистом Сильвио Гезелем и описано в его книге «*Естественный экономический порядок*», а также в «*Деньгах-марках*» Ирвинга Фишера.

Закон Томаса Грэшема, подобно большинству «законов», которые преподаются в государственных средних школах, не совсем справедлив (по крайней мере, в том виде, в каком его обычно преподносят). «*Плохие деньги вытесняют хорошие*» только в *авторитарных обществах*, но никак не в *либертарных*. (Грэшем был достаточно трезвомыслящим, чтобы отчетливо заявить, что он описывает только авторитарные общества; в его формулировке «Закон» начинается словами «Если король пускает в обращение два вида денег...», а это подразумевает, что для выполнения «Закона» должно существовать Государство.) В *либертарном обществе хорошие деньги вытесняют плохие*. Такое утопическое утверждение, к которому любой здравомыслящий читатель отнесется крайне скептически, можно найти в книге Хьюго Билгрима и Эдварда Леви «*Причина экономических кризисов*» со строгим логическим доказательством, основанным на аксиомах экономики.